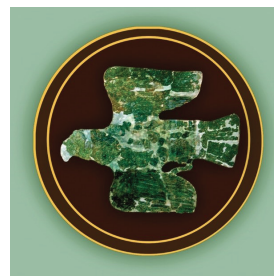
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д. И. ГУЛИА
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ АБХАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ АРХЕОЛОГА-КАВКАЗОВЕДА
МИХАИЛА МАМЕТОВИЧА ТРАПША

Москва
2022

УДК 902/904 (902.01)
ББК 63.3(0)32+63.3(0)4+63.3(2)2+63.4(2)
П27

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
А. Ю. Скаков, к.и.н., ФГБУН ИВ РАН

Редакционная коллегия:
к.ф.н. *А. Э. Ашуба*, д.и.н. академик АНА *О. Х. Бгажба*,
к.и.н. *А. И. Джопуа* (гл. ред.), к.и.н. *В. А. Нюшков*,
н.с. АбИГИ *Г. А. Сангулия* (ответственный секретарь),
И. В. Скакова (редактор)

Рецензенты:
к.и.н. *И. И. Цвинария*, к.и.н. *А. Н. Габелия*

Периодизация и типология археологических памятников древней
П27 и средневековой Абхазии и сопредельных регионов : материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося абхазского археолога-кавказоведа М. М. Трапша, Сухум [7–11 ноября 2017 г.] : сб. ст. / Ин-т востоковедения Рос. акад. наук ; [отв. ред. А.Ю. Скаков]. — Москва — Сухум, 2022. — 416 с., илл.

ISBN 978-5-907543-51-5

В настоящем сборнике статей публикуются материалы V Международной абхазской археологической конференции «Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных регионов», посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося абхазского археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. Тематика докладов отражает широкий круг археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего Средневековья, а также проблемы сохранения историко-культурного наследия. Сборник рассчитан на археологов, историков, студентов и широкий круг читателей, интересующихся археологией и историей Абхазии и Кавказа в целом.

УДК 902/904 (902.01)
ББК 63.3(0)32+63.3(0)4+63.3(2)2+63.4(2)

© ФГБУН ИВ РАН, 2022
© АбИГИ им. Д. И. Гулиа, 2022
© Авторы статей, 2022

ISBN 978-5-907543-51-5

Михаил Маметович Трапш

(1917–1968)

Содержание

М. М. Трапш: ученый, археолог

И. И. Цвинария, А. И. Джопуа. Памяти М. М. Трапша 12

О. Х. Бгажба. М. М. Трапш и древности Цебельды (Цабала) 20

А. И. Джопуа, В. А. Нюшков. М. М. Трапш и его вклад в изучение археологических памятников северо-западной Абхазии 25

Г. А. Сангулия. Клады бронзолитейного производства в системе периодизации и типологии памятников Абхазии М. М. Трапша 33

Н. А. Трапш. Исторические исследования М. М. Трапша в методологическом измерении: опыт комплексной интерпретации 43

Каменный век и эпоха бронзы

С. А. Кулаков, А. И. Джопуа, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко. Новые биостратиграфические данные по пещерной стоянке Мачагуа (Гудоутский район Абхазии) 48

А. Ю. Скаков. Изучение археологии Кавказа в Отделе бронзового века Института археологии РАН / АН СССР 55

А. Л. Будайчиев. Типология керамики поселения эпохи ранней бронзы Сугют (Южный Дагестан) 67

Г. Н. Поплевко. Техника выколотки в изготовлении круглодонной керамики 72

Г. Д. Атаев. Поселения горно-долинного типа Дагестана эпохи средней бронзы 80

В. А. Ларенок, П. А. Ларенок, О. П. Ларенок. Элитарное женское погребение переходного времени от средней к поздней бронзе из могильника «Бургуста-1» Красносулинского района Ростовской области 85

М. И. Кудин, К. А. Глазов. Особенности пространственной ориентации дольменов Большого Сочи 92

А. Д. Резепкин, М. А. Кулькова. Микроморфологические исследования керамики из поселений майкопской культуры 98

М. И. Кудин. Типология дольменов с ложным входом 106

В. Р. Эрлих. Погребение финала поздней бронзы с частичной кремацией на Северо-Западном Кавказе 113

В. Р. Эрлих, Г. Л. Годизов. Археологический комплекс Шушук в предгорьях Западного Кавказа. Новые данные..... 118

Г. Н. Вольная. Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры..... 124

Ранний железный век, античность

А. Б. Белинский, А. Р. Канторович, В. Е. Маслов, С. Райнхольд. Раскопки горного могильника Уллу 132

А. В. Иванов. Некрополь «Вышка-1»: новые сведения о населении Северо-Западного Кавказа V в. до н.э. (предварительное сообщение)..... 147

А. Н. Габелия. Амфоры из Сухумской крепости..... 151

А. Ю. Скаков. К истории изучения эшерской надписи..... 158

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Типология и хронология меотских мечей из Прикубанского могильника 165

З. Г. Хондзия. Раннеантичный могильник в поселке Тасракуа..... 170

А. Н. Коваленко. Проблемы типологии и периодизации поселений скифского времени на территории устьевой области р. Дон 175

А. А. Горбенко, *В. М. Косяненко.* Новые открытия на территории крепостного городища (г. Азов) 181

А. Р. Канторович, В. Е. Маслов. Раскопки скифского курганного могильника Новозаведенное-III на Ставрополье в 2017 г. 187

А. В. Копылов, В. П. Копылов, Н. В. Андрианова. Некоторые итоги новых исследований Елизаветовского городища и его курганного некрополя 195

А. В. Безруков, В. В. Улитин. Категории античной керамики в Прикубанье и в междуречье Волги и Урала: проблемы изучения ее функционального использования и роли в культуре варваров 202

С. И. Лукьяшко. Скифский портрет 209

Д. А. Топал. Между Кавказом и Балканами. Генезис скифского клинкового оружия в Трансильвании и Южных Карпатах 216

М. Ю. Русаков, А. А. Русакова (Марченко). Хронология и типология костяных застежек раннескифского времени степной зоны Северного Причерноморья 222

О. И. Шафранова. Женские украшения из Куланырхвского некрополя в семиотической интерпретации 228

Ф. М. Кобахия. Ритуальный сосуд в традиционной религии абхазов 235

А. С. Кизилов, К. А. Глазов, М. И. Кудин. Античная строительная и тарная керамика крепости Сочи и ее 3-D реконструкция 238

Средневековье. Охрана памятников

Архимандрит Дорофей (Дбар). Греческая надпись пицундского собора 246

А. Ю. Скаков. Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар 265

А. А. Туаллагов. О новой находке из Абхазии 275

Д. Э. Василиненко. Строительная керамика церкви у родника Крион Нерон (Адлерский район г. Сочи): некоторые аспекты типологии и хронологии 280

А. В. Пьянков. Вторая группа средневековых
погребений могильника Бжид-1 284

Р. Б. Схатум. Средневековое кремационное воинское погребение
с территории г. Геленджика 291

О. В. Шаров. В поисках германцев: Чатыр-Даг и Цебельда 296

Д. Э. Василиненко, Д. С. Кравченко. К вопросу о возможности
программного моделирования зрительных взаимосвязей памятников
района Псеашхинского перевального пути..... 301

А. А. Егорейченко. О происхождении антских
двуспиральных подвесок 307

М. Ю. Меньшиков. Святилища и сакральные места
в окрестностях пос. Красная поляна Адлерского района.
По результатам археологических исследований 2010–2011 гг. 311

А. С. Кизилов. Неучтенные средневековые археологические памятники
центральной части Сочи периода расцвета Абхазского царства 316

Е. Ю. Ендольцева, Г. А. Сангулия. Об одном рельефе из хранилища
бывшего Государственного управления охраны историко-культурного
наследия Республики Абхазия: проблемы датировки и типологии 321

З. В. Доде. К проблеме культурно-хронологической атрибуции
скальных могильников Северного Кавказа..... 329

Д. Н. Марков. Оборонительные укрепления на перевальном пути
из Красной поляны в Абхазию 337

Г. А. Сангулия, Т. М. Кармов. Типология и периодизация
раннесредневековых памятников с. Хашпса Гагрского района..... 343

Г. В. Требелева, И. И. Цвинария, С. М. Сакания,
З. Г. Хондзия, Г. Ю. Юрков, Т. Ю. Шведчикова.
Исследования на некрополе Маркульского храма (2015–2017 гг.) 349

С. М. Сакания. Две церкви одной формы
(из истории архитектуры Абхазии)..... 354

А. В. Аргун. О сложении Абхазского царства и престолонаследии
на раннем этапе его истории..... 359

Р. Х. Гаглойти. Сармато-аланы и Центральный Кавказ 372

А. Р. Бозиев. История исследования аланской культуры
на Северном Кавказе 382

М. Е. Колесникова, Л. П. Ермоленко. Развитие краеведческой
археологии на Северном Кавказе в 1920-х гг. 387

Т. А. Ачугба. «Научные директивы» И. В. Сталина
об этнической структуре древнего Кавказа
и Малой Азии в контексте политических интересов
советской Грузии 393

И. А. Джопуа. Религиозно–познавательный туризм
как фактор сохранения объектов историко-культурного наследия 405

Contents 410

Список сокращений

АбИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы, истории. Сухуми/Сухум.

АНИИ — Адыгейский научно-исследовательский институт. Майкоп.

АО — Археологические открытия. М.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.

ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ИАНО — Известия Абхазского научного общества. Сухум.

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии (Российской академии наук). М.

ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва, Магнитогорск, Новосибирск.

РА — Российская археология. М.

РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.

РАН — Российская академия наук.

СА — Советская археология. М.

САИ — Свод археологических источников.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. М.

ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт. Цхинвал/Цхинвали.

М. М. ТРАПШ:
УЧЕНЫЙ, АРХЕОЛОГ

И. И. Цвинария[1], А. И. Джопуа[2]

[1, 2]Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия
[2] Абхазский государственный музей, Сухум, Абхазия

Памяти М. М. Трапша

Для цитирования: *Цвинария И. И., Джопуа А. И.* Памяти М. М. Трапша // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 12–19.

Igor' I. Tsvinaria[1], Arkadiy I. Dzhopua[2]

[1, 2]Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia
[2] Abkhaz State Museum, Sukhum, Abkhazia

In memory of M.M. Trapsh

For citation: Tsvinaria I.I., Dzhopua A.I., 2022. Pamyati M.M. Trapsha [In memory of M.M. Trapsh]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 12–19.

В октябре 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося абхазского ученого-археолога Михаила Маметовича Трапша.

Он родился в октябре 1917 г. в поселке Абгаюара села Куланырхуа Гудаутского района в семье образованного, уважаемого в обществе служителя Корана Мамета Трапша, выпускника Батумской мусульманской школы.

В семье, где подрастало шестеро детей, Джыр (так прозвали Михаила), заметно выделялся своими способностями, что побудило его отца опре-

© Цвинария И. И., Джопуа А. И., 2022.

делить ребенка в Гудаутскую школу. Окончив семь классов, Михаил поступил в открывшийся в то время Гудаутский сельскохозяйственный техникум, а в 1935 г. — на исторический факультет Сухумского государственного педагогического института, который успешно окончил в 1939 г. Руководство Абхазского научно-исследовательского института, обратив внимание на талантливого молодого человека, направило М. Трапша в аспирантуру в г. Тбилиси. Его научным наставником стал известный историк Симон Джанашия, который проявил интерес к молодому выходцу из Абхазии. По рекомендации академика С. Джанашиа Михаил Трапш был принят в аспирантуру по специальности археология. Однако еще до ее завершения началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. И, как все его ровесники, оставив аспирантуру, М. М. Трапш ушел на фронт. Он принимал участие во многих боевых операциях: защищал Москву, участвовал в боях за Ленинград, где получил тяжелое ранение и был госпитализирован. После выздоровления он вернулся на фронт и принимал участие в Волховской операции. В это же время, в 1942 г., боец был принят в ряды Коммунистической партии. После этого М. М. Трапш некоторое время работал преподавателем в военно-политическом училище. За полтора года до окончания войны он был назначен командиром снайперской роты. Партия и правительство наградили Михаила Трапша за его боевые заслуги многими медалями и орденами.

После окончания войны в 1945 г. М. М. Трапш вернулся домой и продолжил учебу в аспирантуре, которую успешно завершил в 1949 г. Его научным руководителем был профессор Г. К. Ниорадзе. За годы аспирантуры М. Трапш получил серьезную археологическую практику, принимал активное участие в многочисленных археологических экспедициях, в частности в Мцхетской (рук. проф. А. М. Апакидзе), Таманской (рук. проф. В. Д. Блаватский), Кармирблурской (рук. акад. Б. Б. Пиотровский) и др.

Получив отличную профессиональную подготовку, М. М. Трапш начал проводить самостоятельные полевые научно-исследовательские работы, причем его первый раскоп был заложен в селе Куланырхуа (тогда — с. Куланурхва). Объект для исследования был выбран не случайно — жители села на этом месте многократно извлекали из земли древние предметы: топоры, копья, кинжалы, украшения... В свое время сюда приезжал известный ученый Алексей Лукич Лукин, посвятивший

ряд трудов археологии Бзыбской Абхазии. В поселке Абгаюара села Куланырхуа М. М. Трапш и произвел археологические раскопки в 1948, 1951 и 1952 гг. Коллекция находок из этих раскопок М. М. Трапша сегодня украшает экспозицию Абхазского Государственного музея.

В могильнике в селе Куланырхуа М. М. Трапш открыл 12 погребений, материалы которых позволили ему сделать важные и научно обоснованные выводы, касающиеся определения возраста памятника и этнической принадлежности его носителей. Уникальность Куланырхуского могильника заключается в том, что здесь впервые было зафиксировано сосуществование двух культур: местной колхидской и пришлой скифской. В данном случае преобладающее большинство погребений принадлежало к местной колхидской культуре. Рядом с Куланырхуским могильником М. Трапш открыл древнее поселение, которому принадлежал этот некрополь. В 1951 г. М. М. Трапш успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древний могильник села Куланурхва», и эта работа вышла отдельной книгой в 1962 г.

В области изучения древностей Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа заслуга М. М. Трапша велика в том, что, анализируя богатый археологический материал, распространенный по всей Абхазской АССР, он пришел к верному заключению: одним из главных очагов возникновения и развития колхидской культуры является территория Абхазии. Впоследствии этот тезис был признан широким кругом ученых-кавказоведов, таких как Б. Б. Пиотровский, Е. И. Крупнов, А. А. Иессен, О. М. Джапаридзе, Ю. Н. Воронов, Г. К. Шамба и др.

Широкий размах археологические исследования М. М. Трапша приобрели после начала его профессиональной деятельности как научного сотрудника Абхазского научно-исследовательского института в начале 1950-х годов М. Трапш постоянно интересовала древняя история столицы Абхазии — г. Сухуми. В его голове звучали слова, сказанные абхазским народным поэтом Д. И. Гулиа: «Пока в Сухуме не прозвучит звон лопаты археолога, написать историю этого города невозможно». М. М. Трапш прекрасно понимал, что известный на то время материал не позволяет приступить к написанию полноценной древней истории Сухума. Необходимо было проводить широкомасштабные археологические работы.

Попытки исследователей разобраться в истории древнего Сухума не приводили к успеху до тех пор, пока в начале 50-х гг. прошлого столетия

в связи с реконструкционными работами не начались планомерные широкомасштабные археологические исследования, в которых активное участие принимал М. М. Трапш. По мере расширения масштабов исследования все больше и больше пополнялась археологическая коллекция. Основная ответственность и нагрузка в научных исследованиях была возложена на плечи М. М. Трапша как единственного в то время археолога-абхаза.

Работы были начаты на Сухумской горе, где впервые в Абхазии удалось обнаружить бронзолитейные мастерские эпохи поздней бронзы. Это стало основательным аргументом, свидетельствовавшим о том, что район современного Сухума в эпоху поздней бронзы был одним из главных центров металлургии для всей древней Колхиды. На Сухумской горе были найдены бронзовые тесла, стамески, топоры, сечки, слитки, большое количество различных керамических форм.

В 1952 г. раскопки проводились и на соседнем холме «Гуад-иху», расположенном к северу от Сухумской горы, где был открыт могильник эпохи раннего железа.

Значительным вкладом в изучение истории древнего Сухума стали широкомасштабные раскопки, проведенные под руководством М. М. Трапша в районе поселка Красный Маяк. Здесь были открыты поселение и могильник эпохи колхидской культуры и античности. Богатый материал, обнаруженный на Красном Маяке, еще раз показал, что здесь шла активная догородская жизнь достаточно многочисленного местного населения, и на этой основе в дальнейшем возник древний Сухум. Однако надо было определить само местоположение древнего города, носившего древнегреческое и римское названия Диоскурия и Себастополис, локализация которого до этого времени оставалась спорной. Вот почему М. М. Трапш и взялся за широкомасштабные исследования Сухумской крепости, расположенной в центре нашей столицы на берегу моря.

Главным поводом для начала раскопок на Сухумской крепости стала находка надгробной стелы V в. до н. э. из белого мрамора, извлеченной в 1953 г. со дна бухты у впадения реки Басла в море. В 1958–1959 гг. раскопки начались на территории приморского бульвара в Сухумской крепости. В этой экспедиции принимали участие сухумские студенты Владимир Орелкин, Шалодя Шадания, Таня Гыцба, Юрий Цвинария. В раскопках были обнаружены многочисленные артефакты эпохи античности как местного, так и импортного производства, остатки

строительных сооружений римского времени, римские монеты, а также обломок черепицы с надписью. Надпись, согласно дешифровке профессора Г. Ф. Турчанинова, сделанная на древнеабхазском языке, говорит о древнеколхидском царе Соулахе из Лыхны и абхазском названии города Сухум — Акуа[1].

И наконец, под руководством М. М. Трапша проводились раскопки напротив Сухумского железнодорожного вокзала, на участке Одынец, где были обнаружены остатки оборонительной башни. Из культурного слоя башни были извлечены предметы домашнего быта: тарелки, кувшины и светильник с надписью, упоминающей о Гермесе и Меркурии.

Об итогах археологических исследований М. М. Трапша в столице Абхазии впоследствии было рассказано в отдельной книге (томе его трудов) «Древний Сухуми», вышедшей в 1969 г.

Главной задачей научной деятельности М. М. Трапша был сбор материалов для написания всеобъемлющей истории древней Абхазии. Вот почему одним из основных объектов его исследований стала восточная часть Абхазии, в частности район Кодорского ущелья, т.е. территория вдоль трассы Военно-Сухумской дороги. Здесь издревле скрещивались торгово-экономические пути, во многом определившие расцвет культуры местного населения — апсилов, предков современных абжуйцев — главной крепостью которых являлась Цебельдинская цитадель в селе Цабал. В древних письменных источниках название села Цабал остается почти неизменным — Цибила, Цибилиум. В источниках, начиная с византийского историка Прокопия Кесарийского, четко продемонстрировано, что аборигенами Цебельды были апсилы — одно из древнеабхазских племен. Поэтому М. М. Трапш в 1959 г. приступил к широкомасштабным археологическим исследованиям в селе Цабал и его окрестностях.

Фактически работы под руководством М. М. Трапша начались в 1960 г. в поселке Мрамба. Археологические памятники Цабала расположены недалеко друг от друга. Перед экспедицией стояли задачи определить границы распространения памятников, их характер и историческое место, уточнить их возраст и выяснить ряд других вопросов. В исследовательских работах М. М. Трапша активное участие принимали

[1] В очередной раз не могу не отметить, что попытки дешифровки этой и ряда других надписей, предпринятые Г. Ф. Турчаниновым, не признаны подавляющим большинством специалистов в России и за рубежом *(от ответственного редактора)*.

М. М. Гунба, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов, В. А. Орелкин, О. Х. Бгажба, В. Б. Деопик-Ковалевская. За три полевых сезона археологических исследований здесь были открыты пять древних могильников: Ахьацараху, Абгыдзраху, Ахаччарху, Ауахуамаху, Алраху. Тогда были впервые исследованы Цебельдинские (Цабалские) могильники, относящиеся к эпохам поздней античности и раннего Средневековья. В результате анализа материалов, полученных в ходе работ в данном регионе, М. М. Трапшу удалось доказать, что исследованные им могильники принадлежали местным племенам, а именно — апсилам. В соответствии с географическим принципом обнаруженная культура ее первооткрывателем была названа «Цебельдинской», и это название закрепилось за ней вплоть до настоящего времени.

Михаила Маметовича Трапша на протяжении всей его научной деятельности волновали вопросы истории абхазов и Абхазии. Все его научные концепции основаны на объективной исторической реальности. Он был безусловным противником фальсификации исторических фактов. Для М. М. Трапша археология представляла собой главный инструмент, с помощью которого ученые-историки открывают вещественные источники, отражающие реальные исторические процессы и события, происходившие в глубине тысячелетий.

Одной из важнейших и актуальных задач М. М. Трапш считал изучение археологии средневековой Абхазии, исследуя которую можно разгадать многие тайны, связанные с историей абхазской государственности. Сообщения письменных источников определили его выбор объектов для дальнейших исследований. М. М. Трапш обратился к памятникам эпохи раннего Средневековья.

В качестве важнейшего объекта была выбрана Анакопийская цитадель, о которой свидетельствуют раннесредневековые и более поздние письменные источники, сообщающие об ее важнейшей роли в истории не только Абхазии, но и всего Кавказа. Источники подробно рассказывают о событиях, происходивших в Анакопийской цитадели и вокруг нее, о мощности ее оборонительной системы, о древнеабхазских племенах — абазгах, — чьей главной крепостью и столицей была Анакопия.

Начавшиеся в 1957 г. широкомасштабные археологические исследования древней Анакопии под руководством М. М. Трапша привлекли многих ученых и специалистов, принимавших непосредственное участие в экспедиции. Среди них Ш. Д. Инал-ипа, Л. Н. Соловьев,

О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Леквинадзе, Л. А. Шервашидзе, В. П. Пачулиа, В. А. Орелкин, В. В. Бжания. Экспедиция выявила ценнейшие материалы, поспособствовавшие раскрытию многих тайн в истории Анакопийской цитадели.

Кстати говоря, при работах на Анакопийской крепости М. М. Трапшем были обнаружены остатки неолитического поселения, послужившие признаками наличия у южного склона Анакопийской горы памятника древнейшей раннеземледельческой культуры. Этот памятник, а именно Апсарское поселение, раскапывался нами в конце 90-х годов прошлого и в начале текущего века.

Объектами дальнейших исследований М. М. Трапша становятся крепость Баграта, Цандрыпшский архитектурный комплекс, Хашупсинская и Бзыбская крепости, крепость Хасанта-абаа, Бамборское погребение эпохи раннего железа, клад бронзовых топоров из Гала и многие другие.

Трудно оценить вклад М. М. Трапша в археологию Абхазии. Его научные достижения говорят о том, что он был неутомимым, талантливым ученым. Параллельно с научной деятельностью он вел педагогическую работу. С 1955 г. до последних лет жизни М. М. Трапш читал лекции по археологии студентам в Сухумском государственном педагогическом институте. Немало людей, занимающихся сегодня наукой, являлись их слушателями. По инициативе и под редакцией М. М. Трапша начал выходить сборник «Материалы по археологии Абхазии». Более десяти лет он являлся членом Археологической комиссии АН Грузии. М. М. Трапш был соавтором книги «Очерки по истории Абхазии», вышедшей в 1960 г. За большие заслуги в области исторической науки М. М. Трапш в 1967 г. был удостоен звания Заслуженного работника науки Абхазской АССР.

В 1968 г., на 51-м году жизни, М. М. Трапш скончался. За время своей кратковременной научной деятельности ученый опубликовал многочисленные работы в таких академических изданиях, как «Советская археология», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК), «Вестник древней истории», «Византийский временник», «Археологические открытия» и др. Бесценное научное наследие М. М. Трапша было опубликовано в четырех томах «Трудов», ответственным редактором трех из них являлся известный археолог, профессор Альфред Хасанович Халиков.

Хотя в истории становления археологии Абхазии первоисследователями остаются такие личности, как В. И. Сизов, А. А. Миллер, П. С. Уварова, А. С. Башкиров, С. Н. Замятнин, М. З. Паничкина, Л. Н. Соловьев, М. М. Иващенко, А. Л. Лукин и другие, тем не менее, заслуги М. М. Трапша в создании и развитии археологической науки нашей республики являются основополагающими.

О. Х. Бгажба
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

М. М. Трапш и древности Цебельды (Цабала)

Для цитирования: *Бгажба О. Х.* М. М. Трапш и древности Цебельды (Цабала) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 20–24.

Oleg Kh. Bgazhba
Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

M.M. Trapsh and antiquities of Tsebelda (Tsabal)

For citation: Bgazhba, O.Kh., 2022. M.M. Trapsh i drevnosti Tsebel'dy (Tsabala) [M.M. Trapsh and antiquities of Tsebelda (Tsabal)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 20–24.

Михаил Маметович Трапш — первый профессиональный археолог среди абхазов — внес неоценимый вклад в исследование материальной культуры и истории древней и средневековой Абхазии. Эту тему подробно осветил в своем докладе И. И. Цвинария. Значительное место в изысканиях этого неординарного ученого-кавказоведа отводилось древностям Цебельды (Цабала), в первую очередь первоклассным памятникам апсилов (могильники, поселения, городища, крепости), расположенным в юго-западной части Цебельдинской долины.

© Бгажба О. Х., 2022.

Неподдельный интерес к древностям Цебельды М. М. Трапш впервые проявил еще в 1954 г., когда он познакомился с новыми поступлениями в Абхазский государственный музей из окрестностей усадьбы Вороновых «Ясочка» (самобытной керамикой, предметами вооружения и украшениями). В 1959 г. из этого района от тогда еще школьника Юрия Воронова в музей поступила еще одна богатая коллекция в 1000 единиц. Для спасения этих памятников М. М. Трапш принял решение о необходимости начала исследования цебельдинских некрополей.

Исследования начались в июне 1960 г. и продолжались до лета 1967 г. В результате было раскопано три могильника — Абгыдзараху («Кизиловый холм»), Алраху («Ольховый холм»), Ахаччарху («Грушевый холм») — содержащие в себе 180 захоронений, из которых 134 комплекса М. М. Трапш опубликовал сам, а остальные, с присущей ему кавказской щедростью, передал коллегам, в частности 45 захоронений из могильника Ахаччарху получил Г. К. Шамба для написания кандидатской диссертации, а часть материала из Абгыдзараху опубликовал М. М. Гунба после смерти М. М. Трапша.

В составе Цебельдинской экспедиции тех лет рядом с М. М. Трапшем работали в различное время художник-краевед В. С. Орелкин, тогда еще кандидаты исторических наук В. Б. Ковалевская, М. М. Гунба, аспирант Г. К. Шамба, студенты О. Х. Бгажба, Ю. Н. Воронов и его братья, школьники А. С. Четверухин, В. Н. и В. Г. Вороновы и другие.

Лично я познакомился с М. М. Трапшем гораздо раньше. Впервые я увидел Михаила Маметовича в военной форме в 1947 г., после его демобилизации и накануне восстановления в аспирантуре, обучение в которой прервала Великая Отечественная война. Потом я встречался с ним во время раскопок Сухумской крепости (1956–1957 гг.). Раскопана она была широкой площадью — вся набережная от нынешнего кафе «Пингвин» до самой крепости, т.е. территория римско-византийского Себастополиса. Подобную методику раскопок М. М. Трапш применил здесь впервые. При первой и второй встрече я был со своим отцом и с его другом. В таком же составе я посетил раскопанную им медеплавильную печь на Сухумской горе.

Мне также посчастливилось, к сожалению недолго, работать в 1968 г. под его началом в Отделе археологии АбНИИ, который он тогда возглавил. Он поручил мне тогда обработать анакопийскую керамику и керамику из Замка Баграта, которые М. М. Трапш ранее раскопал, а также

заложить дополнительные стратиграфические раскопы на территории Замка. Все это я выполнил. В результате были опубликованы моя первая монография о ремесле средневековой Абхазии (1977 г.) и статья (1973 г.) в московском сборнике, посвященном памяти Е. И. Крупнова, моего научного шефа и хорошего друга М. М. Трапша. М. Трапш творчески сотрудничал также и с Б. Б. Пиотровским, А. А. Иессеным, В. Д. Блаватским, А. Х. Халиковым — светилами в археологии. М. М. Трапш мне запомнился как скромный, молчаливый, вдумчивый, кропотливый, заботливый и отзывчивый человек. Его девизом в датировке и интерпретации археологического материала было: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». А насколько он был требовательным к себе, видно из того, что он не мог решить, по какой из двух написанных рукописей — «Древний Сухум» и «Культура цебельдинских некрополей» — оформлять докторскую диссертацию, которую он так и не успел, к сожалению, защитить.

Именно в июне 1960 г. в неспешной беседе на вершине холма Абгидзраху, откуда хорошо просматривается вся Цебельда, в его устах и родилось понятие «Цебельдинская культура», вошедшее затем в археологическую литературу. Эту культуру, возможно, не без основания, он предполагал общеабхазской, хотя большинство исследователей считают эту культуру только апсилийской (Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, В. А. Нюшков и др.). М. М. Трапш придерживался узкой датировки Цебельдинской культуры — II–V вв. После его ухода из жизни Ю. Н. Вороновым и М. М. Гунбой были опубликованы погребения VI в., М. М. Трапш по объективным причинам не успел их дифференцировать. В настоящее время в откорректированной М. М. Казанским и А. В. Мастыковой форме употребляется более широкая датировка, обоснованная Ю. Н. Вороновым и А. К. Амброзом в рамках II–VII вв. М. М. Трапш считал, что древние апсилы жили в поселениях городского типа. Исследователь провел ряд разведок на крепостях Шапкы и Цибилиум, которые он считал перспективными в археологическом отношении.

Часть научного наследия М. М. Трапша, посвященная преимущественно Цебельде, сосредоточена в двух монографиях: целиком в третьем томе и частично в четвертом, которые мы, конечно, переиздадим.

М. М. Трапш был первым исследователем, который очертил круг проблем истории Апсилии и предложил интересные решения для многих из них. Это проблемы периодизации и хронологии погребальных комплексов и отдельных изделий, религиозных воззрений и обрядов захо-

ронений, генезиса Цебельдинской культуры, ее этнического содержания, экономических, политических и культурных связей в данный период времени.

Спустя восемь лет после безвременной кончины ученого Цебельдинская экспедиция возродилась в новом качестве и составе. При этом туда вошли некоторые исследователи из ее старого состава (Ю. Н. Воронов, М. М. Гунба, О. Х. Бгажба и др.). С 1978 г. исследования в Цебельде проводились АбИЯЛИ совместно с Абгосмузеем (Н. К. Шенкао) и Абхазским обществом охраны памятников культуры (В. П. Пачулия), до 90-х годов — потом помешала война 1992–1993 гг. — экспедицией руководил Ю.Н. Воронов. Были проведены раскопки Цибилиумского могильника, в результате которых установлено, что он функционировал без перерыва, по крайней мере, с II в. до н.э. до VII в. н.э., а это свидетельствует о том, что апсилы на данной территории жили задолго до сообщения о них Плиния Секунда (I в.). В результате на могильнике было вскрыто более 500 захоронений, и после Дюрсо — это самый большой могильник данного периода в Советском Причерноморье. Здесь был впервые открыт меч из дамасской стали с самым сложным рисунком букета, древнейший на территории бывшего СССР (III–IV вв.). Определению этого помог металлографический анализ. Была вскрыта большая часть главной крепости Апсилии Цабала — оборонительные, жилые, культовые и хозяйственные сооружения. Такая же в хорошем смысле слова участь постигла и крепость Шапкы (Рогатория). Эти крепости упоминаются у известных византийских историков Прокопия, Агафия и Менандра. Было также идентифицировано одно из ответвлений Великого шелкового пути (Даринский, или путь через Апсилию). Здесь удалось найти китайскую бусину с иероглифом «бень», т.е. император. Если бы не случилась война, то мы бы логически завершили всю программу исследований, начатых М. М. Трапшем в Цебельде. Был даже создан историко-культурный заповедник «Цебельда». Такое же название носила творческая группа при отделе археологии Абхазского института, куда входили Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, П. К. Квициния, Н. К. Шенкао, В. А. Логинов.

Симптоматично, что в составе Цебельдинской экспедиции вместе с нами трудилась вдова Михаила Маметовича — Валентина Григорьевна Трапш. Родственница знаменитого русского художника Шишкина, заслуженный инженер, она пошла на скромную должность лаборанта, чтобы

благодаря этому продлить участие фамилии Трапш в наиболее славных археологических открытиях в Абхазии последней четверти XX в. Не будь тогда ее и Ю. Н. Воронова, не было бы и четырех томов научного наследия М. М. Трапша, публикацию которого все время откладывали в долгий ящик, чтобы издать очередные монографии некоторых его нетерпеливых коллег, которые прямо говорили: «Мертвые могут подождать».

Отгремела война 1992–1993 гг., давно нет М. М. Трапша, нет уже и Ю. Н. Воронова, но изучение цебельдинской (апсилийской) проблематики, начатое Михаилом Маметовичем, продолжается. С 1995 г., после предательского убийства Ю. Н. Воронова, на эту тему опубликовано более 150 научных статей и книг в России, Франции и Абхазии. Совсем недавно увидела свет монография В. А. Нюшкова, по которой можно судить о проделанной за последнее двадцатилетие работе. Вообще, по материалам Цебельды защищены три докторских (Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, Л. Г. Хрушкова) и три кандидатских диссертации (Г. К. Шамба, В. А. Логинов, В. А. Нюшков).

Я уверен, что настанут времена, когда наше государство, наконец, повернется лицом к науке, и тогда можно будет до конца раскопать главную крепость Апсилии: ее второй холм и особенно густозастроенную перемычку между холмами, т.е. сердцевину Цабала, а затем реставрировать и музеефицировать обнаруженные и сохранившиеся остатки, чтобы крепость могла широко раскрыть свои ворота для гостей, посетителей и, конечно, специалистов.

***А. И. Джопуа*[1], *В. А.Нюшков*[2]**

[1, 2]Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия
[1, 2]Абхазский государственный музей, Сухум, Абхазия

М. М. Трапш и его вклад в изучение археологических памятников северо-западной Абхазии

Для цитирования: *Джопуа А. И., Нюшков В. А* М. М. Трапш и его вклад в изучение археологических памятников северо-западной Абхазии // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 25–32.

***Arkadiy I. Dzhopua*[1], *Valentin A. Nyushkov*[2]**

[1, 2]Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia
[1, 2] Abkhaz State Museum, Sukhum, Abkhazia

M. M. Trapsh and his contribution to the study of archaeological sites in northwestern Abkhazia

For citation: Dzhopua A. I., Nyushkov V. A., 2022. M. M. Trapsh i ego vklad v izuchenie arkheologicheskikh pamyatnikov severo-zapadnoy Abkhazii [M.M. Trapsh and his contribution to the study of archaeological sites in northwestern Abkhazia]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 25–32.

Известный абхазский археолог-кавказовед Михаил Маметович Трапш родился 10 октября 1917 г. в поселке Абгаюара села Куланурхуа Гудаутского района, у подошвы холма, на котором находится известный

© Джопуа А. И., Нюшков В. А., 2022.

Куланурхвский могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа. Помогая отцу вскапывать огород во время сельскохозяйственных работ, мальчик не пропускал ни одной находки. Это определило дальнейшую его судьбу как исследователя, первого археолога-абхаза.

В 1948 г. М. М. Трапш начал вести здесь собственные раскопки, в ходе которых он выявил могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа, «колхидской» и «скифской» культур. Куланурхвский могильник раннего железного века, исследованный М. М. Трапшем в 1948, 1951 и 1952 гг., дал материалы для его кандидатской диссертации и, в дальнейшем, для монографии «Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР». Именно благодаря М. М. Трапшу могильник доантичного периода стал первым научно изученным памятником этого времени на территории всего Западного Закавказья. Коллекцию находок из его раскопок можно сегодня увидеть в витринах Абхазского Государственного музея.

Бесспорно, раскопки в селе Куланурхуа для М. М. Трапша стали началом его научно-полевой деятельности. Была обнаружена целая группа захоронений с типичным инвентарем кобано-колхидской историко-культурной общности, а также со скифскими предметами. Сделанные открытия имели большую практическую значимость: отныне на территории Кавказа появился до этого неизвестный исторический памятник, давший ключ к ответу на многие сложные вопросы по истории и культуре не только Абхазии, но и всего огромного региона. Важно то, что материалы могильника указывали на хронологию бытования колхидо-кобанской историко-культурной общности, на развитые взаимоотношения местного населения с внешним миром, и в первую очередь со скифской культурой (Шамба, 1989. С. 8).

Данные открытия не остались незамеченными в научной среде, среди крупнейших кавказоведов, и сразу получили отклик. Академик Б. Б. Пиотровский отметил: «В Абхазии скифские памятники стали известны благодаря находкам М. М. Трапша в селе Куланурхва Гудаутского района» (Пиотровский, 1959. С. 245). В этой связи известный кавказовед Е. И. Крупнов говоря, в частности, о проникновении скифов и их культуры на территорию Абхазии и в Колхиду через Прикубанье, отметил, что в этом убеждают погребения VII–VI вв. до н.э. (с типичным скифским инвентарем и с чертами скифского погребального обряда), вскрытые в 1948 и в 1951 гг. М. М. Трапшем в с. Куланурхва, близ г. Гудаута (Крупнов,

1960. С. 63). Всего на этом могильнике было выявлено до 20 наконечников стрел скифского типа. На Красномаяцком могильнике (г. Сухум) также был обнаружен бронзовый втульчатый наконечник стрелы скифского типа в погребении № 82 (128) — он трехперый, овальной формы.

Сам М. М. Трапш отмечал, что изучение памятников скифской культуры, которые в Абхазии найдены впервые в с. Куланурхва, дало возможность установить реальную связь местного населения со скифами Прикубанья и Приднепровья. В этом смысле, как считал исследователь, среди вещевых предметов скифской культуры «уникальной до сих пор находкой для всего Закавказья являются бронзовые удила скифского типа со стремяновидными концами» (Трапш, 1962. С. 4). Нельзя исключать, учитывая некоторые находки, что уже с позднебронзового периода могли возникнуть тесные связи между древним населением Кавказа и Среднего Поволжья, о чем свидетельствуют, например, находки шейных гривн (Маан, 2014. С. 31). Как отмечал М. М. Трапш, шейные гривны, близкие типологически к ранним и более поздним гривнам Абхазии, известны в северокавказских могильниках, а также в погребениях Среднего Поволжья VIII–VII вв. до н.э. (Трапш, 1971. С. 170).

Одной из важнейших задач археологии является датировка, т. е. определение возраста памятника. Обычно датировка относится к какому-либо одному памятнику, слою, вещи. Наиболее надежными основаниями для датировки являются аналогии. Для нас интерес представляют бронзовые боевые топоры кобано-колхидского типа. Пять таких топоров были найдены в Волго-Камье, они относятся к типу II бронзовых топоров колхидской культуры и характерны в том числе для колхидских могильников Абхазии — Куланурхвского и Красномаяцкого. Хронологически они бытовали в пределах X–VII вв. до н. э. (Халиков, 1989. С. 21–22).

Хорошо известны аналогии бронзовым наконечникам стрел, например двуперым втульчатым шипастым ромбической и овальной формы, а также трехперым. Все они представлены, в частности, в Нестеровском могильнике и в ряде других пунктов на Северном Кавказе. Как писал М. М. Трапш, куланурхвские железные наконечники стрел имитируют двуперые бронзовые — овальной и ромбической формы (Трапш, 1962. С. 53). Далее он отметил, что экземпляры, аналогичные куланурхвским железным наконечникам стрел ромбической формы, имитирующим наиболее ранние бронзовые наконечники скифского типа, были обнаружены в 1908 г. в кургане у станицы Некрасовской на Кубани. В нем «было най-

дено девять наконечников стрел с ромбовидными головками и длинными втулками» (Трапш, 1962. С. 54).

Исследование Куланурхвского могильника позволило М. М. Трапшу сделать ряд важных наблюдений. Анализ погребального инвентаря и всего сравнительного материала, привлеченного из разных областей Кавказа и южной части бывшего СССР, дали возможность отнести обнаруженные колхидские и скифские погребения в селении Куланурхва в основном к одной исторической эпохе, а именно к раннескифскому времени, т.е. приблизительно к периоду от VIII в. до середины VI в. до н. э. (Трапш, 1962. С. 76–77). Приведенная убедительная аргументация ограничила возраст погребений с инвентарем колхидской бронзы Куланурхвского некрополя приблизительно VIII — 1-й пол. VII в. до н. э., тогда как погребений с инвентарем скифского типа — концом VII — 1-й пол. или серед. VI в. до н. э. У М. М. Трапша данная датировка сомнений не вызывала (Трапш, 1962. С. 77–78).

Не вызвала она сомнений и у Г. К. Шамба, за исключением сделанной им оговорки о том, что «нижняя дата, возможно, больше заходит в VII в. до н.э., а верхнюю, видимо, следует определить VII — нач. VI в. до н.э.». Данное положение, писал он, «распространяется на погребения с инвентарем скифского типа (бронзовые наконечники стрел, топоры-секиры, конский уздечный набор), что датируется концом VII — VI вв. до н.э.». Для подтверждения сказанного Г.К. Шамба ссылается на конское захоронение № 4, в котором присутствует трехпетельчатый железный псалий, относимый к VI в. до н.э. Такая же деталь конской узды была обнаружена в эшерском погребении, датируемом 2-й пол. VI в. до н.э. (Шамба, 2000. С. 43).

Далее М. М. Трапшем было отмечено, что колхидская культура в Абхазии имеет свои специфические особенности, которые выявляются по украшениям: широким пластинчатым браслетам цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, поясным пряжкам со звериной головкой и т.д. Все предметы, найденные в Куланурхвском могильнике, подчеркивал исследователь, в совокупности с аналогичными вещевыми находками из других пунктов Абхазии, указывают на широкие связи и на близкий уровень развития древних племен, живших как на территории распространения колхидской культуры, так и в других районах Кавказа (Трапш, 1962. С. 79–80). Результаты исследования Куланурхвского могильника говорят о том, что этот некрополь принадлежал сравни-

тельно небольшому поселку, скорее всего, здесь могли проживать представители одного рода (Трапш, 1962. С. 80). На примере обнаруженных погребений в селе Куланурхва, в селах Эшера и Приморское, в Сухуме, очевидно, что в Абхазии в эту эпоху существовало 4 типа погребального обряда: простое захоронение покойников в вытянутом положении на спине или в скорченном положении на боку, кремация и, наконец, погребения в глиняных урнах (Трапш, 1962. С. 81).

Как известно, древние греки окончательно обосновались на побережье современной Абхазии в начале VI в. до н.э., втягивая местные племена гениохов в сферу своих торговых интересов. Однако первое время местные племена старались ограничивать эти контакты и сохраняли традиции собственной бронзовой индустрии. Доказательством этому являются находки в Куланурском могильнике, а также находки из Бамборы. В то же время, по мере углубления контактов гениохов с древними греками, усиливается и культурное влияние последних. Это доказывается данными археологических раскопок. М. М. Трапш в могильнике Гуадиху обнаружил литые перстни с изображениями человеческих фигур и животных, в том числе фантастических. Кроме того, в процессе греческой колонизации Восточного Причерноморья на территории Абхазии возникает собственное изготовление амфор.

В 1951 г. была создана Абхазская историко-археологическая экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвили. Михаил Маметович в 1951 г. был одним из первых руководителей историко-археологического отряда Пицундской археологической экспедиции. Им и с его участием был раскопан в Пицундской роще ряд памятников, в том числе раннехристианские храмы, а также установлены границы городища Питиунта (Воронов, 2014. С. 32). Как руководитель разведовательного отряда М. М. Трапш успел осмотреть и описать в Гагрском и Гудаутском районах значительное количество памятников древности: Хашупсинский могильник, храмы в Старой Гагре, Цандрипше, Ахаша-ныха, Бзыби, Лыхны, Куланурхва, Айлага-Абыку, крепости Бзыбская, Абаа-ху, Хасанта-Абаа, Дурипш, Абгархук (Абаху-аца, Мшэаа-рху или Мшваа рыбаху) и др.

В этой связи важно отметить поселения, расположенные на территории Северо-Западной Абхазии, так как без их всестороннего изучения сложно исследовать жизнь местного населения эпохи поздней бронзы — раннего железа. К таким поселениям относятся: Шицкуара, Новоафонское селище, где были выявлены гальки со следами обра-

ботки и черепки с «текстильной» керамикой, Кистрик с встречающимися фрагментами «текстильной» керамики, Лдзаа, где в одном слое с «текстильной» керамикой были найдены простые миски. Как говорил Г. К. Шамба, «интересно отметить, что это поселение вплотную примыкает к святилищу Лдзаа-ныха» (Шамба, 2000. С. 26).

Подробнее надо сказать о работах М. М. Трапша в Новом Афоне. В качестве главного объекта для изучения была выбрана Анакопийская цитадель. Широкомасштабные археологические исследования Анакопийской крепости под руководством М. М. Трапша начались в 1957 г. В ходе экспедиции были получены уникальные материалы, изучены разновременные памятники, от эпохи неолита до зрелого Средневековья. Наибольшие успехи были достигнуты при изучении раннесредневековых слоев и сооружений. В основном это фортификационные постройки так называемой первой линии обороны. Поэтапно были обследованы башни, куртины, а также храмы, печь для обжига извести, древняя дорога, колодец; в ходе работ обнаружены многочисленные предметы быта, вооружения и культового назначения.

По итогам археологических исследований второй оборонительной линии Анакопии в 1957–1958 гг. были получены, в частности, интересные результаты по хронологии как самого памятника, так и его укреплений. Стало известно, что еще в III тыс. до н.э. на южном склоне Иверской горы существовало поселение. Следы поселения фиксируются и для IV–II вв. до н.э. В культурном слое крепости были обнаружены фрагменты импортных античных амфор и чернолаковой посуды. Многочисленный археологический материал местного производства со второй линии обороны крепости Анакопии можно, согласно М. М. Трапшу, датировать VII–XII вв. н.э. (Трапш, 1961. С. 279–280; 1975. С. 146). «Как видно, — писал он, — система второй линии анакопийских укреплений была разработана тщательнейшим образом, с глубоким знанием приемов строительства древних фортификационных сооружений применительно к горным условиям». И далее: «Не случайно, что многочисленная арабская армия под командованием Мервана-ибн-Мухаммеда потерпела поражение в битве за Анакопию» (Трапш, 1975. С. 99).

Следует отметить, что современные исследователи сегодня иначе смотрят на эти события (Касландзия, 2016. С. 75–103), и, думается, совсем не случайно, поскольку арабские источники, подробно описав основные походы Мервана, ни словом не упомянули грандиозный поход арабского

военачальника в Западное Закавказье, да и молчат о самом Анакопийском сражении. Странно и другое, что об этом молчат византийские, армянские и персидские авторы раннего Средневековья. Можно думать, что наиболее значительные военные акции, реализовывавшиеся арабами в Западном Закавказье, грузинские писатели связали с именем Мервана, прославившегося как самый жестокий арабский военачальник.

По мнению М. М. Трапша, «в VII–XII вв. на склонах крепости, в пределах второй линии анакопийских укреплений, существовали жилые постройки». На это красноречиво указывают находки обломков многочисленного строительного керамического материала (черепица, кирпич), тесаные камни и отдельные куски штукатурки из известкового раствора с мелким песком, обнаруженные на террасах крепости, где производились раскопки. «Жилыми помещениями являлись одновременно также и все исследованные боевые башни южной оборонительной стены, которые были покрыты кровельной черепицей» (Трапш, 1975. С. 146). В итоге, изучив и сопоставив свои находки с письменными источниками, М. М. Трапш сделал важный вывод о том, что Анакопийская крепость являлась столицей Абхазского княжества, а затем и Абхазского царства.

Таким образом, вклад Михаила Маметовича Трапша в изучение древней истории и археологических памятников Северо-Западной Абхазии очевиден. Он обогатил абхазоведческую и в целом кавказоведческую науку интереснейшими уникальными находками, которые сразу же вводились в научной оборот, получая вид фундаментальных работ по археологии.

Литература

Воронов Ю. Н. Научные тр.. Сухум: АбИГИ, 2014. Т. IV. 408 с.

Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум: АГУ Алашарбага, 2017. 284 с.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум: АбИГИ, 2014. 324 с.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. 284 с.

Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // Византийский временник. М., 1961. Т. XIX. С. 260–282.

Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абгосиздат, 1962. 132 с.

Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Тр. в 4 т. Сухуми: Алашара, 1970. Т. I. 212 с.

Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. Тр. в 4 т. Тбилиси: Мецниереба, 1971. Т. III. 312 с.

Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Тр. в 4 т. Сухуми: Алашара, 1974. Т. IV. 258 с.

Халиков А. Х. Связи Поволжья с Причерноморским Кавказом в ранние археологические эпохи // Вопросы археологии Абхазии: Материалы юбилейной научной сессии АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа, посвящ. 70-летию М. М. Трапша / отв. ред. Г. К. Шамба. Сухуми: Алашара, 1989. С. 17–26.

Шамба Г. К. Первый абхазский археолог // Вопросы археологии Абхазии: Материалы юбилейной научной сессии АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа, посвящ. 70-летию М. М. Трапша / Отв. ред. Г. К. Шамба. Сухуми: Алашара, 1989. С. 7–16.

Шамба Г. К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры (по данным письменных и археологических источников). Сухум: Алашара, 2000. 312 с.

***Г. А. Сангулия*[1, 2]**

[1] Заместитель министра культуры РА, Сухум, Абхазия
[2] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

Клады бронзолитейного производства в системе периодизации и типологии памятников Абхазии М. М. Трапша

Для цитирования: *Сангулия Г. А.* Клады бронзолитейного производства в системе периодизации и типологии памятников Абхазии М. М. Трапша // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 33–42.

***Garik A. Sanguliya*[1, 2]**

[1]Deputy Minister of Culture of the Republic of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia
[2]Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

Treasures of bronze production in the system of periodization and typology of monuments in Abkhazia by M. M. Trapsh

For citation: Sanguliya G. A., 2022. Klady bronzoliteynogo proizvodstva v sisteme periodizatsii i tipologii pamyatnikov Abkhazii M. M. Trapsha [Treasures of bronze production in the system of periodization and typology of monuments in Abkhazia by M. M. Trapsh]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 33–42.

Исследование основных вопросов истории отдельной археологической культуры, в данном случае местной колхидской культуры и культуры мегалитической эпохи, уже в наше время выходит за пределы

© Сангулия Г. А., 2022.

культуроведческого аспекта и глубоко сопряжено с ведущими методами морфологического и типологического анализа, причем в координации с изучением хозяйственно-экономической системы и техноценоза древней Абхазии. Сам факт преемственности и наследования между названными эпохами обладает достаточной базой вещественного подтверждения, учитывает поселенческий и погребальный материал, а также устойчивые обрядовые комплексы «воздушного», «вытянутого» и «скорченного» типа погребений со своим инвентарем.

Особое значение в этом круге проблем имеют многочисленные клады и остатки бронзолитейных мастерских, знания о которых были обогащены исследованиями М. М. Трапша. Благодаря его работам состав кладов (Лыхны, Очамчыра, Гал), включающих топоры, мотыги, сечки, серпы, слитки, керамические сосуды для их сохранения и остатки производственных конструкций, получил достоверную фиксацию, соответствующую отчетную полевую документацию и научную публикацию (Трапш, 1970. С. 169–187. Табл. VII–IX. Рис. 11–15). До времени их обнаружения и исследования, как пишет М. М. Трапш, «в основном были представлены лишь памятники позднейших этапов развития кобанско-колхидской бронзы» (1970. С. 175). Учитывая, что «перед нами комплекс одновременно положенных вещей, зарытых в виде клада» (там же), им были заложены раскопочные шурфы с целью доследования и оценки археологической ситуации. Описав место сохранения клада, в виде специальной ямы в каменистой почве (Лыхны), металлургического комплекса, в виде конструкции из прокаленных и разбитых камней, насыщенной пережженными комками, медными шлаками и древесными угольками почвы (Очамчыра), в отдельном горшке, заполненном производственным браком, оставленном в плавильной яме, насыщенной множеством кусков бронзы, угля, прокаленной почвы, гальками (Гал), автор использует методы полевой работы для дальнейших исследований. В результате сравнительно-типологического анализа и учета вопросов периодизации памятников им была установлена хронологическая последовательность комплексов. Было проведено сравнение с аналогичным материалом прикубанского, северокавказского, центральноколхидского ареалов и установлена их типологическая связь и специфика. Все производственные комплексы, изученные М. М. Трапшем, были датированы по существующей системе хронологии, и произведена их пространственно-временная атрибуция.

Возможно, некоторое своеобразие абхазских находок сделало их не совсем актуальным материалом для представительных разработок по истории втульчатых топоров средней бронзы и начала поздней бронзы Кавказа (Кореневский, 1981. С. 20–41). Правда, надо заметить, что топоры мегалитической (бронзовой) эпохи имеют определенную связь с материалами кладов и случайных находок. Дальнейшее исследование этого круга вопросов, с учетом опыта М. М. Трапша, приводит к интересным результатам, что еще больше высвечивает заслуги исследователя.

В частности, это касается проблем предшествования и наследования в целом аспекта синхронно-диахронных исследований, так как топоры в комплексах, как известно, не являются строго одновременными по времени своего бытования. Об этом говорят результаты широких морфологических исследований. Наряду с архаическими прямоугольными очертаниями корпуса топора (Галский клад, № 7), очевидно связанного истоками своей формы с прямоугольными в очертаниях каменными топорами неолита и энеолита, в них присутствуют развитые в формальном отношении экземпляры. Например, сюда относятся экземпляры с расширением лезвийной части и, соответственно, с сужением шейки и обуха топора. Более того, один топор имеет пламевидно-изогнутое лезвие. В соответствии с этим, закраина лезвия топора спереди выступает своим продолжением вверх. Его сечение лишено граней и является овальным. Такая находка (Галский клад, № 5) очень важна, так как присутствует в комплексе, очевидно раннего времени, и имеет аналогии в верхнем слое дольменов Абхазии (Эшера), а затем и в местных колхидских памятниках (Бармыщ). Сравнительный анализ показывает, что данный тип топора бытовал долгое время и на этапах своего функционирования претерпел постепенные изменения, закреплявшие его меняющийся облик за одним или за другим периодами истории производства бронзовых орудий.

Весьма важно, что сохраняются и другие исходные черты, в частности горизонтальное положение обуха и втулки, а также сам принцип их параллелизма, что очень важно для оценки КПД, исходя из соотношения положения рукояти к лезвию (ввиду актуальности действия принципа обращения скошенной лопасти и режущего лезвия к рукояти). Параллелизм обеих вертикальных линий в очертаниях топора строго сохраняет один экземпляр (Галский клад, № 7). Что важно, прямая линия контура лобной части также свойственна ряду экземпляров, и с обушной

частью они здесь составляют прямой угол. Впоследствии, в позднебронзовую колхидскую эпоху, как известно, обух у основных типов становится скошенным (как и втулка) или, что реже, приобретает седловидную форму. Последнее свойство характерно и для ряда более поздних материалов, вплоть до биконических украшений с седловидностью корпуса. Что касается обушной части топора, то, учитывая едва намеченное начало клиновидного выступа в среднебронзовое время и сохранение круглой формы проуха топора, в позднебронзовое время, в первом раннем периоде становления культуры (XIV–X вв. до н.э.), появляется острый и затем высокий клиновидный обух, соответственно, и проух становится овальным, а затем и остроовальным. Эти процессы, как видно по материалу, взаимообусловлены и достигают своего апогея в раннежелезную эпоху, с появлением высокого молоточковидного обуха.

Весьма интересны сечения топоров, при этом обратим внимание на устойчивую лобную сторону корпуса, которая всегда толще, что придает корпусу в целом в нашем случае острую треугольную форму сечения. Все это в позднебронзовую эпоху постепенно подвергается трансформации, в ходе которой появляется шестигранное сечение шейки топоров. Это изменение суживает широкие части шейки, слитые с корпусом как его непосредственное единое композиционное продолжение. И в самих поздних экземплярах VII–VI вв. до н.э., благодаря этому видоизменению, максимально суженная шейка чрезмерно выделяется от всех сегментов топора. Это, по существу, делит топор на три самостоятельных сегмента — лезвие–шейка–обух, — которые теперь морфологически дифференцированы, строго и окончательно.

Представляют большое значение и устойчивые признаки сопряженности орнаментально-декоративной системы с морфологией основных типов топора. В частности, считается, что графическая орнаментация закрепляется за формами топоров и других орудий, а также украшений, с IX в. до н.э. или в X–VIII вв. до н.э., может быть, с XI–X вв. до н.э. (Панцхава, 1972. С. 51–61; Она же, 1975). Этот важный момент также связан с определенным этапом развития формы топора. Истоки данного явления не совпадают с такой датировкой, особенно с поздними датами, которые приходятся на VIII–VII вв. до н.э. Ясно, что это уже расцвет позднебронзовой культуры, но появление традиции орнаментации приходится на мегалитическую эпоху, для которой известен топор (Эшера) с орнаментацией на обухе в виде спиралевидного укра-

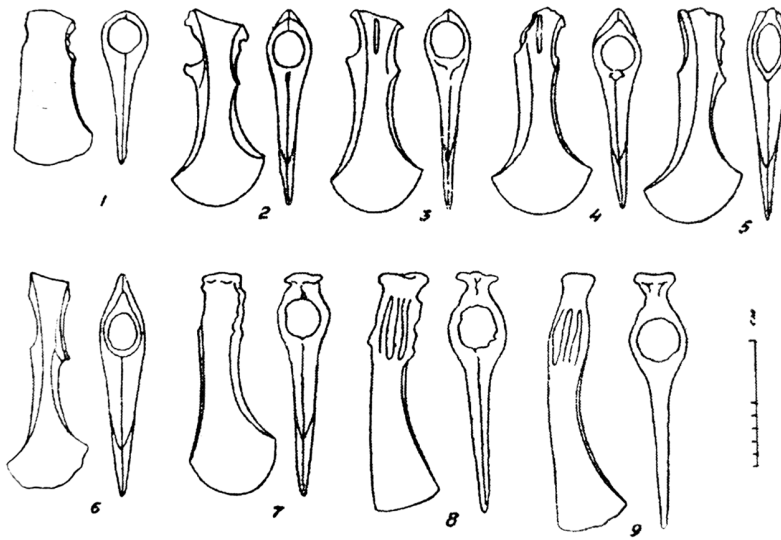

Рис. 1. Лыхны

шения, помещенного в рельефную шнуровую рамку (рис. 1А). Есть и топор (Атара) с орнаментацией лезвия в виде мотивов воды (волн), по тематике и характеру изображения совпадающей с дуговидным шевронным орнаментом, характерным для местной керамической продукции и украшений (Воронов, 2009. С. 77. Табл. XIX, *68*; XX, *26*; XXIV, *12*). Многочисленные соответствия мотивов орнаментации на керамических и бронзовых изделиях, аналогия орнаментированного широкого пояска на узкой шейке топора и пояска на сосуде, ряд важных принципов зонального расположения, а также появление сюжетов графического стиля на самой керамике (Шамба, 2000. Табл. 5, *1*; 74, *1*) являются результатом естественной творческой интерференции мастеров этих двух основных производств Абхазии — керамического и металлургического.

В настоящее время можно уточнить атрибуцию еще одного орудия, неполного по форме (Галский клад, № 10), которое ввиду своей фрагментарности сближается с хорошо известными сечковидными орудиями. Бронзовые сечки также имеют каменные аналоги, по форме и функции, но не все предполагаемые типы относятся к сечкам. Это касается, например, экземпляров с высокими пятками (ручками). Некоторые из

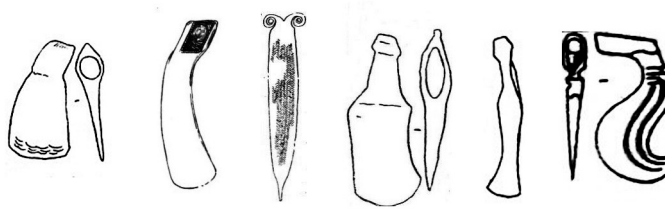

Рис. 1А. находки из различных пунктов Абхазии

них, с нашей точки зрения, являются тесловидными топорами и лопатовидными орудиями. А данный нереконструированный фрагмент является плоским тесловидным топором-долотом, так как выявлены его прямые и целые аналогии из Нанари и Латала (ср.: Чартолани, 1989. С. 73–74. Рис. 2, *6–7*).

Анализ доступных вещественных данных показывает, что в мегалитическую и в позднебронзовую эпоху в вождествах Абхазии шли процессы хозяйственно-экономического развития, ставшие причиной востребования нескольких типов одной и той же категории хозяйственных орудий или вооружения. Этот процесс в эпоху поздней бронзы и железного века, в завершающем IV периоде трансформации культуры (VI–I вв. до н.э.), приводит к появлению ранней цивилизации Абхазии — царства гениохов-фасиан (Сангулия, 2012). На этапе расцвета и при начале трансформации производительные силы местных обществ развились в комплексную хозяйственно-экономическую систему и в сложную систему управления обществом под началом царя, тирана и скептуха как представителя высшей власти на местах (Сангулия, 2012).

В изучении этого исторического процесса большую роль сыграл М. М. Трапш, высоко оценивший развитие производительных сил и значение родовой аристократии (Трапш, 1970. С. 118, 166). В общественной символизации важное место занимали различные предметы, орудия и украшения, в том числе категория топоров, богато украшенных скульптурной и графической орнаментацией, иногда с бронзовыми декорированными спиральновитыми обмотками рукоятей. Уже в эпоху ранних государств λάβρυς «секира, топор» известны в качестве царских регалий, что соответствует положению сначала абхазских вождеств, а затем и царств. Образы скульптурных наверший (конь и собака), занимали важное место уже в культах периода абхазо-адыг-

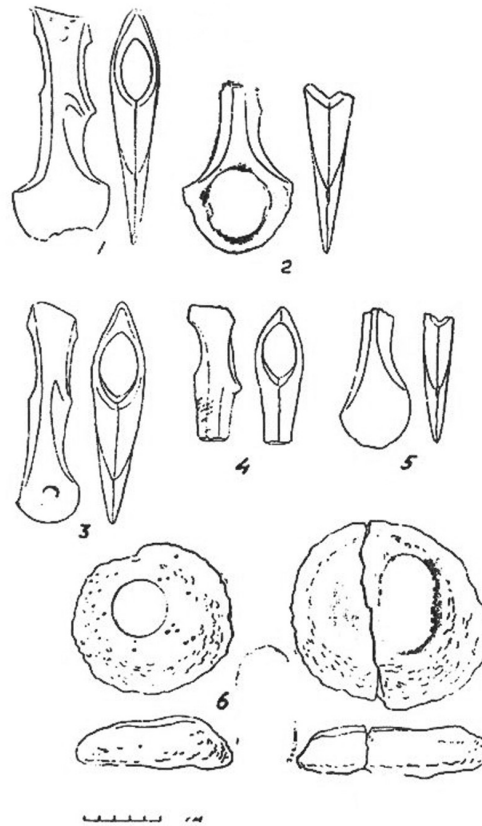

Рис. 2. Очамчыра

ских мегалитов эпохи вождеств (судя по сопровождающим костям), а в позднюю бронзу и раннее железо, судя по находкам М. М. Трапша, Г. К. Шамбы и по коллекции А. Л. Лукина, они не только не исчезли, но и дали замечательные эгретки со сложной композицией — с всадником на коне и сопровождающим его псом, всадником, ведущим свой народ по пути истории уже в период цивилизации, древнего царства гениохов, с его сложной системой управления — царем, тираном и скептухом на местах.

Гениохи известны в исторических источниках не только как обладающие талассократией в морских пространствах Понта (Strab), но и как «свирепый народ всадников» (Luc. Phars. III. 269–270), как «народ гени-

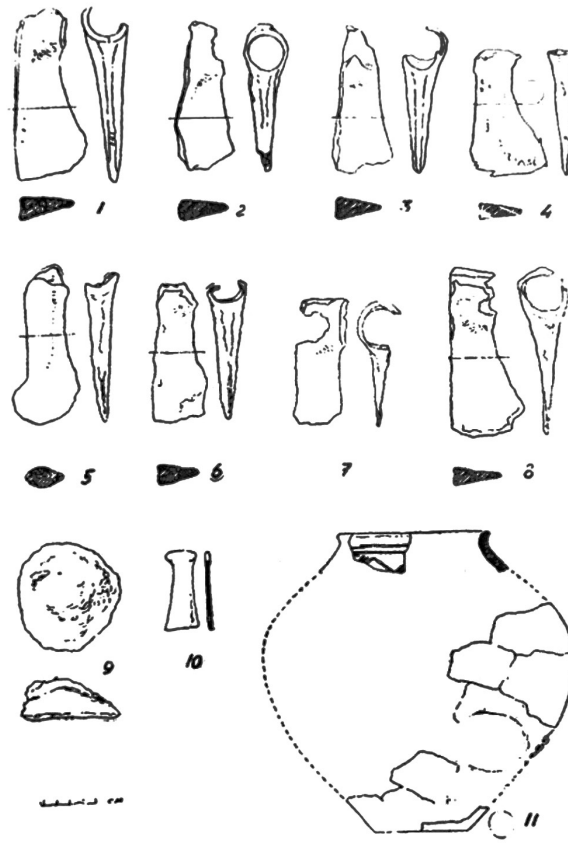

Рис. 3. Гал

охов, лютых в бою» (Luc. Phars. II. 590–591). Вот почему древнеабхазское общество выстояло перед милетской экспансией, а знаменитый Диоген Синопский предупреждал: «Вы будете иметь дело с гениохами и ахейцами, ненавистным для всех греков родом людей» (Антология кинизма, 1984. С. 243). Абхазская политическая и хозяйственно-экономическая система, таким образом, устояла и встала на прямой путь к последующему созданию феодального Абхазского царства.

Для оценки производственной мощи мастерских важную роль играют их археологические остатки, зафиксированные М. М. Трапшем, а также сам набор предназначавшихся для переплавки предметов

и специально отлитые слитки. Эта комплексная триада элементов одной традиции также переходит в эпоху поздней бронзы и раннего железа и указывает на непрерывность производственного и хозяйственного опыта. Данное положение позволяет экстраполировать поздние наследуемые формы этапов развития материальной традиции производств на более ранние периоды их становления и развития, что апробировано нами в ряде работ. А поскольку исследованные М. М. Трапшем памятники перехода от средней к поздней бронзе закрывают лакуну в имеющейся базе данных, то открывается и прямой путь для сравнительного анализа и реконструкции вещественного континуума (непрерывности) всей эпохи поздней бронзы и раннего железа. Таким образом, в свете системы периодизации и типологии памятников М. М. Трапша, где им выделены старшие и младшие группы древностей, учитывая достижения абхазской археологии, в развитии которой он сам сыграл выдающуюся роль, можно преодолеть разрыв преемственности между постмегалитическим временем и VIII–VII вв. до н. э. Этот очень большой хиатус требует в дальнейшем широких полевых археологических исследований.

Неоценимые достижения первого абхазского археолога М. М. Трапша, принесшие славу археологии Абхазии, наукам абхазоведению, кавказоведению, скифологии, не будут и сегодня утеряны стараниями последователей и почитателей его научного таланта.

Литература

Антология кинизма. М.: Наука, 1984. 416 с.

Воронов Ю. Н. Научные тр.. Сухум: АбИГИ, 2009. Т. II. 612 с.

Кореневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 20–41.

Панцхава Л. Бронзовый топор с изображением оленя // ВГМГ. XXIX–B. Тбилиси, 1972. С. 51–61 (на груз. яз., русск. резюме).

Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: автореф… дис. канд. ист. наук. Тбилиси, 1975. 30 с.

Сангулия Г. А. Древняя Абхазия: вождество и царство (историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвящ. 90-летию З.В. Анчабадзе / Гл. ред. С. Ш. Салакая. Сухум: АбИГИ, 2012. С. 105–115.

Трапш М. М. Труды. Сухуми: Алашара, 1970. Т. I. 212 с.

Чартолани Ш. Г. К истории нагорья Западной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 320 с.

Шамба Г. К. Абхазия в I тысячелетии до н.э. (по данным письменных и археологических источников). Сухум: Алашара, 2000. 312 с.

Н. А. Трапш
Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия

Исторические исследования М. М. Трапша в методологическом измерении: опыт комплексной интерпретации

Для цитирования: *Трапш Н. А.* Исторические исследования М. М. Трапша в методологическом измерении: опыт комплексной интерпретации // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 43–46.

Nikolay A. Trapsh
State Archives of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia

Historical research by M. M. Trapsh in the methodological dimension: an experience of complex interpretation

For citation: Trapsh N.A., 2022. Istoricheskie issledovaniya M.M. Trapsha v metodologicheskom izmerenii: opyt kompleksnoy interpreratsii [Historical research by M.M. Trapsh in the methodological dimension: an experience of complex interpretation]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 43–46.

Системная дифференциация исторического знания в XX столетии способствовала качественной трансформации профессионального исследовательского сообщества, в пределах которой отдельные специалисты искусственно локализовывали собственную деятельность в рамках

© Трапш Н. А., 2022.

достаточно ограниченной предметной области. В особой степени изменившаяся парадигма затронула отечественную археологическую науку, которая нередко оказывалась вне отраслевого диалога, замыкаясь в постоянно растущем комплексе материальных фрагментов предшествующей истории. В результате естественным образом складывалась историографическая ситуация, в рамках которой профессиональные археологи избегали широких исторических обобщений, основанных на собранном эмпирическом материале. Одновременно сформировалась исследовательская корпорация, не всегда обладавшая достаточным полевым опытом, но успешно использовавшая систематизированные археологические сведения в собственных концептуальных построениях, иногда не отличавшихся критическим отношением к специфической информации, предоставляемой дифференцированными памятниками материальной культуры. В данном контексте значительный интерес для современного исследователя представляет предшествующий опыт, связанный с адекватным использованием археологического материала в комплексных исторических реконструкциях.

Выдающиеся ученые, стремящиеся максимально использовать отведенное жизненное время для практической работы, часто не успевают в полной мере обобщить достигнутые результаты в рамках письменного наследия. М. М. Трапш обогатил историческую науку колоссальным полевым материалом, умело описанным и качественно интерпретированным в самостоятельной исследовательской практике. Однако масштабный обобщающий труд «Очерки по археологии Абхазской АССР» не стал значимым достоянием широкой научной общественности, оставшись в рукописном формате. Профильные фрагменты указанной работы, опубликованные в четырехтомном собрании авторских сочинений под рабочими названиями «Археология Абхазии до 1921 г.» и «Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы Советской власти», позволяют говорить о значительном внимании М. М. Трапша к предшествующей историографической традиции, рассматриваемой в качестве фундаментального компонента исследовательской практики (Трапш, 1970а; 1970б). Как представляется, подобный подход способствует не только качественным археологическим изысканиям, основанным на детальном сопоставлении эмпирического материала, полученного в различных регионах, но и адекватной интерпре-

тации достигнутых результатов, органично встраиваемых в сложную систему регионального и мирового исторического процесса.

Успешно работая с археологическими памятниками, принадлежащими к различным эпохам, М. М. Трапш тонко улавливал реальную взаимосвязь отдельных периодов предшествующего развития исследуемого региона. Указанная закономерность отчетливо проявилась в первых разделах «Очерков истории Абхазской АССР», посвященных первобытной и античной эпохе (второй очерк подготовлен в соавторстве с З. В. Анчабадзе и Ш. Д. Инал-ипа) (Очерки..., 1960; Трапш, 1970в; Анчабадзе и др., 1970). М. М. Трапшу удалось показать, что античные социально-экономические, политические и культурные институты органично синтезировались в региональное пространство, автохтонные жители которого в предшествующий период достигли высокого уровня хозяйственной и общественной деятельности. Абхазскому археологу удалось успешно подтвердить соответствующие выводы многообразным эмпирическим материалом, полученным в результате длительного исследования синхронных территориально локализованных памятников. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что М. М. Трапш четко выделял как имманентные особенности социально-экономического, политического и культурного развития периферийного региона, так и естественную связь рассматриваемых социумов с крупнейшими цивилизациями древнего мира.

Выдающийся абхазский археолог уделял значительное внимание практическим проблемам исторической реконструкции, связанным с качественным синтезом эмпирического материала и комплексным использованием привлеченных исторических источников. В частности, обобщающие построения М. М. Трапша неизменно опирались не только на широкий и разнообразный археологический материал, но и на доступные результаты полевых этнографических исследований и адекватно интерпретируемую фольклорную традицию. Неизбежное следование марксистской идеологической парадигме, подразумевавшей жесткую детерминированность общественного развития социально-экономическими процессами, не препятствовало органичному использованию оригинальных сюжетных композиций нартского эпоса и семиотических параллелей для объективной характеристики дифференцированных хозяйственных и культурных феноменов.

Особое значение исторических исследований М. М. Трапша заключается в том, что глубокий анализ самобытного развития древней Абхазии подводил заинтересованного читателя к принципиальному выводу о том, что современное автохтонное население органично связано с отдаленными предками. Демонстрируя объективную преемственность хозяйственных и культурных традиций, очевидные лингвистические и фольклорные параллели, выдающийся абхазский исследователь указывал на естественное место собственного народа, который в течение нескольких тысячелетий успешно осваивал региональное пространство, создавая самобытные памятники и успешно взаимодействуя с соседними общностями. Таким образом, М. М. Трапш внес неоценимый вклад в историческое обоснование имманентных прав абхазского народа на государственное самоопределение, что применительно к рассматриваемой эпохе было смелым и значимым поступком, олицетворявшим истинного ученого и гражданина.

Литература

Анчабадзе З. В., Инал-ипа Ш. Д., Трапш М. М. Абхазия в античную эпоху // Трапш М. М. Труды. Сухуми: Алашара, 1970. Т. 1. С. 67–83.

Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми: Мецниереба (Абгосиздат), 1960. Ч. I. 314 с.

Трапш М. М. Археология Абхазии до 1921 гг. // Трапш М. М. Труды. Сухуми: Алашара, 1970а. Т. 1. С. 27–29.

Трапш М. М. Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы Советской власти // Трапш М. М. Труды. Сухуми: Алашара, 1970б. Т. 1. С. 30–51.

Трапш М.М. Первобытнообщинный строй (версия «Очерков истории Абхазской АССР», дополненная из рукописи «Очерки археологии Абхазской АССР») // Трапш М. М. Труды. Сухуми: Алашара, 1970в. Т. 1. С. 55–66.

КАМЕННЫЙ ВЕК
И ЭПОХА БРОНЗЫ

***С. А. Кулаков*[1], *А. И. Джопуа*[2,3], *М. А. Кулькова*[4], *Т. В. Сапелко*[5]**

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
[2] Абхазский государственный музей, Сухум, Абхазия
[3] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия
[4] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[5] Институт озероведения РАН, Санкт-Петербург, Россия

Новые биостратиграфические данные по пещерной стоянке Мачагуа (Гудоутский район Абхазии)

Для цитирования: *Кулаков С. А., Джопуа А. И., Кулькова М. А., Сапелко Т. В.* Новые биостратиграфические данные по пещерной стоянке Мачагуа (Гудоутский район Абхазии) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 48–54.

***Sergey A. Kulakov*[1], *Arkadiy I. Dzhopua*[2, 3], *Marianna A. Kul'kova*[4], *Tat'yana V. Sapelko*[5]**

[1] Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg, Russia
[2]Abkhaz State Museum, Sukhum, Abkhazia
[3]Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia
[4] Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia
[5] Institute of Lakes Science RAS, St. Petersburg, Russia

New biostratigraphic data on the Machagua cave stand (Gudouta region of Abkhazia)

For citation: Kulakov S. A., Dzhopua A. I., Kul'kova M. A., Sapelko T. V., 2022. Novyye biostratigraficheskiye dannyye po peshchernoy stoyake Machagua (Gudoutskiy rayon Abkhazii) [New biostratigraphic data on the Machagua cave stand (Gudouta region of Abkhazia)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila*

© Кулаков С. А., Джопуа А. И., Кулькова М. А., Сапелко Т. В., 2022.

Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]. Moscow — Sukhum. P. 48–54.

В 2015 г. совместный Российско-абхазский археологический отряд произвел дополнительные полевые комплексные исследования пещерной стоянки Мачагуа. Первому стратифицированному памятнику среднего палеолита Абхазии очень повезло не только в том, что он оказался полностью раскопанным и исследованным одним коллективом специалистов под руководством М. Х. Хварцкия, но и в том, что результаты работ были после трагической гибели М. Х. Хварцкия монографически изданы (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005). В книге хорошо даны геологическое и геоморфологическое положения памятника, стратиграфия культуросодержащих отложений и анализ каменной индустрии. Другие биостратиграфические данные, в первую очередь палеоботанические и фаунистические остатки, состав и генезис пещерных отложений, не были тогда в полной мере изучены и опубликованы. Поэтому этот пробел в очень важной информации для реконструкции жизнедеятельности древних людей на памятнике решено было ликвидировать.

Пещерная стоянка Мачагуа находится в карстовой полости в скальном массиве южного склона Бзыбского хребта, в западном борту ущелья р. Эгырта, правого притока р. Хипста (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005), в 1 км к северу от села Хуап Гудоутского района Абхазии, на абсолютной высоте более 600 м и относительной высоте над уровнем р. Эгырта около 80 м. Пещерная полость галерейного типа протяженностью более 50 м заканчивается резким сужением и падением полости в глубь массива. Пещера имеет восточную экспозицию, ее привходовая часть хорошо освещается и прогревается и удобна для проживания.

Пещера была открыта в 1980 г. группой археологов Причерноморской археологической экспедиции ИА АН СССР, возглавляемой В. В. Бжания (Бжания, Хварцкия, 1980. С. 3–5). Исследование памятника проводилось М. Х. Хварцкия в течение 5 полевых сезонов, в 80–90-е годы XX в. (Хварцкия, 1992. С. 109–118; Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005). В результате было вскрыто более 60 кв. м площади пещерных отложений на глубину более 3 м. Раскопки показали, что стоянка первобыт-

ного человека располагалась в основном в привходовой части пещеры, достаточно хорошо освещенной, прогреваемой и сухой. Шурф, находящийся в 7 м от края раскопа 1990 г., по словам Н. Е. Поляковой, был пробит до скального дна, находки (артефакты и фауна) в культуросодержащих горизонтах еще встречались, но в гораздо меньшей степени, чем в раскопе, т.е. вглубь пещеры древние люди заходили, но не использовали ее для проживания, как, впрочем, и во всех галерейных пещерах Северо-Западного Кавказа.

Разрез пещерных отложений в Мачагуа, оставленный в 1990 г., хорошо сохранился, этому способствовало то, что пещера, по всей видимости, практически не посещалась ни людьми, ни животными. Разрез в центре был зачищен на всю мощность полосой шириной 50 см, от пересохшей корочки до естественного состояния и цвета пещерных отложений. После чего натуральный разрез был совмещен с описанием и рисунками 1990 г. Затем, согласно всем методическим правилам, был произведен отбор образцов самими специалистами-естественниками, что очень важно для чистоты и надежности выводов. Всего была отобрана непрерывная колонка из 35 образцов. Снизу вверх М. А. Кульковой и Т. С. Сапелко в одних и тех же точках были взяты пробы на литолого-минералогический и спорово-пыльцевой анализы (рис. 1).

Образцы пещерных культуросодержащих отложений из Мачагуа в настоящее время находятся в обработке, но уже получены три радиоуглеродные даты в Лаборатории изотопных исследований факультета географии РГПУ им. А. И. Герцена (М. А. Кулькова, Санкт-Петербург) по костям животных из слоя 2, 3б и 4 (рис. 1). Слой 2 — 26082±700 BP (SPb-2008); слой 4б — 43000± 700 BP (SPb-2010); слой $4б_2$ — 39500±700 BP (SPb-2009). Эти абсолютные даты, бесспорно, требуют еще осмысления и перепроверки.

К настоящему времени получены первые результаты литолого-геохимических и палинологических исследований процессов осадконакопления в пещерной стоянке Мачагуа, которые уже позволяют предложить первые реконструкции климатической обстановки вокруг жилища древних людей в позднем плейстоцене данного региона. Описание культуросодержащих пещерных отложений дается по номенклатуре 1990 г. Артефакты и фаунистические остатки (95,8% которых — кударский пещерный медведь) представлены во всех исследованных слоях (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005).

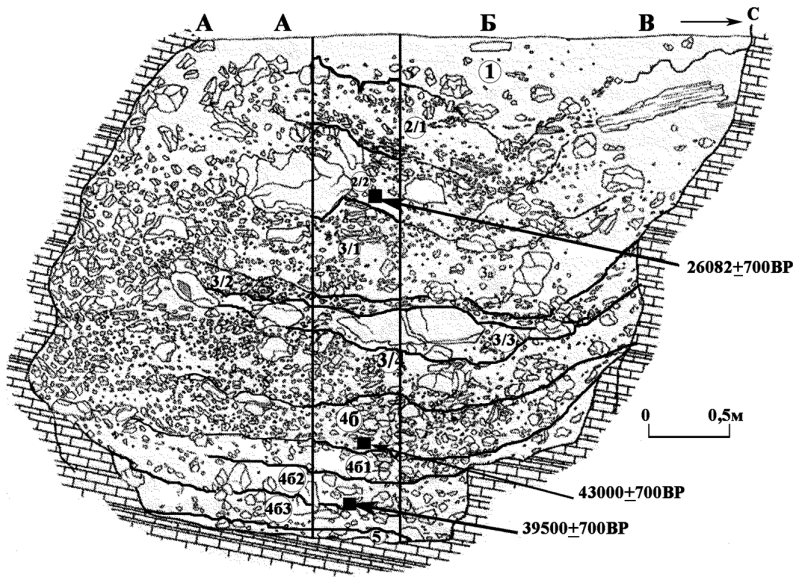

Рис. 1. Пещерная стоянка Мачагуа. Разрез культуросодержащих отложений
1–5 — нумерация слоев по номенклатуре 1990 г. (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005). Вертикальными линиями указано место колонки отбора образцов отложений. Стрелками указаны места извлечения костей животных на датирование

1 слой — суглинок серый легкий, сухой, с единичными, разновеликими известняковыми щебенками и известняковым хрящом. Контакт неровный и нечеткий. Мощность до 60 см. Слой 1 — это заполнение эрозионного вреза, с наибольшей мощностью в центре промоины. На современной дневной поверхности был найден один кремневый скол. Наблюдается переход к более влажным и теплым климатическим условиям. Антропогенная нагрузка незначительно возрастает по сравнению с нижележащим слоем.

2_1 слой — суглинок коричневый средний, сухой, плотный, с небольшим количеством разновеликого известнякового щебня, мелких обломков и известнякового хряща, которые слегка корродированы и не оглажены. Скорее всего, слой 2 также является заполнением эрозионного вреза, с наибольшей мощностью в центре промоины. Контакт достаточно ровный и четкий. Мощность слоя до 45 см. В целом уровень антропогенной активности остается низким на фоне улучшающейся климатической обстановки.

2_2 слой — суглинок коричневый средний, сухой, плотный, с большим количеством разновеликого известнякового щебня, разновеликих обломков и известнякового хряща, которые слегка корродированы и не оглажены. Этот слой является нижней частью заполнения эрозионного вреза, с наибольшей мощностью в центре промоины. Контакт достаточно ровный и четкий. Мощность слоя до 45 см. В целом уровень антропогенной активности остается низким. Слой сформировался в сухих и прохладных климатических условиях.

3_1 слой — суглинок буро-коричневый средний, сухой, плотный, переполненный корродированными и оглаженными в разной степени известняковыми обломками, щебнем и хрящом. Читается некоторая субгоризонтальная уложенность известняковых обломков и щебня, с небольшим провисанием в центре разреза. Контакт ровный и четкий. Мощность до 50 см. Слой характеризуется сухими и теплыми условиями. Антропогенная нагрузка продолжает сокращаться.

3_2 слой — суглинок светло-коричневый средний, сухой, плотный, насыщен корродированными и сильно оглаженными известняковыми обломками, щебнем и хрящом. Контакт неровный и нечеткий. Мощность до 50 см. Для данного слоя отмечается переход к более теплым и сухим условиям. Антропогенная нагрузка уменьшается в два раза.

3_3 слой — «гумусированный прослой», суглинок черно-бурый средний, сухой, плотный, практически без известнякового щебня и хряща. Контакт ровный и четкий. Мощность до 10 см. Отмечается переходный период от сухих и прохладных условий к более влажным. Антропогенная активность на данном этапе возрастает.

3_4 слой — суглинок коричнево-бурый средний, сухой, плотный, насыщен корродированными и сильно оглаженными известняковыми обломками, щебнем и хрящом. В слое, в зачистке были обнаружены два кремневых изделия и зуб пещерного медведя. Контакт неровный и нечеткий. Мощность до 50 см. Для данного слоя отмечается резкий переход к сухим и наиболее прохладным условиям с продолжающимся трендом к снижению уровня антропогенной активности, а также возможное наличие вулканического стекла.

4б слой — суглинок коричневый средний, влажный, плотный, с большим количеством корродированного и оглаженного известнякового щебня, хряща и разновеликих обломков известняка. Мощность до 35 см. Слой характеризуется смещением климатических условий в сто-

рону более прохладных и сухих. Антропогенная нагрузка продолжает снижаться.

4б$_1$ слой — суглинок темно-коричневый средний, влажный, плотный, с небольшим количеством корродированного и оглаженного известнякового щебня и хряща, разновеликих обломков известняка становится еще больше. Мощность до 20 см. В целом климатические условия можно охарактеризовать как умеренно теплые. Антропогенная нагрузка постепенно снижается. По минералогическому составу предполагается наличие включений вулканического стекла.

4б$_2$ слой — суглинок коричневый средний, влажный, плотный, с небольшим количеством корродированного и оглаженного известнякового щебня и хряща, разновеликих обломков известняка становится больше. Мощность до 25 см. Климатические условия остаются теплыми с небольшим изменением в сторону сухости.

4б$_3$ слой — суглинок темно-коричневый средний, влажный, плотный, с небольшим количеством корродированного и оглаженного известнякового щебня, хряща и мелких обломков. Мощность до 20 см. Отражает климат теплый и влажный. Антропогенная нагрузка максимальная для рассматриваемого разреза.

5 слой — суглинок светло-коричневый, придонный элювий известняков (?). На контакте со скальным дном пещеры обнаружен зуб пещерного медведя. Мощность до 5 см.

Проведенные исследования культуросодержащих отложений пещерной стоянки Мачагуа выявили горизонты с пониженным уровнем антропогенной активности, совпадающие с периодами ухудшения климатической обстановки. Такого рода изменения наиболее ярко отражены на границе слоев 4б и 3$_4$. В этот период отмечается самый низкий показатель индекса химического выветривания, а также наблюдаются пиковые изменения климатических условий в сторону похолодания. Влияние похолодания, вероятно, распространилось на последующий период, так как снижение антропогенного фактора продолжалось в слоях 3$_{3\text{-}1}$. Сопоставление условий осадконакопления в слоях 4б и 3$_4$ стоянки Мачагуа с ранее проведенными исследованиями культуросодержащих отложений Ахштырской пещерной стоянки (Кулаков, Кулькова, 2011. С. 59–77; Кулаков, Поспелова, 2012. С. 37–46) дает возможность предположить, что климатические изменения в этот период происходили в связи с извержениями вулканов

Кавказа 40 тыс. л. н., носившими катастрофический эксплозивный характер.

Эти новые биостратиграфические данные, а также впервые полученные датировки этой стоянки подтверждают нашу точку зрения о культурно-хронологическом месте пещерной стоянки Мачагуа. Эта стоянка, бесспорно, входит в круг среднепалеолитических памятников Северо-Западного Кавказа (пещерные памятники Сочи-Адлера и Прикубанья: пещерные стоянки Ахштырская, Навалишенская, Кепшинская, Хостинские, Матузка). В хронологическом плане колонка культуросодержащих отложений Мачагуа надстраивает и расширяет опорную для этого круга памятников ахштырскую колонку в ее верхней среднепалеолитической части (Кулаков, 2005. С. 158–161). Представляется, что слой 4б Мачагуа по времени соответствует слою 3/2 — «верхнему мустьерскому» Ахштырской пещерной стоянки, датируемому так же в интервале 38 — 40 тыс. л. н. (Кулаков, Кулькова, 2011. С. 59–77; Кулаков, Поспелова, 2012. С. 37–46).

Литература

Бжания В. В., Хварцкия М. Х. Разведки в с. Хуап // АОА в 1980 году / ред. Г. К. Шамба. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 3–5.

Кулаков С. А. Новые данные по стратиграфии и хронологии Ахштырской пещерной стоянки (Северо-Западный Кавказ) // IV Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады / отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар, 2005. С. 158–161.

Кулаков С. А., Кулькова М. А. Предварительная корреляция результатов стратиграфического и литолого-минералогического изучения отложений Ахштырской пещерной стоянки // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / отв. ред. и сост. К. Н. Гаврилов. М.: ИА РАН: Таус, 2011. С. 59–77.

Кулаков С. А., Поспелова Г. А. Новые данные по палеомагнитной хронологии Ахштырской пещерной стоянки // КСИА РАН. М.: Языки славянской культуры, 2012. Вып. 227. С. 37–46.

Хварцкия М. Х. Мустьерская пещерная стоянка в Абхазии // СА. М., 1992. № 4. С. 109–118.

Хварцкия М.Х., Полякова Н.Е., Очередной А.К. Мачагуа — памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб.: Копи-Р, 2005. 176 с.

А. Ю. Скаков
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Изучение археологии Кавказа в Отделе бронзового века Института археологии РАН / АН СССР

Для цитирования: *Скаков А. Ю.* Изучение археологии Кавказа в Отделе бронзового века Института археологии РАН / АН СССР // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 55–66.

Aleksandr Yu. Skakov
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

Studying the archeology of the Caucasus at the Bronze Age Department of the Institute of Archeology RAS / USSR Academy of Sciences

For citation: Skakov A.Yu., 2022. Izuchenie arkheologii Kavkaza v Otdele bronzovogo veka Instituta arkheologii RAN / AN SSSR [Studying the archeology of the Caucasus at the Bronze Age Department of the Institute of Archeology of the RAS / USSR Academy of Sciences]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 50–62.

© Скаков А. Ю., 2022.

Отдел бронзового века является структурным подразделением Института археологии РАН, созданным в 1944 г. как Сектор неолита и бронзы. Нынешнее название Отдел носит с 1994 г., когда из него был выделен сформированный в 1992 г. Сектор палеолита и мезолита, ставший Отделом каменного века.

Одним из важнейших направлений в работе отдела является исследование южной части степей Евразии, Предкавказья, Северного Кавказа и Закавказья. Традиционно «кавказское» направление исследований связано в первую очередь с именем Евгения Игнатьевича Крупнова (16.03.1904 — 19.09.1970), его археологической школой (Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, В. В. Бжания и многие другие), а также с уже многочисленными «учениками его учеников». Е. И. Крупнов, являвшийся учеником В. А. Городцова, в 1933 г. начал свою экспедиционную деятельность на Кавказе и в ходе многолетних работ исследовал значительное количество неординарных и эталонных памятников эпохи поздней бронзы (каякентско-хорочоевская культура), поздней бронзы — раннего железа (кобанская культура), раннего и зрелого Средневековья (Кузнецов, 1973; Список печатных работ Е. И. Крупнова, 1973). Необходимо особенно отметить его работы по докобанским (начиная с эпохи ранней бронзы) памятникам Северной Осетии (Крупнов, 1951а), монографическую публикацию Жемталинского клада VIII–VII вв. до н. э. в Кабардино-Балкарии (Крупнов, 1952), издание материалов Таркинского могильника с погребениями каякентско-хорочоевской культуры и сарматского времени в Дагестане (Крупнов, 1951б), могильников Верхняя Рутха в Дигории и Нестеровский в Ингушетии (Крупнов, 1960), Змейского поселения кобанской культуры (Деопик, Крупнов, 1961), начало работ на Сержень-Юртовском поселении кобанской культуры в Чечне. Особенно значительным вкладом в науку стала монография «Древняя история Северного Кавказа» (1960а), за которую Е. И. Крупнову в 1963 г. была присуждена Ленинская премия. Монография, посвященная памятникам кобанской культуры, в рамках которой были выделены три локальных варианта, до сих пор, спустя почти 60 лет, в значительной степени определяет научные подходы к исследованию этого феномена. По большому счету, несмотря на множество капитальных трудов, мы до сих пор не имеем нового столь же всеобъемлющего исследования древностей Северного Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа.

В те же годы, что и Е. И. Крупнов, памятники соседнего региона, степей Юга России, изучал руководитель Сектора неолита и бронзы в 1973–1988 гг. Николай Яковлевич Мерперт (26.11.1922 — 29.01.2012). Кроме того, в течение нескольких лет (1956, 1959, 1960 гг.) Н. Я. Мерперт совместно с Е. И. Крупновым исследовал памятники Северного Кавказа, в частности разновременные погребения в курганах у станицы Мекенской (Крупнов, Мерперт, 1963).

Одним из учеников Е. И. Крупнова был Владимир Иванович Марковин (29.12.1922 — 23.02.2008), также сочетавший активную полевую деятельность и создание основополагающих и фундаментальных исследований (Список печатных работ В. И. Марковина, 1998; Мунчаев, 2004; Мунчаев, Кореневский, 2008). В центре его внимания находились памятники культуры эпохи бронзы и раннего железного века Северо-Восточного Кавказа, в том числе памятники каякентско-хорочовской культуры (Марковин, 1969; 1994а) и выделяемой в настоящее время гинчинской культуры) (Марковин, 1989; 1994б), и иных регионов Кавказа (в первую очередь северокавказская культура, или, как стал считать в дальнейшем сам В. И. Марковин, северокавказская культурно-историческая общность эпохи средней бронзы) (Марковин, 1960; 1994в), а также дольмены Западного Кавказа (Марковин, 1978; 1994г; 1997; 2011). В. И. Марковин среди целого ряда разновременных памятников исследовал могильники эпохи бронзы у сел Гатын-Кале и Харсеной, а также Зандакский могильник эпохи раннего железа в Чечне (Марковин, 2002), но поистине титанической работой стало исследование (с проведением обмеров) сотен дольменов Северо-Западного Кавказа. Можно уверенно утверждать, что исследования В. И. Марковина по культурам эпохи бронзы на территории современного Дагестана, по выделению северокавказской общности, по культуре строителей дольменов и архитектурным особенностям этих сооружений стали основополагающими в изучении данных направлений археологии Кавказа. Кроме того, отметим работы В. И. Марковина по памятникам древнего наскального искусства Дагестана (Марковин, 2006), по бронзовой антропоморфной пластике Кавказа (Марковин, 1986), по средневековой истории и культуре Ингушетии (Марковин, 1971; 2008), по монументальной средневековой архитектуре Северного Кавказа, монографии и статьи с критикой параисторических построений некоторых «энтузиастов» конца XX —

начала XXI в., многочисленные научно-популярные издания, ориентированные на широкий круг читателей.

Древности Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы, учитывая широкий фон синхронных памятников Западной и Центральной Европы, Балкан, Передней Азии и Ближнего Востока, на протяжении десятилетий исследует Сергей Николаевич Кореневский (род. 09.10.1946). С. Н. Кореневский в 2009 г. стал членом-корреспондентом Германского археологического института (DAI), также с 2009 г. он является заместителем руководителя межотдельской Группы по изучению археологии Кавказа (руководителю Р. М. Мунчаев). В 1975 г. им была защищена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы: втульчатые топоры», в 2001 г. — диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (внутренняя типология майкопско-новосвободненской общности)», изданная в 2004 г. в качестве монографии. Исследование майкопско-новосводненской общности велось с привлечением данных из целого ряда поселенческих и погребальных памятников, исследованных самим автором или с его участием, в частности поселений 1–6 у станицы Галюгаевской на р. Терек (работы 1985–1991 гг.) (Кореневский, 1993; 1995). В рамках этой общности С. Н. Кореневским выделены галюгаевско-серегинский, псекупский, долинский и новосвободненский варианты. Кроме того, автором созданы сводка и типология известных сейчас медных предметов майкопско-новосвободненской общности и встреченных с ними в комплексах изделий из золота, серебра и полудрагоценных камней (Кореневский, 2011). С. Н. Кореневский обратился к исследованию элитарных курганных погребений эпохи энеолита Восточной Европы и Кавказа, рассматривая майкопско-новосвободненские и синхронные им лейлатепинские памятники Южного Кавказа на этом широком фоне (Кореневский, 2012).

Параллельно с работами по майкопско-новосвободненской проблематике С. Н. Кореневский на основании собственных работ (раскопки Неженских курганов в районе Кавказских минеральных вод в 1982–1984 гг. и курганов у станицы Архонской в Северной Осетии в 1988 г.) исследовал памятники Центрального Предкавказья эпохи средней бронзы (выделенная им кавминводская группа) и переходного периода от эпохи средней бронзы к поздней (аликоновская и архонская группы)

(Кореневский, 1990; Кореневский, Мимоход, 2011). К широкому временному отрезку (древнеямные племена, периферийные группы майкопско-новосвободненской общности, предкатакомбный и раннекатакомбный периоды, манычская катакомбная культура, лолинская культура, поздний бронзовый век) относятся и ранние комплексы Большого Ипатовского кургана на Ставрополье, в исследовании и публикации материалов которого принимал участие С. Н. Кореневский (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007). Тем самым С. Н. Кореневский продолжает заложенное Е. И. Крупновым и В. И. Марковиным направление работы отдела, связанное с изучением северокавказских и предкавказских памятников эпохи средней бронзы.

С 1979 г. в Институте археологии работает Александр Николаевич Гей (род. 03.06.1953), являющийся признанным специалистом по энеолиту и бронзовому веку юга Восточной Европы и Северного Кавказа. В 1985 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (о роли мариупольской провинции в формировании степных скотоводческих культур эпохи бронзы)», научным руководителем являлся Н. Я. Мерперт. В дальнейшем А. Н. Геем была опубликована монография (завершенная в 1990 г.), посвященная обоснованию выделения (выделена в 1979–1980 гг.) новотиторовской культуры Степного Прикубанья, ее датировки в рамках XXVII–XXII вв. до н.э., ее хронологических этапов и локальных вариантов, определению ее места среди синхронных культур Кавказа и Восточной Европы (Гей, 2000). Исследование во многом опиралось на материалы, полученные автором в ходе работ в 1979–1990 гг. (в 1975–1978 гг. — Донская экспедиция Института археологии РАН) Северо-Кавказской экспедиции Института археологии РАН (с 1981 г. А. Н. Гей руководил ее работами). А. Н. Гей опубликовал полученные в ходе работ этих экспедиций материалы Самсоновского поселения эпохи бронзы в Усть-Донецком районе Ростовской области (Гей, 1983), майкопские памятники низовьев Кубани (Гей, 2008), ряд других комплексов, а также несколько обобщающих статей по проблематике археологии бронзового века Юга Европейской России. В дальнейшем работы Северо-Кавказской экспедиции А. Н. Гея были сосредоточены в первую очередь на дольменных памятниках, в частности Абинского района Краснодарского края (Гей, 2010).

Из Отдела теории и методики в Отдел бронзового века перешла Марина Владимировна Андреева (род. 11.01.1952). В 2008 г. ею была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Восточноманычская катакомбная культура» (научным руководителем являлся Р. М. Мунчаев). В 2014 г. диссертация была издана в качестве монографии (Андреева, 2014). В работе проанализированы погребальные памятники восточноманычской катакомбной культуры, сделан акцент на культовой специфике изучаемых материалов, на остатках системы сложных и многоплановых ритуальных действий, на проявлениях социальной организации общества, выдвинута гипотеза о соотнесенности курганной планиграфии с планиграфией большесемейного стойбища. Отметим также публикации М. В. Андреевой материалов раскопок на Ставрополье курганов у Чографского водохранилища (работы 1977–1979 гг., в 1977–1978 гг. их проводил В. А. Кореняко), комплексов эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное Знамя» (1980 г.), курганов у с. Спасское (1988 г.) (Андреева, 1989; Андреева, Петренко, 1998; Андреева, Новикова, 2001).

С 1996 г. в отделе работает Александр Юрьевич Скаков (род. 28.11.1971), защитивший в 1998 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник» (научным руководителем был В. И. Марковин). В этой работе автор каталогизировал известные орнаментированные топоры кобанской и колхидской культур эпохи поздней бронзы — раннего железа, предложил их классификацию, выделил четыре периода относительной хронологии и несколько локальных вариантов кобано-колхидского графического стиля. В дальнейшем в центре внимания А. Ю. Скакова продолжают оставаться памятники Центрального Кавказа и Западного Закавказья эпохи поздней бронзы — раннего железа, когда, по его мнению, выделяется кобано-колхидская культурно-историческая общность, состоящая из нескольких взаимосвязанных культур. С 2002 г. А. Ю. Скаков, исследовавший до этого археологические памятники Дигорского ущелья Северной Осетии, начал работы на территории Абхазии, продолжающиеся и по сей день (Гудаутская, с 2006 г. Ткуарчальская, а с 2019 г. Очамчирская экспедиция Института археологии РАН, совместная с Абхазским институтом гуманитарных исследований Академии наук Абхазии и Абхазским государственным музеем). За это время исследовались и были введены в научный

оборот поселенческие и погребальные памятники эпохи поздней бронзы (Абгархукское поселение), раннего железного века (погребения в с. Абгархук и Ачандара), финала поздней Античности — начала раннего Средневековья (могильник Цоухуа в с. Ачандара). С 2006 г. исследуется яркий Джантухский могильник в ранее практически не изучавшейся горной части Юго-Восточной Абхазии, полученные на котором многочисленные материалы датируются в пределах XIII–XII — II вв. до н.э. (Скаков, 2010; 2015). Исследуется также синхронное данному могильнику поселение, а ряд работ был посвящен памятникам более позднего времени — поселению эпохи переселения народов на горе Джантух и раннесредневековому храму на горе Лашкендар. В ряде работ А.Ю. Скаков обращался также к хронологии протокобанского и предскифского периодов.

Начиная с 2004 г. в отделе работает (с перерывом в 2008–2011 гг., когда он работал в Отделе охранных раскопок в связи с масштабными исследованиями, проводившимися на территории г. Сочи) Александр Александрович Клещенко (род. 17.06.1982). В 2011 г. А. А. Клещенко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Северокавказская культура Закубанья» (научным руководителем являлся А. Н. Гей). Проанализировав значительный массив погребений раннего этапа среднебронзового века Закубанья, автор выделил три хронологических этапа для локального закубанского варианта северокавказской культуры, попытался обосновать гипотезу о миграционном (постмариупольская (квитянская) культура) происхождении северокавказской погребальной обрядности. В дальнейшем А. А. Клещенко закономерно расширил территориальные рамки своих исследований, посвятив, в частности, отдельную работу суворовской катакомбной культуре Центрального Предкавказья (Клещенко, 2013). В 2014–2015 гг. А.А. Клещенко исследовал курганную группу Кенделенская I в ущелье р. Баксан (Кабардино-Балкария) с богатым погребальным инвентарем эпохи средней бронзы, демонстрирующим взаимодействие жителей степей и предгорий Северного Кавказа в сер. IV — 1-й пол. III тыс. до н.э. (Клещенко, 2015).

В 2017 г. в Отдел бронзового века из Отдела сохранения археологического наследия перешел Роман Алексеевич Мимоход (род. 22.04.1973). В 2013 г. Р. А. Мимоход защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Лолинская культура.

Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века», опубликованную тогда же в виде монографии (Мимоход, 2013) (Научным руководителем являлся А. Н. Гей). В работе было обосновано выделение лолинской культуры посткатакомбного времени, определены ее хронология и периодизация, соотношение с другими культурными образованиями посткатакомбного блока. Ранее Р. А. Мимоходом или с его участием был опубликован ряд ярких комплексов, преимущественно эпохи бронзы, происходящих с территории Северного Кавказа (Кореневский, Мимоход, 2011), Саратовского Поволжья (Мимоход, 2009) и других регионов. Кроме того, Р. А. Мимоходом исследовались курганы бронзового века на Нижнем Дону, на правобережье Северского Донца (Мимоход, 2010; 2018), совместно с А. А. Клещенко, А. Ю. Скаковым и другими сотрудниками Института археологии РАН велись планомерные исследования ряда памятников, в том числе поселений эпохи раннего железа, в зоне строительства олимпийских объектов в г. Сочи (Мимоход, Скаков, Клещенко, 2015; Мимоход, Клещенко, Скаков, 2015).

Тесная взаимосвязь соседних регионов обусловила тот факт, что целый ряд специалистов отдела занимись и занимаются памятниками не только Северного Кавказа и Предкавказья, но и степей Юга России. Кроме уже упомянутого Н. Я. Мерперта, это: Валентин Павлович Шилов (11.12.1917 — 12.11.1995), Валерий Иосифович Мельник (род. 12.01.1949), Геннадий Григорьевич Пятых (род. 02.01.1951), Владимир Александрович Кореняко (03.03.1953–09.01.2016), Лариса Андреевна Новикова (род. 07.10.1950), Александр Михайлович Смирнов (род. 27.04.1947), Борис Вадимович Мелешко (род. 28.08.1962).

Таким образом, применительно к археологии Кавказа в рамках отдела выработалось несколько основных направлений исследования — культуры Северного Кавказа и Предкавказья эпохи ранней бронзы, культуры этих регионов эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе, культуры Кавказа (включая Закавказье) эпохи поздней бронзы — раннего железа, памятники древнего искусства данных регионов.

Литература

Андреева М. В. Курганы у Чографского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья / отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: Наука, 1989. С. 24–124.

Андреева М. В., Петренко В. Г. Комплексы эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное Знамя» (Ставропольский край) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Археология / отв. ред. А. Б. Белинский. Ставрополь, 1998. С. 7–54.

Андреева М. В., Новикова Л. А. Курганы у села Спасского Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология / гл. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 5–51.

Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.

Гей А. Н. Самсоновское поселение // Древности Дона: материалы работ Донской экспедиции / отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 7–34.

Гей А. Н. Новотиторовская культура. М., 2000. 224 с.

Гей А. Н. Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корр. РАН, проф. Р. М. Мунчаева / ред.-сост. Н. Я. Мерперт, С. Н. Корневский. М.: ТАУС, 2008. С. 177–195.

Гей А. Н. Памятники эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа // ИА: Новые полевые исследования / под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2010. С. 25–27.

Деопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Тр. археологической экспедиции 1953–1957 гг. МАДИСО. / ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1961. Т. 1 С. 11–36.

Клещенко А. А. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. М., 2013. С. 171–190.

*Клещенко А. А.*Курганы эпохи бронзы Центрального Предкавказья // ИА: новые экспедиции и проекты / под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2015. С. 28–29.

Кореневский С. Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья (Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод). М., 1990. 174 с.

Кореневский С. Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993. 167 с.

Кореневский С. Н. Галюгай I — поселение майкопской культуры. М.: ИЭА РАН, 1995. 189 с.

Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

Кореневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.:ТАУС, 2011. 336 с.

Кореневский С. Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: ТАУС, 2012. 256 с.

Кореневский С. Н., Мимоход Р. А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 120 с.

Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 2007. 229 с.

Кузнецов В. А. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. Посвящается памяти Е.И. Крупнова / отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 1–7.

Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, МИА СССР. № 23 / ред. Е. И. Крупнов. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951а. С. 17–74.

Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана (Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 года) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА СССР. № 23 / ред. Е. И. Крупнов. М. —Л.: Изд-во АН СССР, 1951б. С. 208–225.

Крупнов Е. И. Жемталинский клад // Тр. ГИМ. Сер. «Памятники культуры». М.: Издание ГИМ, 1952. Вып. IV. 35 с.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 208 с.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. Изд. 2-е. Магас: Изд-во «Сердало», 2008. 256 с.

Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–48.

Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА СССР. М, 1960. № 93. 152 с.

Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура // МИА СССР. М.: Наука, 1969. № 122. 116 с.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Марковин В. И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа / отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 74–124.

*Марковин В. И. Д*агестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 282–291.

Марковин В. И. Каякентско-хорочоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994а. С. 334–355.

Марковин В. И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994б. С. 287–333.

Марковин В. И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994в. С. 254–286.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 226–253.

Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. 404 с.

Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука, 2002. 154 с.

Марковин В. И. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.: Наука, 2006. 210 с.

Марковин В. И. Курган Псынако — памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 84 с.

Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М.: Таус, 2009. Т. 10. 292 с.

Мимоход Р. А. Стратифицированные курганы бронзового века на Нижнем Дону // ИА: Новые полевые исследования / Под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2010. С. 32–33.

Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 16. 568 с.

Мимоход Р. А. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. Материалы спасательных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2018. Т. 23. 288 с.

Мимоход Р. А., Скаков А. Ю., Клещенко А. А. Могильник эпохи раннего железа Веселое 2 (предварительная публикация) // Материалы охранных археологических исследований: Города, поселения, могильники. / отв. ред. А. В. Энговатова, З. Х. Албегова (Царикаева). Чебоксары, 2015. Т. 17 С. 78–99.

Мимоход Р. А., Клещенко А. А., Скаков А. Ю. Поселения раннего железного века и средневековья в зоне строительства олимпийских объектов (г. Сочи, Краснодарский край) // ИА: новые экспедиции и проекты / под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2015. С. 40–41.

Мунчаев Р. М. Марковин Владимир Иванович. Страницы жизни и творчества // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа / ред. Р. М. Мунчаев, С. Н. Кореневский. М.: ИА РАН, 2004. С. 5–20.

Мунчаев Р. М., Кореневский С. Н. Памяти Владимира Ивановича Марковина (1922–2008) // РА. 2008. № 3. С. 190–192.

Скаков А. Ю. Археологические исследования в Абхазии // ИА: Новые полевые исследования / под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2010. С. 28–29.

Скаков А. Ю. Джантухский могильник в Абхазии // ИА: новые экспедиции и проекты / Под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2015. С. 30–31.

Список печатных работ Е. И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. Посвящается памяти Е. И. Крупнова / сост. А. В. Чернецов, отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 8–18.

Список печатных работ Марковина Владимира Ивановича // Древности Северного Кавказа / отв. ред. О. М. Давудов. Махачкала, 1998. С. 11–23.

А. Л. Будайчиев
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

Типология керамики поселения эпохи ранней бронзы Сугют (Южный Дагестан)

Для цитирования: *Будайчиев А. Л.* Типология керамики поселения эпохи ранней бронзы Сугют (Южный Дагестан) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 67–71.

Arsen L. Budaychiev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

Typology of ceramics of the settlement of the Early Bronze Age Sugut (South Dagestan)

For citation: Budaychiev A.L., 2022. Tipologiya keramiki poseleniya epokhi ranney bronzy Sugyut (Yuzhnyy Dagestan) [Typology of ceramics of the settlement of the Early Bronze Age Sugut (South Dagestan)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 67–71.

Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН совместно с НПЦ «Дагестанская археологическая служба» (ООО НПЦ «ДАРС») в сезоне 2007 г. провела исследования на поселении эпохи ранней бронзы Сугют (Гаджиев и др., 2007. С. 134). Поселение было открыто в 2004 г. при проведении историко-культурной экспертизы вдоль трассовой ВЛ —

© Будайчиев А. Л., 2022.

10 кВ магистрального нефтепровода «Баку–Тихорецк». Оно получило свое название по одноименному урочищу, расположенному к югу от плато Паласа-сырт, в хорошо разработанной широкой пойме древней реки, у соединения урочищ Шур-дере и Сугют в 2,5 км к юго-западу от с. Новый Фриг Дербентского района Республики Дагестан. Поселение расположено на останце и представляет собой в плане холм трапециевидной формы. Наибольшая высота холма около 15 м. В плане верхняя площадка холма имеет размеры 70 х 90 м (Гаджиев и др., 2007. С. 134; Магомедов, Гаджиев, Будайчиев, 2008. С. 95). На раскопе А, площадью 48 кв. м, были исследованы верхние культурные напластования (на глубину 1,0 м), насыщенные фрагментами керамики, кусками обожженной глины и печины, фрагментами турлука, костями животных и связанные с ними остатки верхнего (первого) строительного горизонта.

Наиболее массовым материалом на поселении, как это обычно и бывает, является керамика. На этом памятнике обнаружено более 1200 единиц керамики, в большей своей массе это обломки и фрагменты глиняной посуды. Анализ керамического материала, полученного в ходе раскопок, показывает, что мы имеем дело с традиционной посудой, характерной для памятников эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Типологическая классификация керамического материала, полученного из верхних слоев поселения Сугют, выглядит следующим образом.

Миски. Этот вид глиняной посуды представлен большим количеством разнообразных фрагментов. Встречаются миски без ручки и миски, снабженные ручками. Ручки, как правило, располагались на закраине мисок. Форма ручек разнообразна: горизонтально трубчатые со сквозным отверстием, полушарные и ленточные с расширением (усиками) у основания. По характеру оформления венчика миски делятся на следующие типы: утолщенные (воротничкообразные, округлые, овальные) и миски без внутреннего утолщения на венчике (рис. 1, *2–4*). Такие миски типичны для куро-аракских памятников, расположенных на территории Приморского Дагестана (Гаджиев, 1991. С. 207–208; Магомедов, 2000. С. 62; Гаджиев, Магомедов, 2008. С. 280).

Сосуды типа банок, имеющие относительно ровные вертикальные стенки. Встречаются фрагменты сосудов этого типа как одноручных, так и без ручек.

Чашки и кружки слабо идентифицируются из-за отсутствия относительно показательных фрагментов.

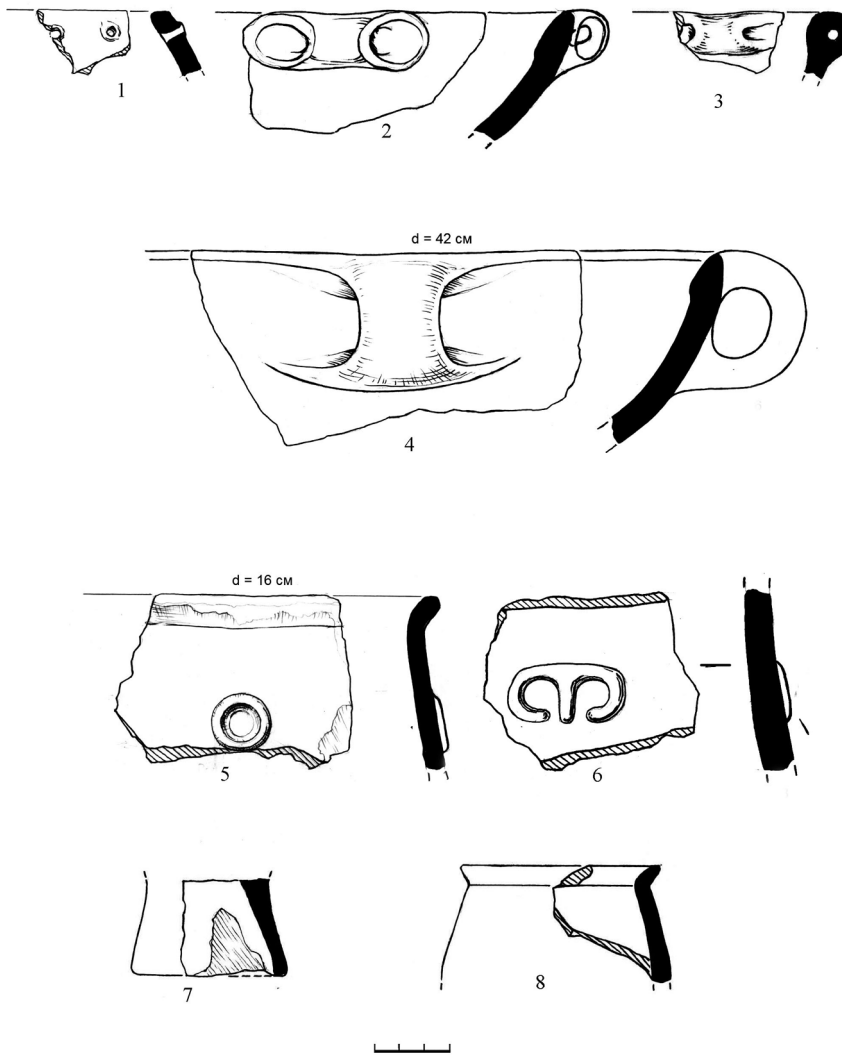

Рис. 1. Керамика поселения Сугют

Горшкообразные сосуды различных форм и размеров. Встречаются как большие тарные сосуды с отогнутыми венчиками и яйцевидным туловом, так и средних и малых размеров горшки с резко отогнутыми короткими венчиками. Встречаются так называемые горшки биконической формы (рис. 1, *8*).

Сосуды на полых ножках (рис. 1, *7*).

Отдельный вид керамической посуды — это так называемая специальная кухонная керамика, которая представлена фрагментами закраин сковород с горизонтальными отверстиями под краем (рис. 1, *1*).

В основной своей массе керамика из поселения не декорирована, за исключением некоторых обломков тарной посуды, украшенных ниже венчика рельефными налепными изображениями — «букраниями» различных типов, а также налепами в виде колец (рис. 1, *5–6*). Такой орнаментальный мотив как рельефное изображение голов быка, встречается еще только на одном памятнике этого же времени на территории Дагестана — это Карабудахкентский могильник II, исследованный в 1950–1951 гг. Р. М. Мунчаевым и К. Ф Смирновым (Мунчаев, Смирнов, 1958. С. 147–170). В завершение следует отметить полное отсутствие среди керамической коллекции верхнего слоя поселения Сугют, с одной стороны, обломков так называемой обмазанной керамики, а с другой стороны — фрагментов высококачественной керамики типа Великент II, которая, тем не менее, представлена среди подъемного материала. Таким образом, на основании данных материалов примерные хронологические рамки для верхнего уровня поселения Сугют приходятся на конец IV — начало III тыс. до н.э. (Гаджиев и др., 2007. С. 134; Магомедов, Гаджиев, Будайчиев, 2008. С. 96).

Литература

Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 264 с.

Гаджиев М. С., Магомедов Р. Г., Ельцов П., Будайчиев А. Л. Раскопки на поселении эпохи ранней бронзы Сугют // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2007. № 4. С. 134–144.

Гаджиев М. С., Магомедов Р. Г. Торпах-кала — Куро-аракское поселение и Сасанидское городище в Южном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корр. РАН, проф. Р. М. Мунчаева / ред.-сост. Н. Я. Мерперт, С. Н. Кореневский. М.: ТАУС, 2008. С. 276–297.

Магомедов Р. Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. 120 с.

Магомедов Р. Г., Гаджиев М. С., Будайчиев А. Л. Исследования на поселении эпохи ранней бронзы Сугют // Кавказ: археология и этнология: Материалы Международной научной конференции. Азербайджан, Шамкир. 11–12 сент. 2008 г. Баку, 2009. С. 95–99.

Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент // Древние племена и народности Кавказа. МИА СССР. № 68 / отв. ред. Б. Б. Питровский. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 147–175.

Г. Н. Поплевко
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Техника выколотки в изготовлении круглодонной керамики

Для цитирования: *Поплевко Г. Н.* Техника выколотки в изготовлении круглодонной керамики// Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 72–79.

Galina N. Poplevko
Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

Driving technique in the manufacture of round-bottomed ceramics

For citation: Poplevko G. N., 2022. Tekhnika vykolotki v izgotovlenii kruglodonnoy keramiki [Driving technique in the manufacture of round-bottomed ceramics]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 72–79.

В настоящей работе будут рассмотрены некоторые приемы изготовления керамических сосудов. Технология изготовления керамики включает много приемов формовки сосудов. В основе процесса изготовления древней керамики лежит лепка руками с помощью жгутов и лент. Реже изготавливали сосуды из целого куска. В последнее время автор рассматривала этот вопрос в поисках параллелей в технологии изготовления

© Поплевко Г. Н., 2022.

круглодонной керамики майкопской культуры (Поплевко, 2013 а; б; 2014 а; б; в; г; 2015).

В отечественной литературе слабо освещен вопрос по изготовлению керамики с помощью выбивания-выколачивания. Так, у нас принято считать, что выбивание сосудов выполнялось с помощью лопаточки, с одной стороны, и наковаленки — с другой. Однако по мере погружения в проблему исследования и проведения целого ряда экспериментально-трасологических исследований как археологической, так и экспериментальной керамики привели к необходимости более подробного изложения и описания нескольких приемов лепки, связанных с выбиванием-выколачиванием глиняного теста. Помимо ручной лепки сосудов современные этнографические племена, изготавливающие круглодонную керамику, часто используют технику выколотки, или же давно используется сочетание ручной лепки и выколотки.

Выколотка — это один из способов холодной обработки металла, техника которой основана на способности металла под ударами молотка деформироваться: изгибаться, вытягиваться, садиться…

В русском языке много синонимов: выбивка, выколачивание, высаживание, выстукивание, вычеканивание, вышибание, выщелкивание, отбивание, отстукивание (Словарь русских синонимов…, 2013).

Большую помощь для понимания древних технологий изготовления керамики можно почерпнуть из этнографических наблюдений за процессом ручного изготовления профилированной керамики у существующих современных племен Юго-Восточной Азии, Африки и Южной Америки. Пока можно выделить следующие приемы: 1. Ручная лепка. 2. Выбивание. 3. Выколотка. 4. Ковка. 5. Переформатирование сосудов.

О ручной лепке написано достаточно много разными исследователями, и на этом приеме я сейчас останавливаться не буду. Следует рассмотреть сочетание разных приемов и формализовать описание различных процессов изготовления сосудов.

Выбивание сосуда из куска глины

Выбивкой называется изготовление сосуда или его части, выполненные ударами рук по куску глиняной массы. Для завершения процесса изготовления сосуда используют последующую обработку другими приемами обработки.

- (Выбивка руками + ручная лепка + выколотка деревянными лопаточками снаружи сосудов на каменной наковаленке внутри сосуда).

Операция осуществляется руками. Из одного куска глины выбивается нижняя половина сосуда, а верхняя его часть формуется с помощью лент. После завершения формовки сосуда проводится следующий этап — выколотка с помощью деревянной лопаточки снаружи на каменной наковаленке внутри сосуда. Каменная наковаленка чаще всего бывает в виде гладкого округлого камня-песта с грибовидным навершием на короткой «ножке». Вся поверхность орудия очень гладкая, хорошо заполирована. Г. Ф. Коробкова ошибочно интерпретировала эти наковаленки как гладилки-выпрямители для раскатки листовой фольги. К сожалению, ранее не было возможности проследить целую серию этнографических приемов изготовления керамики с помощью выколотки в разных регионах мира, но всюду использовались именно такие формы наковаленок. В одних случаях поверхность изнутри посыпалась золой для того, чтобы не было прилипания к поверхности сосуда, в других — они смачивались в воде для улучшения скольжения по внутренней поверхности. В таких случаях формируется гладкая заполированная внутренняя поверхность сосуда. В частности, это характерно для сосудов майкопской культуры. Можно встретить оба приема. Но для сосудов поселения Мешоко в его нижних слоях характерно использование наковаленки и ее смачивания в процессе выколотки сосудов, а в верхних — использование золы для «сухого» скольжения в процессе выколотки сосуда.

- (Выбивка руками + выколотка деревянными лопаточками снаружи сосудов на каменной наковаленке внутри сосуда).

Известны этнографические примеры изготовления выбиванием из куска глины целого сосуда с последующей выколоткой его с помощью деревянной лопаточки и каменной наковаленки или выбивкой на подставленной изнутри сосуда руке.

- (Выбивка руками + выколотка деревянными лопаточками снаружи сосудов на подставленной руке внутри сосуда).

Это так называемая «выбивка на руке». Но поскольку здесь используется деревянная лопаточка при завершающем приеме обработки, то следует этот прием также относить к выколотке «на руке».

Из вышеописанного видно, что прием использования деревянной лопаточки и каменной наковаленки (или руки) следует называть выколоткой, исходя из определения слова выколотка — бить чем-то по чему-то. Этот прием технологически хорошо описан в металлообработке или чеканке.

Выколотка — изготовление сосуда с помощью деревянных лопаточек снаружи сосуда и каменных подставок-наковаленок внутри сосуда.

- (Выколотка куска глины на плоской поверхности + разглаживание на твердой форме-основе + выколотка).

В Африке можно проследить изготовление сосуда из комка глины, который на твердой поверхности на земле выколачивается в плоский блин, затем накладывается на перевернутый вверх дном круглодонный сосуд, посыпанный золой, чтобы не приклеивался. После этого увлажненным каменным пестом этот блин аккуратно разглаживается-растягивается по всей поверхности через небольшой промежуток времени его снимают и к образовавшейся шарообразной форме приклеивают венчик. Разглаживают поверхность снаружи и изнутри и при необходимости дополнительно могут провести выколотку деревянными лопаточками по каменной наковаленке или подставленному шаровидному сосуду несколько меньших размеров.

- (Выколотка из куска глины на поверхности круглодонного сосуда, перевернутого вверх дном + ручная лепка венчика).

В данном случае из куска глины в процессе выколотки вытягивается сосуд, покрывающий всю поверхность сосуда. Для того чтобы его снять, делают вертикальные надрезы и вынимают сосуд-основу, на котором делали выколотку. После этого концы надрезов состыковывают и с помощью каменного песта и подставленного изнутри сосуда меньших размеров, выполняющего роль наковаленки, выколачивают зону этого стыка до исчезновения следов разреза. Такую же операцию проделывают и с другими надрезами. Затем вручную приклеивают венчик из ленты или жгута, который в процессе приклеивания уплощают в ленту.

Этнографические данные и последующие экспериментальные исследования по моделированию сосудов с помощью сочетания разных приемов изготовления показывают, что следует выделить еще один прием — ковка сосудов, аналогичная ковке металлических сосудов из листового металла. Процесс изготовления такого рода сосудов можно проследить на примере племен Южной Америки.

**Рис. 1. 1 — выколотка куска глины в тонкий пласт (блин) на плоскости;
2 — разглаживание выколоченного пласта глины на круглодонном сосуде каменным пестом (Африка); 3 — выколотка круглодонного сосуда на перевернутом вверх дном сосуде, используемом как форма-основа; 4, 8 — надрезы на выколоченном сосуде, для выемки формы-основы, и их соединение (Африка); 5–6 выколотка плоскодонного сосуда, изготовленного на гончарном круге с помощью деревянных лопаточек снаружи и каменного песта-наковаленки внутри его (Индия);
7 — выколотка сосуда с помощью деревянных лопаточек снаружи и каменного песта-наковаленки внутри (Индия)**

Рис. 2. 1–2 — ручная лепка сосуда из одного куска глины на перевернутом вверх дном крупном круглодонном сосуде (Эквадор); 3–4 — выколотка (переформатирование) этого плоскодонного сосуда с помощью каменного песта и каменной подставки внутри сосуда в круглодонную форму; 5 — выколотка плоского «блина» из куска глины на плоской поверхности; 6 — разглаживание выколоченного «блина» на форме-основе круглодонного сосуда; 7 — выколотка деревянными лопаточками всей поверхности сосуда; 8 — готовый сосуд, изготовленный выколоткой «блина» на плоской поверхности с последующим разглаживанием и выколоткой деревянными лопаточками на круглодонной форме-основе

Переформатирование — изменение формы сосуда в процессе его изготовления: обработка поверхности с помощью каменных пестов снаружи и каменных пестов-наковаленок внутри его, после изготовления сосуда ручной лепкой. Обработка поверхности с помощью деревянных лопаточек снаружи и каменных пестов-наковаленок внутри его, после изготовления «заготовки» сосуда на ручном гончарном круге.

- (Ручная лепка + ковка + переформатирование).

В данном случае гончар вручную лепит сосуд из куска глины или из лент. У него получается плоскодонный вытянутый вверх сосуд. Следующий этап изготовления сосуда состоит из проковки каменным пестом с широким основанием и грибовидным навершием по поверхности сосуда снаружи его, по подставленному изнутри каменному песту-наковаленке с грибовидной верхушкой и широким округлым и плоским основанием. Процесс проковки поверхности сосуда длится долго и поэтапно с остановками. В конечном результате после завершения процесса проковки вся поверхность вытянутого плоскодонного сосуда переформатируется в круглодонный сосуд. В ходе проковки внутренняя поверхность сосуда для лучшего скольжения смачивалась пестом-наковаленкой, который периодически погружался в воду.

- (Вытягивание плоскодонного сосуда из куска глины на ручном гончарном круге + выколотка деревянными лопаточками на каменном песте-наковаленке + переформатирование в круглодонный сосуд).

Переформатирование делают не только постепенной и многократной проковкой всей поверхности сосуда, сделанного ручной лепкой. Этот прием широко практикуется в Индии у гончаров, использующих ручной гончарный круг, но продолжающих культурную и технологическую традицию изготовления круглодонных сосудов. В данном случае гончар вытягивает плоскодонный сосуд на ручном гончарном круге и затем передает его другому мастеру для обработки его выколоткой деревянными лопаточками на каменной наковаленке, подставленной изнутри сосуда. Так, многократно выколачивая поверхность сосуда, ее переформатируют в большой круглодонный сосуд.

Литература

Поплевко Г. Н. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодей-

ствия: тезисы докладов круглого стола., посвящ. памяти Н. Я. Мерперта, 5–7 февр. 2013 г. / отв. ред. А. Н. Гей. М.: ФГБУН ИА РАН, 2013а. С. 29–31.

Поплевко Г. Н. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск: Беларуская навука, 2013б. Вып. 28. С. 271–279.

Поплевко Г. Н. Разные технологические приемы ручного изготовления профилированной керамики // Верхнедонской археологический сборник. / отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014а. Вып. 6. С. 151–157.

Поплевко Г. Н. Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии, этнографии и экспериментального моделирования // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апр. 2014 г. / отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ФГБУН ИА РАН, 2014б. С. 88–91.

Поплевко Г. Н. Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга // Труды. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков. Казань, 2014в. Т. I. С. 482–485.

Поплевко Г. Н. Об устойчивости культурной традиции в технологии изготовления керамики (на примере данных археологии и этнографии) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. статей / под ред. А. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск — Тюмень — Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. Т. I. С. 118–124.

*Поплевко Г. Н. Т*ехнология изготовления керамики в энеолите — раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера): Материалы Международной научной археологической конференции и Гумбольдт-лектория (Санкт-Петербург, 5–8 окт. 2015 г.) / ред. М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, В. А. Алекшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2015. С. 169–174.

Словарь русских синонимов // Словарь синонимов ASIS. В. Н. Тришин. 2013.

Г. Д. Атаев

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия

Поселения горно-долинного типа Дагестана эпохи средней бронзы

Для цитирования: *Атаев Г. Д.* Поселения горно-долинного типа Дагестана эпохи средней бронзы // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 80–84.

Gamzat D. Ataev

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS, Makhachkala, Russia

Settlements of the mountain-valley type of Dagestan of the Middle Bronze Age

For citation: Ataev G.D., 2022. Poseleniya gorno-dolinnogo tipa Dagestana epokhi sredney bronzy [Settlements of the mountain-valley type of Dagestan of the Middle Bronze Age]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 80–84.

По существующей классификации, поселения эпохи бронзы Дагестана, исходя из социально-экономического принципа, подразделяются на: 1) постоянные и 2) сезонные (временные). По топографическим условиям расположения выделяются поселения скальные и горно-долинные. К первым относятся поселения, располагавшиеся

© Атаев Г.Д., 2022.

в естественно-укрепленных труднодоступных местах, чаще всего на крутых горных склонах, у вершин небольших кряжей. Исследование указанных поселений позволило отнести их к своеобразным поселениям скального типа с характерной ступенчатой планировкой, напоминающей современные горные аулы Дагестана. Оборонительный фактор играл здесь главную роль.

Поселения горно-долинного типа эпохи средней бронзы выявлены в Ирганайской долине — Ирганайские поселения I, II и III. Изучение их топографии показывает, что они расположены в просторной горной долине, на довольно ровном месте, как бы рассредоточенно. Все три поселения расположены на правом берегу р. Аварское Койсу, у подножия горных склонов. Ирганайское поселение I расположено на первой надпойменной террасе, а Ирганайские поселения II и III — на второй надпойменной террасе (Атаев, Мирзоев, 2012а. С. 5–9; Атаев, Мирзоев, 2012б. С. 22–23).

Планировка Ирганайских поселений горизонтальная, свободная. Оборонительный фактор не играл значительной роли. Они были слабозащищенными. Этим они отличаются от другого типа поселений — от так называемых скальных, у которых данное условие было на первом месте.

Наиболее существенными факторами, влияющими на выбор места для этих поселений, являлись наличие необходимых площадей для земледелия (естественно-выровненных участков и горных склонов, пригодных для земледельческих террас), источников питьевой воды, возможность аккумуляции солнечного тепла, разработок строительных материалов. Общими принципами руководствовались местные племена при выборе мест всех трех указанных поселений. Недалеко от Ирганайских поселений имеются родники. Ирганайские поселения I и II сближает тот факт, что следы культурного слоя отмечены на другой, противоположной, стороне оврага. По всей видимости, овраги образовались здесь значительно позже, чем указанные поселения, и являются следствием интенсивных эррозийных процессов. Вероятно, оврагами разрушена значительная часть обоих поселений.

Считалось, что только Ирганайские памятники представляют поселения горно-долинного типа в эпоху средней бронзы в горном Дагестане. Это мнение сложилось вследствие слабой археологической изученности горного Дагестана. Исследования В. Г. Котовича позволили выявить

поселение у селения Усиша в урочище Херапинна Када. Данное поселение расположено в сходных топографических условиях, что и Ирганайские. Отмеченное поселение занимает небольшую площадь у подошвы одноименной горы. Территория поселения прорезана неглубоким оврагом, в обрезе которого отчетливо прослеживается культурный слой в виде двух угольных прослоек толщиной 0,05–0,1 м, разделенных желтоватым суглинком мощностью 0,2–0,25 м. Местами в них прослеживаются остатки каменных стен (Котович, 1959. С. 65–66).

Материалы указанного поселения — осколки кремня, фрагменты керамики, в том числе целый сосуд яйцевидной формы с обмазанной жидкой глиной поверхностью. Сосуд орнаментирован налепным валиком с насечками. Приведенный материал позволяет отнести этот памятник к эпохе средней бронзы и синхронизировать с Ирганайскими поселениями I, II и III.

Исходя из топографии, к поселениям эпохи средней бронзы горно-долинного типа, с оговорками, можно отнести Гинчинское поселение III. Поселение находится в Гидатлинской долине в 2 км к юго-востоку от с. Тидиб, на расстоянии 1 км к западу от известного Гинчинского могильника. Поселение занимает чрезвычайно крутой (45%) южный склон горы (Гаджиев, 1962. С. 56). Поселение Гинчи III можно рассматривать как горно-долинное только по топографическому принципу, а если судить по планировке и архитектуре, то его следует отнести к поселениям скального типа со ступенчатой или террасообразной планировкой.

Сведения о других поселениях эпохи средней бронзы, в силу недостаточной изученности горного Дагестана, отсутствуют. Имеющиеся данные свидетельствуют о распространенности поселений подобного рода и указывают на перспективу дальнейшего их выявления.

В предшествующую раннебронзовую эпоху в горном Дагестане поселения горно-долинного типа также были распространены. В качестве примера можно назвать Гапшиминское поселение. В выборе места для вышеназванных поселений древние племена первостепенное значение придавали потребностям земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Рассмотрение топографии и строительных остатков Ирганайского поселения I вместе с Ирганайскими поселениями II и III позволило отнести их к своеобразному горно-долинному типу поселения с горизонтальной планировкой. Возникновение этого типа поселений восходит к неолитической эпохе (Чохское поселение) и связано с переходом

к земледелию и скотоводству, что привело к установлению прочной оседлости и возникновению, наряду с сезонными, долговременных поселений. Дальнейшее развитие горно-долинного типа поселения происходит в энеолитическую эпоху. Об этом можно судить по такому памятнику, как Гинчинское поселение, расположенное в Гидатлинской долине, своеобразной микрозоне. Благоприятные почвенно-климатические условия, достаточные площади речных террас, естественно-выровненных участков с лиманными свойствами почв, достаточное количество осадков в вегетационный период, прекрасные пастбища для летнего выпаса скота и солнечные склоны — для зимнего — все это способствовало раннему земледельческому освоению района и ранней форме скотоводства — придомному. Это явилось основой для раннего сложения оседлого быта (Гаджиев, 1979. С. 13).

Дальнейшее развитие поселений в горных долинах на речных террасах в следующую, раннебронзовую, эпоху можно проследить на примере Гапшиминского поселения. Поселение находилось в 4 км к югу — юго-западу от селения Гапшима в урочище Шилла — Бурхилла. Поселение располагалось у подножия пологого, обращенного на юг склона небольшой возвышенности на левом берегу р. Акушинки (Котович, 1961. С. 23–24). Это свидетельствует о том, что поселения, которые возникли в горных долинах, продолжали функционировать и в эпоху ранней бронзы. Следует отметить, что поселение Гинчи, возможно, продолжало функционировать в эту эпоху. На это указывают и фрагменты керамики, характерной для куро-аракской культуры, обнаруженные в верхних горизонтах поселения. По-видимому, жизнь в Гидатлинской долине продолжалась в это время. В пользу этого свидетельствует выявление здесь же на расстоянии примерно около 0,5 км Гонобского могильника конца эпохи ранней бронзы.

Особенно близка топография Гапшиминского поселения с Гинчинским. А поселения эпохи средней бронзы — Ирганайские I, II и III и Усишинское II — являются результатом эволюции поселений горно-долинного типа. Топография и планировка поселения Гинчи и Ирганайских поселений I и II обнаруживает большую близость. Различие прослеживается между каменной круглоплановой архитектурой Гинчинского поселения и прямоугольной архитектурой Ирганайских поселений I и II, а также в уровне их развития. Так, архитектура Ирганайского поселения I представлена в более развитой форме, тогда как на поселении Гинчи она явно более примитивная.

Таким образом, можно заключить, что Чохское поселение, относящееся к неолиту (1-я пол. VI тыс. до н.э.), является древнейшим поселением горно-долинного типа. Поселения этого типа, возникшие в эпоху неолита, продолжали существовать в эпоху энеолита и ранней бронзы. А в эпохи средней и поздней бронзы поселения — Ирганайские I, II, Усишинское — представляют собой закономерный результат эволюции указанного типа поселений. Этот тип поселений продолжает бытовать в горном Дагестане в последующие эпохи, особенно в средневековую, доживает, развиваясь до исторической современности. Об этом свидетельствуют современные горно-долинные поселения, расположенные как на территории Ирганайской долины, так и в других районах горного Дагестана: в бассейнах рек четырех Койсу — Андийского, Аварского, Казикумухского, Каракойсу.

Литература

Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н. Археологические исследования в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004–2006 гг. // ИДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала, 2012а. № 1 (18). С. 5–9.

Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н. Итоги исследований памятников эпохи средней и начала эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2007 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции / отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала, 23–28 апр. 2012 г. Махачкала: Мавраевъ, 2012б. С. 22–23.

Гаджиев М. Г. Отчет о раскопках Гинчинского могильника в 1961 г. Махачкала. 1962 // Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 137.

Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана / отв. ред. А. Р. Шихсаидов (Материалы по археологии Дагестана). Махачкала, 1980. № 9. С. 5–27.

Котович В. Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1959 г. Махачкала, 1960 // Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. № 2643.

Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // Материалы и исследования по археологии Дагестана / отв. ред. Г. Д. Даниялов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. Т. II. С. 5–56.

***В. А. Ларенок*[1], *П. А. Ларенок*[1], *О. П. Ларенок*[2]**

[1] Донское археологическое общество, Ростов-на-Дону, Россия
[2] Институт истории и международных отношений, Ростов-на-Дону, Россия

Элитарное женское погребение переходного времени от средней к поздней бронзе из могильника «Бургуста-1» Красносулинского района Ростовской области

Для цитирования: *Ларенок В. А., Ларенок П. А., Ларенок О. П.* Элитарное женское погребение переходного времени от средней к поздней бронзе из могильника «Бургуста-1» Красносулинского района Ростовской области // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 85–92.

***Vera A. Larenok*[1], *Pavel A. Larenok*[1], *Oksana P. Larenok*[2]**

[1] Don Archaeological Society, Rostov-on-Don, Russia
[2] Institute of History and International Relations, Rostov-on-Don, Russia

Elite female burial of the transitional period from the Middle to Late Bronze from the burial ground “Burgusta-1” of the Krasnosulinsky district of the Rostov region

For citation: Larenok V.A., Larenok P.A., Larenok O.P., 2022. Elitarnoe zhenskoe pogrebeniye perekhodnogo vremeni ot sredney k pozdney bronze iz mogil’nika “Burgusta-1” Krasnosulinskogo rayona Rostovskoy oblasti [Elite female burial of the transitional period from the Middle to Late Bronze from the burial ground “Burgusta-1” of the Krasnosulinsky district of the Rostov region]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel’nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology*

© Ларенок В. А., Ларенок П. А., Ларенок О. П., 2022.

of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]. Moscow — Sukhum. P. 85–92.

Летом 2017 г. по Открытому листу, выданному Министерством культуры Российской Федерации на имя Ларенок В.А., проводились исследования на курганном могильнике «Бургуста-1» в Красносулинском районе Ростовской области по проекту реконструкции ГРС г. Гуково. Было исследовано 5 курганов, в охранной зоне которых должна была пройти новая линия газопровода. В трех из них (курганы № 3, 4, 5) было обнаружено несколько погребений переходного периода от средней к поздней бронзе. В кургане № 5 найдено уникальное женское погребение, в прямоугольной яме с деревянным перекрытием, около которого был уложен жертвенный костяк лошади, ориентированный на север. Дно ямы посыпано белым веществом, предположительно мелом. Погребенная лежала на правом боку в скорченном положении, головой на восток, ноги подогнуты под правую сторону. Левая рука согнута в локте, ее кисть располагается перед головой. Правая рука также согнута в локте, кисть лежала под грудной клеткой.

На погребенной сохранились детали костюма и украшений.

На голове находилась шапочка или широкая повязка, расшитая пастовым бисером и бронзовыми дисковидными нашивками. К шапочке крепились нити-подвески с нанизанным на них бисером, таким же, как на шапочке, и с пронизями из костей позвоночника рыбы (рис. 4).

На шее погребенной было ожерелье из бусин сердолика и оникса (рис. 6).

На грудной клетке костюм был украшен длинной ниткой из бронзовых трубочек (рис. 5).

У кисти правой руки найдено скопление из 8 клыков собаки с просверленными отверстиями. Возможно, они составляли браслет (рис. 2).

Судя по расположению другой группы украшений вдоль корпуса погребенной, с правой стороны от головы до пояса, у погребенной была длинная коса. Коса или накосник, ее закрывавший, имели в качестве украшений нашивные раковины с просверленными на них отверстиями (рис. 3).

Рис. 1. Бронзовый накосник

Рис. 2. Клыки собаки с просверленными отверстиями

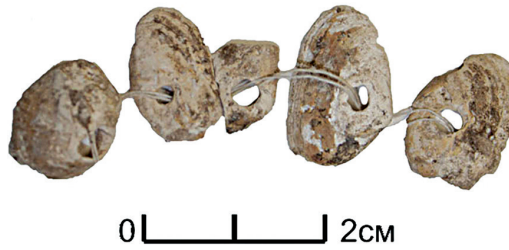

Рис. 3. Нашивные раковины с просверленными в них отверстиями

Рис. 4. Нити-подвески с бусинами из костей рыб

Под корпусом погребенной с правой стороны находилась сумочка — футляр из нескольких видов тканей. В ней обнаружено накосное украшение в виде двух дисков, соединенных петлей, размером 13,2 х 10,5 см. Диски состоят из проволоки, закрученной в спираль. На одном из дисков лежало такое же украшение, но меньших размеров, которое было привязано к большой привеске кожаным шнуром. Шнур был закреплен узлом и на петле и, видимо, был привязан к косе (рис. 1).

К футляру или накоснику были прикреплены подвески из клыков собаки, лежавшие рядом с футляром, с просверленными в них отверстиями.

В конце 90-х годов во время проведения спасательных работ на новостройках в Красносулинском районе был обнаружен целый ряд погребений, относящихся к переходному периоду. «Калиновский II» — захоронен взрослый, скорченный на левом боку, при нем найдено костяное кольцо. Погребение датируется эпохой распространения культуры

Рис. 5. Бронзовые подвески

Рис. 6. Бусины из сердолика и оникса

многоваликовой керамики (Власкин, 2002. С. 95–96.). «Ребриковский I» — захоронена женщина, скорченная на правом боку, под черепом найдена спиралевидная бронзовая подвеска. Погребение датируется финалом средней бронзы (Власкина, 2002. С. 98). «Раскатный I» — захоронения были совершены в прямоугольных ямах, перекрыты закладами каменных плит. Все погребенные лежали скорченно на левом боку, ориентированы на восток, северо-восток, север. Инвентарь погребенных — бронзовая подвеска, стеклянные бусы (Глебов, 2002. С. 102–104). «Киселев-II» — серия правобоких скорченных погребений с ориентацией в западный сектор. В инвентаре присутствовали сверленый клык собаки, бронзовые, пастовые, костяные и каменные бусы (Прокофьев, 2002. С. 118).

Подобные комплексы известны в Донецком бассейне и на территории Украины. Это погребения с вставленными срубами, положение скелетов на спине с разворотом на правую или левую сторону. В инвентаре присутствовали пастовые бусы, подвески из клыков собаки (Березанская и др., 1986. С. 24–28).

Однако впервые в комплексах переходного времени, обнаруженных на территории Донецкого кряжа, было найдено погребение женщины с сохранившимися элементами головного убора, костюма и богатым набором украшений. Особый интерес вызывают спиралевидные диски, аналоги которых известны на Кавказе (Осетия, Грузия, Абхазия). Там самые ранние из них датируются XIV в. до н.э. и существуют до середины I тыс. до н.э. Их находят как в мужских захоронениях (украшения в виде крючков), так и в женских (в виде дисков соединенных петлей) (Техов, 2006. С. 153–155. Рис. 29–30).

Погребение 11 из кургана № 5 могильника «Бургуста-1» для нашего региона — Ростовской области — уникально. Обычно в погребальных комплексах позднебронзового века, характерных для нашей территории, присутствует довольно скромный сопутствующий инвентарь. Это лепные баночные или остроребериые горшки, украшенные прочерченным по сырой глине геометрическим орнаментом. Очень редко в погребениях встречаются бронзовые височные кольца или бронзовые ножи, еще реже — одна или несколько бусин. В данном случае это яркий комплекс с элементами погребального костюма и украшениями. Необычно так же и то, что сохранились органические материалы — ткани, из которых был сшит футляр для украшений косы.

Литература

Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. 168 с.

Власкин М. В. Раскопки курганных могильников «Холодный Плес», «Калиновский II» и «Лиховский II» в Красносулинском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 2002. Вып. 18. С. 95–97.

Власкина Т. Ю. Исследования курганного могильника «Ребриковский I» в Красносулинском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 2002. Вып. 18. С. 97–98.

Глебов В. П. Раскопки курганов в Красносулинском районе Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 2002. Вып. 18. С. 102–106.

Прокофьев Р. В. Раскопки курганов у с. Киселево Красносулинского района // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 2002. Вып. 18. С. 114–119.

Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.

***М. И. Кудин*[1], *К. А. Глазов*[2]**

[1] Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Сочи, Россия

[2] Сочинское отделение Русского географического общества, секция археологии и охраны историко-культурного наследия, Сочи, Россия

Особенности пространственной ориентации дольменов Большого Сочи

Для цитирования: *Кудин М. И., Глазов К. А.* Особенности пространственной ориентации дольменов Большого Сочи // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 92–97.

***Mikhail I. Kudin*[1], *Konstantin A. Glazov*[2]**

[1] Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerashev, Sochi, Russia

[2] Sochi branch of the Russian Geographical Society, section of archeology and protection of historical and cultural heritage, Sochi, Russia

Features of the spatial orientation of the dolmens of Big Sochi

For citation: Kudin M.I., Glazov K.A., 2022. Osobennosti prostranstvennoy orientatsii dol'menov Bol'shogo Sochi [Features of the spatial orientation of the dolmens of Big Sochi]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 92–97.

Проведенная в последние годы планомерная сплошная фиксация дольменов на территории Большого Сочи позволила выявить много ранее неизвестных памятников. В. И. Марковин упоминает приблизи-

© Кудин М.И., Глазов К.А., 2022.

тельно 128 сооружений в этом районе (Марковин, 1978. С. 39–45, 53). На сегодняшний момент здесь зафиксировано 357 дольменов, т.е. почти в три раза больше (Глазов, 2015. С. 38; 2016. С. 49). Из них 210 сохранились достаточно хорошо, чтобы определить их изначальные направления с точностью до 5^0. Это позволяет с большой степенью достоверности рассмотреть закономерности ориентировки дольменных памятников на данной локальной территории, являющейся южной частью Центрального (Туапсинско-Лазаревского) района дольменной культуры, в котором широко представлены все конструктивные типы этих сооружений (Кудин, 2016. С. 130–131).

На выбор ориентировки при строительстве дольменов влияло огромное количество факторов, которые, естественно, подразделяются на природные (орографические, астрономические, геоморфологические и т.д.) и культурные, определяющие как сам выбор конкретного места для дольмена, так и те социологические и культурные коннотации, которые стоят за ним. Это целая система соответствий пространственно-временного, социального, религиозного, мифологического, космогонического характера. При этом главными ориентационными факторами являются: 1 — топографический (по сторонам ландшафта) и 2 — географический (по сторонам света).

Топографическая ориентация дольменов часто связана с орографическим правилом — направлением оси дольмена в соотношении с формой рельефа вниз по склону. Для большинства дольменов характерна именно склоновая ориентация, что можно объяснить не только ритуальными, но и чисто практическими причинами — устойчивостью конструкций, направленных вниз по склону. Однако ряд памятников ее нарушает. Оси этих построек расположены поперек склона, либо же их фасады направлены вверх по склону. Для описываемого района это 28% памятников (рис. 1, *1*). Еще более размыто это правило для дольменов с ложными входами. Лишь половина этих памятников (53%) направлены главными фасадами вниз по склону (рис. 1, *2*).

Встречающиеся у дольменов нарушения правил склоновой ориентации, по-видимому, связаны с необходимостью сохранять определенную географическую и, соответственно, астрономическую ориентацию — направление на значимые стороны света и точки небосвода.

Вторым важным фактором при ориентировке дольменного памятника на местности служил выбор определенного географического

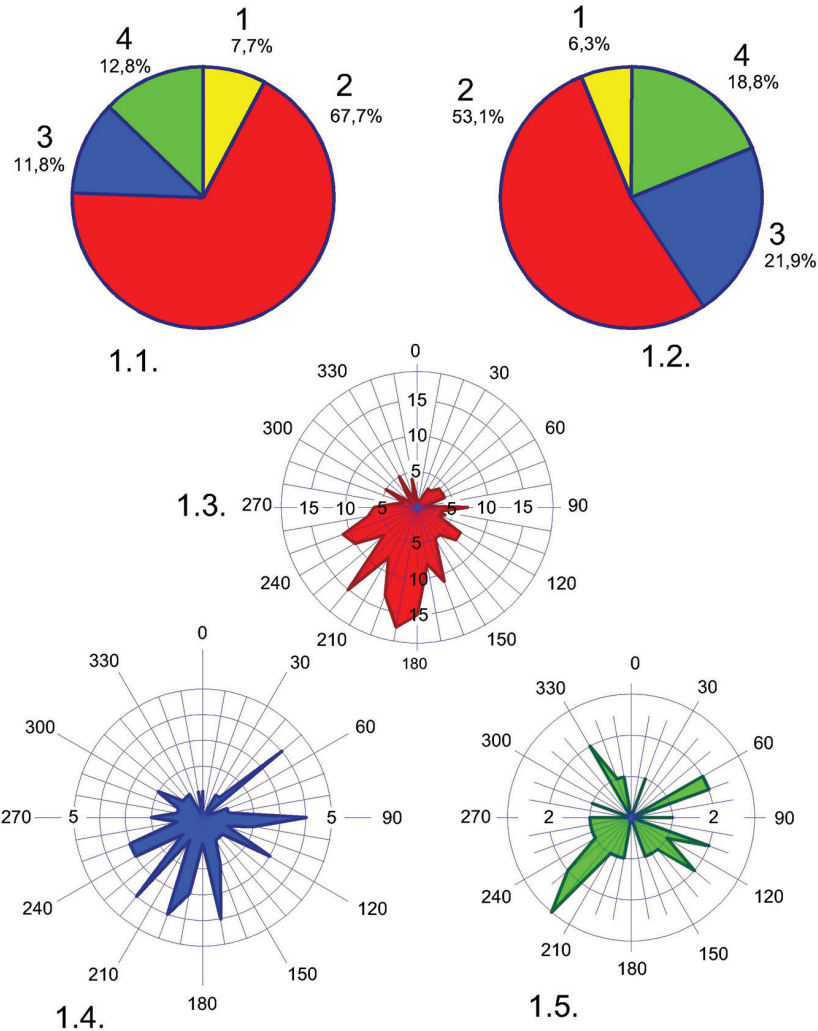

Рис. 1. Склоновые и географические ориентации фасадов дольменов Большого Сочи.
1.1. — общая диаграмма склоновой ориентации дольменов без ложного входа; 1.2. — склоновая ориентация фасадов дольменов с ложным входом (1 — вверх по склону, 2 — вниз по склону, 3 — поперек склона, 4 — локально на плоскости); 1.3. — общая диаграмма распределения азимутов фасадов дольменов без ложного входа; 1.4. — распределение азимутов входов корытообразных дольменов; 1.5. — распределение азимутов входов составных дольменов

направления оси сооружения. На полученных диаграммах видно, что большинство памятников — 76,7 % (161 шт.) — направлено в южную дугу горизонта: В–Ю–З (рис. 1, *3*). Эти направления достаточно хорошо коррелируются с солнечными астрономическими направлениями осенне-зимнего периода, что можно объяснить как сакральными причинами (связь зимы со смертью и загробным миром), так и хозяйственными, поскольку осень и зима являются временем, когда собран урожай, пастухи вернулись с высокогорных пастбищ, у людей появилось свободное время, чтобы заниматься строительством дольменов. М. Хоскин считает, что западноевропейские мегалитические гробницы, имеющие подобную ориентацию, отмечают восход Солнца в день начала строительства (Hoskin, 2001. P. 127).

Наблюдается существенное отличие между ориентацией плиточных и других видов дольменов (корытообразных и составных). У двух последних групп больше разброс направлений. Значительное число памятников направлено в северную дугу горизонта: З–С–В (рис. 1, *4–5*). У корытообразных памятников, кроме направлений, характерных для других видов памятников, есть значительный пик направлений на восходы Солнца в равноденствия и в северо-восточную дугу горизонта, на восход в летнее солнцестояние. Такие отличия могут указывать на разное время возведения различных типов памятников.

На общей диаграмме выделяется несколько пиков: два из них в районе 130^0 и 230^0 связаны с точками восхода и захода Солнца в зимнее солнцестояние (рис. 1, *3*). Подробно астрономические направления отдельных памятников Большого Сочи нами уже рассматривались (Кудин, 2017. С. 129–143).

Самый большой пик направлен на юг с небольшим отклонением к западу. Он отмечает направление на кульминацию Солнца и (или) других небесных светил на юге. Интересны два крупных пика направлений в районе 160^0 и 210^0 (рис. 1, *3*), не связанные напрямую с точками восходов и заходов Солнца и Луны. Предположительно эти направления можно объяснить направлением памятников на определенные конфигурации созвездия Ориона на небосводе. Первый пик мог отмечать направление, в котором в 1-й пол. III тыс. до н.э. созвездие занимало вертикальное положение в период зимнего солнцестояния, и все его звезды становились видимыми над горным горизонтом. Второй пик — 210^0,

в этом направлении при движении по небосводу пояс Ориона занимал горизонтальное положение.

Культ почитания Ориона, как и сама идея строительства дольменов, мог прийти на Западный Кавказ из Леванта. А. Полкаро отмечает важность подобного направления у дольменов Иордании (Polcaro, 2006. P. 18. Fig. 3; 2009. P. 238).

Таким образом, проведенный анализ орографической и географической ориентации фасадов дольменов Большого Сочи показал, что доминирующим направлением при выборе склоновой ориентации является направление вниз по склону, а при выборе географической ориентации — южная сторона горизонта, при этом статистически наиболее используемые азимуты совпадают с астрономически значимыми направлениями восходов-заходов Солнца в осенне-зимний период, что может быть связано как с культовыми (календарная связь периода с культом мертвых и загробным миром), так и хозяйственными (наличие свободного времени для масштабного строительства) причинами. Наличие пиковых направлений — 160^0 и 210^0 — позволяет предположить связь направлений дольменов с созвездием Ориона (Думузи), культ которого мог прийти на Кавказ из Леванта.

Литература

Глазов К. А. Предварительные данные по типологическому распределению дольменных памятников на территории Большого Сочи // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и Средневековье: Материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.) / ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Вика-Принт, 2015. С. 38–45.

Кудин М. И. Традиции ориентации и локальные варианты дольменной культуры // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и Средневековье: Материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г.) / ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: ИП Смородин, 2016. С. 130–138.

Кудин М. И. Памятники археоастрономии дольменной культуры на территории г. Сочи // Доклады Сочинского отделения Русского географического общества. Вып. 5. Подготовлен к 60-летию Отделения, 1957–2017 гг. Сочи, 2017. С. 129–143.

Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Hoskin M. Tombs, Temples and their Orientations. A New Perspective on Mediterranean Prehistory. W. Sussex: Ocarina Books Ltd, 2001. 264 p.

Polcaro A., Polcaro V. F. Early Bronze Age Dolmens in Jordan and their orientations // Mediterranean Archaeology and Archaeometry, Spec. Iss. 2006. Vol. 6, No 3. P. 166–171.

Polcaro A. Man and sky: probiems and metods of arheoastronomy // Archeologia e Calcolatori. 2009. № 20. P. 223–245.

***А. Д. Резепкин*[1], *М. А. Кулькова*[2]**

[1] Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург, Россия
[2] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Микроморфологические исследования керамики из поселений майкопской культуры

Для цитирования: *Резепкин А. Д., Кулькова М. А.* Микроморфологические исследования керамики из поселений майкопской культуры // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С.98–105.

***Aleksey D. Rezepkin*[1], *Marianna A. Kul'kova*[2]**

[1] Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg, Russia
[2] Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia

Micromorphological studies of ceramics from the settlements of the Maikop culture

For citation: Rezepkin A. D., Kul'kova M. A., 2022. Mikromorfologicheskie issledovaniya keramiki iz poseleniy Maykopskoy kul'tury [Micromorphological studies of ceramics from the settlements of the Maikop culture]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 98–105.

Микроморфологические исследования керамических фрагментов проводились в пришлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение

© Резепкин А.Д., Кулькова М.А., 2022.

керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica DVM5000. Фотографии были сделаны с помощью поляризационного микроскопа Leica в РЦ «Геомодель» СПбГУ.

Для керамических сосудов **из памятника Чекон** были выделены следующие группы.

Группа 1. Керамика, изготовленная из жирных, смектитовых глин, отощитель — карбонаты.

1.1. Керамика изготовлена из жирных, смектитовых глин. Отощитель: шамот — измельченная керамика (10%) + дробленая раковина (42%).

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный.

1.2. Керамика изготовлена из жирных, смектитовых глин. Отощитель: дробленая раковина + известняк. Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный.

Группа 2. Керамика, изготовленная из жирных гидрослюдистых глин, отощитель — шамот.

2.1. Керамика изготовлена из жирных гидрослюдистых или тощих смектитовых глин. Отощитель: шамот — измельченная керамика (15%).

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительной атмосфере, долговременный. Обр. 2, 3, 9.

2.2. Керамика изготовлена из жирных, гидрослюдистых глин с включением раковин. Отощитель: шамот — измельченная керамика (10%). Температура обжига 600–800°С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный. Обр. 5.

2.3. Керамика изготовлена из жирных, смектитовых глин. Отощитель: шамот — измельченная керамика (25%). Температура обжига 700–800°С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный.

Группа 3. Керамика без отощителя.

3.1. Керамика изготовлена из жирных, смектитовых глин. Без отощителя. Температура обжига 800–900°С, обжиг равномерный, в окислительной (открытой к доступу кислорода) атмосфере, в печи. Обр. 4.

3.2. Керамика изготовлена из тощих, гидрослюдистых глин. Температура обжига 700–900°С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный. Обр. 7, 8, 10, 12, 13.

3.3. Керамика изготовлена из тощих, каолинитовых глин. Температура обжига 700–800°С, обжиг равномерный, в окислительной (открытой к доступу кислорода) атмосфере, в печи, долговременный.

Для керамики **памятника Городское** выделяются следующие группы.

Группа 1.

1.1. Керамика толстостенная (9 мм). Керамика изготовлена из жирных каолинитовых глин. Отощитель не использовался. Пористость — 5–7%.

Температура обжига 750–900°С, обжиг равномерный, сначала создается окислительная атмосфера, потом поддерживается восстановительная атмосфера, происходит науглероживание черепка и в конце снова быстрый обжиг в окислительной атмосфере, в печи.

1.2. Керамика тонкостенная (7 мм), красно-кирпичного цвета. Керамика изготовлена из смектитовых, тощих глин, кластического материала — 25%. Отощитель не использовался.

Пористость — 2–3%. Температура обжига 850–900°С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, долговременный.

Группа 2.

Керамика тонкостенная (3 мм), центральная часть черного цвета. Керамика изготовлена из жирных гидрослюдистых глин. Отощитель: дробленая дресва магматических пород основного и среднего составов (плагиоклаз основного состава, серецитизированный).

Пористость — 7–10%.

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Группа 3.

Керамика тонкостенная (3 мм). Керамика изготовлена из тощих гидрослюдистых глин. Отощитель: песок (7%), зерна неокатанные, угловатые, размер зерен 0,4–0,6 мм. Состав: полевой шпат, песчаник.

Пористость — 7–10%.

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный, на заключительном этапе — окислительный.

Группа 4.

4.1. Керамика толстостенная (10 мм). Керамика изготовлена из двух типов глин — жирных гидрослюдистого и каолинитового составов.

Отощитель: песок (5%), зерна неокатанные, угловатые, размер зерен 0,4–0,6 мм + (дробленая кость?). Пористость — 15%. Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

4.2. Керамика толстостенная (10 мм). Керамика изготовлена из двух типов глин — жирных и тощих каолинитовых глин. Отощитель: песок (10%) + (дробленая кость?). Пористость — 15%. Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях кратковременный, на заключительной стадий окислительный.

Группа 5.

Керамика толстостенная (10 мм). Керамика изготовлена из жирных гидрослюдистых глин. Отощитель: песок (7%) + шамот (15%) — дробленая, плохо высушенная керамика того же, что и черепок, состава, размер обломков 2–3 мм. Пористость — 15%.

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях кратковременный.

Группа 6.

6.1. Керамика тонкостенная (7 мм). Керамика изготовлена из тощих каолинитовых глин, кластического материала — 32%. Отощитель: высушенная и растертая глина, другого, чем черепок, состава (5%), размер включений 0,7–1 мм. Пористость — 15%.

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Керамика с **памятника Катусвина Кривица.**

Группа 1.

Керамика тонкостенная (8 мм), серого цвета, с покрытием черного цвета (жиром) и залощена (чернолощеная). Керамика изготовлена из жирных, гидрослюдистых глин, с включениями органики. Отощитель: шамот — плохо высушенная керамика (20%), размер обломков 0,3–1 мм. Температура обжига 650–700°С, обжиг равномерный, в восстановительной (закрытой) атмосфере.

Группа 2. В качестве отощителя используется дробленый известняк.

2.1. Керамика тонкостенная (8 мм), серого цвета, с покрытием темно-серого цвета и залощена. Керамика изготовлена из тощих, смектитовых глин. Отощитель: шамот — плохо высушенная керамика (7%) + дробленый известняк (42%).

2.2. Керамика тонкостенная (6 мм), серого цвета, с покрытием глиной темно-серого цвета. Керамика изготовлена из тощих, смектитовых глин. Отощитель: дробленый известняк (55%).

Температура обжига 600–650°С, обжиг равномерный в восстановительной (закрытой) или окислительной атмосфере.

Группа 3.

Керамика тонкостенная (8 мм), серого цвета, с покрытием черного цвета (с жиром) и залощена (чернолощеная). Керамика изготовлена из тощих, гидрослюдистых глин. Отощитель не использовался. Температура обжига 650–700°С, обжиг равномерный в восстановительной (закрытой) атмосфере.

Группа 4.

Керамика тонкостенная (7 мм), красно-кирпичного цвета, с покрытием (с жиром) и залощена (краснолощеная). Керамика изготовлена из тощих, гидрослюдисто-карбонатных глин. Отощитель не использовался.

Керамика тонкостенная (7 мм), красно-кирпичного цвета, с покрытием (с жиром) и залощена (краснолощеная). Керамика изготовлена из тощих, гидрослюдисто-карбонатных глин. Отощитель: дробленые карбонаты (разложились). Температура обжига 750–850°С, обжиг равномерный в окислительной (открытой к доступу кислорода) атмосфере.

Керамика **из памятника Пшикуйхабль.**

Для изготовления используются следующие технологии:

1. Используются смектитовые, тощие глины, обогащенные органикой, ожелезненные. Отощитель не используется. Обжиг в окислительной атмосфере, 750–900°С.

2. Используются смектитовые, тощие глины, обогащенные органикой, ожелезненные. Отощитель: песок. Обжиг в окислительной среде, 700–750°С.

3. Используются смектитовые, тощие глины, обогащенные органикой, ожелезненные. Отощитель: дробленая дресва (андезиты). Обжиг в окислительной среде, 750–800°С.

Керамика **Пхагугапе.**

Группа 1.

Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных гидрослюдистых глин (iron-rich silt clay), кластического материала — 20%, размер зерен 0,014–0,06 мм, состав: полевой шпат, слюда. Встречаются отдельные, неокатанные зерна полевого шпата, округлые включения гематита, отдельные поры от выгоревших включений органики.

Отощитель не использовался.

Промес плохой, встречаются ожелезненные глинистые пелиты.

Пористость — 5–7%.

Температура обжига 800–900°С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный. Для изготовления использовался круг.

Группа 2.

Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных смектитовых глин (iron-rich silt clay), кластического материала — 10%, размер зерен 0,014–0,06 мм, состав: полевой шпат, кварцит.

Встречаются отдельные поры от выгоревших включений органики, замещенных вторичными карбонатами.

Отощитель: мелкозернистый песок (23%), размер зерен 0,2–0,5 мм. Состав: кварц, полевой шпат, сланец, зерна средней степени окатанности.

Промес плохой, встречаются ожелезненные глинистые пелиты.

Пористость — 5–7%.

Температура обжига 800–900°С, обжиг равномерный в окислительной среде, в печи, долговременный. Для изготовления использовался круг.

Группа 3.

Керамика тонкостенная (5 мм), центральная зона черного цвета. Поверхности покрыты отмученной глиной, обогащенной охристой составляющей (кирпично-красного цвета). Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных смектитовых глин (iron-rich silt clay), кластического материала — 3%, размер зерен 0,014–0,06 мм, состав: полевой шпат, кварц.

Обогащена выгоревшими органическими включениями (водная растительность), отдельные остатки раковин.

Отощитель:

1. Дресва карбонатных (органогенные карбонаты — брекчия, с остатками раковин), магматические породы (андезиты) (32%), размер зерен 0,15–0,5 мм.

2. Шамот (дробленая керамика другого, чем черепок, состава) (5%), размер обломков 0,8–0,45 мм.

Промес плохой, встречаются включения гематита (8%), размеры включений 0,2–1,4 мм.

Пористость — 18%, вытянутые поры от выгоревшей растительности 2–3 мм.

Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный.

Группа 4.

Керамика толстостенная (30 мм), кирпичного цвета. Керамика изготовлена из двух типов глин: жирные смектитовые и гидрослюдистые тощие, кластического материала (22%), состав: полевой шпат, слюда, амфибол.

Отощитель:

1. Крупнозернистый песок, плохо окатанный (35%), размер зерен 0,4–1 мм, состав: обломки зерен андезита, габбро, базальта, сланца, песчаника.

2. Шамот (дробленая керамика другого, чем черепок, состава) (10%), размер обломков 0,8–0,45 мм. Промес плохой, встречаются включения гематита (8%), размеры включений 0,2–1,4 мм. Пористость — 18%, вытянутые поры от выгоревшей растительности 2–3 мм. Температура обжига 600–700°С, обжиг равномерный в окислительной среде, в печи, кратковременный. Гончарный круг не использовался.

Керамика с **памятника Усть-Джегутинское.**

1. Керамика толстостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Примесь — органика.

Обжиг при температуре 750–800°С в окисленной среде.

2. Керамика тонкостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Примесь — органика.

Обжиг при температуре 850–900°С в окисленной среде.

3. Керамика толстостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Поверхность покрыта отмученной глиной того же цвета. Состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Отощитель — органика, песок (15%). Обжиг при температуре 700–750°С в окисленной среде.

4. Керамика тонкостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Поверхность покрыта отмученной глиной того же цвета. Состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Отощитель — органика, дресва (45%). Обжиг при температуре 750–800°С, в окисленной среде.

Таким образом, было взято и проанализировано 40 образцов керамики из 6 поселений.

По композиционному составу глин и отощителей можно выделить несколько рецептур керамического теста, тогда как температурные характеристики и условия среды обжига позволяют охарактеризовать использованные технологические приемы.

Были использованы три вида глин: жирные и тощие смектитовые, жирные и тощие гидрослюдистые и коалинитовые.

Первые два вида глин преобладают на Нижнекубанской группе поселений, а третий вид — коалинитовые глины — на поселении Среднекубанской группы — Усть-Джегутинском.

Из двух видов обжига — окислительного и восстановительного — доминирует первый. Соответственно — 30 и 10 образцов. Восстановительный обжиг проводился при температуре в пределах 600–700^{0}С, а восстановительный — 600–900^{0}С. Из примесей доминируют песок — 8 случаев и шамот — 5. Органические примеси — в трех случаях, дресва — в двух, известняк — в двух и по одному — раковина и сухая глина.

Данные выводы следует считать сугубо предварительными, поскольку из шести поселений выборкой взято только 40 образцов, но в целом очерченный диапазон в разнообразии примесей, глин, температуры и способов обжига все же дает нам достаточно определенные данные о сырье и технологии изготовления майкопской керамики. М. А. Кулькова по фрагментам венчиков предполагает, что при изготовлении части керамики был использован круг. Второй автор этой точки зрения не разделяет.

М. И. Кудин

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Сочи, Россия

Типология дольменов с ложным входом

Для цитирования: *Кудин М. И.* Типология дольменов с ложным входом // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 106–112.

Mikhail I. Kudin

Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after T. M. Kerashev, Sochi, Russia

False Entrance Dolmens Typology

For citation: Kudin M.I., 2022. Tipologiya dol'menov s lozhnym vkhodom [False Entrance Dolmens Typology]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 106–112.

Первым подробно описал и выделил дольмены с ложным входом в отдельную группу В. И. Марковин. Он назвал их «ложнопортальными, корытообразными», так как подобная конструктивная особенность была встречена им лишь среди корытообразных сооружений. «Ложнопортальные» дольмены, по В. И. Марковину, занимают центральную область территории дольменной культуры, полосу Причерноморья от р. Туапсе до р. Шахе (Марковин, 1973. С. 90, 97). Позднее единичные «ложнопортальные» памятники были обнаружены

© Кудин М. И., 2022.

северо-западнее — в Геленджикском и Абинском районах, и один дольмен в Абхазии (с. Псху) (табл. 1. I, *11*) (Воронов, 2009. С. 68). Но в основном «ложнопортальные» дольмены сосредоточены на территории северной части Лазаревского района и прилегающей части Туапсинского района.

Исследования, проводимые автором, выявили ряд дольменов, позволяющих по-новому взглянуть на вопросы типологии этих памятников. Помимо целого ряда не описанных ранее корытообразных «ложнопортальных» сооружений, были обнаружены плиточные и составные постройки с «ложным порталом» самой разнообразной конструкции, как с ложными втулками, так и без них (Кудин, 2000. С. 127–134; 2008. С. 70–73).

В настоящее время удалось собрать сведения о 99 памятниках. Почти треть из них (31), не имеют ложных (фиктивных) втулок и практически ничем не отличаются от обычных дольменов, кроме отсутствия входа на фасаде, при его наличии в задней или боковой стене. В связи с этим термин «ложнопортальные дольмены», введенный В. И. Марковиным, является, как нам кажется, не совсем удачным, поскольку порталы «ложнопортальных» дольменов, ничем не отличаются от порталов остальных сооружений. Единственным отличием является отсутствие входа в передней стене. Поэтому нам кажется целесообразнее называть этот тип памятников дольмены с ложным входом. Тем более что понятие «ложный вход» (false entrance) давно уже используется для обозначения подобных конструктивных особенностей мегалитов Западной Европы (Северн-Котсуолдские гробницы, трансептные галерейные гробницы) (Брей, Трамп, 1990. С. 141). Такое название более подходит, как будет показано ниже, и для объяснения идеологических представлений, связанных с этой конструктивной особенностью дольменов.

У многих описываемых дольменов выделен не только ложный, но и настоящий вход. Входные отверстия хотя и находятся в задней или боковой стене, но не скрыты, а, наоборот, конструктивно подчеркнуты дополнительными деталями — плитами притвора, мощеным двориком — и направлены традиционно для дольменов вниз по склону (табл. 1. I, *12*; 1. I. *17*).

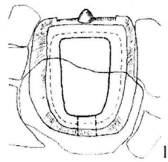
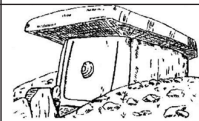
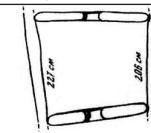
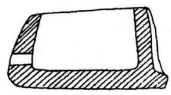
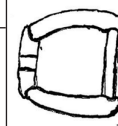
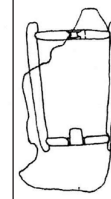
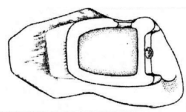
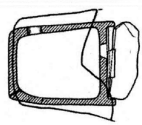
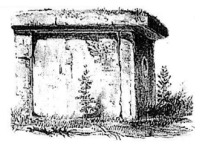
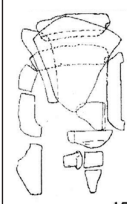
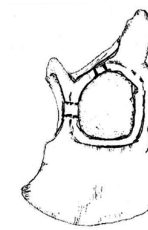
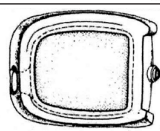
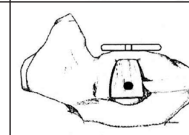
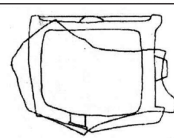
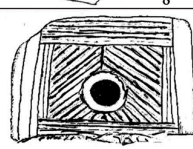
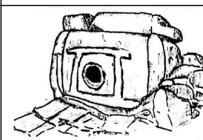
В. И. Марковин разделял немногочисленные, известные ему памятники с ложными порталами на три архитектурных типа: первый — с отверстиями в задней стене напротив фиктивной втулки, второй —

с отверстием в боковой стене и третий, в единственном числе — без ложной втулки, с отверстием в боковой стене (Марковин, 1973. С. 96).

Чтобы дать более полное представление обо всем разнообразии конструкций дольменов с ложным входом, они были разбиты на шесть основных типов и сведены в графическую таблицу (табл. 1).

Памятники I группы, обладающие зеркальной симметрией, разбиты на две подгруппы с ложными втулками и без них. II группа памятников с отверстиями в боковой стене разделена на две подгруппы по тому же принципу. К III группе отнесены памятники с отверстиями, смещенными от оси симметрии. К IV группе можно отнести пока единственный памятник, имеющий два ложных фасада и входное отверстие в задней стене. К V группе относятся корытообразные памятники с камерой, расширяющейся от отверстия к противоположной стене, обращенной вниз по склону, но без выделенного фасада. Хотя на месте ложного входа имеются наметки обработки фасада, по какой-то причине эта работа осталась незавершенной. Своеобразным локальным вариантом дольменов с ложным входом являются памятники VI группы. Они близки по оформлению ложного входа (ложной двери) к подобным изображениям на «гробницах гигантов» и в «домах ведьм» с острова Сардиния, и к ложным дверям египетских мастаб. На их фасадной стене, при наличии входного отверстия, нанесено дополнительное изображение главного фасада дольмена (табл. 1. VI, *15*). Всего известно 6 сооружений этого типа. Такие памятники встречаются от Геленджика до Джубги. Южнее есть единственное подобное, но более сложное изображение на корытообразном дольмене Солоницкого хребта (табл. 1. VI, *9*).

Только на территории распространения дольменов с ложным входом встречаются включенные нами в таблицу памятники с двумя входными отверстиями. Некоторые из них, следуя зеркальной симметрии, имеют входные отверстия в задней и передней плите. У памятника из долины р. Чухукт второй фасад с отверстием находится в боковой стене дольмена (табл. 1. II, *20*). Необычны два дольмена со вторым входным отверстием в перекрытии: — полумонолит в урочище Виноградное на р. Цусквадже (табл.1. 21) и плиточный дольмен в Оленичевой щели р. Пшада. Возможно, с идеей ложного входа в перекрытии дольмена связана полукруглая выпуклость, аналогичная изображениям ложной втулки, на крыше плиточного дольмена в урочище Браномакух. Подобные конструкции, по-видимому, также несут в себе идею ложного входа.

№ п/п	Корытообразные	Плиточные	Составные	С двумя отверстиями
I	 1	 10	 15	 18
	 2	 11 12	 16	 19
II	 4 5	 13	 17	 20
III	 6	 14		 21
IV	 7			
V	 8			
VI	 9	 15		

И в качестве входного использовалось не закрытое втулкой отверстие на фасаде, а второе отверстие в задней или боковой стене или в перекрытии. Такую возможность подтверждает плиточный дольмен группы «Кирово» 2 (табл.1. I, *19*). Хотя в передней стене этого памятника и имеется отверстие, но оно очень маленькое — диаметром до 18 см и, соответсвтенно, имело только ритуально-символический смысл, а в качестве входа использовался лаз в задней стене.

Несмотря на несомненную сакральность правого и левого, предпочтений того или иного направления у дольменов с ложным входом не прослеживается. Число памятников, связанных со смещением входа в правую или левую сторону, примерно одинаково: 10 памятников имеют лаз в правой боковой стене, 7 — в левой. Смещение отверстия в правую или левую сторону от оси симметрии памятника одинаково — по три в каждую сторону.

Символика левого и правого как женских, так и мужских символов, в том числе и пространственная, связанная с делением жилища на мужскую и женскую половину, известна с глубокой древности (Иванов, 1992. С. 43–44). Отсутствие предпочтения той или иной стороны позволяет предположить, что памятники с соответствующим расположением отверстия предназначались для мужских или женских погребений.

Как и любой погребальный памятник, дольмен структурно и функционально разделяется на две части — культовую (портал дольмена), открытую для жрецов и родственников умерших, совершающих там ритуалы, и погребальную — камеру дольмена, принадлежащую загробному миру и наглухо отгороженную от мира живых каменной стеной и массивной втулкой, надежно закрывающей входное отверстие. У дольменов с ложным входом эта преграда между мирами приобретает гипертрофированный характер.

Феномен ложного входа является универсальным надкультурным явлением, которое можно проследить на материале множества археологических культур и эпох. А. О. Большаков, сравнивающий двухкамерную гробницу новосвободненской культуры с додинастической иероконопольской гробницей № 100, справедливо отмечает, что их большое сходство относится к надкультурным закономерностям и связано это с тем, что памятники были возведены в догосударственное время и мировосприятие их строителей не было изменено и формализовано государственной идеологией (Большаков, 2015.

С. 57). Поэтому и для понимания идеологии, связанной с феноменом ложного входа у дольменов, можно обратится к египетским источникам додинастического периода. Мировоззрение египтян, связанное с посмертной участью человека, достаточно хорошо просматривается в архитектуре гробниц и в содержании настенных изображений, в частности в структурах додинастических мастаб, в которых устраиваются ложные двери, посредством которых должно было происходить общение двух миров. Ложные двери являлись главным местом культа для жрецов и главным компонентом в оформлении всего погребения. Через ложную дверь происходило общение людей с двойником погребенного, выходящим к жрецам за ежедневной жертвой (Куликов, 2014. С. 29). Тот же смысл — выхода через каменную стену духов предков и доставки им жертвенных приношений — в конструкцию ложного входа, очевидно, вкладывали и строители дольменов. Сама портальная ниша дольмена с выступами боковых плит образует символ прохода, двери, даже если на нем нет отверстия или его имитации в виде выпуклости ложной втулки.

Литература

Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии // Ю. Н. Воронов. Научные труды. Сухум: АбИГИ, 2009. Т. 2. С. 5–230.

Большаков А. О. Расписная гробница Новосвободненской культуры в могильнике Клады, иераконопольская гробница № 100 и феномен двухкамерности // Aegyptiaca Rossica. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. Вып. 3. С. 44–62, 346–347.

Брей У., Трамп Б. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Иванов В. В. Левый и правый // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 43–44.

Кудин М. И. К вопросу о ложнопортальных дольменах Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г. / отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар, 2000. С. 127–134.

Кудин М. И. Дольмены с ложным входом на Западном Кавказе // Архитектура. Искусство. Археология: проблемы изучения и сохранения культурного наследия: Материалы I Международной научно-практической конференции.

Ростов-на-Дону, 27–31 окт. 2008 г. / науч. ред. В. В. Пищулина, ред. Л. В. Ковалева. Ростов н/Д.: Институт архитектуры и искусств ЮФУ, 2008. С. 70–73.

Куликов Ф. И. Изображение хозяина староегипетской частной гробницы как субъект культа // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. Вып. 1 (24). С. 28–35.

Марковин В. И. Ложнопортальные дольмены Причерноморья // Кавказ и Восточная Европа в древности. Посвящается памяти Е. И. Крупнова / отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 90–97.

В. Р. Эрлих
Государственный Музей искусств народов Востока, Москва, Россия

Погребение финала поздней бронзы с частичной кремацией на Северо-Западном Кавказе

Для цитирования: *Эрлих В. Р.* Погребение финала поздней бронзы с частичной кремацией на Северо-Западном Кавказе // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 113–117.

Vladimir R. Erlikh
State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia

Final Late Bronze Burial with Partial Cremation in the Northwest Caucasus

For citation: Erlikh V. R., 2022. Pogrebenie finala pozdney bronzy s chastichnoy krematsiey na Severo-Zapadnom Kavkaze [Final Late Bronze Burial with Partial Cremation in the Northwest Caucasus]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 113–117.

Известный в науке Гавердовский (Говердовский) могильник, в котором имеются как курганы, так и грунтовые погребения, находится на западной окраине г. Майкопа, на бывших землях конезавода. В 1985–1986 гг. данный участок планировался под оросительные системы. В связи с этим экспедицией Адыгейского областного краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Адыгея) под руковод-

© Эрлих В. Р., 2022.

ством А. А. Нехаева была раскопана 21 курганная насыпь. Некоторые из них оказались «пустыми». Два кургана на восточной оконечности группы (курганы 1–2) относились ко времени «скифской архаики» (см.: Эрлих, Нехаев, 2011. С. 134–155), остальные содержали комплексы конца IV в. — начала III в. до н. э.

В 2010–2013 гг. земли разорившегося конезавода (35 га) были скуплены частным владельцем, который распродал их мелкими участками под жилую застройку, несмотря на то что данные земли до сих пор являются землями сельскохозяйственного назначения и строительство на них запрещено. В 2013 г. на могильнике началась незаконная прокладка улиц бульдозером, в результате чего сотрудниками Управления охраны памятников РА было выявлено несколько каменных вымосток, предположительно грунтовых погребений.

Весной 2017 г. по просьбе Управления охраны памятников наследия РА Кавказской экспедицией музея Востока была расчищена одна из таких каменных вымосток. По поверхности она представляла прямоугольную раму размером 4,2 х 2,6 м из крупных валунов, ориентированную длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Юго-восточная стенка рамы была нарушена бульдозером. Внутри рамы находилась мелкая окатанная галька. После выборки мелкой гальки в северо-западной части рамы было обнаружено большое угольное пятно, вытянутое с севера на юг (рис. 1, *14*). Размеры пятна, имеющего неправильную форму, около 2 х 1 м. В районе пятна и рядом с ним обнаружены обожженные кости двух погребенных. Ориентировка первого погребенного предположительно северная. Обожженные кости черепа, зубы и длинные кости второго погребенного находились в центре ямы у южной окраины угольного пятна. Первоначальное положение этого костяка и ориентировка неопределимы. При погребенных обнаружены остатки восьми лепных сосудов, не менее восьми фрагментированных бронзовых височных подвесок в 1,5 оборота и три кремневых отщепа.

Три сосуда имеют орнаментацию в виде треугольников, выполненных прочерченными линиями либо штампом, имитирующим шнур (рис. 1, *1, 2, 4*). Один сосуд имеет вертикальную петельчатую ручку (рис. 1, *4*). Два сосуда имеют горизонтальные выступы-ручки в виде парных налепов (рис. 1, *1, 5*). Один неорнаментированный горшочек имеет валик, образованный отдельно сформованным и прилепленным венчиком (рис. 1, *3)*.

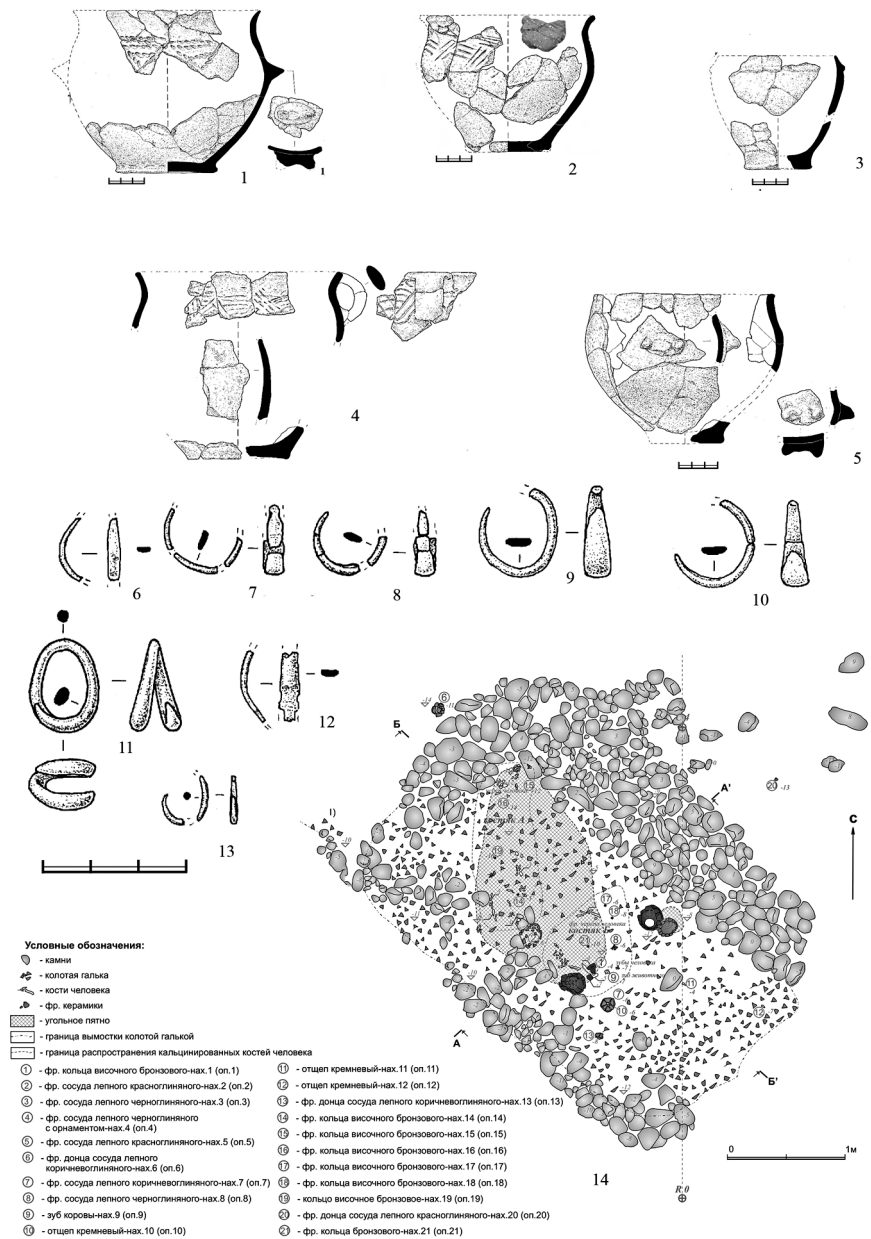

Рис. 1. Погребение 1 2017 г. Гавердовского могильника. *1–5* — керамика; *6–13* — бронза

Форма и орнаментация сосудов находят близкие параллели с керамикой пост-дольменного горизонта, обнаруженной в исследованных в 2015–2016 гг. погребальных и ритуальных объектах археологического комплекса Шушук (Эрлих, 2017; 2018. С. 12. Рис. 2, *1*. С. 14. Рис. 3, *16*) и относящихся к финалу бронзового века. Валиковое оформление венчиков сосуда фиксируется и в материалах поселения Деметра, расположенного в нескольких километрах от Гавердовского могильника. Оно также относится к финалу бронзового века (Эрлих, Болелов, 2014).

Не противоречат этому и находки бронзовых металлических височных колец, выполненных из уплощенной либо округлой проволоки и имеющих приостренные концы (рис. 1, *6–13*). Подобные височные привески из бронзовой ленты с заостренными концами в памятниках Нижнего Подонья и Предкавказья выступают как определенные маркеры финала эпохи поздней бронзы (Потапов, 2010. С. 155–157). Среди территориально близких параллелей имеется височная подвеска с заостренными концами из погребения 7 кургана № 11 Михайловского могильника в Закубанье, относящегося к финалу эпохи бронзы (Шарафутдинова, Каминский, 1988. С. 217. Рис. 2, *1*). Встречены подобные височные кольца и памятниках постдольменного горизонта (Эрлих, 2017; 2018. С. 12. Рис. 2, *2, 3, 7*), а также в позднебронзовом дольменном могильнике Шушук, исследованным А. Д. Резепкиным (Резепкин, 2013. С. 120. Рис. 1, *1–4, 6*).

Весьма интересен обряд публикуемого погребения. По всей видимости, оно относилось к грунтовому могильнику, так как остатков курганной насыпи в зачищенном профиле бульдозерной траншеи нами не обнаружено. Само погребальное сооружение — раму из валунов, имитирующую каменный ящик, — можно сопоставить с сооружениями пост-дольменного горизонта, где имелись подобные ящики-рамы, выполненные из переиспользованных дольменных плит и крупных камней (Эрлих, 2018).

В то же время обнаруженная здесь частичная кремация на месте обоих погребенных пока уникальна для немногочисленных погребальных памятников финала бронзового века Северо-Западного Кавказа. Кремации на стороне известны для памятников перехода к железному веку кобанской и колхидской культур (Терезе, Джантух и др.), а также характерны для погребений конца бронзового века Средней Европы. Безусловно, мы можем рассматривать появление этого обряда в Северо-

Западном Предкавказье в эпоху финала бронзового века как результат внешнего воздействия.

Литература

Потапов В. В. Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы) // РА. 2010. № 1. С. 155–157.

Резепкин А. Д. Комплекс украшений из дольмена Шушук в Адыгее // Третья Абхазская международная конференция. Посвящена памяти Г. К. Шамба. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: материалы конференции. Сухум, 28 нояб. — 1 дек. 2011 г. / Отв. ред. М. Т. Кашуба, А. Ю. Скаков. Сухум: РУП «Дом печати», 2013. С. 119–121.

Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. 1988. № 4. С. 214–221.

Эрлих В. Р. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 2016–2017 гг. // Архив ИА РАН. Фонд Р-1. М., 2017.

Эрлих В. Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. М., 2018. Вып. 250. С. 7–24.

Эрлих В. Р., Нехаев А. А. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгеи // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный — М.: ИА РАН, АН ЧР, 2011. С. 134–155.

Эрлих В. Р., Болелов С. Б. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апр. 2014 г. / отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИАРАН, 2014. С. 211–215.

***В. Р. Эрлих*[1], *Г. Л. Годизов*[2]**

[1] Государственный Музей искусств народов Востока, Москва, Россия
[2] Государственный музей Востока, Северокавказский филиал, Майкоп, Россия

Археологический комплекс Шушук в предгорьях Западного Кавказа. Новые данные

Для цитирования: *Эрлих В. Р., Годизов Г. Л.* Археологический комплекс Шушук в предгорьях Западного Кавказа. Новые данные // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 118–124.

***Vladimir R. Erlikh*[1], *Georgiy L. Godizov*[2]**

[1] State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
[2] State Museum of the East, North Caucasian Branch, Maykop, Russia

Archaeological complex Shushuk in the foothills of the Western Caucasus. New materials

For citation: Erlikh V. R., Godizov G. L., 2022. Arkheologicheskiy kompleks Shushuk v predgor'yakh Zapadnogo Kavkaza. Novyye dannyye [Archaeological complex Shushuk in the foothills of the Western Caucasus. New materials]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 118–124.

Начиная с осени 2015 г. Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея Востока и ООО «Культурное наследие» проводит охранно-спасательные исследования археологического комплекса

© Эрлих В. Р., Годизов Г. Л., 2022.

Шушук на территории карьера природного гипса в окрестностях поселка Победа Майкопского района Республики Адыгея. Разведками и раскопками 2015–2017 гг. экспедиции удалось выявить бытовые и погребальные комплексы постдольменного горизонта, относящегося к эпохе финальной бронзы.

В 2017 г. работы экспедиции на территории карьера были продолжены изучением комплексов Шушук-75 и Шушк-76, по-видимому представлявших собой единый мегалитический ансамбль, расположенный на двух находящихся рядом выступах материкового гипса.

В результате раскопок объекта Шушук-75 было зафиксировано 10 развалов лепных сосудов, оставленных в результате совершения тризн. Также были расчищены два скопления. В первом, помимо многочисленных фрагментов керамики, присутствовал кремневый наконечник стрелы в виде «ласточкина хвоста» (рис. 1, *2*), а во втором — точильный камень.

Здесь же были обнаружены два погребения. Погребение 1 представляло собой разрушенную конструкцию постдольменного типа и было совершено на вершине холма. В погребении найдены бусы из селенита (кристаллического гипса), бронзы и раковины (рис. 1, *6, 11, 13–15*), и серебряное височное кольцо (рис. 1, *17*). Весьма интересны подражания подвескам из зубов оленя, выполненные из местного гипса (рис. 1, *3, 10*).

Второе погребение находилось на периферии насыпи, в северном направлении от ее центра, и располагалось в дольменообразной конструкции. Здесь были обнаружены как пяточные (фундаментные) плиты дольмена, так и его боковые плиты, включая портальную (переднюю) плиту с фрагментом отверстия арочной формы, а также сама дольменная втулка. В погребении среди костей человека (более 4 индивидуумов) были обнаружены более 100 находок: лепные сосуды, височные подвески из золота и серебра (рис. 1, *18–20*), подвески из зубов оленя и других животных (рис. 1, *36–43*), а также подражания им, выполненные из местного гипса, бусы и подвески из селенита, в том числе подражания бронзовым грибовидным подвескам (рис. 1, *22–35*).

К северу от этого сооружения была сделана прирезка, показавшая, что данный объект и соседний объект Шушук-76 представляют собой единый ансамбль. В прирезке обнаружено погребение, которое было совершено среди крупных пяточных плит дольмена, имеющих выразительные следы обработки. В погребении найден фрагмент камня

Рис. 1. 1 — Вид на объект 75 с прирезкой с юга. 2 — Шушук-75, наконечник стрелы из скопления 1. 3–17 — материалы из погребения 1, объекта Шушук-75; 18–43 — материалы из погребения 2, объекта Шушук-75; 44–47 — материалы погребения 1 объекта Шушук-76. 2 — кремень; 3, 8, 10, 16, 30–35 —гипс; 4, 5, 12, 21, 44, 45 — бронза; 6, 8–11 ,13–15, 22–27, 29, 46 — селенит; 7 — раковина, 17, 19 — серебро; 18, 20 — золото; 36–43 — кость; 47 —камень

Рис. 2. Материалы поселения Шушук. 1–3 — керамика; 4–7 —камень; 8, 9 — кость; 10, 11 — бронза

с петроглифом, представляющим собой четыре вертикальные черты, завершающиеся пятой — горизонтальной (рис. 1, *47)*, селенитовая бусина (рис. 1, *46*) и две бронзовые грибовидные подвески (рис. 1, *44, 45*).

Данное сооружение можно отнести к эпохе поздней бронзы, либо к ее финалу.

Экспедицией были продолжены работы на поселении Шушук эпохи финальной бронзы. Исследовались промоины — стоки с площадки поселения, уничтоженной карьером, а также карстовая промоина, насыщенная материалом, представляющая собой древнюю свалку этого поселения. Характерной особенностью керамического комплекса памятника является присутствие сосудов, верхняя часть которых оформлена в виде нескольких рядов валиков, сформованных жгутами глины и заглаженных с внутренней стороны (рис. 2, *1–3)*. Близкая керамика встречена на поселении на перевале Гум-Баши (Карачаево-Черкесия) (Белинский, 2017). Сосуд с аналогичным оформлением горла недавно обнаружен в Абхазии, вблизи перевала Алаштраху. У ряда протомеотских сосудов подобные черты сохраняются уже в редуцированном виде (Эрлих, 2007. Рис. 134, *12–15*; Шарафутдинова, 1989. С. 52, 53, 68. Рис. 7, *3, 5*; Черных, Сазонов, 2013. С. 62. Рис. 13, *3, 4*). У протомеотских сосудов эти валики не сформованы при помощи жгутов, а нанесены углубленной гравировкой.

Из других находок на поселении Шушук следует отметить подвески и оселок из камня с просверленными двусторонними отверстиями (рис. 2, *4, 6, 7*); фрагмент каменного топора (рис. 2, *5*); лезвийную часть бронзового топора (рис. 2, *10*), массивное бронзовое шило (рис. 2, *11*); изделия из кости — проколку и булавку (рис. 2, *8, 9*).

Абсолютная дата данного поселения получена в лаборатории г. Майнца по углю из нижних штыков шурфа, «попавшего» в помойку, находящуюся в карстовой промоине — MAMS-28352 — 2980 ±24 BP (Cal. σ 1258–1131 BC Cal. σσ 1273–1122 BC). В реальности эта дата может быть несколько моложе, так как она получена по углю массивного дерева, возможно, дуба, возраст которого мог быть 100–200 лет[1].

Работы на данном памятнике продолжатся в 2018 г.

[1] В то же время необходимо заметить, что по новым радиоуглеродным данным, полученным недавно, значительно понижены даты памятников кобяковской культуры до рубежа XV–XIV вв. до н.э. (Потапов, 2012. С. 297).

Литература

Белинский А. Б. Отчет о раскопках на поселениях Гумбаши и Рансырт (Карачаево-Черкессия) в 2012 и 2014 гг. // Архив ИА РАН, 2017.

Потапов В. В. Кобяковские памятники низовьев Дона: проблема появления и исчезновения // РАЕ. 2012. Вып. 2. С. 287–308.

Черных Е. Н., Сазонов А. А. Курган и поселение у хутора Грозный // Историко-археологический альманах. Вып. 12 / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир — Краснодар — М., 2013. С. 47–89.

Шарафутдинова Э. С. Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы начала раннего железа на Кубани // Меоты — предки адыгов / отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп, 1989. С. 46–73.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Г. Н. Вольная
Институт истории и археологии РСО-Алания, Владикавказ, Россия

Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры

Для цитирования: *Вольная Г. Н.* Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 124–129.

Galina N. Vol'naya
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia

Centrally symmetrical compositions in the art of the central version of the Koban culture

For citation: Vol'naya G.N., 2022. Tsentral'no-simmetrichnye kompozitsii v iskusstve tsentral'nogo varianta kobanskoy kul'tury [Centrally symmetrical compositions in the art of the central version of the Koban culture]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 124–129.

В прикладном искусстве центрально-симметричные динамические композиции с «вращательным» движением получили название «вихревидные» или «свастические». «Вихревидные» композиции состав-

© Вольная Г. Н., 2022.

лены из плавных линий и изгибов, а «свастические» — из ломаных линий. Распространение таких композиций свидетельствует, очевидно, не столько о культурных влияниях и взаимосвязях, сколько об универсальности некоторых архетипов в системе архаической символики (Королькова, 2009. Рис. 108, *3*). Эти композиции встречены и в искусстве кобанской и колхидской культур.

На Центральном Кавказе подобные композиции из волют встречаются еще с протокобанского периода (начало XIV в. — 1-я пол. XII в. до н.э.), о чем свидетельствуют полукруглые поясные бронзовые пряжки с «вихревидным» орнаментом из трех волют из Кобанского могильника (Уварова, 1900. Табл. XL, *12*) и могильника Верхняя Рутха (Козенкова, 1996. Рис. 44, *1*) (рис. 1, *1–2*). Движение волют направлено против часовой стрелки.

Затем, в VIII–VI вв. до н.э., появляются «вихревидные» зооморфные композиции из протом трех хищников. Такие композиции представлены на двух бронзовых булавках с навершием в виде секиры с протомами хищников из Кобанского могильника (Доманский, 1984. Фото 59, илл. XIII; Уварова, 1900. Рис. 51) (рис. 1, *8–9*). На навершиях булавок в виде секир, однако, головы двух хищников повернуты в одну сторону, а голова одного хищника — в другую. Композиция из протом хищников встречена на лопасти бронзового топора с дважды изогнутым корпусом из погребения 263 Тлийского могильника (Техов, 1977. Рис. 69) (рис. 1, *5*). Аналогичный топор с изображением четырех протом хищников известен из могильника Фаскау у с. Галиат (рис. 1, *6*). В IX в. — 1-й пол. VIII в. до н.э. в одном из вариантов колхидской культуры также известен топор с дважды изогнутым корпусом с аналогичной композицией из трех голов хищников на лопасти (Скаков, Эрлих, 2005. Рис. 8)[1] (рис.1, *7*).

[1] Автор имеет в виду топор из погребальной ямы 2 могильника IV в с. Эргета (Западная Грузия) (см., к примеру: Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный — М., 2011. Табл. V, *14*; Скаков А. Ю. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы Международной научной конференции, посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25–27 апр. 2016 г. / отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М., 2016. Рис. 1, *4*). Отметим также, что кроме названных автором к данной группе топоров (подгруппа 2/6 по моей классификации — изображение на лопасти подтреугольной рамки с головами

Вариант динамической композиции встречен на бронзовом поясе из погребения 363 Тлийского могильника, здесь протомы хищников расположены по дуге, образуя рамку (Техов, 2002. Табл. 35–39) (рис. 1, *10*).

Этим же периодом (VIII–VI вв. до н.э.) датируется бронзовое навершие жезла, выполненное в виде вихревидной композиции с тремя протомами хищников из погребения 254 Тлийского могильника (Техов, 1977. Рис. 108, *3*) (рис. 1, *3*). Хищники изображены с округлым глазом и открытой пастью. Аналогом этой композиции является керамическая подвеска с сильно стилизованными головами хищников из погребения 44 (63) могильника Красный Маяк в Абхазии VIII–VI вв. до н.э. (рис. 1, *4*) (Трапш, 1969. С. 118, 207. Табл. XXVII, *10*). В обеих композициях круговое движение представлено по часовой стрелке.

Головы хищников могут быть направлены как к центру композиции, так и в противоположную сторону. На двух топорах с прямым корпусом из погребений 262 и 270 Тлийского могильника (Техов, 2006. Рис. 17, *1–2*) также представлены «вихревидные» композиции, но уже из протом лошадей, при этом их головы направлены к условному центру композиции (рис. 1, *12–13*).

Вращательное движение представлено в композициях на двудырчатых парных Г-образных псалиях из Гюэноса (найдены С. М. Шамба в 1985 г.) (Шамба, 1988. Табл. XXI, *2, 3*). Их пластины представляют собой симметричные головы оленей с рогами, имеющими три отростка, оканчивающимися головками хищных птиц, изображенными во вращательном движении (Эрлих, 2004. С. 162, 166. Рис. 3, *5–6*). Но здесь мы видим иную культурную традицию, связанную с меотской культурой.

Четырехлучевые композиции также появились в кобанском искусстве достаточно рано. В середине II тыс. до н.э. в памятниках Центрального Кавказа известны четырехлучевые — «свастические» — композиции на бронзовых налобных повязках-диадемах, встреченных в нескольких

зверей) относятся экземпляры из погребения 308 Тлийского могильника, Заюково и два топора из Кобанского могильника (Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа / отв. ред. В. И. Марковин. М., 1999. С. 123; Скаков А. Ю. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25–27 апр. 2016 г. / отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М., 2016. Рис. 6, *5*) (*От ответственного редактора*).

Рис. 1. Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры и их аналогии.
1. **Бронзовая поясная пряжка. Кобанский могильник.** ***2.*** **Бронзовая поясная пряжка. Могильник Верхняя Рутха.** ***3.*** **Бронзовое навершие жезла. Тлийский могильник.** ***4.*** **Керамическая привеска. Могильник Красный Маяк.** ***5.*** **Бронзовый топор. Тлийский могильник.** ***6.*** **Бронзовый топор. Могильник Фаскау.** ***7.*** **Бронзовый топор. Могильник Эргета IV.** ***8.*** **Бронзовая булавка. Кобанский могильник.** ***9.*** **Бронзовая булавка. Кобанский могильник.** ***10.*** **Бронзовый пояс (фрагмент). Тлийский могильник.** ***11.*** **Бронзовая поясная пряжка. Кобанский могильник.** ***12.*** **Бронзовый топор. Тлийский могильник.** ***13.*** **Бронзовый топор. Тлийский могильник.** ***14.*** **Бронзовый топор. Тлийский могильник.** ***15.*** **Бронзовый топор. Тлийский могильник.** ***16.*** **Бронзовый топор. Тлийский могильник.** ***17.*** **Бронзовая поясная пряжка. Тлийский могильник.** ***18.*** **Каменная литейная форма. Поселение Сауар.** ***19.*** **Бронзовая поясная пряжка. Могильник Красный Маяк.** *20.* **Бронзовая поясная пряжка. Могильник Красный Маяк**

погребениях Тлийского могильника (Техов, 2006. С. 148. С. 180. Рис. 28). Свастические композиции встречаются на бронзовых поясных пряжках периода Кобан II сер. XII — рубежа XI–X вв. до н.э. (рис. 1, *11*) , затем они присутствуют на бронзовых топорах с прямым корпусом, а также с клиновидным обухом 2-й пол. X — начала VII в. до н.э. и на поясных пряжках из Тлийского могильника (Техов, 1977. Рис. 73, 76, 81; Техов, 2006. С. 425, Рис. 38, *5*) (рис. 1, *14–17*). На поселении Сауар V–IV вв. до н.э. в Северной Осетии также была найдена каменная литейная форма для изделия с декором в виде четырехконечного «свастиковидного» орнамента (Мошинский, 2006. Рис. 19, *7*) (рис.1, *18*).

«Свастиковидные» четырехлучевые элементы известны и в Абхазии на бронзовых поясных пряжках из могильника колхидской культуры VIII–VI вв. до н.э. Красный Маяк (Трапш, 1969. Табл. XXVI, *3, 16*) (рис. 1, *19–20*).

Однако четырехлучевые зооморфные композиции ни в кобанской, ни в колхидской культурах вплоть до походов ранних кочевников неизвестны. Четырехлучевые композиции, представленные протомами птиц, хищников и лошадей, появляются и распространяются на территории Центрального Кавказа в киммерийский и скифский период, и их происхождение связано с искусством кочевников[1].

Литература

Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 240 с.

Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. 164 с.

[1] Автор не учитывает бляху с изображением четырехконечной зооморфно оформленной свастики из погребения в с. Агаиани Каспского района Грузии, датированного публикатором XI–X вв. до н.э. (см.: Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа / отв. ред. В. И. Марковин. М., 1999. С. 129; Скаков А. Ю. О некоторых образах кобано-колхидского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики // Археологические вести. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. Вып. 19. С. 235. Рис. 5, *4*) (*от ответственного редактора*).

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Мошинский А. П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н.э. // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 154. 208 с.

Скаков А. Ю., Эрлих В. Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В. С. Ольховского / гл. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 201–227.

Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 240 с.

Техов Б. В. Тайны древних погребений: археология, история, этнография. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.

Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

Трапш М. М. Древний Сухуми // Тр. в 4 т. Сухуми: Алашара, 1969. Т. 2. 376 с.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Вып. VIII. 382 с.

Шамба С. М. Гюэнос-I. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 136 с.

Эрлих В. Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1. С. 158–172.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, АНТИЧНОСТЬ

***А. Б. Белинский*[1], *А. Р. Канторович*[2], *В. Е. Маслов*[3], *С. Райнхольд*[4]**

[1] ООО «Культурное наследие», ООО «Наследие», Ставрополь, Россия
[2] Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[3] Институт археологии РАН, Москва, Россия
[4] Германский археологический институт, Берлин, Германия

Раскопки горного могильника Уллу[1]

Для цитирования: *Белинский А. Б., Канторович А. Р., Маслов В. Е., Райнхольд С.* Раскопки горного могильника Уллу // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 132–146.

***Andrey B. Belinskiy*[1], *Anatoliy R. Kantorovich*[2], *Vladimir E. Maslov*[3], *Sabina Reinhold*[4]**

[1] LLC “Cultural Heritage”, LLC “Heritage”, Stavropol, Russia
[2] Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
[3] Institute of archeology RAS, Moscow, Russia
[4] German Archaeological Institute, Berlin, Germany

Excavation of the Ullu burial ground

For citation: Belinskiy A.B., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Reinhold S., 2022. Raskopki gornogo mogil’nika Ullu [Excavation of the Ullu burial ground]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel’nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring ter-*

[1] К сожалению, при публикации этого текста в сборнике материалов IV Абхазской археологической конференции (Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур: Материалы IV Международной Абхазской археологической конференции, посвяще. археологу-кавказоведу Л. Н. Соловьеву. Сухум: АбИГИ, 2017. С. 114–126), из статьи «выпали» иллюстрации, что заставляет нас по просьбе авторов опубликовать эту работу повторно (*от ответственного редактора).*

© Белинский А. Б., Канторович А. Р., Маслов В. Е., Райнхольд С., 2022.

ritories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]. Moscow — Sukhum. P. 132–146.

В 2012 г. археологическим отрядом ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края был исследован горный могильник Уллу в Зольском районе Республики Кабардино-Балкария[1].

Памятник расположен на мысу крутой террасы левого берега р. Уллукол на высоте +1578 — +1582 м в системе Балтийских высот, примерно в 6,6 км к ЮЮЗ от с. Кичи-Балык Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Расстояние до вершины горы Уллукол составляет около 1,4 км.

Здесь в 2009 г. в ходе разведок, проведенных ГУП «Наследие», было открыто три комплекса построек. Могильник Уллу относится к поселению Уллукол-2Б и расположен к югу от него.

На основании данных магниторазведки[2] был размечен прямоугольный раскоп размерами 20 х 20 м, ориентированный по сторонам света. Раскоп был расположен на склоне мыса, перепад высот которого составлял с юга на север около 3 м.

Погребальные конструкции могильника необычны: это каменные ящики-склепы, построенные с использованием скального рельефа. До раскопок конструкции не просматривались четко среди задернованного завала рваных камней и выходов скальной породы. Выделялись лишь отдельные крупные каменные плиты, выступавшие над уровнем современной дневной поверхности.

Всего были исследованы девять условных погребений, но число достоверных могильных конструкций меньше. Некоторые из них использовались многократно, а в завале камней вокруг ящиков были обнаружены многочисленные разнообразные находки и отдельные человеческие кости, вероятно выбросы из потревоженных захоронений.

Все погребения были нарушены в древности, но, хотя наиболее ценные предметы были похищены, создается впечатление, что собственно огра-

[1] Работы проводились под руководством А. Б. Белинского, при участии сотрудников ИА РАН — В. Е. Маслов, Германского археологического института — С. Райнхольд и студенческой археологической практики исторического факультета МГУ под руководством А. Р. Канторовича.

[2] Магнитная разведка была проведена Й. Фассбиндером — Баварское государственное управление памятников и монументов, г. Мюнхен, Германия.

бление не было главной целью. Не исключено, что эти действия носили символический характер, связанный с осквернением гробниц.

Близ погребений были расчищены пять ритуальных комплексов, представляющих собой скопления керамики.

Наиболее интересный комплекс находок был обнаружен в ходе исследования погребения 2/3 — каменного ящика, дополненного конской гробницей (рис. 1, *1*).

Каменный ящик погребения 2 был слегка заглублен в скальный материк и окружен наружной оградой, с юга и запада сложенной из плит, а с севера и СВ состоявшей из выступов скальной породы. С востока выкладка из каменных блоков отделяла его от сопутствующего конского захоронения. Пространство между плитами внешней и внутренней ограды было заполнено каменным боем. Между этих камней встречались находки и кости животных. В верхней части кладки южной стены была найдена каменная зернотерка.

Размеры каменного ящика по дну 1,8 х 1,1 м. Длинной осью он был ориентирован по оси СЗ — ЮВ. На дне каменного ящика было расчищено несколько скоплений человеческих костей и найдены отдельные зубы мелкого рогатого скота.

В заполнении ящика среди камней встречались многочисленные и разнообразные находки. Кроме того, часть находок и костей была выброшена из ящика к югу по склону и обнаружена в расщелинах между камней.

Конское погребение 3 примыкало к каменному ящику с СВ. С каменным ящиком оно имело общую восточную наружную стену, сложенную из рваного камня и блоков известняка протяженностью 4,2 м. С З — ЮЗ оно было ограничено скальным выступом. Не исключено, что данное захоронение было возведено не сразу, а достроено к уже существовавшему склепу в ходе его использования.

После удаления верхнего слоя камней между выходами скальной породы и крупными блоками открыто пространство площадью 1,6 х 1,1 м, полностью заполненное костями лошадей. Захоронение было потревожено: среди конских костей встречались отдельные предметы, выброшенные из каменного ящика погребения 2. Тем не менее удалось установить, что туши взнузданных лошадей были установлены вплотную друг к другу поперек узкого могильного ящика. При этом их головы, очевидно, были повернуты вбок и назад. Вероятно, данное захоронение символически воспроизводило конскую упряжку.

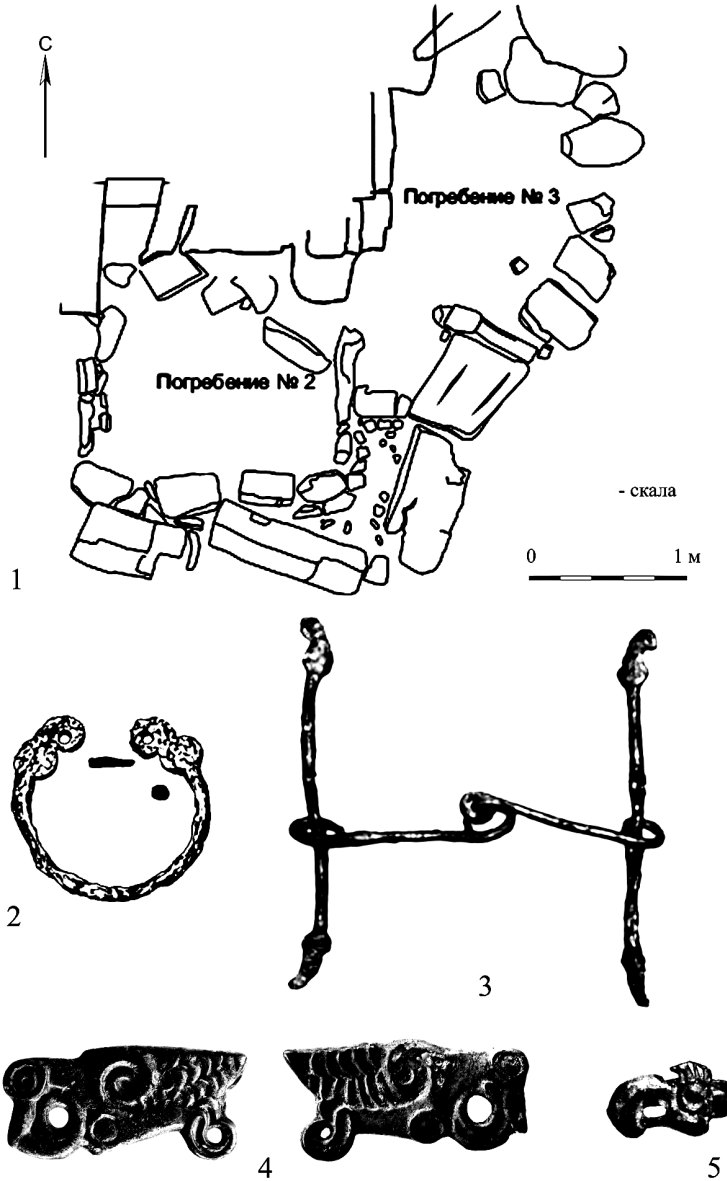

Рис. 1. ***1*** **— план погребений 2 и 3;** ***2*** **— железная подпружная пряжка из погр. 3;**
3 **— комплект железных удил и псалиев из погр. 3;**
4–5 **— бронзовые уздечные бляшки из погребений 2 и 3**

В каменном ящике погребения 2 и близ него обнаружен ряд предметов закавказского происхождения: электровые (?) серьги, перстень с ромбовидным щитком, декорированным свастикой, две золотые фигурные подвески, составленные из двух тисненых пластин в форме головы барана (рис. 2, *1–3*).

Серьги в виде разомкнутого кольца с отверстием в расплющенных окончаниях, со столбиком, составленным из четырех шариков зерни (псевдозерни?), завершающимся пирамидкой из таких же шариков зерни. Подобные серьги, как правило изготовленные из серебра или золота, известны в могильниках Дигории, но наиболее характерны для памятников V–IV вв. до н.э. Западной Грузии. Самая большая серия находок происходит из Брильского могильника в Раче (Мошинский, 2006. С. 44, 45. Рис. 27, *7*).

Миниатюрные золотые подвески в форме головки барана близки подвескам, формирующим ожерелье из погребения 11 в Вани, от которых они отличаются отсутствием пластинчатых петелек (рис. 2, *2*). Богатейшее погребение из Вани, насыщенное предметами античного импорта, датируется временем не позднее второй четверти — сер. V в. до н.э. (Лордкипанидзе, 1972. С. 62–64. Рис. 193). Весьма вероятно, что и наши находки входили в состав ожерелья, изготовленного колхидскими ювелирами, обслуживавшими царский двор. Это тем более вероятно, что в погребении 2 были также найдены миниатюрные золотые бусины.

Вещи такого уровня не могли быть простым предметом торговли. Это открытие указывает на вероятные политические связи племен, обитавших в горной части Северного Кавказа, достаточно далеко от перевалов Центрального Кавказа, с центрами Колхидского царства.

Основой для датировки могильника Уллу в целом являются предметы конской упряжи, в том числе уздечные бляшки, оформленные в «зверином стиле», которые были найдены в комплексе погребений 2/3.

Из каменного ящика погребения 2 происходит бронзовая уздечная бляха в виде головы грифоноподобного верблюда с характерными признаками — хохолком, нависающей верхней губой и овальным ухом (рис. 3, *2*).

Ближайшими аналогиями ей являются бронзовые уздечные бляхи из комплекса близ Хошеутова в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012. Илл. 235, 238) и могильника Гастон Уота в Дигории (Мошинский,

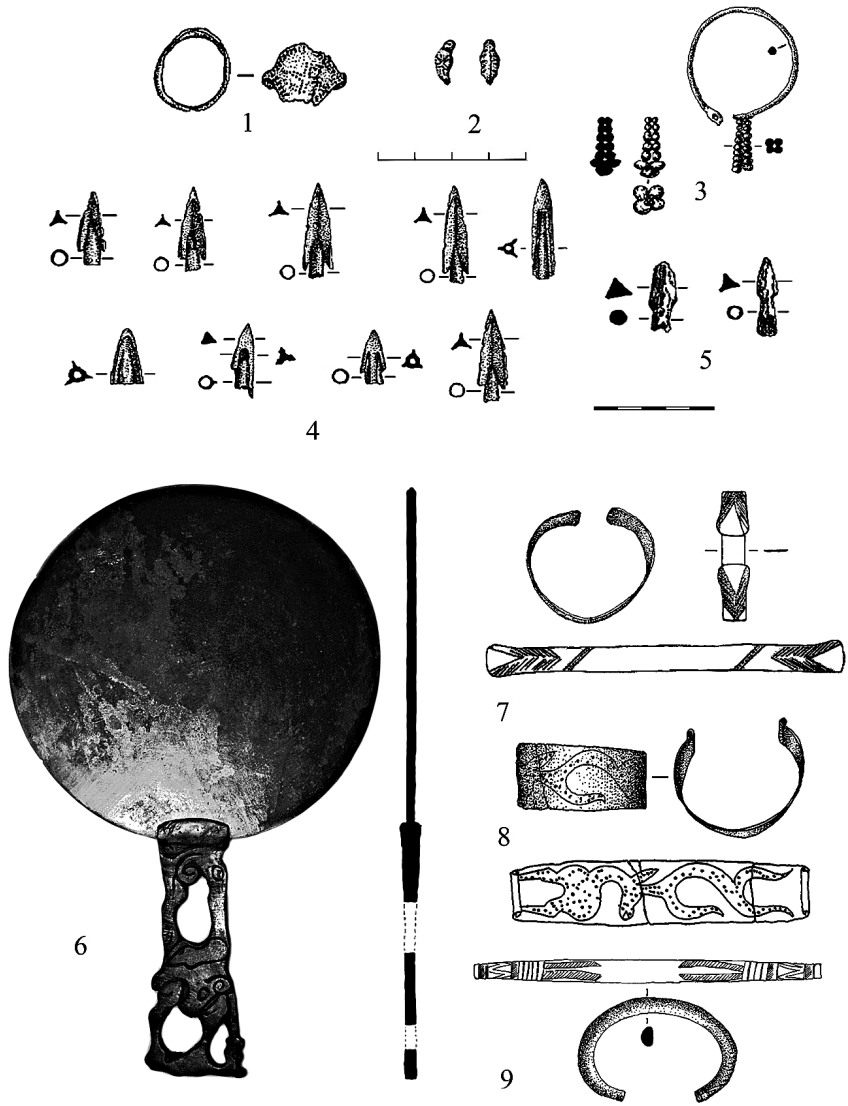

Рис. *2. 1* — электровый (?) перстень из погр. 2; 2 — золотая зооморфная подвеска — пряжка из погр. 2; 3 — электровые (?) серьги, найденные в погр. *2* и близ гробницы; *4* — бронзовые наконечники стрел из погр. *2* и *3*; *5* — железные наконечники стрел из погр. *2*; *6* — бронзовое зеркало из погр. *10*; *7* — бронзовый браслет из погр. *3*; *8* — бронзовый браслет из погр. 10; 9 — бронзовый браслет из погр. *7*

2006. Рис. 15, *9, 10*). В меньшей мере сходны с этой находкой бронзовые бляхи из курганов Среднего Поднепровья — кургана 12 у с. Аксютинцы (Стайкин верх) (Ильинская, 1968. Табл. X, 6) и кургана 505 у с. Броварки (Галанина, 1977. Табл. 30, *13*).

Редуцированный образ верблюда с чертами грифона, вероятно, попал в ареал скифской культуры с территории Южного Приуралья через Нижнее Поволжье. Характерно, что в Среднем Поднепровье он почти утрачивает исходные черты.

Из конского погребения 3 происходит набор бронзовых уздечных блях в форме фигуры птицы с крылом, прижатым к туловищу, и с поджатой ногой (рис. 3, *3*). Ближайшие аналогии данным бляхам также происходят с территории Нижнего Поволжья: из Хошеутова (Очир-Горяева, 2012. Илл. 234), из кургана 51 у с. Старица под Астраханью (Очир-Горяева, 2012. Илл. 202, *1, 2*).

Сходство с хошеутовским комплексом еще заметнее, если учитывать находку ромбовидного бронзового налобника и уздечных обойм (рис. 3, *5, 10*) (Очир-Горяева, 2012. Илл. 223, *38*; 262).

Здесь же также были найдены четыре крупные уздечные бляхи-распределители архаичной формы — с кубическим основанием, с отверстиями и широкой уплощенной округлой шляпкой (рис. 3, *4*). Аналогичный распределитель происходит из могильника Фаскау в Дигории (Мошинский, 2006. С. 28. Рис. 15, *2*). Комплект из четырех подобных распределителей, несколько меньших размеров, чем наша находка, известен в составе Хошеутовского комплекса (Очир-Горяева, 2012. С. 208. Илл. 227). В кургане 1 у с. Покровка в Южном Приуралье также были найдены четыре таких распределителя (Смирнов, 1964. Рис. 16, *1в*).

Аналогии подобным распределителям в скифских древностях Украинской лесостепи очень немногочисленны и в целом относятся к эпохе архаики (Могилов, 2008. С. 68. Рис. 128, *18–20*). В кургане 477 у с. Волковцы они, так же как и в нашем случае (рис. 3, *9*), были найдены вместе с набором округлых уздечных блях с выпуклым щитком и арочной петлей на обороте (Галанина, 1977. Табл. 22, *5–7*).

Округлые бляхи представлены в скифских древностях в широком хронологическом диапазоне (Могилов, 2008. С. 40). Одна из трех блях, найденных в комплексе в Уллу, имеет отверстие на щитке (рис. 3, *11*). Вероятно, это литейный брак. Вместе с ними были также найдены две округлые бляхи с коническим щитком (рис. 3, *12*). Большая из них —

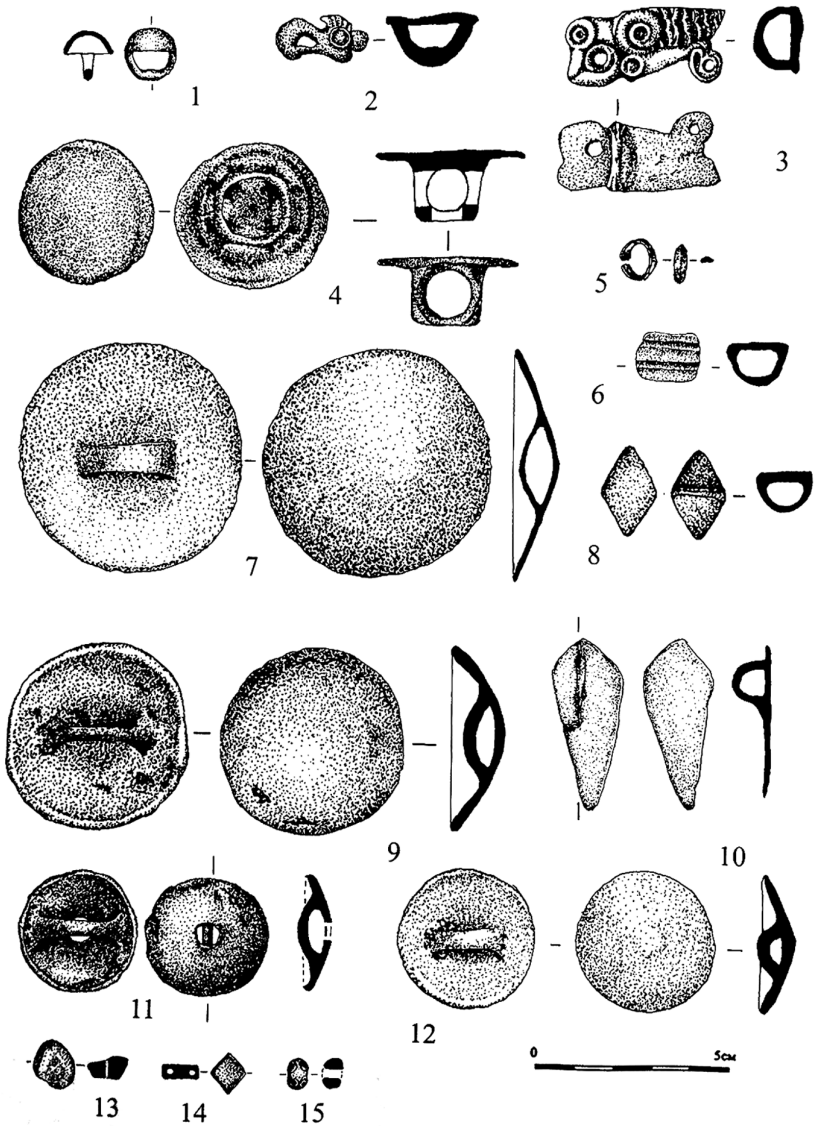

Рис. 3. ***1, 2, 3, 6, 8, 9, 11, 12*** **— бронзовые уздечные бляшки;** ***4*** **— бронзовая уздечная бляха-распределитель;** ***5*** **— бронзовая уздечная обойма;** ***7, 10*** **— бронзовые налобники;** ***13*** **— янтарная бусина;** ***14*** **— гагатовая бусина-распределитель;** ***15*** **— стеклянная бусина.** ***1–5, 7, 9–14*** **— погребение 2/3;** ***6*** **— РК-4;** ***8*** **— погребение 5;** ***15*** **— погребение 8**

самая крупная из блях диаметром 6 см — имеет пластинчатую петлю (рис. 3, *7*). Скорее всего, она являлась налобником.

Бляхи с коническим щитком не имеют аналогий в скифских и савроматских памятниках. Ближайшие параллели данным предметам представлены в северокавказских материалах предскифского периода — комплексе гробницы 1 могильника Терезе (Козенкова, 2004. Табл. 22, *7, 9*).

В состав уздечного набора погребения 3 входил также один из самых распространенных типов скифских уздечных бляшек — мелкие бляшки с полусферическим щитком и арочной петлей (рис. 3, *1*) (Могилов, 2008. С. 41). В горных памятниках Северного Кавказа они известны в комплексах могильника Гастон Уота (Мошинский, 2006. С. 28. Рис. 15, *11*). Комплекты сходных бляшек происходят и из хошеутовского комплекса (Очир-Горяева, 2012. Илл. 240; 241). Известны они и в комплесах Южного Приуралья (Смирнов, 1964. Рис. 22, *9*).

Кроме того, из других комплексов могильника происходит еще два типа уздечных бляшек — с ромбовидным щитком и прямоугольным щитком с поперечными каннелюрами (рис. 3, *6, 8*). Первый тип широко представлен среди находок в скифских памятниках конца VI в. — начала V в. до н.э. (Могилов, 2008. С. 43), второй — очень редкий и имеет только три аналогии: из кургана 5 у с. Берестняги в Поросье, кургана 52 могильника Клады в Закубанье и погребения 16 кургана 5 могильника Кривая Лука-III (Могилов, 2008. С. 43, 44. Рис. 91, *12*; Габуев, Эрлих, 2001. Рис. 3, *11*; Очир-Горяеева, 2012. Илл. 268, *3*). Дата этих комплексов не выходит за пределы V в. до н.э.

В числе четырех железных уздечных комплектов, найденных среди останков лошадиных черепов в погребении 3, имеется набор из стержневидных двудырчатых псалиев с зооморфными окончаниями, которые оформлены в виде птичьих голов с загнутым и закрученным клювом (рис. 1, *4*).

Ближайшие параллели псалиям из Уллу происходят из Ульских курганов: 1 и 2 1909 г., 10 — 1982 г. (Эрлих, 2015. С. 47. Табл. 11, 123, 124. Табл. 20*, 282*). Удила с подобными окончаниями найдены также в кургане 4 Нартанского могильника (Батчаев, 1985. Табл. 16, *6*).

Сходные птичьи головы с закрученным клювом оформляют окончания крупной железной подпружной (?) пряжки (рис. 1, *5*). Парные пряжки с зооморфными окончаниями, аналогичные нашей находке, найдены в кургане 15 у аула Уляп (Лесков и др., 2005. С. 64, 65. Рис. 222, *5 а, б*).

Отличие состоит в том, что на пряжке из Уллу не было выступающего шпенька, как на большей пряжке из Уляпа.

Исходные прототипы пряжкам с зооморфным декором следует также искать в культуре кочевников Южного Зауралья, где известны бронзовые подпружные С-видные пряжки с завершениями в виде геральдически расположенных головок хищных птиц (Очир-Горяева, 2012. Илл. 293, *15, 16*).

В другом уздечном комплекте S-видные двудырчатые псалии, с ромбическими расширениями вокруг отверстий, были вставлены в удила, на звенья которых были надеты насадки в виде квадратных пластин с загнутыми вниз углами, превращенными в шипы. Крестообразные насадки с шипами имеются на удилах из Шалушкинских курганов близ Нальчика, найденных вместе с массивными стержневидными бронзовыми псалиями с зооморфными окончаниями (Крупнов, 1960. Табл. XIII, *7*). Один их конец оформлен в виде ушастого грифона, близкого к упомянутому выше образу верблюда (Переводчикова, 2000. Рис. 1), второй — оскалившегося хищника с вытянутой мордой, близкого к образам «савроматского» искусства (Очир-Горяева, 2012. Илл. 269, *2*). Судя по сопутствующим образам звериного стиля, использование крестовидных насадок на удила начинается уже в V в. до н.э.

Факт захоронения в горном могильнике лошадей вместе с уздечными аксессуарами, аналогичными нижневолжским парадным уздечным комплектам, требует объяснения. Не исключено, что это ценный дар или трофей.

Следует подчеркнуть, что это не первый случай находок бронзовых принадлежностей узды, аналогичных или близких к хошеутовской серии, в горных могильниках Северного Кавказа. Так, в Галайтинском 2-ом могильнике были найдены парные уздечные бляшки в форме вихревой свастики, составленной из птичих головок (Багаев, 2008. С. 60–62. Рис. 126, *10, 11*), а из Северной Осетии происходит псалий, оканчивающийся копытом, дополненным головкой хищной птицы (Крупнов, 1960. Табл. XIII, *8*).

Стрелковый набор из могильника также гораздо ближе к колчанным наборам наконечников стрел из Волго-Донского междуречья и Нижней Волги, чем из собственно скифских памятников.

Поэтому трудно представить, что мы просто сталкиваемся с «ситуацией проникновения отдельных предметов в разные стороны» в резуль-

тате незначительных, неупорядоченных связей «отдельных всадников за пределами своих территорий» (Переводчикова, 2000. С. 236). Гораздо более вероятно, что данные находки отражают некое новое культурно-историческое явление, связанное с возникновением в начале V в. до н.э. какого-то союза кочевых племен.

В конском погребении 3 могильника Уллу была также найдена железная овальная пряжка с вертикальным шпеньком (рис. 1, *3*). Сходная пряжка происходит из кургана 8 Нартанского могильника (Батчаев, 1985. Табл. 25, *6*). И в Уляпе, и в Уллу, и в Нартане подпружные пряжки были найдены в сочетании с железными кольцами (рис. 1, *2*).

Ближайшие к Уллу комплексы — Нартанские курганы 4 и 8 — по уцелевшему инвентарю могут достаточно надежно датироваться в пределах конца VI — начала V в. до н.э.

Если учесть параллели с материалами из Вани и состав набора бронзовых и железных наконечников стрел из погребения 2/3 (рис. 2, *4, 5*), то его следует отнести к 1-й пол. V в. до н.э., не позднее середины этого столетия, не исключая, однако, того, что сам склеп мог быть возведен несколько ранее.

Склепом, наиболее насыщенным погребениями, оказалось погребение 7, совершенное в каменном ящике, ориентированном по линии ССВ – ЮЮЗ. В качестве стенок ящика здесь также были использованы естественные скальные выступы. Размеры каменного ящика по верху 180 х 180 см, по дну 110 х 110 см. Здесь было обнаружено не менее пяти черепов, которые в основном сгруппированы в СВ углу. Кроме того, в разных частях склепа были обнаружены тазовые кости и кости конечностей, в некоторых случаях находившиеся в сочленении. Последнее позволяет допустить, что в данную могилу умерших помещали последовательно, с незначительным временным интервалом между захоронениями, вследствие чего мягкие ткани не успевали разрушиться. Следует отметить полное отсутствие в погребении костей грудной клетки — ребер, позвонков, а также костей плюсен и кистей[1].

[1] Вполне очевидно, что здесь мы видим не «последовательное помещение умерших», когда ранее погребенные останки просто сдвигались в сторону (см.: Гастон Уота, Тли и т.д., вплоть до позднесредневековых склепов Центрального Кавказа), а вторичный обряд погребения, прекрасно известный в памятниках Западного Кавказа, в том числе в Кабардино-Балкарии. В случае «последовательного помещения умерших» последнее по времени захоронение (захоронения) оставалось

К югу от погребения, в естественном углублении в скале, было расчищено разрушенное ограблением конское захоронение.

К северо-западу от погребения 7 было открыто погребение 9, представлявшее собой прямоугольный каменный ящик, составленный из поставленных на ребро крупных плит, вытянутый по линии С-Ю и окруженный кромлехом. Для захоронения был использован естественный выступ скалы, имевший подпрямоугольную форму.

На расстоянии 50 см каменный ящик был окружен кромлехом, форма которого была близка к прямоугольной, сложенным из каменных плит, установленных вертикально на естественную скальную основу. Три плиты кромлеха — северная, западная и восточная — были выше других. Очевидно, они маркировали стороны света.

Пространство между каменным ящиком и кромлехом было забутовано камнями мелкого, среднего и крупного размера.

Останки одного человека не сохранили анатомического порядка: положение черепа и костей руки позволяет допустить, что покойный был уложен головой на юг, с согнутыми к лицу руками. Кости ног беспорядочно размещались в южной, центральной и северной части погребальной камеры, кроме того, рядом с ними в северной части найдены два зуба.

Из погребения 10 могильника Уллу происходит бронзовое зеркало с литой приклепанной ручкой, оформленной в «зверином» стиле (рис. 2, *б*).

Изображение одностороннее, моделировка плоскостная, ажурная, строго профильная, с отображением деталей с помощью углубленных линий и прорезей. Изображение представляет собой сложную многофигурную композицию, в рамках которой выявляются два основных персонажа и еще три, являющихся следствием зооморфного превращения.

Данная композиция уникальна и не имеет аналогий. Вместе с тем изображение синкретического существа композиционно сходно с фигурами пантер на навершиях рукоятей зеркал «ольвийского» типа, а головы хищника и дополнительные головки птиц сходны с рядом изображений

бы сохранным. В случае тотального ограбления погребения не были бы обнаружены кости в сочленении. И наконец, отсутствие в погребении костей грудной клетки, особенно ребер, а также костей плюсен и кистей, характерно именно для вторичных захоронений, в частности именно такая картина прослеживается на исследуемом нами многие годы могильнике Джантух *(от ответственного редактора)*.

в скифском «зверином стиле». Рукоять зеркала, очевидно, была сделана местным мастером, который по-своему скомпоновал цитаты из образов «звериного стиля».

Керамический комплекс могильника частично состоит из мисок, завершающих эволюционный ряд западнокобанских форм. Только одну кружку можно сопоставить с керамикой из Нартанского могильника. Наиболее близкие параллели этой керамике обнаруживает серия сосудов из могильников скифского времени Карачаево-Черкесии — Уллубаганалы и Учкекена (Козенкова, 1998. Табл. XXXVII, *17, 26*).

Ряд бронзовых украшений — гривны, браслеты, булавки, фибула — относятся к достаточно широко распространенным кобанским типам. Среди них выделяется браслет с гравированным изображением оленя с ветвистым рогом (рис. 2, *8*). Данное изображение, несомненно, восходит к гравированным предметам из горных могильников Центрального Кавказа. Другие изделия имеют близкие параллели в комплексах Карасского могильника и памятниках Дигории VI в. до н.э. (рис. 2, *7, 9*) (Козенкова, 1998. Табл. XVII, *14*; Мошинский, 2006. С. 35. Рис. 21, *1*).

В могильнике найдено большое количество бус — янтарных, гагатовых, металлических, сердоликовых и стеклянных — подвески из раковин (преобладают каури).

Янтарные бусы, сделанные обычно из заполированных мелких кусочков янтаря неправильной формы, в изломе имеют темно-красный цвет (рис. 3, *13*). Принято считать, что к V в. до н.э. количество янтарных бус на Северном Кавказе резко сокращается по сравнению с раннескифским периодом (Васильева, 2010. С. 29). Поэтому, возможно, янтарные бусы связаны с временем начала функционирования могильника в пределах VI в. до н.э. Об этом косвенно свидетельствуют гагатовые ромбические бусины-пронизи из погребений 2 и 5 (рис. 3, *14*). Пронизки такой формы, выполненные из янтаря, сердолика или гагата, хорошо известны на территории Центрального Предкавказья как из курганных могильников, так и из грунтовых погребений VII–VI вв. до н.э. (Батчаев, 1985. Табл. 21, *15*; 39, *23*; Васильева, 2010. С. 109. Кат. 54).

Нижнюю же дату существования могильника могут маркировать хорошо известные синие стеклянные бусы с синими глазками на белом фоне, которые по материалам могильника Гастон Уота появляются не ранее V в. до н.э. (рис. 3, *15*) (Мошинский, 2006. С. 54; 120).

Таким образом, могильник Уллу можно суммарно датировать в пределах конца VI в. – сер. V в. до н.э. Памятник обнаруживает широкий круг разнонаправленных связей, охватывающих Закавказье, Центральный Кавказ, Нижнее Поволжье и Закубанье. Для осмысления этих материалов потребуется время.

Необычно сочетание в горном могильнике изделий «звериного стиля», выполненных в нижневолжских традициях, и закавказских импортов круга Вани. В этой связи уместно напомнить о находках золотых украшений колхидского круга в курганных могильниках в Чечне (Бурков, Маслов, 2005. С. 376, 378) и находку в воинском погребении в могильнике Сазонкин Бугор в Нижнем Поволжье, золотой серьги-подвески, имеющей прямую аналогию в некрополе Вани (Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965. С. 151–153. Рис. 8, *1*). Этот комплекс датируется, очевидно, 2-й пол. — концом V в. до н.э. и показывает, что контакты между закавказским царством и степным миром имели достаточно продолжительный характер.

Литература

Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье. VI в. до н.э. — XII в. н.э. М.: Наука, 2008. 455 с.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. / ред. М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2 С.7–115.

Бурков С. Б., Маслов В. Е. Исследования могильника «Орджоникидзевский» в Чечне // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В. С. Ольховского / гл. ред. В. И. Гуляев. М.: ИПП «Гриф и К°», 2005. С. 356–381.

Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3. С. 143–153.

Васильева Е. Е. Янтарь в скифское время на Кавказе // Янтарь в древних культурах: художественные произведения из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 2010. С. 25–29.

Габуев Т. А., Эрлих В. Р. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки // МИАР / отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИПП «Гриф и К°». 2001. № 3. С. 112–125.

Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33. М.: Наука, 1977. 68 с.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.

Лордкипанидзе О. Д. Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы) // Вани I. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 43–80.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI в. — начале III в. до н. э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.

Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. М.: ИА РАН, 1998. 200 с.

Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII — VIII вв. до н. э // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Кив — Кам'янець-Подільський: ПП Мошиньский С. В., 2008. 439 с.

Мошинский А. П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н.э // Труды ГИМ. М.: ООО «Сав дизайн», 2006. Вып. 154. 208 с.

Очир-Горяева М. А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.

Переводчикова Е. В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палоэкология, антропология и археология / отв. ред. В. И. Гуляев. В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 231–237.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Эрлих В. Р. Конское снаряжение и предметы вооружения // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М.: Палеограф, 2015. С. 44–57.

А. В. Иванов
ООО «Южный региональный центр археологических исследований», Краснодар, Россия

Некрополь «Вышка-1»: новые сведения о населении Северо-Западного Кавказа V в. до н.э. (предварительное сообщение)

Для цитирования: *Иванов А. В.* Некрополь «Вышка-1»: новые сведения о населении Северо-западного Кавказа V в. до н.э. (предварительное сообщение) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 147–150.

Aleksey V. Ivanov
LLC "South Regional Center for Archaeological Research", Krasnodar, Russia

Necropolis "Vyshka-1": new information about the population of the northwestern Caucasus in the 5th century BC (preliminary message)

For citation: Ivanov A.V., 2022. Nekropol' "Vyshka-1": novye svedeniya o naselenii severo-zapadnogo Kavkaza V v. do n.e. (predvaritel'noye soobshcheniye) [Necropolis "Vyshka-1": new information about the population of the northwestern Caucasus in the 5th century BC (preliminary message)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 147–150.

В сезон 2015 г. экспедицией Южного регионального центра археологических исследований (г. Краснодар) были произведены охранно-спасательные раскопки 29 курганов курганной группы «Вышка-1» (83 насыпи),

© Иванов А. В., 2022.

расположенной в лесу, у горы Вышка, на северном гребне хребта горы Билого у станицы Неберджаевской, Крымского района, Краснодарского края. Поскольку изучение материалов некрополя еще продолжается, данное сообщение носит предварительный, ознакомительный, характер, и в его основу положены в большей степени полевые наблюдения.

Группа курганов «Вышка-1» растянута по вершине пологого гребня хребта, в курганной группе выделялись три подгруппы, разделенные небольшими промежутками. К началу проведения работ насыпи прослеживались на поверхности небольшими холмообразными возвышенностями в виде каменных набросок. За редким исключением на возвышенностях, как правило по центру, росли деревья, иногда весьма крупные.

Следует отметить, что большая часть насыпей, исследованных в группе, курганами не являлись. Причина появления этих возвышенностей весьма естественная — это довольно мощная корневая система деревьев, которая проникала и приподнимала плиты материковой скалы. К слову, визуально такие возвышенности ничем не отличаются от горных курганов эпохи раннего железа и Средневековья.

Из раскопанных возвышенностей собственно курганами являлись лишь семь насыпей. В большинстве случаев своей морфологией они не отличались от естественных образований, о которых шла речь выше, может быть у них были чуть более крупные размеры. Возможно, эти курганы не насыпались специально, а могилы впускались в природные возвышенности. Однако полной уверенности в этом нет — все они в той или иной степени потревожены грабителями. Лишь в двух курганах, где погребальные конструкции сохранились максимально полно, можно восстановить изначальный облик погребального сооружения и в целом утвердительно говорить о них как об объектах, специально возведенных.

Погребения совершались по обряду трупоположения как непосредственно на поверхности материковой скалы, так и в неглубоких, в плане аморфных, вытянутых пропорций ямах, сооруженных в этой скале. Восстанавливаемая (грабители иного варианта не оставили) поза погребенных — вытянуто на спине, ориентировка устойчивая юго-восточная. Вещи, сопровождавшие покойных, в тех случаях, когда была подготовлена погребальная яма, находились непосредственно в ней. Когда же захоронение производилось на поверхности скалы без углубления, то инвентарь мог находиться на скале внутри периметра насыпи. Следует особо отметить традицию положения в погребении, либо на территорию,

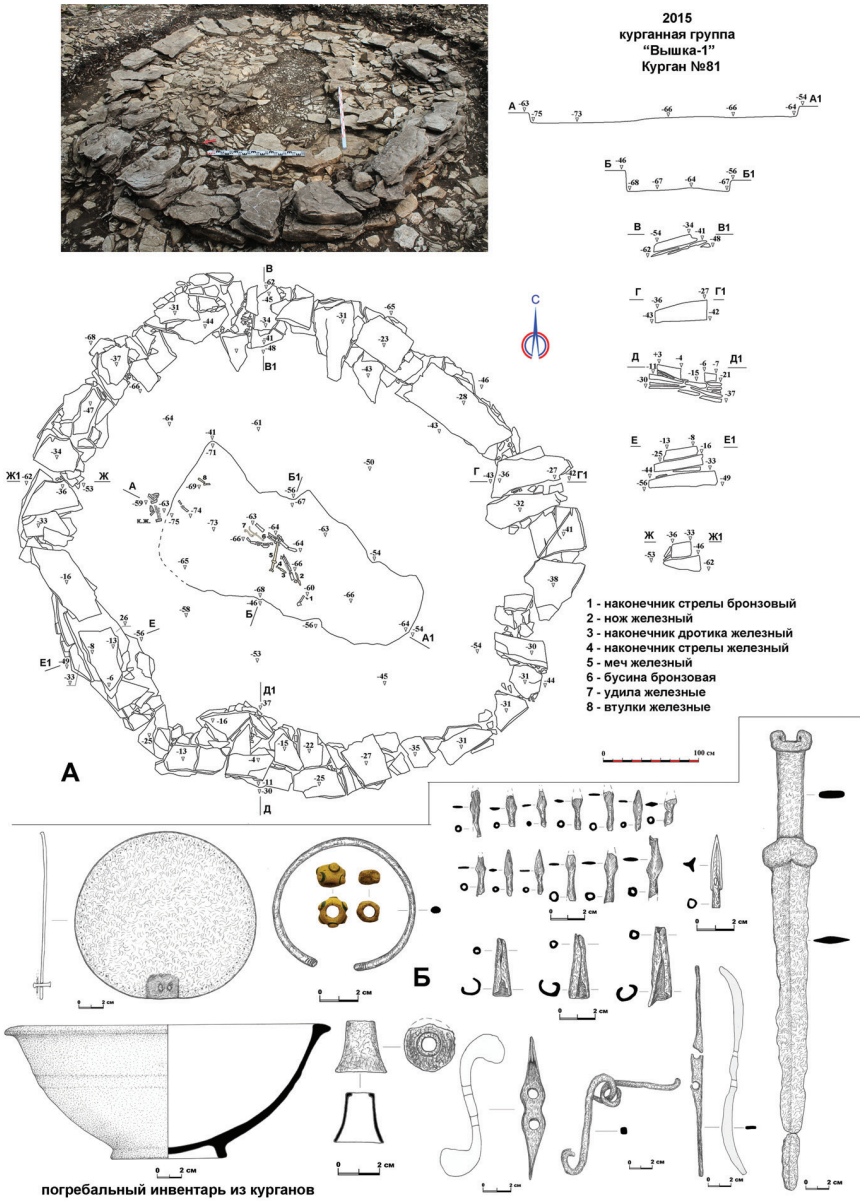

Рис. 1. Материалы некрополя «Вышка-1»: А — план погребения кургана № 81; Б — погребальный инвентарь некрополя

перекрываемую насыпью, черепа коня, который располагался в ногах погребенных.

Зачастую погребения окружались довольно правильными в плане каменными кольцами-кромлехами (рис. 1, *А*), тщательно сложенными из крупных дикарных камней разного размера и различной формы. Как правило, кладка была одинарная, и лишь в одном случае кольцо было сооружено до трех рядов в вышину, сложено насухую без закрепления. Диаметр колец небольшой, он не превышал 5–6 м. В одном случае под единой насыпью находилось сразу три подобных кольца.

Погребальный инвентарь в целом однороден и не богат (рис. 1, Б), правда, здесь надо учитывать то обстоятельство, что все погребения были ограблены. Он включал в себя железные наконечники стрел, дротики, железные ножи, различные втулки и ворворки, отдельные керамические сосуды, как импортные, так и местного производства. Еще были встречены бусы, браслет, зеркало, акинак и элементы конской узды.

На основании перечисленных предметов, большая часть из которых имеет широкие аналогии и проверенные хронологические позиции, можно датировать исследованные погребения в пределах V в. до н.э. и связать с варварскими комплексами круга некрополей района Анапы–Новороссийска, их горного варианта. Если это так, в чем автор этих строк полностью убежден, то перед нами первый подобный некрополь, исследованный на северных склонах Кавказского хребта, что в корне меняет устоявшееся представление о границах расселения приморских племен.

А. Н. Габелия
Абхазский государственный университет, Сухум, Абхазия

Амфоры из Сухумской крепости

Для цитирования: *Габелия А. Н.* Амфоры из Сухумской крепости // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 151–157.

Alik N. Gabeliya
Abkhaz State University, Sukhum, Abkhazia

Amphorae from the Sukhum fortress

For citation: Gabeliya A.N., 2022. Amfory iz Sukhumskoy kreposti [Amphorae from the Sukhum fortress]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P.147–153.

Среди многочисленного материала Сухумской крепости видное место занимают амфоры, обломки которых в значительном количестве встречаются в культурных напластованиях различных слоев. Они разнообразны по форме, составу глины, выделке, времени и центрам изготовления. Их датировка, классификация и определение места изготовления возможны только после тщательного исследования всего материала. Здесь же мы ограничимся выводами, полученными после предварительного изучения.

© Габелия А. Н., 2022.

Наиболее многочисленной группой амфор являются так называемые колхидские амфоры с перехватом — это коричневоглиняные, из довольно рыхлой глины различных оттенков коричневого цвета, с большим количеством минеральных примесей (табл. I).

Ранние типы колхидских амфор датируются сер. — 2-й пол. IV в. до н. э. (по материалам Вани, см.: О. Д. Лордкипанидзе). По мнению исследователей, эти амфоры повторяли форму синопских. Позже в морфологии колхидских амфор происходят определенные изменения. А к концу III–II вв. до н.э. они утрачивают сходство с синопскими и приобретают свою оригинальную форму: корпус удлиняется, горло становится коротким, появляются припухлость на нем и слабо выраженный перехват посередине тулова. Исследователи считают, что перехват первоначально был связан с заделкой технологического шва между двумя половинами амфоры. В первых веках нашей эры коричневоглиняные колхидские амфоры снова испытывают некоторые изменения. Теперь у них короткое горло, плавно переходящее в округлые плечики, возможно тулово с перехватом. Особенностью этих амфор является наличие на горле ребра. Несколько экземпляров таких амфор (верхние части), обнаруженных нами при разборке заполнения помещения № 1 на глубине 3 м от поверхности, датируют пласт I в. н.э.

Для позднеантичной и раннесредневековой эпох колхидские амфоры классического типа с ярко выраженным перехватом становятся неотъемлемой принадлежностью. В данном случае в напластованиях Сухумской крепости часто встречаются амфоры с перехватом различных размеров, оттенков цвета и глин. В таких амфорах были совершены два детских погребения. Один целый экземпляр найден на полу первого помещения. Амфоры такого типа характерны для второго культурного слоя.

Другая группа представлена узкогорлыми амфорами; они встречаются в нижних горизонтах второго слоя. Обнаружены амфоры из светло-коричневой, хорошо отмученной глины. Горло цилиндрическое, изнутри гофрированное, валик выделен и слегка свисает, ручки в сечении овальные. В напластовании второго культурного слоя встречаются фрагменты светлоглиняных амфор, в основном фрагменты стенок и конической формы ножки.

В нижних напластованиях Сухумской крепости найдены красноглиняные амфоры местного производства, у которых дугообразная ручка начинается у плеч и соединяется с туловом (табл. II). Этот тип амфор

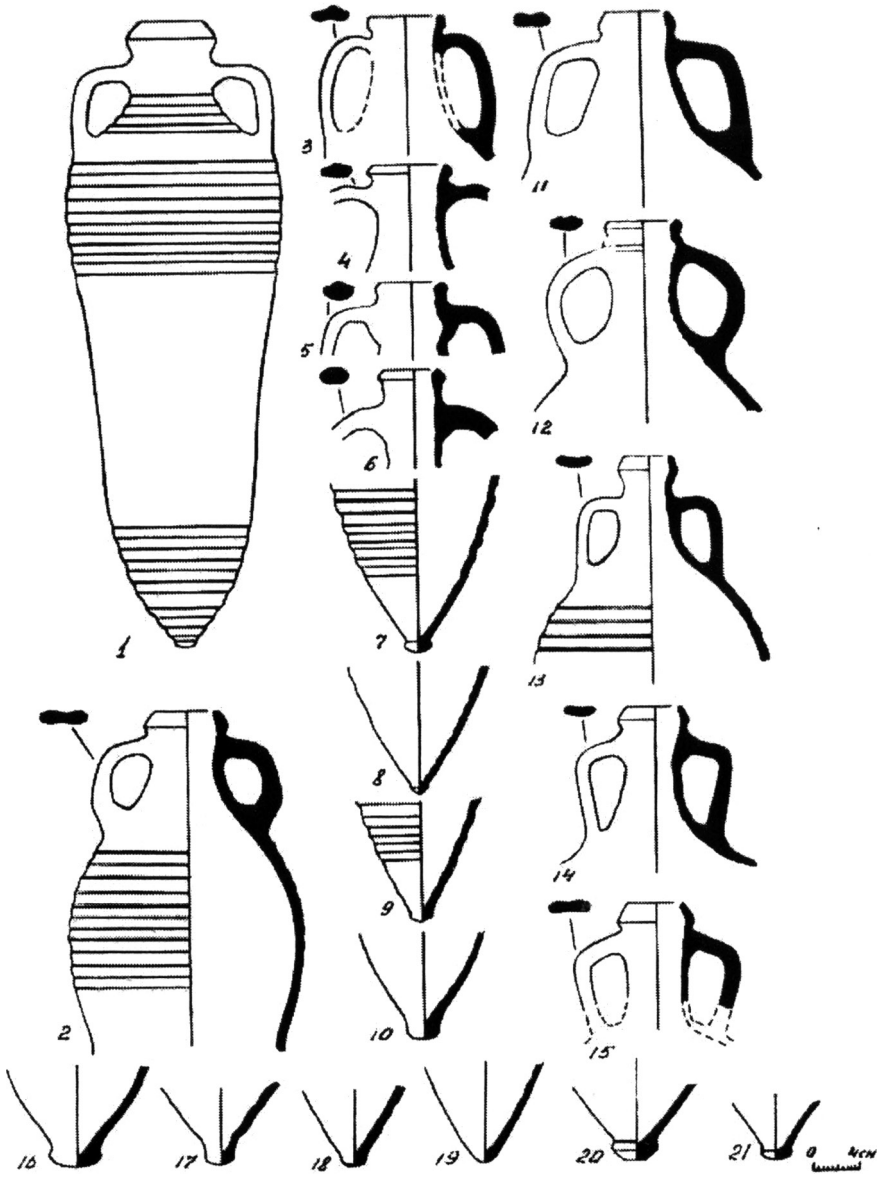

Табл. I

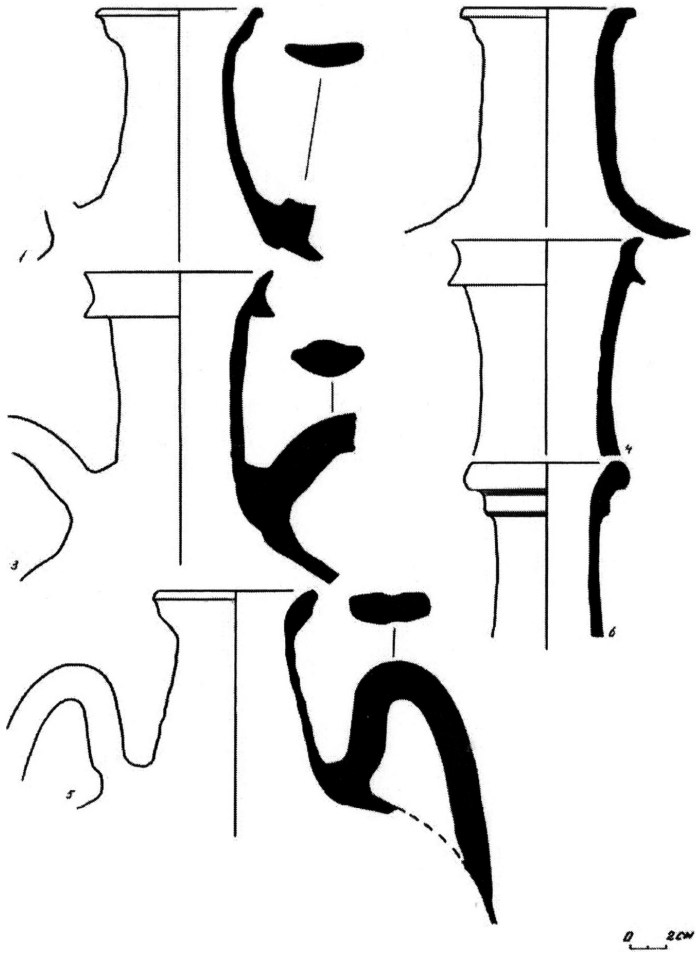

Табл. II

уникален и характерен именно для нашего региона. Часты находки светлоглиняных амфор с двуствольными ручками косского происхождения, датируемые рубежом нашего летоисчисления.

Амфоры позднего типа в большом количестве встречаются в верхнем культурном слое; это в большей части округлодонные, бороздчатые амфоры с очень коротким и широким горлом, с небольшими петлевидными ручками-ушками в верхней части. Амфоры эти имели, по всей

видимости, специальное функциональное назначение, иное, нежели основные типы амфор.

Предварительный анализ амфор Сухумской крепости позволил установить, что в позднеантичную эпоху здесь присутствовали колхидские амфоры двух разновидностей. Одни из них принадлежит хорошо известному и довольно широко распространенному типу с резким ребром под венчиком (табл. III). Внутри горла этому ребру соответствует угловатый желобок. Но нужно отметить, что при общем морфологическом сходстве сухумских амфор с подобными сосудами из других регионов они выде-

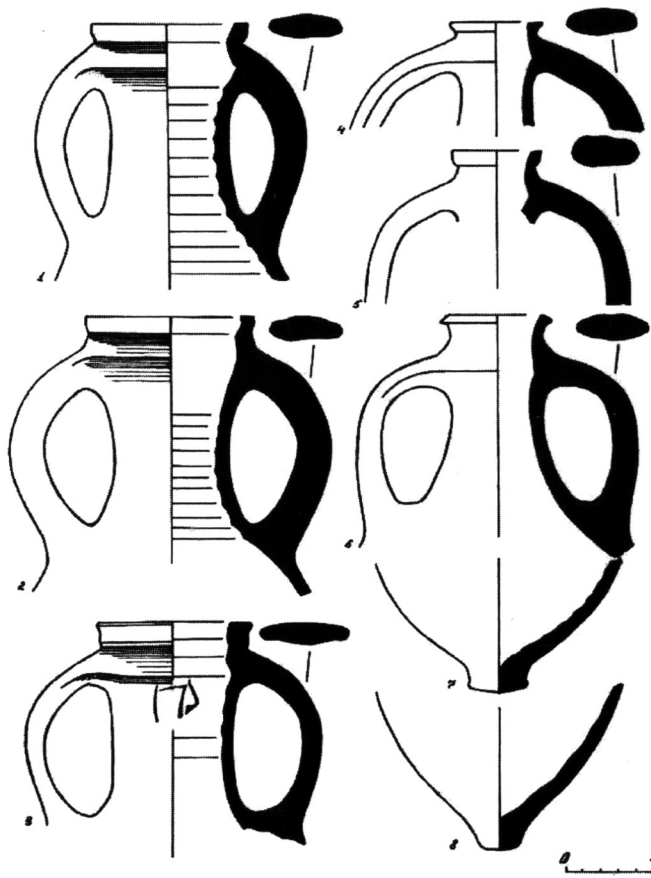

Табл. III

ляются некоторыми технологическими признаками. Так, у них сохраняется завиток на внутренней стороне ножки, так называемая «улитка». Она образовалась в результате изготовления ножки методом спирального жгутового налепа. Такая техника формирования ножки была характерна для всех колхидских амфор эллинистического времени, а в III в. снова встречена только у амфор из Сухумской крепости. У них и горло формировалось налепной техникой, что является особенностью именно сухумских амфор.

Кроме того, сухумские амфоры выделяются и по глине — они имеют разнообразный цвет, от светлого до серо-коричневого. В качестве примеси в ней использован песок с кварцем и шпатом. Все эти признаки соответствуют природному сырью из района Сухума. Так что данные амфоры, по всей видимости, являются местной продукцией.

Вторая разновидность колхидских амфор из Сухумской крепости является довольно необычной. Это небольшие сосуды с валикообразным или невыделенным венчиком, маленькими изогнутыми ручками и прямым, слабо припухлым или расширяющимся к верху горлом без ребра под венчиком. Эти амфоры изготовлялись методом вытягивания, у них нет никаких следов спирально-налепной техники. Различаются они по глине.

Таким образом, среди амфор Сухумской крепости колхидские амфоры представлены двумя морфологическими разновидностями, принадлежащими различным технологическим традициям. Некоторые из этих амфор, по всей видимости, являются местной модификацией общеколхидской формы. Другие, довольно редкие, являются местными, но происходят из другого центра на территории Абхазии.

В IV в. в амфорном комплексе Сухумской крепости наблюдаются существенные изменения: резко преобладают сосуды местного производства, постепенно исчезают сосуды второй разновидности, возникает новая форма.

*Т*аким образом, амфорный материал Сухумской крепости разнообразен как по форме, так и по технологии изготовления. Здесь, наряду с местными, встречаются амфоры южнопонтийского, средиземноморского и севернопричерноморского происхождения. Наиболее многочисленна амфорная тара местная или изготовленная на месте по импортным образцам. По всей видимости, Диоскуриада-Себастополис была в числе центров производства колхидской, или «коричневоглиняной», амфорной

тары. Такое производство могло начаться здесь еще в конце IV в. до н.э. Особого размаха оно достигло в позднеантичную эпоху, когда Колхида активно экспортировала свою продукцию практически по всему Причерноморью и за его пределы. Этот весьма информативный материал свидетельствует о торгово-экономических связях Себастополиса с внешним миром (табл. I–III).

Материалы раскопок Сухумской крепости позволяют существенно дополнить и уточнить наши представления об амфорном производстве на территории Абхазии и всей Колхиды. Местная тара отличается рядом морфологических и технологических признаков, что в дальнейшем, после необходимых уточнений, позволит надежно выделять ее среди продукции других центров Восточного Причерноморья.

Литература

Внуков С. Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // Проблемы истории, филологии, культуры. М. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2001. Вып. X. С. 144–165.

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 235 с.

Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. 505 с.

Трапш М. М. Древний Сухуми // Труды в 4 т. Сухуми: Алашара, 1969. Т. 2. 376 с.

Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследования древнего Себастополиса // СА. 1960. № 3. С. 171–179.

А. Ю. Скаков
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

К истории изучения эшерской надписи[1]

Для цитирования: *Скаков А. Ю.* К истории изучения эшерской надписи // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 158–165.

Aleksandr Yu. Skakov
Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

On the history of the study of the Escher inscription

For citation: Skakov A.Yu., 2022. K istorii izucheniya esherskoy nadpisi [On the history of the study of the Escher inscription]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 158–165.

Недалеко от Сухума находится получившее широкую известность Эшерское городище — остатки городского поселения эпохи греческой колонизации Восточного Причерноморья. На протяжении многих лет раскопки памятника проводил известный абхазский археолог Г. К. Шамба.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы — раннего железа» (№ 18-09-00293).

© Скаков А. Ю., 2022.

Одной из важнейших находок на городище стали обнаруженные в 1975 г. возле сооружения с деревянными колоннами фрагменты (38, первоначально было собрано 19) бронзовой плиты с греческой надписью, безупречно исполненной греческим же мастером. На 22 фрагментах имелись следы собственно надписи, при этом на 16 из них достаточно отчетливо читались слова, части слов или отдельные буквы. Г. К. Шамба передал их для изучения специалисту с мировым именем — Ю. Г. Виноградову. Несмотря на то что сильно пострадавшие от огня фрагменты плиты были найдены в помещении, разрушенном на рубеже II–I вв. до н.э. или даже немного позже, саму надпись, по палеографическим признакам, отнесли к концу IV в. до н. э. Как отмечалось, «первоначально плита была архитектурно оформлена, а именно помещена в наиске, исполненном в ионийском стиле. Каждая деталь наиска отливалась отдельно, а потом они припаивались друг к другу. От архитектурного декора дошло несколько деталей: обломок гладкоствольной полуколонны, угловая пальметта капители, фрагмент эхина, украшенного жемчужником, обломок карниза с овами и др.» (Шамба, 1980. С. 55 (отрывок из письма Ю. Г. Виноградова). Табл. LXXVI, *4*.). Первоначально удавалось прочесть только слова и выражения «военная сила, войско», «захватив (с собой) в город», «царство» или «царица».

Затем к изучению надписи обратились грузинские исследователи. В переводе Т. С. Каухчишвили читаемые фрагменты можно восстановить следующим образом: 1) «Город восстановлен (или — построен)» или «Клянусь Аполлоном номием»; 2) «многочисленным (или — могущественным) флотом»; 3) «он смог»; 4) «овладевший в»; 5) «среди всех (или — из всех)»; 6) «в царствование (или — царства, или ставленник — царя) и»; на других фрагментах — «если б пришли», «в строю (или — таксиарху)», «пусть предводительствует», «выйти (вышел)» и «гавань», «если вышлешь», «погибель (несчастье)», «прямой (правильный, настоящий)», «выселение, опустошение (или — поселение)», «отважный, неукротимый», «Гераклеи (или — гераклейцев)» и «воротам (или — башне, крепости, или — огонь)» (Каухчишвили, 1985. С. 220–221. Рис. 2). По мнению исследователя, здесь «можно допустить следующее: после определенной военной акции с участием мощного флота, царского функционера (?), отважных вояк, полков или начальников отрядов был взят определенный приморский пункт (допустим — Эшерское городище или,

наоборот, тот пункт был взят эшерцами), а затем был восстановлен сам город или же его часть — башня, крепость, ворота.

Не совсем ясна роль ориентировочно восстановленной Гераклеи (или — гераклейцев) — возможно, они воевали против эшерцев или принимали участие вместе с ними в морской битве.

Есть еще один вариант толкования: «За определенные заслуги перед эшерцами гераклейцам дарованы определенные права» (Каухчишвили, 1985. С. 221–222).

По мнению Т. С. Каухчишвили, надпись можно датировать III в. до н.э., с чем согласился другой грузинский исследователь М. П. Инадзе (Инадзе, 1988. С. 158). При этом, по мнению М. П. Инадзе, «трудно усомниться в том, что в упомянутом в надписи городе подразумевается укрепленное городское поселение эллинистического времени, которое засвидетельствовано археологическими исследованиями на территории нын. Эшера». Видимо, этот город (а классифицировать его именно так, отмечает М. П. Инадзе, дает основание и наличие водопровода, «в указанное время входил во владения, в хору Диоскурии» (Инадзе, 1988. С. 150). М. П. Инадзе предполагает, что силой, угрожавшей в конце IV в. — III в. до н. э. населению Эшерского городища, могли быть «местные пиратские племена или же кочевники» (сарматские племена, фиксируемые, пусть и не очень уверенно, Страбоном и Плинием Старшим в Северной Колхиде). Напомним эти свидетельства античных географов: «Позади него (Питиунта. — *А. С.*) живут эпагерриты — сарматский народ в Кавказских горах, а за ними — савроматы» (Plin. Nat. Hist. VI. 16); «…в этот город (Диоскуриаду. — *А. С.*) собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их — это сарматы, но все они кавказцы» (Strabo XI. II. 16). По доминирующему мнению, эпагерритов следует размещать в верховьях р. Кубани (Подосинов, Скржинская, 2011. С. 318). По мнению М. П. Инадзе, «не исключено, что в поисках добычи с местными племенами объединились сарматы и, пользуясь их судами, действовали с ними сообща».

Здесь мы должны отметить, что и Страбон, и Плиний Старший жили в I в. до н. э. — I в. н.э. и использовали в своих трудах, безусловно, информацию более раннего времени, но в данном случае ничто не указывает на то, что ситуация I в. до н.э. может быть автоматически пере-

несена в III в. до н.э. Действительно, Эшерское городище было разрушено в 1-й пол. I в. до н.э., но гораздо логичнее связывать это событие с Митридатовыми войнами. В то же время можно вполне согласиться с М. П. Инадзе в акцентировании активной роли гераклейцев (Гераклеи Понтийской, вряд ли такую роль могла играть малоизвестная Гераклея — ныне Анаклия на устье Ингура) (Шамба, 2000. С. 39) в торговле и в политике в Восточном Причерноморье в III в. до н.э. М. П. Инадзе считает, что упоминание «царства» в надписи не может относиться к слабому (по крайней мере, в то время) Колхидскому царству; по мнению исследователя, оно должно быть отнесено к набирающему силу Понтийскому царству (Инадзе, 1988. С. 154–157). Тем более сомнительно, что речь шла о некоем предгосударственном образовании типа «царства» гениохов (Шамба, 2000. С. 40). То есть в III в. до н.э. Понтийское царство в союзе с Гераклеей Понтийской, укрепляя свои позиции в Причерноморье, закрепляется в том числе в городском поселении на месте Эшерского городища. Следуя этой логике, надпись, в самом деле, можно отнести только к III в. до н.э., в конце IV в. до н.э. Понтийского царства просто не существовало. В дальнейшем, в конце II в. до н.э., на Эшерское городище как на свой форпост в регионе опирался амбициозный понтийский царь Митридат Евпатор. Соглашение, подтверждающее права понтийских царей на Колхиду, по крайней мере, на ее часть, видимо, упоминалось в надписи из Эшерского городища. И здесь, в самом деле, существенно, что вплоть до разрушения Эшерского городища и краха Митридата бронзовая плита с надписью продолжала стоять в одном из помещений Эшерского городища.

Предположения М. П. Инадзе вызвали серьезные возражения, в том числе, у М. Ф. Высокого. Сомнительно и восстановление названия полиса по двум буквам, и его трактовка именно как Гераклеи Понтийской, и отнесение «царя» к Понтийскому царству. По его словам, «все построения М. П. Инадзе опираются на ее понимание общей ситуации в Южном Причерноморье в данную эпоху, которые, однако, не имеют твердой опоры в известных нам источниках» (Высокий, 2004. С. 419).

Несколько позже с иной трактовкой эшерской надписи выступил В. Т. Личели (Личели, 2002). По его мнению, упоминаемое «царство» — это все же Боспорское царство, и в IV–III вв. до н. э. прослеживается «единство интересов Колхиды с Боспором и Гераклеей», которые могли оказаться «участниками единой крупной карательной операции» против

пиратских набегов гениохов и ахейцев. Действительно, Понтийское царство возникает только в 297 г. до н.э., греческие полисы южного берега Черного моря оно, с переменным успехом, начинает подчинять в следующие десятилетия III в. до н.э., поэтому, если надпись относится к концу IV в. до н.э., упоминание «царства» можно связать только с Боспором.

Закономерно возникший живой интерес к эшерской надписи побудил Ю. Г. Виноградова вновь обратиться к ее остаткам: «Опасение за то, что надпись и дальше будет служить источником для всевозможных спекуляций без того, чтобы была документирована и адекватно подлиннику иллюстрирована сама ее эпиграфическая база, побуждает меня представить здесь необходимую документацию» (Виноградов, 1995. С. 67). В частности, Ю. Г. Виноградов поставил под сомнение наличие в надписи упоминания Гераклеи или гераклейцев. По его словам, сохранившиеся фрагменты «продолжают вызывать у меня впечатление очень развернутой мотивировочной части декрета, хроникально повествующего о каких-то событиях, возможно, связанных с некими военными действиями… Ни одно из сохранившихся слов и словосочетаний надписи не напоминает лексику международного договора, царского послания или закона»… С другой стороны, на основании столь прекрасно сохранившегося текста весьма рискованно утверждать, что «эшерская надпись является официальным документом политического характера…». Как считал Ю. Г. Виноградов, у нас нет пока никаких оснований, чтобы решить, о каком полисе и о каком царстве шла речь в надписи (Виноградов, 1995. С. 70).

Как полагает М. Ф. Высокий, эшерская надпись представляет из себя «какой-то договор между эшерскими греками и местным правителем. Упоминаемый правитель, царь — это один из царей или скептухов (“жезлодержателей”) гениохов, о которых сообщает Страбон (XI.2.13). Договор этот касается аспектов взаимоотношений греков и местного правителя, прежде всего в военной сфере». В качестве аналога приводится договор IV в. до н.э. между населением греческого поселения Пистироса во Фракии и фракийским царем. «Вполне возможно, что статус Эшерского поселения был аналогичен статусу Пистироса: находясь в окружении сильных местных племен, греки в Эшерском поселении были вынуждены подчиниться власти местного правителя (по крайней мере, в IV в.)» (Высокий, 2004. С. 406). Вполне очевидно, что подобное прочтение фрагментов надписи более чем гипотетично.

По мнению С. Ю. Сапрыкина, в надписи «речь идет о какой-то войне, в которой принимал участие один из царей-скептухов, а жителями Диоскурии или городища Эшера предводительствовал некий гражданин, заслуги которого были отмечены в надписи» (Сапрыкин, 2018. С. 661).

Новейшие археологические исследования в Абхазии (наши работы 2006–2017 гг. на могильнике Джантух близ Ткуарчала) позволяют предположить, что угрозу жители Эшерского городища в IV–III вв. до н.э. могли ощущать не со стороны далеких «сарматов» или морских пиратов, а от племен так называемого джантухско-лариларского варианта ингуро-рионской колхидской культуры. Это те же самые могущественные «соаны», жившие, согласно Страбону, «поблизости» от Диоскуриады, «почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой» (Strabo XI. II. 19). Как мы уже отмечали, название «соаны» вполне можно связывать с современным этнонимом «сваны», но вот с этногенезом самих сванов (как считает мировая наука, в отличие от грузинской, сваны являются отдельным этносом, а не частью грузин) не все так просто. По крайней мере, если обратиться к классическим работам Н. Я. Марра и С. Джанашиа, можно говорить об абхазском субстратном слое в сванском языке. С. Джанашиа, вынужденный, возможно, несколько корректировать свои мысли, писал о многочисленных абхазских и черкесских компонентах не только в лексике, но и в морфологии сванского языка. «Многочисленные компоненты» в морфологии языка — это, скорее, то же самое, что языковый субстрат (подробнее см.: Скаков и др., 2013. С. 42).

Воинственное (судя по количеству вооружения) и достаточно богатое население горных ущелий перекрыло приморским жителям доступ на Северный Кавказ, стало расширять свои территории, создало угрозу для таких поселений, как приморский Гиэнос (Очамчира). С. Ю. Сапрыкин также считает, что усиление соанов (он отождествляет их с санигами, что, по нашему мнению, сомнительно) «создавало угрозу для Диоскурии и ее соседей» (Сапрыкин, 2018. С. 663). В этой ситуации на территории Абхазии появляются воинские культовые комплексы меотских племен, с предметами, выполненными в зверином стиле. Видимо, контингент меотских воинов (меотская керамика при этом на территории Абхазии отсутствует) был приглашен местным населением для устранения угрозы от воинственных горцев.

Литература

Виноградов Ю. Г. Бронзовая плита с надписью из Вани // ВДИ, 1995. № 3. С. 48–71.

Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. М. — Магнитогорск, 2004. Вып. XIV. С. 399–424.

Инадзе М. П. К интерпретации эшерской греческой надписи // Кавказско-ближневосточный сборник. VIII. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 148–158.

Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Эшерского городища // Источниковедческие разыскания. 1982 / ред. Ш. В. Дзидзигури, Р. К. Кикнадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 218–223.

Личели В.Т. К интерпретации Эшерской надписи // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Материалы X Международной научной конференции. 29 мая — 3 июня 2001 г. / отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. ун-та, 2002. С. 33–35.

Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик. 2011. 504 с.

Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. (Труды исторического факультета МГУ, Серия II, Исторические исследования [114]). М. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. 743 с.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Козубова А. Открытия Г. К и С. М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы III абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти Г. К. Шамба. Сухум, 28 нояб. — 1 дек. 2011 г. / отв. ред. М. Т. Кашуба, А. Ю. Скаков. Сухум: РУП «Дом печати», 2013. С. 22–45.

Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 148 с.

Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология / гл. ред. Г. К. Шамба. Сухум, 2000. Вып. 1. С. 38–42.

***Н. Ю. Лимберис*[1], *И. И. Марченко*[2]**

[1, 2]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Типология и хронология меотских мечей из Прикубанского могильника

Для цитирования: *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Типология и хронология меотских мечей из Прикубанского могильника // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. — Сухум, 2022. С. 165–169.

Natal'ya Yu. Limberis*[1], *Ivan I. Marchenko

[1, 2]Kuban State University, Krasnodar, Russia

Typology and chronology of Meotian swords from the Prikubansky burial ground

For citation: Limberis N.Yu., Marchenko I.I, 2022. Tipologiya i khronologiya meotskikh mechey iz Prikubanskogo mogil'nika [Typology and chronology of Meotian swords from the Prikubansky burial ground]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 165–169.

Раскопанный в 1998–2001 гг. краснодарской экспедицией могильник у хутора Прикубанский является эталонным памятником для меотской культуры IV в. — нач. III в. до н.э. Из него происходят более 350 комплексов с амфорным материалом и чернолаковой керамикой, которые содержали предметы вооружения.

© Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2022.

Коллекция мечей из этого некрополя представлена 64 экземплярами, но у 12 мечей не сохранились навершия. Только 52 меча вошли в нашу классификацию. Большая часть мечей в погребениях встречена с амфорами, что дает возможность надежно датировать с точностью до четверти века многие экземпляры. По форме навершия и рукояти мечи разделены на два типа. Тип I — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным или округлым в плане. Тип II — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию. По оформлению основания клинка выделяется три варианта. Вариант А — основание срезано под углом к рукоятке; вариант Б — основание срезано под прямым углом к рукоятке; вариант В – основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок). По форме клинка выделяется три разновидности: 1 — с треугольным пропорционально широким клинком; 2 — с треугольным пропорционально узким клинком; 3 — с параллельными лезвиями.

Тип I–А–1 — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным или овальным в плане, основание клинка срезано под углом, клинок пропорционально широкий треугольный. К этому типу относятся 14 мечей из погребений № 33, 39, 60, 104, 108, 172, 188, 209, 224, 235, 296, 369, 405, 415, к. 3, п. 8. Ширина клинка у основания колеблется от 6,4 до 10,2 см — длина мечей — от 56,4 до 76,4 см. У меча из погребения № 39 рукоятка расположена под небольшим углом к клинку. Навершие у меча из погребения № 224 — бронзовое, узкое, прямоугольное, насажено на рукоятку, которая заканчивалась узким штырем. Затем штырь был расклепан. У этого меча есть еще одна особенность — основание клинка украшено тонкой, узкой бронзовой пластинкой серповидной формы, вероятно, имитирующей перекрестие. Навершие у меча из погребения № 104 — массивное, но края его разрушены, поэтому на рисунке оно выглядит как грибовидное. У меча из погребения № 108 сохранился железный наконечник ножен. В погребении № 405 в нижней части клинка (клинок не треснутый) имеется короткий железный штырь. Функциональное назначение этого штыря неизвестно. Можно лишь предположить, что он использовался для крепления меча в деревянных ножнах большего размера при верховой езде.

Все мечи, за исключением одного, происходят из комплексов, хронологические рамки которых относятся к разным четвертям IV в. (от первой до последней) до н.э. В погребении № 60 найдена амфора Эриф типа IV,

которая датируется концом IV в. — первой третью III в. до н. э. Таким образом, время бытования данного варианта мечей следует ограничить IV г. — нач. III вв. до н.э.

Тип I–A–2 — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка срезано под углом, клинок узкий треугольный. К этому варианту относятся мечи из 4 комплексов: № 171, 236, 335, 352. Самый короткий меч (48 см) происходит из погребения № 236, три остальных меча более длинные — 67 см, 71,2 см и 79,6 см. Ширина клинка у основания — от 4,4 до 6,6 см. На рукоятке меча из погребения № 352 сохранились три продольно расположенные заклепки для крепления деревянных обкладок рукоятки. По амфорам, встреченным в погребениях, хронология мечей определяется второй четвертью — концом IV в. до н.э.

Тип I–A–3 — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка срезано под углом, клинок с параллельными лезвиями. Мечи этого варианта встречены в 3 погребениях (№ 88, 173, 202). Длина мечей — от 65,6 до 80,8 см. Ширина клинка у основания — от 2,4 до 5,2 см. Меч из погребения № 88 находился в деревянных ножнах, оббитых железом (под железной обивкой сохранился тонкий древесный тлен). Ножны овальные в сечении, сохранились фрагментарно. По амфорам погребения с мечами этого варианта датируются от первой трети IV в. до начала III в. до н. э.

Тип I–Б–1 — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка срезано под прямым углом, клинок широкий треугольный. К этому варианту нами отнесено 4 меча из погребений № 98, 167, 405, 421. Длина мечей — от 48,6 см до 64 см. Ширина клинка у основания — от 5,1 до 7,6 см. Наиболее ранний меч происходит из погребения № 167 с амфорой 90-х годов IV в. до н. э. Второй четвертью этого столетия датируется меч из погребения № 98. Остальные два меча имеют более широкую дату — в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н.э. Таким образом, время бытования мечей этого варианта сейчас следует ограничить первой — третьей четвертями IV в. до н.э.

Тип I–B–1 — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок широкий треугольный. К этому варианту относятся 5 мечей из погребений № 182, 224, 357, 401, 426. Длина мечей — от 55,8 до 65 см. Ширина клинка у основания — от 6,6 до 9,4 см. Во всех

погребениях с мечами встречены амфоры, датировка которых позволяет ограничить время бытования мечей этого варианта в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н.э.

Тип I–B–2 — мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, в плане близким к овальному, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок узкий треугольный. К данному варианту мы отнесли 4 меча из погребений № 43, 51, 95, 427. Длина мечей — от 65,2 до 77,6 см. Ширина клинка у основания — от 3 до 5,6 см. На мече из погребения № 95 сохранились фрагменты железной обивки деревянных ножен.

Самый ранний меч погребения № 43 датируется второй четвертью IV в. до н.э. Широкую дату в пределах 1-й пол. IV в. до н.э. имеет погребение № 51. Погребения № 95 и № 427 относятся к началу третьей четверти этого столетия. Таким образом, хронологические рамки бытования этих мечей на данный момент определяются 1-й пол. — третьей четвертью IV в. до н. э.

Тип II–A–1 — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под углом, клинок пропорционально широкий, треугольный. К этому варианту относятся 4 меча из погребений № 154, 159, 336, 398. Длина мечей колеблется от 53 до 57,6 см, ширина клинка у основания — 5,8–5,9 см.

Комплексы № 154, 159, 398 датируются амфорами второй четвертью IV в. до н. э. Погребение № 336 с мендейской амфорой мелитопольского варианта относится ко второй – третьей четвертям IV в. до н.э. Этими хронологическими рамками и следует ограничить время бытования мечей этого варианта.

Тип II–A–2 — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под углом, клинок пропорционально узкий, треугольный. К этому варианту относятся 3 меча из погребений № 274, 334, 427. Длина мечей — 55, 61,6, 88,4 см, ширина клинка у основания от 4,1 до 5,9 см. Погребение № 274 датируется амфорной тарой 1-й половиной, № 334 — первой четвертью, а погребение № 427 — началом третьей четверти IV в. до н. э. Таким образом, хронологические рамки данного варианта мечей охватывают первые три четверти IV в. до н. э.

Тип II–A–3 — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под

углом, клинок пропорционально узкий с параллельными лезвиями. Длина мечей колеблется от 45 до 76 см, ширина клинка у основания — 3,6–5,6 см. Такие мечи найдены в 4 погребениях (№ 195, 298, 328, к. 2, п. 2) вместе с амфорами, которые позволяют датировать этот вариант мечей второй четвертью IV — началом III вв. до н.э.

Тип II–Б–1 — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под прямым углом, клинок пропорционально широкий треугольный. К этому варианту относятся 3 меча из погребений №№ 301, 312, 403, которые датируются амфорами серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. Длина мечей — 53,7 см, 57,6 см, 72,4 см, ширина клинка у основания — 6,4 см, 8,3 см, 9,4 см. Комплекс № 312 датируется серединой — третьей четвертью IV в., а погребения № 301 и № 403 относятся к третьей четверти IV в. до н.э. Этими хронологическими рамками можно ограничить время бытования мечей данного варианта.

Тип II–В–1 — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок пропорционально широкий, треугольный. Вариант представлен 4 мечами из погребений № 138, 250, 328, 381. Длина мечей колеблется от 52,4 до 61,8 см, ширина клинка у основания — от 5,2 до 6,2 см. Амфоры, найденные вместе с мечами этого варианта, позволяют ограничить время их бытования IV в. до н. э.

Тип II–В–2 — мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок пропорционально узкий, треугольный. К этому варианту отнесено 2 меча из погребений № 250 и № 358. Восстановленная длина мечей — 61,8 и 61,5 см, ширина клинка у основания — 5,8 и 5,2 см. На основании хронологии амфор, найденных в погребениях, этот вариант мечей можно датировать второй — третьей четвертями IV в. до н.э.

Таким образом, предложенная нами типология и хронология мечей из Прикубанского могильника позволяет датировать комплексы с мечами так называемого синдо-меотского типа, не содержащие античных импортов, более узкими временными отрезками. В то же время типология мечей дает возможность выявить локальные особенности для различных групп меотских памятников.

З. Г. Хондзия
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

Раннеантичный могильник в поселке Тасракуа

Для цитирования: *Хондзия З. Г.* Раннеантичный могильник в поселке Тасракуа // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 170–174.

Zurab G. Khondziya
Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Abkazian Academy of Science, Sukhum, Abkhazia

Early antique burial ground in the village of Tasrakua

For citation: Khondziya Z.G, 2022. Ranneantichnyy mogil'nik v posyolke Tasrakua [Early antique burial ground in the village of Tasrakua]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheolo-ga-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 170–174.

Летом 2013 г. в поселке Тасракуа села Абгархук, на возвышенной части холма Ауархуа, на восточном склоне, нами обнаружены следы работы «черных копателей». Ими была выкопана яма размером в 1 кв. м. При осмотре отвала было выявлено множество обломков пластинчатых бронзовых листов толщиной 1 мм. Некоторые фрагменты пластинок были соединены с помощью заклепок. Одни пластины имели орнамент в виде точек и косых линий, другая категория пластинок имела рифленую форму. Здесь же обнаружены фрагменты железных копий (втулки двух

© Хондзия З. Г., 2022.

копий и фрагмент лезвия копья). В перекопанном слое обнаружена ручка бронзового котла.

Доследование грабительской ямы показало, что костяк лежал на глубине 50–55 см в вытянутом положении, с ориентацией головой на юг. В могильной яме обнаружены следующие предметы:

- у головной части скелета найдены фрагменты бронзовых пластинок (возможно, эти фрагменты принадлежали к атрибутам головного убора). При этом череп был покрыт окисью меди и окрашен синим цветом;
- с правой стороны скелета в поясной части найден галечный оселок четырехгранной формы с просверленным отверстием;
- в грудной части скелета обнаружены две шаровидные бусины, костяная подвеска и бронзовая подвеска;
- в тазовой части костей обнаружены два просверленных кабаньих клыка;
- у ног скелета найден фрагмент сосуда — кувшина светло-коричневого цвета. Он стоял с правой стороны от скелета.

В перекопанной части могильной ямы найден бронзовый наконечник копья без втулки. Лезвие копья сломано на две части и имеет резко выраженное ребро, сохранившаяся часть копья длиной 11,5 см, шириной лезвия 2 см, толщиной сечения 4 мм. Наконечник копья имел удлиненную форму.

В перекопе также найдены выброшенные «черными копателями» бронзовые колокольчики с разомкнутым орнаментированным корпусом и язычками. Там же обнаружены и другие археологические находки — изделия из бронзы и железа (аналоги им можно встретить в том числе на поселении «Веселое-2») (Мимоход и др., 2011. С. 61).

1. Бронзовая кругло-проволочная цепочка.

2. Бронзовый псевдовитой круглопроволочный браслет с обломленными и расплющенными концами.

3. Бронзовый круглопроволочный браслет с заостренными концами в виде удлиненного листа.

4. Бронзовая дугообразная фибула, средняя часть дуги пластинчатая с орнаментом в виде точек; длина 3,8 см, высота дуги 2,8 см.

5. Бронзовая дугообразная фибула с зооморфной головкой, напоминающей щупальца (усы) улитки; длина 4 см, толщина дужки 3 мм, часть головки отсутствует.

6. Две бронзовые пуговицы продолговатой формы, с одинаковым штампованным орнаментом. На обратной стороне имеют отверстие для крепления к одежде.

7. Бронзовая обоймочка в виде кольца.

8. Сердоликовые бусы шаровидной формы; диаметр входного отверстия 4 мм, на выходе — 3 мм.

9. Бронзовое изделие с лучевым расходящимся завершением и декором в виде полуокружностей по всему краю корпуса. По нашему мнению, оно являлось знаком отличия погребенного лица.

10. Костяная подвеска, резная, в форме античной колонны; длина 1,7 см, толщина 1 см.

В отвале обнаружены также железные предметы вооружения и быта:

11. Наконечник копья с разомкнутой втулкой с резко выраженным ребром, длина 21,5 см, ширина лезвия 2 см, толщина лезвия 9 мм.

12. Наконечник копья, кончик пера сломан, сохранившаяся часть лезвия длиной 8 см, ширина лезвия 2,5 см, диаметр втулки 1 см, сохранившаяся часть втулки длиной 2,8 см.

13. Наконечник копья, сохранившаяся часть лезвия с резко выраженным ребром длиной 6,5 см, шириной 1,9 см.

14. Втульчатый наконечник стрелы.

15. Черешковый наконечник стрелы.

16. Миниатюрный наконечник стрелы, четырехгранной формы, длиной 2,3 см, шириной 1,2 см, толщиной колющей части 6 мм.

17. Два ножа с прямыми спинками. Длина первого ножа 8 см, ширина 1,4 см, толщина 4 мм. Второй экземпляр длиной сохранившейся части 13,5 см, шириной лезвия 1,5 см.

18. Железное круглопроволочное шило длиной 9,5 см, толщиной 2 мм.

У головной части скелета, на расстоянии 2,5 см от могильной ямы, «черными копателями» была выкопана яма размером 70 х 75 см, глубина ямы составила 70 см. Нами здесь раскоп был расширен до размеров 2 х 3 м. На глубине 50–60 см обнажился скелет лошади. В разрушенной грабителями части оказалась голова лошади. Голова лошади, а также ее челюсть были окрашены окисью бронзы, возможно это следы принадлежностей узды, включая псалии, которые были изъяты грабителями.

Скелет лошади был ориентирован головой на юг, задние ноги коня выпрямлены и уложены аккуратно по направлению на запад. Передние

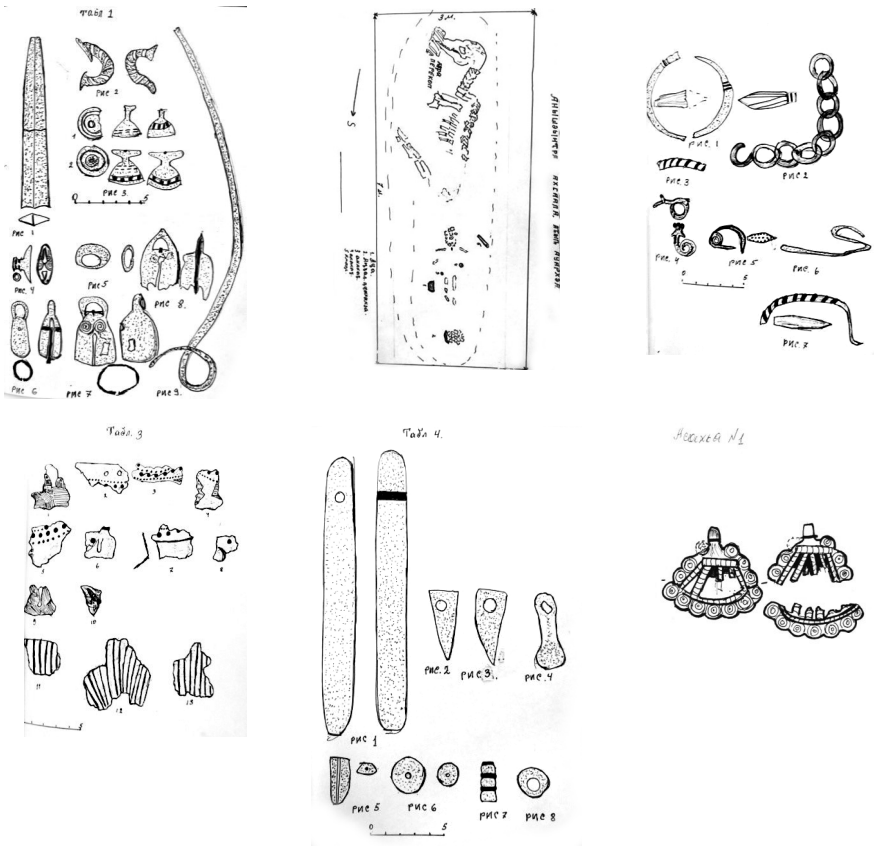

Рис. 1. Комплекс находок из погребения Тасракуа

ноги коня направлены в разные стороны: передняя правая — на восток, в полусогнутом положении, левая передняя — на запад.

Всаднические (конские) захоронения известны в эпоху поздней бронзы и раннего железа в Куланырхвском некрополе. По мнению М. М. Трапша, они являются скифскими и датируются VII в. до н.э. (1970. С. 162–168). Данное погребение обнаружено в приграничном с селом Куланырхуа селе Абгархук, на холме Ауархуа, в поселке Тасракуа, т.е. расположено на расстоянии 2 км от села Куланырхуа.

Для сравнительного анализа археологических предметов, найденных в поселке Тасракуа на холме Ауархуа, на фоне других памятников Абхазии I тыс. до н.э., имеется ряд аналогий (Шамба, 2000. С. 112–113. Табл. 42–А; Воронов. С. 53. Табл. XXXVIII. Рис. 37 и др.). Данное погребение, по нашему мнению, относится к раннеантичному периоду и датируется V в. до н. э. Можно сказать, что погребение принадлежало воину-мужчине со своим боевым конем, являясь всадническим захоронением[1].

Литература

Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 144 с.

Мимоход Р. А., Скаков А. Ю., Клещенко А. А. Новые материалы о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа: сб. матер. Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. Сухум, 10–11 мая 2011 г. / отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ, 2011. С. 61–74.

Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды в 4 т. Сухуми: Алашара, 1970. Т. 1. 212 с.

Шамба Г. К. Абхазия в I тыс. до н. э. (по данным письменных и археологических источников). Сухум: Алашара, 2000. 312 с.

[1] В настоящее время переданный в Абхазский государственный музей инвентарь погребения введен в научный оборот в следующих публикациях: Скаков А. Ю., Хондзия З. Г., Джопуа А. И. Новая находка элитного комплекса эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье. XXX Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 254–257; Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Хондзия З .Г. Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник к 70-летию В. П. Копылова. Ростов н/Д., 2019. Вып. 2. С. 76–98 *(от ответственного редактора).*

А. Н. Коваленко
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Проблемы типологии и периодизации поселений скифского времени на территории устьевой области р. Дон

Для цитирования: *Коваленко А. Н.* Проблемы типологии и периодизации поселений скифского времени на территории устьевой области реки Дон // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 175–180.

Aleksandr N. Kovalenko
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Problems of typology and periodization of settlements of the Scythian time on the territory of the mouth area of the Don River

For citation: Kovalenko A.N., 2022. Problemy tipologii i periodizatsii poseleniy skifskogo vremeni na territorii ust'yevoy oblasti reki Don [Problems of typology and periodization of settlements of the Scythian time on the territory of the mouth area of the Don River]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 175–180.

В истории народов, населявших Северное Причерноморье, область устья Дона играла очень важную роль благодаря чрезвычайно выгодному географическому положению и богатству природных ресурсов.

© © Коваленко А.Н., 2022.

В скифское время эта область выполняла роль своеобразной экологической ниши, где функционировало значительное количество поселений, которые на сегодняшний день имеют различную степень изученности.

Основным поселенческим центром для всего нижнедонского региона в V–IV вв. до н.э. являлось расположенное в дельте Елизаветовское городище, в истории которого нашли отражение все общие тенденции изменений военно-политической ситуации в регионе. Начало функционирования городища относится к концу первой четв. V в. до н. э. (Копылов, 2000. С. 158), а расцвет приходится на первую пол. IV в. до н. э. В третьей четверти этого столетия городище, очевидно, подверглось серьезному военному удару, вследствие которого на его территории появилась серия закрытых комплексов (Копылов, Коваленко, 2016. С. 34–35). После этих событий, во 2-й пол. IV в. до н. э., в структуре городища, на его внутреннем крепостном валу, появляется греческий «квартал» (Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 250), резко падают объемы торговли (Кац, 2007. С. 382), а в Елизаветовском могильнике резко сокращается количество погребений (Коваленко, 2006. С. 52). В конце IV в. до н.э. скифское население покидает городище, а на его место выводится Большая греческая колония, которая функционирует в первой трети III в. до н. э.

Помимо Елизаветовского городища, к западу от него, располагается значительно менее изученное городище Лагутник IV в. до н. э. Все археологические исследования на памятнике (1910, 1956–1958, 2002 гг.) носили разведочный характер. И.С. Каменецкий полагал, что городище было окружено крепостным рвом (Каменецкий, 2013. С. 266). Ограниченность имеющихся археологических материалов не позволяет в настоящее время датировать его более узко и дробно.

В западной части дельты Дона на дюнных холмах известна серия небольших поселений, часть из которых в той или иной степени была исследована (Лагутник II, Бугры I–II, IV–VII, Малаховский Ерик III, серия поселений у х. Дугино и др.). В районе современного х. Дугино располагался обширный могильник скифского времени (Чалый, Белинский, Перевозчиков, 1986. С. 109; Прокофьев, 2014), связанный с одним или несколькими поселениями, расположенными в этом районе. Материалы могильника содержат греческий импорт V в. — третьей четв. IV в. до н. э. (Прокофьев, 2014). Очевидно, здесь, в районе древней переправы (Копылов, 1994. С. 90), существовало поселение или ряд поселений, возникших одновременно с Елизаветовским городищем. Большинство

поселений, расположенных на песчаных буграх в западной части дельты Дона, представляло собой сезонные стоянки со слабовыраженным культурным слоем.

К востоку от Елизаветовского городища известно несколько долговременных поселений IV в. до н.э. в районе х. Колузаево, которые содержали значительное число хозяйственных ям, а на одном из них (Колузаево I) были открыты остатки жилищ (Рогудеев, 2001. С. 169–175). Археологические материалы свидетельствуют о существовании в IV в. до н.э. ряда поселений на берегу Мертвого Донца, однако они слабо изучены и известны лишь по результатам археологических разведок и сборам.

На левом берегу Дона известно несколько поселений IV в. до н.э. К таковым относятся поселения Кулешовка, Кулешовка II и Свинячье озеро. Их исследования (Беспалый, 1987. С. 8; Гудименко, 2000. С. 85–88; Ларенок, 2014. С. 139–141; Голда, 2016. С. 289–293) выявили значительное количество хозяйственных ям и остатки жилищ скифского времени. В культурном слое поселения Кулешовка обнаружены скопления турлука, что позволяет предполагать наличие здесь наземных построек. Большинство фрагментов тарной керамики на этом поселении принадлежит гераклейским амфорам. Обращает на себя внимание также присутствие фрагментов херсонесских амфор. Среди находок амфорной керамики с поселения Кулешовка II преобладают сосуды Гераклеи, Синопы и Херсонеса (Ларенок, 2014. С. 141). Привлекает внимание значительный процент синопских амфор. Присутствуют также фрагменты столовой и кухонной керамики. Такую же ситуацию мы наблюдаем и на поселении Свинячье озеро. Для этого памятника также характерно преобладание гераклейских амфор (57%), а вторую по численности группу составляют синопские амфоры (21%). Присутствуют амфоры Херсонеса, Фасоса и других средиземноморских центров (Голда, 2016. С. 290). Возможно, еще с одним поселением этого времени на левобережье связаны находки из Кагальницкого карьера, среди которых присутствуют амфоры конца IV — начала III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 138, 326). На основании находок греческой керамики можно говорить, что, в отличие от поселений дельты, левобережные поселения функционировали до конца IV в. до н.э., а возможно, и в начале III в. до н.э., т.е. и после ухода скифского населения из дельты Дона.

Интерес представляет серия поселений, расположенных на северном побережье Таганрогского залива. Имеются данные, что во 2-й пол.

IV в. — начале III в. до н.э. функционировали поселения у Беглицкой Косы и Золотой Косы, а также Ново-Золотовское городище, синхронные Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища.

На основании проведенного анализа можно сделать ряд заключений.

В скифское время территория Нижнего Дона заселялась неравномерно. Вначале, в V в. до н. э., скифское население появилось только в дельте Дона, на Елизаветовском городище и в районе х. Дугино. Скифских поселений V в. до н. э. за пределами дельты Дона, в его устьевой области, пока не выявлено.

Основная часть скифских поселений, как в дельте Дона, так и за ее пределами, возникает на рубеже V–IV вв. до н. э. и функционирует всю первую половину IV в. до н.э., что совпадает с периодом расцвета Елизаветовского городища.

В последней четверти IV в. до н. э. большинство скифских поселений в дельте Дона уже не функционирует, что, очевидно, было связано с изменениями военно-политической ситуации в регионе. В конце этого столетия прекращает существование Елизаветовское городище, а на его место выводится Большая греческая колония. При этом обращает на себя внимание присутствие долговременных поселений на левобережье Дона во 2-й пол. — конце IV в. до н.э.

Скифские поселения Нижнего Дона имеют два важных различия, по которым их можно разделить на две группы:

а) Кратковременные сезонные стоянки с небольшим культурным слоем, малым количеством материала, преимущественно представленным амфорной и лепной керамикой, а также с отсутствием объектов долговременного пребывания (хозяйственные ямы, жилища). Подавляющее большинство таких поселений располагается в западной части дельты Дона на песчаных буграх. Очевидно, они использовались как стоянки для ловли рыбы и выпаса скота;

б) долговременные неукрепленные поселения (за исключением городища Лагутник и Елизаветовского городища), где обнаружено значительное количество археологического материала, большое количество хозяйственных ям и присутствуют остатки жилищ. Такие поселения присутствуют в восточной части дельты Дона и на его левобережье. Они, очевидно, находились в сфере экономического влияния Елизаветовского городища, а их население занималось скотоводством, земледелием и рыболовством.

Литература

Беспалый Е. И. О работах Приморского отряда в 1986 году // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году: тезисы докладов к областному семинару. Азов, 1987. С. 7–10.

Голда Н. Н. Амфоры IV в. до н.э. с поселения «Свинячье озеро» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. / отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Азовский ист.-археологич. и палеонтологич. музей-заповедник, 2016. Вып. 29. С. 288–293.

Гудименко И. В. Итоги исследований отряда «Дельта» в 1998 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. Вып. 16. С. 85–88.

Каменецкий И. С. Лагутник // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова / отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д., 2013. С. 266–275.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Симферополь — Керчь. 2007. Вып. XVIII. 480 с.

Коваленко А. Н. Население Нижнего Дона 2-й пол. IV в. — первой трети III в. до н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: сб. ст. по материалам XI Международной научной конференции / отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д., 2006. С. 51–57.

Копылов В. П. О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона, в скифское время // Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова / отв. ред. Г. Н. Тощев. II. Запорожье, 1994. С. 89–91.

Копылов В. П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 157–166.

Копылов В. П., Коваленко А. Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV в. — первой трети III в. до н. э // Stratum plus. № 3. Третий до… Потерянное столетие / отв. ред. И. В. Бруяко. 2016. С. 33–44.

Ларенок П. А. Поселение Кулешовка-II (предварительные итоги раскопок 2012–2013 гг.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону

в 2012 г. / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Азовский ист.-археологич. и палеонтологич. музей-заповедник, 2014. Вып. 28. С. 139–141.

Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону (Pontus Septenytionalis II, Танаис 2). М., 2000. 356 с.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. — Саратов: Киммерида, изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.

Прокофьев Р. В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов н/Д.: Альтаир, 2014. 400 с.

Рогудеев В. В. Исследование поселения «Колузаево-1» в дельте реки Дон // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2001. Вып. 17. С. 169–175.

Чалый В. В., Белинский И. В., Перевозчиков В. И. Работы Азовской экспедиции // АО 1984 года М.: Наука, 1986. С. 109–110.

А. А. Горбенко[1], ***В. М. Косяненко***[2]

[1,2]Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов, Россия

Новые открытия на территории крепостного городища (г. Азов)

Для цитирования: *Горбенко А. А., Косяненко В. М.* Новые открытия на территории крепостного городища (г. Азов) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 181–186.

Anatoliy A. Gorbenko[1], ***Viktoriya M. Kosyanenko***[2]

[1]Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, Azov, Russia

New discoveries on the territory of the fortress settlement (Azov)

For citation: Gorbenko A. A. Kosyanenko V.M., 2022. Novye otkrytiya na territorii krepostnogo gorodishcha (g. Azov) [New discoveries on the territory of the fortress settlement (Azov)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 181–186.

Крепостное городище и его могильник находятся в центре г. Азова. Интерес к античным материалам из г. Азова возник еще в XIX в. в связи с поисками античного Танаиса. С установлением места Танаиса около хутора Недвиговка азовскими античными древностями редко кто интересовался. Раскопки памятника стали вестись достаточно интенсивно

© Горбенко А. А., Косяненко В. М., 2022.

в послевоенные годы, с возобновлением деятельности Азовского краеведческого музея. Результаты исследования могильника позволили опубликовать в 2011 г. монографию «Некрополь Паниардиса (Крепостного городища)» (Горбенко, Косяненко, 2011).

Новые материалы накопились в последующие годы. Одним из важных и неожиданных открытий было обнаружение на окраине меотского Крепостного городища аланского стойбища. Территория стойбища находилась на юго-западной границе памятника, между могильником и городищем. В отличие от мощного культурного слоя Крепостного городища, на участках стойбища античные находки происходят из переотложенного слоя и в большинстве случаев из комплексов XIV и XVIII вв. Керамические остатки относятся к различным группам. Датирующий материал — фрагменты светлоглиняных амфор и краснолаковой керамики — позволяют отнести существование стойбища к концу I в. — середине II в. н. э. Отличительной чертой этого памятника является наличие среди гончарной сероглиняной керамики особой группы с примесью кварцевого песка (рис. 1, *1, 4–9*). Сосуды, в глиняном тесте которых присутствует кварцевый песок, не характерны для местной донской сероглиняной керамики, производственные комплексы которой открыты при археологических исследованиях Кобяковского и Подазовского городищ в Нижнем Подонье.

Технические детали фрагментов керамики с кварцевым песком свидетельствуют об их сходстве с центральнокавказской керамикой по особенностям изготовления глиняного теста, обжига и форм. Наиболее изученной группой из этой центральнокавказской серии является керамика поселения, расположенного у с. Зилги (Аржанцева, Деопик, 1989. С. 79, 80).

На участках стойбища были обнаружены и керамические подставки для сушки гончарной посуды. Пользовались этой керамикой в основном живущие на стойбище аланы, пришедшие с Северного Кавказа. Взаимного влияния местной сероглиняной керамики и аланской не наблюдается.

На территории могильника Крепостного городища кроме погребений открыты святилища, представляющие собой круглые площадки с разбросом обломков амфор и костей животных. Некоторые из этих мест были окружены рвами, концы которых загнуты внутрь, образуя вход на площадку. Судить об «архитектурном» устройстве и способе функционирования таких объектов трудно, мы сталкиваемся только

с археологически зафиксированными материальными свидетельствами. Аналогичные ровики с разбитыми амфорами и костями животных обнаружены в некоторых сарматских курганах в Нижнем Подонье.

Исследование некрополя Крепостного городища в последние годы позволило подтвердить, что основной формой погребальных сооружений является прямоугольная яма, реже встречены подбои и катакомбы. Открыты некоторые редкие детали положения погребенного. В погребении по ул. Московской, 21 в овальной яме было обнаружено погребение мужчины на спине с перекрещенными в коленных суставах ногами. Правая рука согнута, кисть находилась около черепа, левая рука уложена под прямым углом и кисть расположена на правой стороне грудной клетки.

Подобное положение рук и ног крайне редко встречается в могильниках Нижнего Дона. Инвентарь погребения представлен бронзовой фибулой, характерной для II в. н.э. На фибуле сохранился кусочек ткани от одежды или савана. Исследование показало, что пряжа состоит из натуральных лубяных волокон льна с добавлением волокон хлопка. Изготовлена она в технике простого полотняного переплетения нитей основы и утка. Цвет ткани не сохранился. Ткань является привозной. Ранее анализ античных тканей из поселений Подонья не производился.

В размещении погребального инвентаря также открыты новые интересные детали. В одном из комплексов был обнаружен лепной горшок, накрытый сероглиняной миской. В сарматском кургане, открытом на Дону, лепной горшок найден со своей крышкой (Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 83–84). В нашем случае горшок накрыт не предназначенным для этой цели предметом. Смысловая нагрузка явления одинакова: забота о сохранности содержимого в сосуде.

Впервые в некрополе Крепостного городища обнаружена сероглиняная миска, перевернутая вверх дном. Подобные явления неоднократно зафиксированы в Кобяковском могильнике в Подонье, смысл такого положения миски связан с особой ролью сосуда в обряде очищения водой (Косяненко, 2008. С. 202–215). Второй раз в могильнике встречена постановка двух лепных курильниц одна в другую. Большая курильница — цилиндрической формы с поперечным ребром, маленькая — цилиндрическая с круглым отверстием в стенке. Подобная ситуация известна в сарматских курганных комплексах, в том числе и на Дону.

В погребении воина в качестве оберега выступали несколько фрагментов сероглиняного сосуда, положенные за черепом. Неоднократно в памятниках первых веков нашей эры наблюдалось использование обломка сосуда для защиты погребенного. Подобное прослеживалось и в некрополе Кобякова городища и даже в тех погребениях, где, помимо фрагмента, находились и целые сосуды (Косяненко, 2008. С. 221–222).

Остановимся на находках редких металлических изделий I в. н.э. Как известно, фибулы были тогда излюбленным украшением. Уже не раз мы встречались с ремонтом фибул. В последние годы мы нашли украшение, выполненное из поломанной фибулы типа авциссы (рис. 1, *2*). В древности у фибулы отломался край иголки, затем иголку вновь заточили и загнули в петлю, а дужку фибулы согнули пополам. Такая переделка фибулы встречается впервые. Полученное изделие могло использоваться как отдельное украшение, его могли подвесить на дужку целой фибулы. Известно, что фибулы иногда украшались дополнительными кольцами или согнутыми в кольцо дужками других фибул. Подобное сочетание известно в некрополе Кобякова городища.

Интересна находка 2,5 зеркал в одном погребении. Такое количество встречено впервые в некрополе Крепостного городища. Оба целых зеркала, как и половинка, выполнены из круглых дисков, украшены в центре сферическим утолщением, выпуклым валиком по краю и имеют подпрямоугольную ручку-петельку. Присутствующая половинка соответствует принципу «умерщвления» вещей. «Умерщвляли» в древности и другие изделия. Как правило, это один предмет из всего инвентаря погребения. А в некрополе Крепостного городища в одном погребении большинство предметов «умерщвлено»: кубышка с отбитым горлом, обломок зеркала с петлей, часть колокольчика с петлей, бронзовая собачка с отверстием и частично отбитыми лапами.

В памятниках Северного Причерноморья, в том числе на Дону и Кубани, а также на Северном Кавказе известны подвески в виде двойных ведерок. Обычно они очень маленького размера. Найденные в некрополе Крепостного городища подобные подвески большего размера: 2,6 х 1,7 см. Выполнены они из металлического листа, согнутого в форме двух цилиндров с пуансонным орнаментом. Цилиндрики связаны «ушком» из проволоки (рис. 1, *3*). Также редкой находкой в некрополе является украшение в форме додекаэдра, подвеска ажурная с шишечками и круглой петелькой для подвешивания. Впервые в некро-

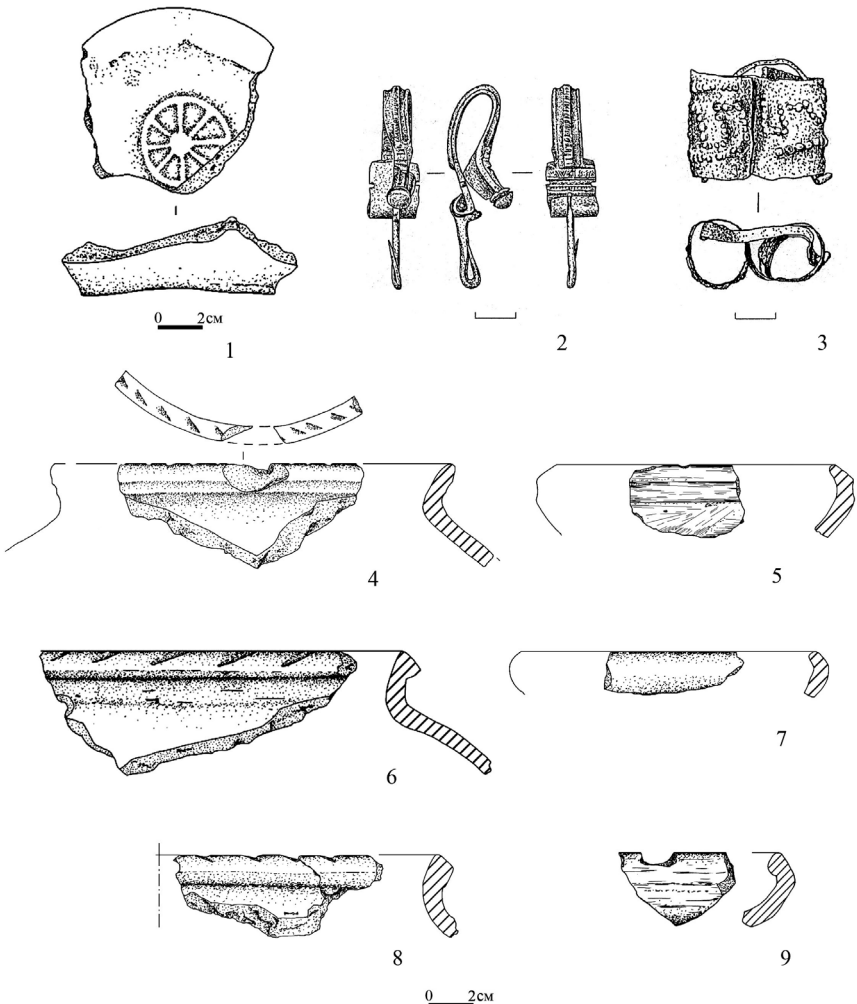

Рис. 1. ***1, 4–9*** **— фрагменты керамики с кварцевым песком (аланское стойбище вблизи Крепостного городища);** ***2, 3*** **—бронзовые изделия (некрополь Крепостного городища)**

поле Крепостного городища обнаружена хорошего качества бронзовая монета времени Митридата VIII, датируемая 39–44 гг.

Таковы новые открытия в некрополе Крепостного городища. Раскопки продолжаются.

Литература

Аржанцева И. А., Деопик Д. В. Зилги — городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники) / отв. ред. Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука, 1989. С. 75–107.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН. 2008. Т. I. 224 с.

Горбенко А. А., Косяненко В. М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. Азов, 2011. Вып. 11. 512 с.

Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Азов, 2008. Вып. 9. 544 с.

***А. Р. Канторович*[1], *В. Е. Маслов*[2]**

[1] Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[2] Институт археологии РАН, Москва, Россия

Раскопки скифского курганного могильника Новозаведенное-III на Ставрополье в 2017 г.

Для цитирования: *Канторович А. Р., Маслов В. Е.* Раскопки скифского курганного могильника Новозаведенное-III на Ставрополье в 2017 г. // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 187–194.

***Anatoliy R. Kantorovich*[1], *Vladimir E. Maslov*[2]**

[1] Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
[2] Institute of archeology RAS, Moscow, Russia

Excavations of the Scythian burial mound Novozavedennoe-III in the Stavropol Territory in 2017

For citation: Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2022. Raskopki skifskogo kurgannogo mogil'nika Novozavedennoye-III na Stavropol'ye v 2017 g. [Excavations of the Scythian burial mound Novozavedennoe-III in the Stavropol Territory in 2017]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 187–194 .

Летом 2017 г. Ставропольская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ (начальник экспедиции — заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ д.и.н. А. Р. Канторович,

© Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2022.

в составе экспедиции — студенты и аспиранты исторического факультета МГУ, а также научный сотрудник Института археологии РАН к.и.н. В. Е. Маслов) продолжила начатые в 2015 и 2016 гг. раскопки курганного могильника Новозаведенное-III, памятника скифской культуры последней трети V — IV вв. до н.э. Работы проводились на средства гранта РФФИ № 17-01-18087/17-ОГОН.

Могильник расположен к западу от села Новозаведенное Георгиевского района Ставропольского края на высокой надпойменной террасе реки Кумы. В сезоне 2017 г. были исследованы 2 кургана (№ 7, 8), один из которых (№ 7) был раскопан исключительно вручную, второй (№ 8), полностью снесенный несколько десятилетий назад и подвергавшийся затем постоянной распашке, — с использованием бульдозера.

В ходе раскопок были выявлены и исследованы конструктивно-ритуальные рвы, окружавшие курганы и послужившие в древности источником грунта для создания самих насыпей.

Глубина рва непосредственно взаимосвязана с высотой насыпи. Судя по параметрам рва кургана № 7, изначальная высота его насыпи не превышала 1,5 м (к моменту раскопок она не превышала 0,4 м). Это один из самых невысоких из известных скифских курганов.

Напротив, глубина рва в кургане № 8 достигала 3 м. Соответственно, изначальная высота его насыпи была не менее 2,5–3 м, а склоны были достаточно крутыми, поскольку грунт, вынутый изо рва, сразу досыпался в строящуюся насыпь. При этом к моменту раскопок данный курган практически не возвышался над окружающим пахотным полем.

Под насыпями обоих курганов были прослежены глубокие подпрямоугольные могильные ямы, содержавшие остатки погребений, ограбленных и полностью разрушенных в древности. В погребении под курганом № 7 были захоронены два человека в сопровождении одной лошади или, возможно, трех лошадей (по числу найденных сходных наносников/налобников) и особи мелкого рогатого скота. Погребение под курганом № 8 содержало останки одного человека, также сопровождаемого лошадью и мелким рогатым скотом.

В обеих могилах, в основном в перемещенном состоянии, были найдены предметы вооружения, в частности стрелковые наборы из бронзовых, железных и костяных наконечников (61 наконечник стрелы в кургане № 7 и 7 наконечников стрел в кургане № 8), фрагменты железного акинака в кургане № 8 и в том же комплексе — фрагменты боевого пояса,

составленного из мелких бронзовых пластин, крепившихся к кожаной основе с помощью заклепок. Также в могильных ямах и в насыпях курганов № 7, 8 обнаружены остатки узды (бляхи, налобники, фрагменты удил), орудия труда, керамические сосуды, украшения (золотые нашивные бляшки, бусы и бисер из золота, стекла, фаянса, сердолика и янтаря, раковины каури), произведения в скифском зверином стиле и т. д.

Отметим, что формы керамической посуды из курганов № 7, 8 в основном являются типологическим развитием сосудов раннескифского времени. Наблюдается определенная деградация и упрощение форм сосудов. Все сложные геометризированные формы исчезают. Исчезает также прочерченный геометрический декор сосудов. Из корчаг сохраняются только сосуды грушевидной формы. Столовые формы — миски и кружки — становятся остроребериными и приобретают черты, которые будут характерны для керамики следующей, сарматской, эпохи (Маслов, 2015. С. 256).

Из-за тотального ограбления устройство надмогильных конструкций на уровне древнего горизонта в обоих курганах проследить не удалось. Однако представление о них дают остатки деревянно-камышового перекрытия, рухнувшие на дно могильной камеры кургана № 7 после ограбления. Этот факт наглядно показывает, что могильная камера к моменту ограбления не была засыпана грунтом.

Грабители проникли в могильную камеру кургана № 7 через лаз, заглубленный под уровень перекрытия. Такой способ грабежа характерен для всех скифских курганов у с. Новозаведенное (могильники Новозаведенное-II третьей четверти VII в. — 1-й пол. VI в. до н. э. и Новозаведенное-III последней трети V в. — IV в. до н. э.): вероятно, ограбления происходили единовременно или в короткий отрезок времени, причем к этому моменту не только в курганах «скифской классики» (Новозаведенное-III), но даже и в курганах «скифской архаики» (Новозаведенное-II) перекрытия еще стояли (Маслов, 1996. С. 66, 67).

В ходе ограбления кургана № 7 или после его завершения грабители подожгли древесно-тростниковое перекрытие могильной камеры, в результате чего горение распространилось под насыпью и за пределы камеры: в насыпи на уровне древнего горизонта встречались угольки и комки обожженной глины. Судя по обломкам угля, перекрытие могилы состояло из нетолстых — до 10–15 см — бревен и жердей, покрытых

слоями тростника (встречались его обгоревшие стебли). Необожженным сохранился верхний пласт перекрытия, лежавший на дне могильной камеры поверх слоя горения.

Грабители вынесли из камеры кургана № 7 почти весь инвентарь, а также кости людей и животных (вследствие чего некоторые из предметов были найдены нами у края могилы в насыпи). Впоследствии (после обрушения перекрытия) предметы и останки людей и животных вновь сползли в могилу вместе с грунтом насыпи. При этом отдельные позвонки лошади и людей сохранились в анатомическом сочленении, что также свидетельствует о том, что ограбление произошло через сравнительно короткое время после захоронения. В то же время железные удила и псалии были разбиты: они успели проржаветь. Скорее всего, речь идет о нескольких десятилетиях. Учитывая предполагаемую дату погребения в пределах 2-й пол. (возможно, последней четверти) IV в. до н.э. (см. ниже) – ограбление состоялось около конца IV в. — нач. III в. до н. э. Это время крушения «Великой Скифии».

Как уже сказано, древние ограбления практически обязательны для могильников Новозаведенное-II и Новозаведенное-III, что косвенно свидетельствует не только о богатстве захоронений, но и, возможно, о неприязни, которую вызывала у местного оседлого (кобанского?) населения пришлая кочевая скифская элита.

Под насыпью кургана № 8 у внутреннего края рва обнаружена в лежащем положении крупная псевдоантропоморфная каменная стела, имеющая абрис туловища с выделенной головой; вероятно, камень для стелы был специально отобран. С учетом предшествующих исследований могильника Новозаведенное-III можно констатировать, что в трех из шести раскопанных нами курганов этой группы были обнаружены столбообразные каменные стелы, разломанные грабителями и сброшенные вниз; примечательно, что все эти курганы, с учетом их реконструируемой высоты (2,5–3 м), были крупнее трех остальных раскопанных нами курганов данного могильника. Очевидно, стелы первоначально стояли на вершинах насыпей. Камень для стел в ряде случаев, вероятно, был привезен из района Кавминвод, не менее чем за 50 км от могильника.

Стела из сходного камня была найдена в заполнении могильной камеры кургана № 6 могильника Новозаведенное-II, датированного в пределах второй четверти VI в. до н.э. (Петренко и др., 2006. С. 381). Существование традиции установки столбообразных стел на протя-

жении не менее чем 200–250 лет также является свидетельством прямой преемственности традиций погребального обряда, сложившихся еще в эпоху скифской архаики.

Не исключено, что подобная стела стояла и на вершине кургана № 7 могильника Новозаведенное-III: ее крупный обломок был найден в заполнении могильной камеры. То, что стелы сознательно ломались, возможно, свидетельствует о стремлении грабителей не только ограбить погребения, но и дискредитировать древнюю охранительную символику.

Датировку курганов № 7, 8 могильника Новозаведенное-III в пределах середины — 2-й пол. IV в. до н.э. определяют ряд хроноиндикаторов. Для кургана № 7 это в первую очередь три бронзовых конских наносника/налобника, выполненных в скифо-меотском зверином стиле и демонстрирующих тесные связи местных скифов с Прикубаньем (рис. 1, *1–3*). Это протома некоего животного (которое более всего соответствует природным признакам лошади), грудная часть которого преобразована в дополнительную голову аналогичного зверя; при повороте налобника на 90 градусов видно, что дополнительная головка одновременно играет роль копыта на окончании ноги, роль которой выполняет грудной выступ, относящийся к основной головке; при этом ухо дополнительной головки одновременно является рудиментарным пальцем, морда — собственно копытом. Аналогичный (почти идентичный) налобник (рис. 1, *4*) был найден в погребении 13 кургана 2 могильника II Тенгинского городища[1]. Данный комплекс по античным импортам относится ко 2-й пол. IV в. — нач. III в. до н. э., возможно, к последней четверти IV в. до н.э. (Канторович, Эрлих, 2006. С. 141. Кат. № 123; Эрлих, 2011. С. 60, 81. Рис. 62, *7*). Указанной дате не противоречат типы наконечников стрел, обнаруженных в кургане № 7.

Помимо тенгинского, ближайшую аналогию новозаведенским протомам данного типа составляет изображение, оформляющее бронзовый

[1] Один из авторов данной статьи в монографии 2006 г., написанной совместно с В. Р. Эрлихом, квалифицировал протому из Тенгинского могильника как редуцированное изображение хищника, весьма своеобразное (Канторович, Эрлих, 2006. С. 141). Однако находка аналогичных налобников в Новозаведенном позволяет говорить не о единичном периферийном изображении, а о некой тенденции — об особом морфологическом типе изображений, в которых, пусть и схематизированно (и «на грани» с образом хищника), были отражены черты лошади. (См. подробнее: Канторович, 2018. С. 164–166).

Рис. 1. Бронзовые конские наносники/налобники.
1–3 — могильник Новозаведенное-III, курган 7, после реставрации (реставрация Н. В. Ениосовой, фото А. Р. Канторовича, прорисовка А. С. Дементьевой);
4 — некрополь II Тенгинского городища, курган 2, погребение 13, уздечный набор коня 2 (по: Канторович, Эрлих, 2006. Кат. № 123); 5 — могильник Филипповка-I, курган 4, жертвенный комплекс 1 (по: Яблонский, 2013. Кат. № 38)

налобник/наносник/подвеску (рис. 1, 5) в знаменитом элитном могильнике Филипповка-I в Южном Приуралье; Л. Т. Яблонский, публикуя этот предмет, однозначно интерпретировал данные изображения как головы лошадей (Яблонский, 2013. С. 67, кат. № 38).

На этом фоне курган № 8 относится к несколько более раннему времени — вероятно, не позднее сер. IV в. до н.э. Об этом, в частности, свидетельствует происходящая из этого кургана золотая нашивная бляшка с изображением синтетического копытного — «лосекозла» (см. подробнее об этом образе: Канторович, 1995). Это вторая находка в данном могильнике (после кургана № 4, раскопанного в 2015 г.), а в целом это 21-е из ныне известных оригинальных изображений данного существа (не считая копий). Хронологические рамки существования образа «лосекозла» были ранее определены нами по объективным датировкам соответствующих погребальных комплексов в пределах второй четверти V в. – 1-й пол. IV в. до н. э., а очагом формирования данного мотива было

признано Прикубанье (Канторович, 2016. С. 94–97). В силу определенной примитивности и подражательности изображение из кургана № 8 представляется одним из наиболее поздних в ряду воплощений «лосекозла».

Находки из курганов № 7, 8 демонстрируют определенный синкретизм, связанный с материалами из различных культурных провинций степного пояса и Закавказья, что подтверждает элитарный характер памятника.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что исследованные в 2017 г. курганы № 7, 8 могильника Новозаведенное-III, датируемые в предельных рамках сер. — 2-й пол. IV в. до н. э., демонстрируют, как и другие раскопанные нами ранее курганы данной группы, очевидную преемственность с памятниками скифской культуры архаического горизонта. Сочетание в одном месте разновременных курганных могильников скифской знати с единым погребальным обрядом указывает на то, что центры власти сохраняли топографическую привязку на протяжении практически всей скифской истории. В Центральном Предкавказье пока известен только один подобный центр — Нартанский могильник, в пределах видимости от которого расположен целый куст курганных могильников VII–IV вв. до н.э.: Нальчикский, Шалушкинский, Вольноаульский, Нартан-2 (Керефов, Кармов, 2009. С. 3).

Литература

Канторович А. Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. 1995. № 4. С. 45–55.

Канторович А. Р. Образ лосекозла в скифском зверином стиле в свете новых находок на территории Ставрополья и Прикубанья // Археологія і давня історія України. 2 (19). Старожитності ранього залізного віку / отв. ред. С. А. Скорый. Киев: ИА НАНУ, 2016. С. 89–99.

Канторович А. Р. Изделия в скифском зверином стиле из курганного могильника Новозаведенное-III в Центральном Предкавказье // На ионийский лад я пою…: сб. ст. в честь Н. М. Никулиной. Тр. ист. фак. МГУ. / отв. ред. Т. П. Кишбали, М. А. Лопухова, Н. А. Налимова, И. И. Тучков. Москва: КДУ, Университетская книга, 2018. Т. 139. С. 142–170.

Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII–III века до н. э.). М.: Гос. музей Востока, 2006. 232 с.

Керефов Б. М., Кармов Т. М. Нартан-2: Курганный могильник скифского времени / отв. ред. В. Ю. Зуев. Нальчик: КБНЦ РАН, 2009. 50 с.

Маслов В. Е. Впускное погребение из кургана 13 могильника Новозаведенное-II // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир — М.: ИА РАН, 1996. Вып. 2. С. 66–71.

Маслов В. Е. Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Международный симпозиум. 29–31 окт. 2013 г. / отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2015. С. 40–42.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи // Материалы и исследования по археологии России / отв. ред. В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. № 7. С. 388–423.

Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II: IV в. до н.э. М.: Наука, 2011. 212 с.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Кат. коллекции. М.: ИА РАН, 2013. Кн. 1.

***А. В. Копылов*[1], *В. П. Копылов*[2], *Н. В. Андрианова*[3]**

[1, 2, 3]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Некоторые итоги новых исследований Елизаветовского городища и его курганного некрополя

Для цитирования: Копылов А. В., Копылов В. П., Андрианова Н. В. Некоторые итоги новых исследований Елизаветовского городища и его курганного некрополя // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 195–201.

***Andrey V. Kopylov*[1], *Viktor P. Kopylov*[2], *Nadezhda V. Andrianova*[3]**

[1, 2, 3]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Some results of new studies of the Elizavetovsky settlement and its mound necropolis

For citation: Kopylov A. V., Kopylov V. P., Andrianova N. V., 2022. Nekotoryye itogi novykh issledovaniy Yelizavetovskogo gorodishcha i ego kurgannogo nekropolya [Some results of new studies of the Elizavetovsky settlement and its mound necropolis]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 195–201.

В своих работах М. М. Трапш большое внимание уделял вопросам хронологии и типологии находок из памятников, обнаруженных на территории Абхазии, на широком фоне восточноевропейских аналогий. Именно поэтому мы решили на конференции, посвященной памяти

© Копылов А. В., Копылов В. П., Андрианова Н. В., 2022.

этого выдающегося археолога, сделать доклад, где будут представлены некоторые итоги новых исследований Елизаветовского городища и его курганного некрополя.

Особо отметим, что в ранних античных источниках ни одному району Скифии, кроме района устьевой области р. Танаис (рис. 1), не уделялось столько внимания. По нашему мнению, это можно объяснить тем обстоятельством, что в сознании греческих авторов именно этот район представлялся наиболее важным для понимания формирования специфики скифской истории. Археологические материалы отчетливо свидетельствуют о том, что, начиная с архаического периода, в Северном Причерноморье выделяется Нижнедонской историко-культурный регион.

Отметим, что в своем труде Геродот упоминает Меотиду 15 раз и в шести случаях (IV, 20, 21, 57, 100, 116, 120) речь у «отца истории» идет именно об интересующем нас районе. В период третьей четверти VII в. — третьей четверти VI в. до н.э. устьевая область р. Танаис становится местом притяжения для кочевого скифского населения, что подтверждается наличием здесь самой представительной в Северном Причерноморье серии скифских погребальных комплексов архаического времени. Геродот свидетельствует о том, что эта область являлась «первой из трех частей скифского царства» (Геродот, IV, 120). Мы считаем, что устьевая область р. Танаис уже в период скифского похода Дария являлась одним из трех крупнейших территориальных образований Скифии, а то, что в V–IV вв. до н.э. здесь уже существует один из крупнейших региональных центров Скифии периода ее расцвета, сомнения не вызывает (Болтрик, 2013. С. 193).

В конце первой четверти V в. до н.э. в дельте Дона начинают возводиться курганы Елизаветовского некрополя и в то же время основывается одноименное городище, которое до конца IV в. до н.э. выполняло роль основного центра региона устьевой области р. Танаис.

Рис. 1. Устьевая область реки Танаис

В результате исследований, проводившихся в последние годы на Елизаветовском городище и его курганном некрополе, были получены новые

данные, которые позволили нам более детально представить развитие культуры населения устьевой области р. Танаис на заключительном этапе истории Скифии (*Kopylov*, 2015. P. 103–107; Копылов, Коваленко, 2016. С. 33–44). Детальный анализ всех закрытых строительных комплексов первого порядка, связанных с катастрофами (Копылов, 2015. С. 49–50), а также данных, полученных в ходе работ на оборонительных рубежах городища, позволили отчетливо зафиксировать следы военной акции против столицы восточной региональной области Скифии в третьей четверти IV в. до н.э., в результате которой была потеряна поли-

Рис. 2. Культовое сооружение и находки из закрытого комплекса катастроф

тическая независимость этой области. Археологические материалы свидетельствуют о гибели в 40-х годах этого столетия общественного сакрального сооружения и связанных с ним строительных комплексов (Копылов, 2015. С. 121–135) (рис. 2). В это время в структуре скифского городища появляется греческий отдельный квартал, а также возникают монументальные курганы группы «Пять братьев». Мы полагаем, что все эти события связаны с военной акцией Боспорского государства против скифов, контролировавших устьевую область реки Танаис (Копылов, Коваленко, 2015. С. 86–90). Окончательно установить свою власть в восточной региональной области Скифии Боспору удалось только в конце IV в. до н.э. после того, как скифское население покинуло этот район и на месте Елизаветовского скифского городища Боспор основал свою колонию (рис. 3). Эта колония за неповиновение была жестоко уничтожена Боспорским государством в 70-х годах III в. до н. э. с использованием торсионных машин (Копылов, Коваленко, 2016. С. 973–980).

Расположенный в дельте Дона обширный курганный некрополь, составляющий с Елизаветовским поселением единый историко-культурный и археологический комплекс, является одним из наиболее полно исследованных могильников скифского времени Северного

Рис. 3. Строительные комплексы греческой колонии и фрагменты кратеров

Причерноморья. За все годы исследований Елизаветовского некрополя было раскопано свыше 300 курганов, содержащих более 400 погребений скифского времени, из которых 273 надежно документированы. Казалось бы, ничего нового в курганах обнаружить уже невозможно. Однако недавние исследования в «западной» группе курганного некрополя принесли принципиально новые открытия. Нами было подтверждено указание П.И. Хицунова о том, что отдельные большие курганы «построены были из комков и пластов умешанной глины из сырцового землебитного кирпича, рядами кладенного» (Хицунов, 1869. Л. 67). Наиболее показательным в этом плане является курган № 109, самый большой в «западной» группе курганов (рис. 4). Раскопками установлено, что первоначальная насыпь была сооружена в эпоху бронзы, а позже, в скифское время, она была перекрыта насыпью сложной конфигурации с использованием материкового выкида, камыша и глинобитных конструкций, которые характерны для скифских элитных курганов. Удалось проследить последовательность сооружения погребального комплекса, которую можно реконструировать следующим образом. В центральной части будущего кургана была подготовлена обширная площадка. В центре этой площадки соорудили могильную яму погребения № 1. Выкид из могильной ямы был выложен вокруг нее в виде

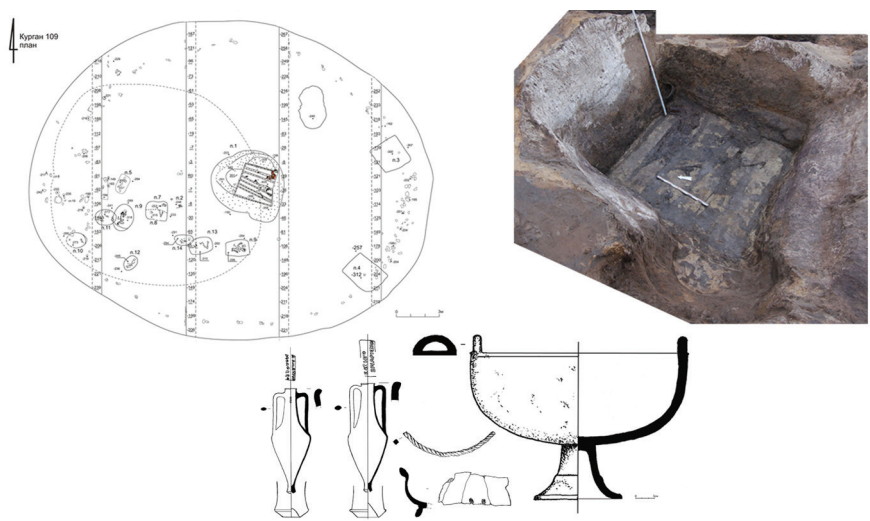

Рис. 4. Курган № 109 и находки из центрального погребения

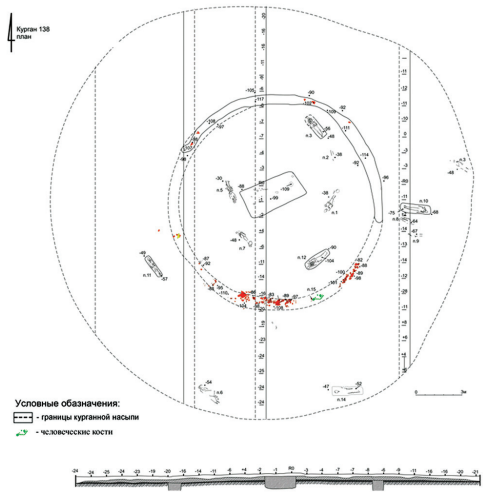

Рис. 5. Курган № 138

Рис. 7. Курган № 107, погребение — кенотаф

Рис. 6. Курган № 138, погребение № 1 и № 11; инталия из погребения № 11

мощного вала, часть которого сооружена из глинобитных «кирпичей». После этого вся площадка, вал вокруг погребального сооружения и стенки могильной ямы были покрыты мощным слоем камыша. Хотя погребение было ограблено в древности, однако наблюдения и находки, сделанные в ходе его исследования, позволяют существенно дополнить наши сведения о характере погребальных сооружений и сопровождающего инвентаря в элитных курганах степной Скифии. Дата погребения определяется клейменными гераклейскими амфорами 80–70-х годов IV в. до н. э. В кургане № 138, который также следует отнести к группе элитных, впервые было зафиксировано большое количество погре-

бений под одной насыпью и наличие человеческих жертвоприношений в момент совершения погребальной тризны (рис. 5). В двух погребениях были сделаны неординарные находки (рис. 6). В кургане № 107, как нам представляется, открыто первое в Елизаветовских курганах погребение — кенотаф (рис. 7). Важно отметить, что вся серия погребений, открытая в «западной» группе курганов, датируется временем не позже 40-х гг. IV в. до н. э.

Литература

Болтрик Ю. В. Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сборник научных трудов, посвященный 65-летию проф. В. П. Копылова / отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д., 2013. С. 193–202.

Копылов В. П., Коваленко А. Н. Предметы вооружения из материалов Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища в дельте Дона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой. Кагальник, 26–29 апр. 2014 г. / отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 86–90.

Копылов В. П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования: сборник научных работ. / отв. редактор В. Н. Зинько. Керчь, 2015. Вып. XXXI. С. 121–134.

Копылов В. П. Коваленко А. Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV в. — первой трети III в. до н. э // Stratum plus. № 3. Третий до… Потерянное столетие / отв. ред. И. В. Бруяко. 2016. С. 33–44.

Копылов А. В., Копылов В. П. Закрытые археологические комплексы катастроф в материалах Елизаветовского городища на Дону // The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013 / eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warsaw: Inst. of Archaeology University of Warsaw, 2017. P. 139–148.

Хицунов П. И. Архив ИИМК. 1869. Ф. 1. Д. 10. Л. 67.

Kopylov V. P. New data on the dynamics of relations between Greeks and Barbarifns at the mouth of the Tanais river in the final stage of Scythian history (5th–3rd centuries BC) // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD): Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities. Belgrade, 17–21 Sept. 2013 / ed. by G. R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2015. P. 105–108.

***А. В. Безруков*[1], *В. В. Улитин*[2]**

[1] Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия
[2] Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Категории античной керамики в Прикубанье и в междуречье Волги и Урала: проблемы изучения ее функционального использования и роли в культуре варваров[1]

Для цитирования: *Безруков А. В., Улитин В. В.* Категории античной керамики в Прикубанье и в междуречье Волги и Урала: проблемы изучения ее функционального использования и роли в культуре варваров // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 202–208.

***Andrey V. Bezrukov*[1], *Vladislav V. Ulitin*[2]**

[1] Nosov Magnitogorsk State Technikal University, Magnitogorsk, Russia
[2] Kuban State University, Krasnodar, Russia

Categories of antique ceramics in the Kuban region and in the interfluve of the Volga and the Urals: problems of studying its functional use and role in barbarian culture

For citation: Bezrukov A. V., Ulitin V.V., 2022. Kategorii antichnoy keramiki v Prikuban'ye i v mezhdurech'e Volgi i Urala: problemy izucheniya eyo funktsional'nogo ispol'zovaniya i roli v kul'ture varvarov [Categories of antique ceramics in the Kuban region and in the interfluve of the Volga and the Urals: problems of studying its functional use and role in barbarian culture]. *Periodizatsiya i tipologiya ark-*

[1] В расширенном виде доклад был опубликован в виде статьи в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры», М. — Магнитогорск — Новосибирск // Безруков А. В., Улитин В. В. Категории античной керамики в Прикубанье и междуречье Волги и Урала: проблемы изучения функционального использования и роли в культуре варваров. 2018. № 1 (59). С. 80–88. *(от ответственного редактора).*

© Безруков А. В., Улитин В. В., 2022.

heologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]. Moscow — Sukhum. P. 202–208.

Сравнительный анализ состава керамического импорта, проведенный для выявления его особенностей в отношении двух регионов — Прикубанья и междуречья Волги и Урала, ближней и дальней варварской периферии соответственно (Безруков, Улитин, 2017), позволяет сравнивать также функции и роль различных категорий античной керамики в быту и культуре варваров этих территорий (оседлых меотов и кочевых сарматов в Прикубанье и кочевых племен в междуречье Волги и Урала). Большой интерес представляет влияние степени удаленности регионов от античных центров на степень и особенности использования античной керамики варварами, а также ее роль в их культуре. При этом под междуречьем Волги и Урала мы подразумеваем территории степной части Приуралья, Южного Урала, Нижнего и Среднего Поволжья. Указанным районам междуречья Волги и Урала на настоящий момент соответствуют территории следующих областей: Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, а также Республики Башкортостан.

Для сравнения выбран период III в. до н.э. — II в.н.э., на протяжении которого в обоих регионах присутствовало сарматское кочевое население и использовалась античная керамика. Рассмотрим ее по категориям.

В обоих регионах среди категорий керамики известны амфоры. Можно уверенно говорить о том, что практически всегда в них поступало вино, поскольку оливковое масло не пользовалось популярностью у варваров. Находки амфор свидетельствуют об употреблении вина и меотами Прикубанья, и кочевым населением обоих регионов. Одной из проблем является оценка импорта вина к сарматам и соответственно степени употребления его ими. Немногочисленность находок амфор у сарматов может быть объяснена либо значительно меньшим в сравнении с оседлыми меотами употреблением вина, либо поступлением его традиционно в большей степени в иной таре — бурдюках, что характерно

для степных районов междуречья Волги и Урала как в более ранние, так и в более поздние эпохи (Брашинский, 1984. С. 186; Акбулатов, 1999. С. 67). В пользу значимости вина как продукта для сарматов свидетельствуют слова Страбона, который из всех товаров, покупавшихся кочевниками в Танаисе, отдельно перечисляет только вино и одежду (Strab. XI, 2, 3), причем упоминание вина первым, вероятно, не является случайным. У меотов вино достаточно рано и прочно вошло в их быт и религиозные представления, о чем свидетельствуют амфоры в погребальных комплексах, ритуальные комплексы и копирование таких категорий посуды для вина, как канфары (Улитин, 2016. С. 220–225). Об определенной роли вина и в религиозных представлениях сарматов могут свидетельствовать редкие находки амфор в сарматских погребениях, их фрагментов на культовых площадках Лебедевского могильника, связанных, скорее всего, с умилостивительными обрядами (Мошкова, 1989. С. 212), а также изображение на золотом фаларе из Северского кургана, по словам Д.С. Раевского, воспроизводящее мотивы, «характерные для античного дионисийского культа и, видимо, как-то реинтерпретированные в сармато-среднеазиатской среде» (Раевский, 1988. С. 449).

Вино могло составить конкуренцию кисломолочным алкогольным напиткам самих сарматов, выступить достойным их заменителем, хотя степень такого замещения опять же неизвестна. Можно лишь предполагать, учитывая особую насыщенность разнообразными импортными предметами погребений в курганах «Золотого кладбища», что представители сарматской дружины, похороненные в них (там обнаружено три амфоры) (Ждановский, 2015. С. 109–110), могли в большей степени употреблять вино, чем сарматы других территорий.

Все найденные в сарматских могильниках междуречья Волги и Урала целые амфоры, включая светлоглиняные, являются гераклейскими. Возможно, это было связано с относительной дешивизной, крепостью и определенной популярностью гераклейского вина у кочевников, как это предполагается, например, в отношении скифов (Монахов, 1999. С. 19), а также, если брать уже период после середины I в. до н.э. — с преобладанием на северопричерноморских рынках продукции именно этого центра, поставляемой уже в светлоглиняных амфорах. Известные находки амфор других центров в сарматских погребениях Прикубанья дают основания предполагать несколько большее разнообразие в отношении ассортимента вина, употреблявшегося сарматами Прикубанья.

Меоты же употребляли вино целого ряда центров и в достаточно большом количестве, особенно во II в. до н.э. (Безруков, Улитин, 2017. С. 242, 246). Находка гераклейской амфоры в Башкирии (в степной части Южного Приуралья) является одним из важных свидетельств дальнего проникновения вина к кочевникам. Она, даже пустая, представляла определенную ценность, поскольку долго использовалась в кочевом хозяйстве (Монахов, 2006. С. 89), что в целом, однако, не было для него характерно (Монахов, 1999. С. 22). Не исключено, что приобретаемое у греков вино могло в большей степени поступать в междуречье Волги и Урала не в амфорах, а переливаться в том же Танаисе в бурдюки, принадлежавшие самим приехавшим туда сарматам.

Красноглиняная боспорская керамика известна была населению обоих регионов, использовалась в быту и погребальном обряде. Как и кружальная, в целом она привлекала кочевников своим качеством и хорошим внешним видом. Несомненно, ее использование объяснялось также соображениями моды, престижа, что делало ее привлекательной и для меотов. Роль античной керамики у меотов не ограничивалась ее использованием в быту и погребальном обряде. Начиная с середины V в. до н.э. вплоть до II в. до н.э. меоты подражали греческим формам керамики. Это влияние ощущается и позднее, хотя и ослабевает (Лимберис, Марченко, 2016. С. 206). Достаточно заметной была роль красноглиняной керамики и в культуре сарматов Прикубанья. По мнению И. И. Марченко, красноглиняные кувшинчики с горизонтальной ручкой изготавливались специально для кочевников по типичной сарматской моде (Марченко, 1996. С. 108; Лимберис, Марченко, Монахов, 2011. С. 272). Н. Ф. Шевченко отмечает резкое возрастание у сарматов количества красноглиняной боспорской посуды на рубеже II–I вв. до н.э. и поступление в степь серий однотипной керамики, изготовленной с учетом пристрастий местного рынка (Шевченко, 2013. С. 68). В междуречье Волги и Урала мы ничего подобного не наблюдаем. Доля красноглиняной боспорской керамики от общего количества импортной керамики в междуречье Волги и Урала ниже, чем в Прикубанье. Это происходило за счет того, что к сарматам Поволжья поступала в большом количестве не только меотская кружальная посуда прикубанских центров (как к сарматам Прикубанья), но также и донских, а в Южном Приуралье из красноглиняной керамики использовалась в основном среднеазиатская (Безруков, Улитин, 2017. С. 249–252).

Сосуды для благовоний (унгвентарии, бальзамарии) известны на всех рассматриваемых территориях — и у меотов, и у сарматов. Однако, как использовались эти сосуды и сами благовония на варварской территории, до конца неясно. Судя по унгвентариям очень большого размера, найденным в сарматских комплексах Прикубанья и предназначенным, по мнению И. И. Марченко (Марченко, 1996. С. 44), для поставок благовоний на варварские территории, нельзя исключать того, что в этом регионе благовония могли употребляться не только (а может, и не столько) в быту, но и для посмертных ритуалов, как это имело место, например, в погребальной практике боспорских греков. Менее вероятно это для территории междуречья Волги и Урала.

Черно-, буро- и краснолаковая керамика поступала к меотам и сарматам Прикубанья и к сарматам междуречья Волги и Урала. Ее употребление в быту и погребальном обряде, судя по всему, было связано с представлениями о престиже. В междуречье Волги и Урала находки лаковой посуды редки (на Урале и в Прикамье ее практически нет), в основном она малоазийского происхождения, невысокого качества и найдена в погребениях, не содержавших иных импортных предметов (Безруков, Улитин, 2017. С. 249–250). Мегарские чаши найдены в небольшом количестве в погребениях у меотов и сарматов Прикубанья, а также в междуречье Дона и Волги (Скрипкин, 1990. С. 30. Рис. 17, *8–10*). В междуречье Волги и Урала такие находки не зафиксированы. Очень редкие находки лагиносов в Прикубанье известны и в меотских, и в сарматских комплексах, но их нет в междуречье Волги и Урала. Находки фигурных сосудов известны в курганах «Золотого кладбища», но в междуречье Волги и Урала они отсутствуют.

Поскольку о быте кочевых сарматов мы вынуждены судить главным образом по данным могильников, существует еще одна проблема. Мы не всегда можем быть уверены, что конкретным набором керамической посуды, в том числе и античной, положенным в погребение, владелец пользовался и при жизни. Необходимо помнить о существовавшем отборе предметов для погребения, о стремлении положить в него все лучшее.

Такие категории античной керамики, как пифосы, светильники, черепица, терракотовые статуэтки и терракотовые медальоны, известны на меотских территориях, но отсутствуют у сарматов обоих регионов. Это можно связать прежде всего с особенностями хозяйства и быта кочевого населения.

Античная керамика (а также товары, перевозившиеся в ней в том случае, когда она служила тарой для продуктов) вошла в быт варваров и использовалась в погребальном обряде и в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала. Однако ее ассортимент был шире на ближней периферии, кроме того, через керамику греческая культура оказывала большее культурное воздействие на меотов и сарматов Прикубанья. На дальней периферии, у кочевников междуречья Волги и Урала, античная импортная керамика ни в культуре, ни в торговых операциях в сравнении с другими категориями импортных предметов (кружальной керамикой кубанских, донских и среднеазиатских центров) даже в период расцвета торговых связей с античным миром существенной роли не играла.

Литература

Акбулатов И. М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. — IV в. н.э.). Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 1999. 102 с.

Безруков А. В., Улитин В. В. Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н. э. — II в. н. э // Stratum plus. Скифия. Стрела времени / отв. ред. И. В. Бруяко. СПб. — Кишинев — Одесса — Бухарест, 2017. № 3. С. 239–257.

Брашинский И. Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР / отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. С. 174–186.

Ждановский А. М. Некоторые вопросы торгово-экономических связей Прикубанья в сарматское время // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. / Ред. И. В. Кузнецов, И. И. Марченко, В. В. Улитин. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2015. Вып. 3. С. 95–114.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. О греческом влиянии на гончарное производство меотов // Эллинистика в гуманитарном пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции эллинистов, проведенной в рамках объявленного в 2016 г. перекрестного года России и Греции. Краснодар, 21–23 апр. 2016 г. Краснодар, 2016. С. 261–268.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю. Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор // Античный мир и археология. Саратов: Саратовский нац. исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2011. Вып. 15. С. 265–283.

Марченко И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. 338 с.

*Монахов С. Ю. Г*реческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.

Монахов С. Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии // Liber archaeologicae: сборник статей, посвящ. 60-летию Бориса Ароновича Раева / отв. ред. А.В. Симоненко. Краснодар — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 89–93.

Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 153–214.

Раевский Д. С. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 445–450.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Улитин В. В. Вино в религиозных представлениях меотских племен Прикубанья: общая характеристика // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И. С. Каменецкого / отв. ред. А. Н. Гей, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 220–227.

Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов н/Д.: Альтаир, 2013. 152 с.

С. И. Лукьяшко
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Скифский портрет

Для цитирования: *Лукьяшко С. И.* Скифский портрет // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 209–215.

Sergey I. Luk'yashko
Don State Technikal University, Rostov-on-Don, Russia

Scythian portrait

For citation: Luk'yashko S. I., 2022. Skifskiy portret [Scythian portrait]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 209–215.

Изучая историю народа, важно иметь представление об антропологическом типе и физическом облике отдельных его членов. Исследуя народ, мы пытаемся визуализировать его образ. Так уж устроен человек, что кроме рационального ему необходима и эмоциональная составляющая процесса познания. Это характерно для формирования представления о современных народах, но как же быть с теми народами, которые ушли, «канули в Лету»? Как можно заглянуть в лица скифов, чтобы попытаться получить эмоциональное восприятие исчезнувшего народа? В этой теме, казалось бы, археологический материал может

© Лукьяшко С. И., 2022.

дать только опосредованное через материальную культуру восприятие народа. К счастью, это не так.

В начале XX в. у нашего соотечественника поэта А. Блока не было сомнений в том, что скифы были монголоидами.

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

(Блок *А*. Скифы. 1918 г.)

Развитие археологической науки и накопление археологического и антропологического материалов решительно изменили представление об облике скифов.

Высокохудожественные произведения, выполненные в греческих мастерских по скифским заказам или с использованием сюжетов скифских легенд, дают нам возможность разглядеть лица представителей этого исчезнувшего народа. Для реконструкции внешнего вида и лиц скифов сюжеты композиций не главное, важнее обратить внимание на то, что художники изображали скифов с натуры, с документальной точностью, и вряд ли не заметили бы особенности их внешнего вида. Эта документальная точность подчеркивается деталями.

Изображения на предметах торевтики представляют нам лица европеоидного типа, с высоким лбом и крупным носом с широкими крыльями. Лица долихоцефального типа, удлиненные, с выразительными большими глазами. Встречаются и прямые тонкие классические носы (рис. 1, в). Губы от средней толщины до значительной. Волосы длинные прямые. Впереди у некоторых подрезанная на пол-лба челка (рис. 1, в). На некоторых изображениях на пекторали из кургана «Толстая Могила» имеется намек на то, что волосы сплетены в дреды или скручены в косички и спускаются до плеч (рис. 1). Имеются и ленты очелья, подвязывавшие волосы на лбу и по бокам. Дреды — одна из древнейших форм причесок, известная у древних германцев, кельтов, ацтеков. Известна она со II тыс. до н.э. Наблюдались дреды и у иудейских назареев, индийских сади, у исламских дервишей, у христиан-коптов. Дреды — это естественное состояние свободных волос представителей негроидной расы при отсутствии надлежащего ухода. В дреды, похоже, убраны

Рис.1. Фрагменты пекторали из кургана «Толстая могила»

Рис. 2 Изображение скифов на серебряной братине из Гайамановой Могилы

волосы юноши виночерпия (рис. 1, б) и шорника (рис 1, а) на пекторали из Толстой могилы. На большинстве изображений лица обрамляют борода и усы. Бороды бывают длинные, ниспадающие на грудь (рис. 2). Эти большие бороды откровенно противопоставляют скифов эллинам. Скифские усы — густые, большие и свисающие. Эти пышные свисающие усы являются этнографически точной деталью скифского облика и присутствуют на большинстве изображений взрослых скифов.

Имеются и изображение безбородых молодых скифов. Любопытно, что безбородые скифы выполняют хозяйственные работы: доят овец, разливают вино из амфоры. В батальных сценах они всегда терпят поражение от бородатых соплеменников.

Все приведенные примеры скифского портрета были выполнены в греческих мастерских. Эти греческие изображения могут расходиться с реальностью. Но наука располагает способом проверки наблюдений. В современной антропологии имеются хорошо разработанные методики реконструкции лица по черепу (Герасимов, 1949). Основоположником этого метода был русский исследователь, академик, доктор исторических наук и скульптор М. М. Герасимов, основатель школы антропологов. Разработка новых методов работы с антропологическим материалом позволила представить, как выглядели древние жители южнорусской степи.

Яркой страницей этой стороны истории становления метода было исследование костных останков, обнаруженных на территории древнего городища на юго-востоке Симферополя. Изучение руин «крепости» начинается из любопытства, проявленного Александром Ивановичем Султан-Крым-Гирем (Султан Каты-Гирей Крымгиреев), талантливым представителем крымско-татарского народа, к плите, найденной на развалинах и переданной в Одесский музей. И. П. Бларамберг заинтересовался находкой и начал раскопки. Им был обнаружен у развалин башни барельеф. Этой находке предстояла особая судьба. Гипсовые слепки с первой плиты и барельефа были отправлены в Академию художеств в Петербург, где они, к счастью, и сохранились, а оригиналы исчезли.

Систематические исследования городища начались с работ Тавроскифской экспедиции, которую возглавил П. Н. Шульц. В Академии художеств Павел Николаевич среди множества гипсовых слепков нашел отливку с двухметрового рельефа с изображением юного всадника в скифской одежде и слепок с барельефа, на котором были изображены

профили двух скифов: юноши и бородатого скифа. Эти отливки были сняты с исчезнувших оригиналов, обнаруженных на окраине Ак-Мечети в 1827 г.

П. Н. Шульц, конечно, знал о наблюдениях Бларамберга, который смог прочитать затертую надпись на одной плите. Надпись гласила «… Царь Скилур, великий царь, в тридцатый год царствования….». Имя Скилура было известно по сообщениям Страбона и Плутарха, характеризовавших его как мудрого и сильного правителя. Он смог во II в. до н.э. объединить разрозненные скифские племена, с его силой считались ближайшие соседи — Херсонес и Боспор. Ольвия чеканила монеты с его именем в знак покорности или признания его могущества. Утверждалось его поразительное плодородие, у него было то ли 50, то ли 80 детей, что свидетельствует в пользу наличия многоженства у скифов.

В конце 40-х годов в основании разрушенной башни на городище был найден мавзолей царя. В просторной каменной гробнице находилось самое богатое захоронение со скелетом мужчины, одежда которого была богато украшена золотыми бляшками, рядом помещалось дорогое оружие — два меча с золотыми и серебряными обкладками рукоятей, бронзовый шлем с серебряной инкрустацией, у бедра колчан, украшенный золотыми пластинами. Сомнений не было, что это погребение знатного скифа, может быть даже царя. Погребение по сопровождающему инвентарю датировалось II в. до н. э. Изучение останков позволило видеть в погребенном сильного и довольно крепкого мужчину, европеоида с длинным и массивным черепом, носом с небольшой горбинкой. Умершему на момент смерти было не более 40–45 лет.

Череп был передан для реконструкции М. М. Герасимову в 1946 г. Реконструкция была выполнена и, для придания исторической достоверности, дополнена скифской прической и бородой. Каково же было удивление свидетелей этой работы, когда они открыли портретное сходство реконструированного образа с изображениями на монетах и на найденном на месте мавзолея барельефе скифского царя Скилура (рис. 3, б). На портретах, так же, как и на обнаруженном черепе, хорошо была видна деформация черепа и нос с горбинкой.

Используя разработанный М. М. Герасимовым метод, его ученики и последователи восстановили по черепам лица ряда безвестных скифов. И с этих реконструкций на нас взирают лица давно исчезнувшего народа (рис. 4). Не все реконструкции могут быть признаны удачными.

а

б

Рис. 3. Царь Скилур. а) Реконструкция М.М.Герасимова;
б) Барельеф с изображением Скилура и Палака

а

б

Рис. 4. Реконструкции по черепам скифов

Мое недовольство вызывают нескифские прически, бороды и усы. Но антропологический тип скифов не вызывает сомнения — это широколицые европеоиды с выразительными крупными глазами, с богатой растительностью на лице, с густыми бородами и большими вислыми усами. Волосы на голове длинные, ниспадающие на плечи, убирались в косички — дреды, иногда подвязывались лентой очелья.

Накопление нового археологического и антропологического материала наверняка будет корректировать этот образ, выросший из небытия, но сегодня он видится нам таким.

Литература

Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 189 с.

Д. А. Топал
Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова

Между Кавказом и Балканами. Генезис скифского клинкового оружия в Трансильвании и Южных Карпатах

Для цитирования: *Топал Д. А.* Между Кавказом и Балканами. Генезис скифского клинкового оружия в Трансильвании и Южных Карпатах // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 216–221.

Denis A. Topal
High Anthropological School University, Kishinev, Moldova

Between the Caucasus and the Balkans. Genesis of Scythian bladed weapons in Transylvania and the Southern Carpathians

For citation: Topal D.A., 2022. Mezhdu Kavkazom i Balkanami. Genezis skifskogo klinkovogo oruzhiya v Transil'vanii i Yuzhnykh Karpatakh [Between the Caucasus and the Balkans. Genesis of Scythian bladed weapons in Transylvania and the Southern Carpathians]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 216–221.

Скифский акинак представляет единую культурную традицию кочевого населения Евразийского степного пояса с начала VII в. по конец IV в. до н. э., т.е. от появления скифов на исторической арене до гибели классической скифской культуры. При этом прямое или косвенное,

© Топал Д. А., 2022.

полное или частичное заимствование этого типа оружия скифской культуры придало ему надкультурный характер. Территориально акинаки распространены по всей Евразии, от Северного Китая до Западной Польши, включая такие регионы, как Северный Китай, Южная Сибирь, Семиречье, Волго-Уралье, Северное Причерноморье, Карпато-Подунавье. С самой западной периферии происходит более 200 единиц клинкового оружия и деталей ножен, найденных на территории Республики Молдова, Румынии, Болгарии, Украины, Сербии, Венгрии, Словакии, Чехии и Польши. Это арелы собственно скифской, гетской, лужицкой культур, культур Чумбруд в Трансильвании, Векерзуг в Альфельде, Западноподольской группы и группы Фериджиле-Бырсешть. Это около 20% всех находок скифских мечей и кинжалов с территории Восточной Европы. При этом Трансильвания и Южное Прикарпатье резко выделяются даже на западе ареала скифского акинака. Всего из этого региона известно 55 экземпляров, причем большая часть (41) — из комплексов. Другой замечательной особенностью этих двух регионов является их хронологическая позиция — большая часть трансильванских и валашских изделий относится к раннескифскому периоду. Подобно Кавказу и Приднепровской лесостепи, эти регионы можно считать основными центрами типообразования скифского клинкового оружия. Постараюсь раскрыть его характер на основе нескольких сюжетов.

Сюжет первый. Переосмысление раннескифских традиций

Очевидно, что скифский акинак — продукт «кавказской лаборатории» и возникает, скорее всего, на основе биметаллических кинжалов кабардино-пятигорского типа Северного Кавказа. Неудивительно, что, изменив морфологию клинкового оружия, мастера долгое время придерживаются биметаллизма в изготовлении рамочных рукоятей мечей и кинжалов типа Гудермес. Первые образцы биметаллических акинаков типа Гудермес возникли на рубеже VIII–VII вв. до н.э. на Кавказе, верхняя граница типа охватывает середину VII в. до н.э. К этому типу можно отнести рукоять биметаллического меча из разрушенного погребения у с. Стремц в Трансильвании и случайную находку у городища Орбяскаде-Сус, на Нижнедунайской равнине. Но не только. В раннескифское время в Трансильвании и Валахии происходит творческая переработка гудермесских и келермесских традиций, что обусловило появление в Трансильвании акинаков типа Посмуш и Делений, а в Валахии — типа

Фериджиле 2-й пол. VII в. — рубежа VII–VI в. до н. э. Комплексы с кинжалами *типа* Посмуш датируются по шипастым наконечникам стрел, кольцам с проушинами, бронзовым бляхам в рамках 2-й пол. VII в. до н. э. Среди них: погребения могильника Мэришелу, Будешть-Фынаце, Аюд-«Парк» и разрушенное погребение у с. Посмуш. Меч типа Посмуш из возможного погребения у с. Фирминиш изготовлен целиком из бронзы, включая ножны с орнитоморфным окончанием. Окончание ножен фирминишского меча имеет многочисленные кавказские аналогии 2-й пол. VII в. до н. э. Мечи из могильника Фериджиле, Куртя-де-Арджеш, Плоешть и Лэчень А. Вулпе объединил в тип Фериджиле-Лэчень 1-й пол. VI в. до н. э. Данный тип морфологически близок к келермесскому типу и, по всей видимости, генетически с ним связан, на что указывает характерное трехчастное сечение рукояти, массивное бабочковидное (или усеченно-бабочковидное) перекрестье, вытянутое навершие. Другая трансильванская вариация на тему келермесского типа — *тип* Делений датируется по шипастым стрелам архаического облика концом VII в. до н. э. или 2-й пол. VII в. до н. э. по железным трехдырчатым псалиям типа Фюгед. Характер распространения раннескифского клинкового оружия позволяет заключить, что проникновение акинаков (вместе с их носителями) в Карпато-Подунавье проходило двумя основными маршрутами: на начальном этапе — по северной границе лесостепи в Трансильванию и чуть позднее — по южной границе, через Бэрэганскую степь в Южное Прикарпатье.

Сюжет второй. Антенные навершия

Необычное оформление навершия акинаков в виде антенн или волют довольно рано обратило на себя внимание исследователей скифского клинкового оружия. Кроме того, именно форма навершия является основой практически всех известных классификационных схем скифских мечей и кинжалов. Исследователи давно обратили внимание на удивительную схожесть этого типа украшения акинаков с теми, что изготавливались в эпоху поздней бронзы и гальштата в Средней Европе. Однако для самих центральноевропейских кинжалов антенное навершие — явление довольно позднее и фиксируется не ранее HaB. А у черногоровско-новочеркасских мечей и кинжалов антенные навершия все еще неизвестны; время появления антенного навершия — 2-я пол. VII в. до н. э. С этого момента простые антенные навершия появляются независимо

друг от друга в трех регионах: на Северном Кавказе, в Приднепровской лесостепи и в Карпато-Подунавье. В Трансильвании кинжалы с антенным навершием были найдены в древнейших погребениях группы Чумбруд, которые датируются по келермесским наконечникам стрел сер. VII в. до н. э. А. Вулпе выделил кинжалы из Теюш и Кристешть в отдельный тип, присовокупив находки из погребений у Фраты, Батоша, Чипэу и, возможно, Аркиты. Этот тип — *тип* Фрата, по его мнению, относится ко 2-й пол. VII в. до н. э. К раннескифскому времени также относится меч с антенным навершием из кургана 44 могильника Фериджиле конца VII в. — VI в. до н. э. Для раннескифского времени антенное навершие является скорее экспериментальным исключением, а не оформленной традицией. Амбивалентность в оформлении навершия демонстрирует сама история скифского клинкового оружия на протяжении всех периодов, начиная с раннескифского. Так, нам известны келермесские акинаки с антеннами или волютами. В среднескифский период антенны нам известны на акинаках типа Шумейко, Феттерсфельде, однолезвийных мечах типа Ноград. Время широкого распространения антенных наверший — финал среднескифской эпохи (2-я пол. VI в. —V в. до н. э.). С середины VI в. на территории Европейской Скифии появляются акинаки с орнитоморфным навершием, не связанные с раннескифскими центрами производства акинаков. По всей видимости, появление орнитоморфных и зооморфных наверший укладывается в рамки общей евразийской традиции — грифовые кинжалы в это время распространяются в Волго-Уралье, Семиречье, Саяно-Алтае и Северном Китае. Реалистичное орнитоморфное навершие типа Гэйчана появляется на широкой серии мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем 2-й половины VI в. — 1-й пол. V в. до н. э. Но Трансильвания в развитии этого типа участия не принимает.

Сюжет третий. Однолезвийное оружие

Карпато-Дунайский регион также характеризует компактная серия однолезвийных мечей типа Ноград, ареал которых не выходит за пределы Среднего Подунавья, Трансильвании и Южного Прикарпатья. Появление этой гибридной формы А. Вулпе интерпретирует как своеобразную адаптацию скифского акинака к предпочтениям местного населения, для которого излюбленным оружием был боевой нож. Бросается в глаза сходство с Т-образными навершиями боевых ножей

типа Басарабь, связанных своим происхождением с общей для Балкан традицией изготовления однолезвийного оружия. Самые ранние комплексы с однолезвийными мечами типа Басарабь относятся к началу HaC. К хорошо датированным относится курган 2 могильника Балта Верде ступени Басарабь II, который датируют началом HaC (или даже концом HaB_3), погребение 7 кургана B у г. Подилияк (восток Боснии) с инвентарем, типичным для ступени Глазинац IV-B середины HaC, погребение 181 могильника Фрег (юг Австрии) ступени Frög 3, HaC. Мечи данного типа встречаются от Среднего Подунавья до Приальпийской зоны, близкие по оформлению клинка и рукояти есть и на Адриатическом побережье Италии, в Пицене, где тоже связаны с Западными Балканами. Уже в период HaC_2 на восточном побережье Адриатического моря появляются однолезвийные мечи типа Тржище-Донья Долина без наверший, которые уже в HaD_1 сменяются мечами типа Шмихель. Схожие эволюционные процессы идут в районе Железных ворот — место мечей типа *Басарабь* занимают однолезвийные клинки без наверший *типа Г*огошу. По всей видимости, к моменту проникновения в регион скифов часть населения культуры Басарабь переселяется севернее, в Южное Прикарпатье и Трансильванию. Пожалуй, именно этим обстоятельством можно объяснить появление однолезвийных акинаков с Т-образной рукоятью *типа* Ноград именно в предгорьях Южных Карпат и горах Апусень на юго-западе Трансильвании. Наибольшая концентрация погребений с мечами типа *Ноград* — в восточной части Западно-Румынских Карпат (горы Апусень).

Скифской основой для акинаков типа *Ноград*, судя по всему, послужили акинаки типа *Шумейко*, распространившиеся на рубеже раннего и среднескифского периода. На это указывают особенности однолезвийных акинаков типа *Ноград*, характерные для типа *Шумейко*: узкий вытянутый клинок (часто треугольной формы), массивное почковидное перекрестье, двухчастность рукояти и украшение ее поперечными насечками, узкое вытянутое перекрестье. Подобно мечам и кинжалам шумейковского типа, акинаки типа *Ноград* возникают в конце VII в. — начале VI в. до н. э., и используются фактически до конца столетия. Вообще однолезвийные акинаки встречаются не только в Карпато-Балканском регионе, но и в Причерноморье и на Кавказе. При этом в Причерноморье однолезвийные акинаки, скорее всего, являются не более чем экспериментальной попыткой, не получившей широкого распространения. На

Кавказе же, напротив, традиции однолезвийных кинжалов восходят к более раннему времени, к местным кобанским традициям, возможно, закавказского происхождения.

Подведем итоги. Подобно Северному Кавказу и Приднепровской лесостепи, регион Трансильвании и Южного Прикарпатья можно считать одним из центров типообразования скифского клинкового оружия. Именно здесь в раннескифское время происходит творческая переработка гудермесских и келермесских традиций, что обусловило появление в Трансильвании акинаков типа Посмуш и Делений, а в Валахии — типа Фериджиле 2-й пол. VII в. — рубежа VII–VI вв. до н. э. Характер распространения раннескифского клинкового оружия позволяет заключить, что проникновение акинаков (вместе с их носителями) в Карпато-Подунавье проходило двумя основными маршрутами: на начальном этапе — по северной границе лесостепи в Трансильванию и чуть позднее — по южной границе, через Бэрэганскую степь в Южное Прикарпатье. На территории Трансильвании зафиксирована и одна из самых ранних находок акинака с антенным навершием *типа* Фрата 2-й пол. VII в. до н. э. Карпато-Дунайский регион характеризует компактная серия однолезвийных мечей типа Ноград, ареал которых не выходит за пределы Среднего Подунавья, Трансильвании и Южного Прикарпатья. Основой для акинаков типа *Ноград*, судя по всему, послужили акинаки типа Шумейко, распространившиеся на рубеже ранне- и среднескифского периода, и какие-то иллирийские традиции. В финале среднескифского времени скифские мечи и кинжалы характерны исключительно для периферии региона, что может свидетельствовать о постепенном выходе Трансильвании и Южного Прикарпатья из-под скифского влияния. А отсутствие акинаков в регионе для классического периода позволяет отнести завершающую фазу этого процесса ко времени не позднее середины V в. до н. э.

***М. Ю. Русаков*[1], *А. А. Русакова (Марченко)*[2]**

[1, 2] Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
[2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Хронология и типология костяных застежек раннескифского времени степной зоны Северного Причерноморья[1]

Для цитирования: *Русаков М. Ю., Русакова (Марченко) А. А.* Хронология и типология костяных застежек раннескифского времени степной зоны Северного Причерноморья // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 222–227.

***Mikhail Yu. Rusakov*[1], *Anastasiya A. Rusakova (Marchenko)*[2]**

[1] The Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia
[2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Chronology and typology of bone fasteners of the Early Scythian time of the steppe zone of the northern Black Sea region

For citation: Rusakov M.Yu., Rusakova (Marchenko) A.A., 2022. Khronologiya i tipologiya kostyanykh zastezhek ranneskifskogo vremeni stepnoy zony severnogo Prichernomor'ya [Chronology and typology of bone fasteners of the Early Scythian time of the steppe zone of the Northern Black Sea region]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheolo-ga-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 222–227.

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

© Русаков М. Ю., Русакова (Марченко) А. А., 2022.

В инвентарном наборе погребальных комплексов раннескифского времени особое место занимают костяные изделия, в литературе именуемые грибовидными «столбиками» и «гвоздиками». Использовать их в качестве индикаторов раннескифских погребений предложила О.Р. Дубовская (Дубовская, 1989. С. 44). Первая сводка комплексов, содержащих эту категорию инвентаря, приведена в работе «Скифские лучники» Е. В. Черненко, для которого была несомненна связь «столбиков» и «гвоздиков» с горитом, исходя из частого их нахождения совместно с наконечниками стрел и костяными или бронзовыми застежками (Черненко, 1981. С. 33–36). Целевое назначение этих изделий до конца не установлено: обычно их рассматривают либо как элемент декора (там же. С. 33), либо в качестве предметов крепления (Клочко, 1977. С. 50). Были также попытки включить грибовидные «столбики» и «гвоздики» в состав конской сбруи (Галанина, 1985. С. 162). Кроме того, О.Р. Дубовская высказала предположение об использовании грибовидных застежек, среди прочего, в качестве деталей одежды (Дубовская, 1990. С. 185).

Еще одна категория раннескифских костяных изделий — застежки-«палочки» — также не раз привлекала внимание исследователей. Е. В. Черненко, собравший все известные на тот момент комплексы с подобными застежками, прочно связал их с горитом, основываясь в том числе и на изображениях скифских лучников на предметах торевтики. По его мнению, костяные «палочки» использовались «для застегивания клапанов на карманах для стрел» (Черненко, 1981. С. 36). Ю. Б. Полидович предложил типологию застежек-«палочек», выделив три типа и на их основании составив хронологическую шкалу для раннескифских комплексов степной зоны Северного Причерноморья (Полидович, 1994. С. 189–191).

В 2013 г. на IV Международной абхазской археологической конференции С. И. Лукьяшко выступил с предложением о создании для костяных застежек собственной типологии, а также хронологии, основывающейся на материалах, имеющих наиболее точную дату (Лукьяшко, 2013. С. 66).

На сегодняшний день в степной зоне Северного Причерноморья нам известно около 90 раннескифских комплексов; из них 38 содержат костяные застежки (рис. 1). Самый ранний надежно датированный комплекс, содержащий костяные грибовидные застежки — погребение на

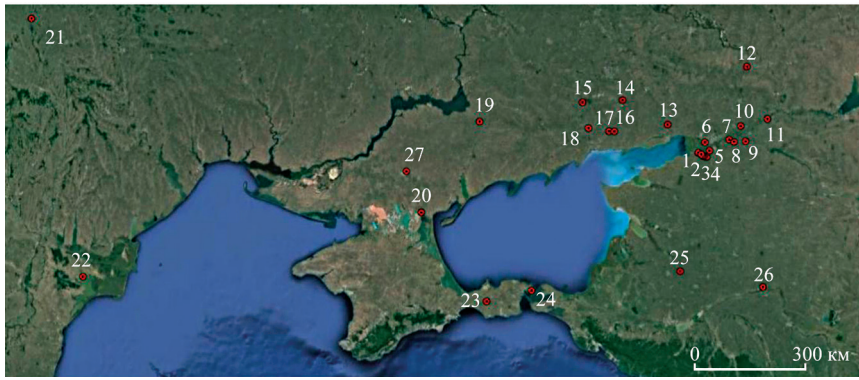

Рис. 1. Карта-схема расположения раннескифских комплексов степной зоны Северного Причерноморья, содержащих костяные застежки: 1 — Красногоровка; 2 — Новоалександровка I; 3 — Высочино V, Высочино I; 4 — Высочино VII; 5 — Койсуг; 6 — Каратаевский могильник; 7 — Дюнный; 8 — Алитуб; 9 — Плоский; 10 — Донской; 11 — Салок I; 12 — Божковка I; 13 — Покровское; 14 — Петровское; 15 — Новоандреевка; 16 — Приморское; 17 — Набережное; 18 — Кременевка; 19 — Таврия; 20 — Новоалексеевка; 21 — Старые Куконешты; 22 — Сабанджия; 23 — Кирово; 24 — Темир-гора; 25 — Новокорсуновская; 26 — Кавказский II; 27 — Нижние Серогозы

Темир-горе. Его дату определяет южно-ионийская архаическая ойнохоя, относимая исследователями либо к 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer, 2005. P. 17), либо к 640–630 гг. до н. э. (Cook, Dupont, 1998. P. 36). Верхняя граница определяется античной керамикой из погребения у с. Новоалександровка, милетская транспортная амфора из которого датируется 1-й пол. VI в. до н. э. (Копылов, 2001. С. 21). Кроме того, известны еще два раннескифских комплекса, в которых костяные грибовидные застежки соседствуют с греческой керамикой — это курган Сабанджия, датируемый фрагментом родосского сосуда последней четвертью VII в. — нач. VI в. до н. э. (Мелюкова, 2001. С. 20), и лесостепной комплекс Репяховатая могила, содержащий милетскую транспортную амфору 1-й пол. VI в. до н. э. (Копылов, Русаков, 2014. С. 94). Таким образом, время бытования костяных застежек в северопричерноморских степях можно определить сер. VII в. — 1-й пол. VI в. до н.э. Также нужно отметить, что на сегодняшний день не известно ни одного степного раннескифского комплекса, который можно было бы надежно датировать 2-й пол. VI в. до н. э. Погребения в регионе появляются

снова лишь в начале V в. до н.э. (могильник Елизаветовского городища). Погребальный обряд отличается от раннескифского, в частности из инвентаря исчезают костяные грибовидные застежки. Все это, видимо, свидетельствует о появлении в регионе нового этнического массива скифов.

Проанализировав имеющиеся на сегодняшний день материалы из раннескифских степных комплексов, мы полагаем, что можно говорить о двух типах костяных грибовидных застежек.

Тип 1 — «столбики». Подобные застежки общим количеством 127 экземпляров встречаются в 30 комплексах. Исходя из морфологических особенностей, данный тип можно разделить на следующие подтипы:

1) костяные цилиндрические застежки с полукруглой головкой, подчеркнутой кольцевой канавкой, и основанием, плоско срезанным на конце (рис. 2, *1*);

2) костяные застежки с полукруглой головкой, подчеркнутой кольцевой канавкой, и короткой плоско срезанной нижней частью (рис. 2, *2*);

3) костяные застежки цилиндрической формы с округлой верхней головкой и плоско срезанной нижней частью (рис. 2, *3*);

4) костяные застежки цилиндрической формы с двумя кольцевыми проточками (рис. 2, *4*).

Связь грибовидных застежек-«столбиков» с горитом хорошо прослеживается в 16 комплексах. В 10 из них застежки соседствуют с наконечниками стрел. Отсутствие наконечников в остальных погребениях не исключает наличия горита (Черненко, 1981. С. 36; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 107). О его присутствии могут свидетельствовать застежки-«палочки», костяные навершия на лук, пятна тлена или само положение «столбиков» и «гвоздиков», аналогичное комплексам, где наличие горита бесспорно. Однако в погребальных комплексах Дюнный и Старые Куконешты помимо застежек, надежно связанных с горитом, также обнаружены «столбики» в районе грудной клетки, по-видимому, являвшиеся деталями одежды.

Тип 2 — застежки-«гвоздики» (рис. 2, *5*) — представляет собой костяные застежки с полукруглой головкой и заостренной ножкой. «Гвоздики» общим числом 31 экземпляр встречены в 7 раннескифских комплексах степной зоны Северного Причерноморья. В 5 из них прослеживается несомненная связь этого типа застежек с нижней частью

Рис. 2. Костяные грибовидные застежки:
***1–4* — застежки-«столбики»;**
5 **— застежки-«гвоздики»**

Рис. 3. Костяные застежки-«палочки»

горита. Два погребения разрушены, что не позволяет установить положение «гвоздиков».

Еще одна категория инвентаря — застежки-«палочки» — была обнаружена в 14 комплексах, в 8 из них они соседствовали с наконечниками стрел. 9 комплексов можно уверенно связать с горитом, в 2 застежки располагались в районе таза, в 3 — у плеча, еще одна обнаружена в заполнении комплекса. Морфологические особенности позволяют выделить застежки-«палочки» трех типов:

1) стержневидная застежка с проточкой посередине (рис. 3, *1*);

2) застежка с вытянутыми скругленными краями и кольцевой проточкой посередине (рис. 3, *2*);

3) застежка с коническими головками на краях и кольцевой проточкой посередине (рис. 3, *3*).

Застежки-«палочки», в отличие от грибовидных застежек, не могут быть использованы как надежный хроноиндикатор раннескифского времени, поскольку время их бытования выходит за пределы VI в. до н.э. (Черненко, 1981. С. 40).

Таким образом, время бытования костяных застежек в северопричерноморских степях на основании комплексов, содержащих импортную греческую керамику, можно определить сер. VII в. — 1-й пол. VI в. до н. э. Разработка более дробной хронологии для костяных застежек представляется в настоящий момент трудновыполнимой.

Литература

Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–165.

Дубовская О. Р. О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркуммеотийского региона // Проблемы охраны и исследования памятников

археологии в Донбассе: тезисы докладов областного научно-практического семинара / ред. коллегия А. В. Колесник, С. М. Дегерменджи, О. Р. Дубовская, М. Л. Швецов. Донецк, 1989. С. 143–145.

Дубовская О. Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4. С. 182–189.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

Клочко В. И. Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборах VI в. до н.э // Новые исследования археологических памятников на Украине / ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1977. С. 47–54.

Копылов В. П. Амфоры архаического периода на Нижнем Дону (последняя треть VII в. — третья четверть VI в. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Материалы IX Международной научной конференции. 25–30 мая 1998 г. / отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д., 2001. С. 20–24.

Копылов В. П., Русаков М. Ю. О верхней хронологической границе колчанных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Международной научной конференции, посвящ. памяти А.И. Мелюковой. Кагальник, 26–29 апр. 2014 г. / отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 91–95.

Лукьяшко С. И. Костяные аксессуары раннескифских горитов (К хронологии раннескифского комплекса) // Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Международная IV абхазская археологическая конференция: тезисы докладов / ред. колл. А. И. Габелия, А. И. Джопуа, Г. А. Сангулия, Р. М. Барцыц. Сухум, 2013. С. 66–67.

Мелюкова А. И. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // РА. 2001. № 4. С. 20–32.

Полидович Ю. Б. К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н. э.: материалы Международной археологической конференции / отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь, 1994. С. 189–191.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.

Cook J. M., Dupont P. East Greek Pottery. London & New York: Routledge, 1998. 259 p.

Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System of East Greek Pottery // Ancient West and East. 2005. Vol. 4, № 1. P. 1–56. Brill — Leiden — Boston.

О. И. Шафранова
Северокавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Женские украшения из Куланырхвского некрополя в семиотической интерпретации

Для цитирования: *Шафранова О. И.* Женские украшения из Куланырхвского некрополя в семиотической интерпретации // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 228–234.

Ol'ga I. Shafranova
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Women's jewelry from the Kulanyrkhva necropolis in a semiotic interpretation

For citation: Shafranova O. I., 2022. Zhenskiye ukrasheniya iz Kulanyrkhvskogo nekropolya v semioticheskoy interpretatsii [Women's jewelry from the Kulanyrkhva necropolis in a semiotic interpretation]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 228–234.

Комплексная реконструкция погребального инвентаря позднебронзовой эпохи традиционно представляет значительный исследовательский интерес, что определяется двумя существенными обстоятельствами. С одной стороны, синхронные некрополи позволяют качественно исследовать антропологический контекст избранной эпохи, формируя адекватные представления о физиологических и демографических осо-

© Шафранова О. И., 2022.

бенностях рассматриваемой человеческой общности. Современная исследовательская методология, опирающаяся на растущие возможности естественных наук, определяет благоприятные перспективы комплексной реконструкции не только конкретного биологического образа древнего человека, но и сложной эволюционной системы межрегиональных связей отдельных социумов (Дубова, Куфтерин, 2015). В другом ракурсе каждый некрополь является своеобразным отражением не только погребального обряда, но и более широкого культурного контекста, охватывающего разнообразные представления об окружающем мире. Мировоззренческие стереотипы, зафиксированные в синкретических памятниках материальной культуры, требуют специальной интерпретации, реальную основу которой может составить семиотическая атрибутация внешних образов, содержащаяся в оригинальных металлических и каменных изделиях. Следует заметить, что знаковые системы отдаленных эпох могут быть реконструированы с достаточной точностью только в рамках системного диалога альтернативных концепций, отражающих оригинальный взгляд современного автора и лишенных догматического стремления к последовательному формированию однозначных оценочных суждений.

В современной исторической науке особое значение придается потенциальным способностям отдельного исследователя, связанным со своеобразным ментальным включением в сложный социокультурный контекст рассматриваемого хронологического периода. Профессиональный историк нередко искусственно погружается в сложный знаковый мир избранной эпохи, идентифицируя собственную гносеологическую парадигму с познавательными практиками генетических предшественников. Как представляется, многие выдающиеся археологи XX столетия оказались в уникальной ситуации, начиная реальную исследовательскую деятельность на малой родине, природный и культурный ареал которой являлся естественной средой для будущих ученых. Яркой иллюстрацией отмеченной тенденции является творческий путь М. М. Трапша, родное село которого — Куланырхва — стало отправной точкой научной деятельности начинающего исследователя. Куланырхвский некрополь содержал богатейший материал, включающий разнообразный керамический инвентарь, бронзовое и железное оружие дифференцированных типов, металлические элементы конской сбруи. Каждый материальный предмет рассматриваемого погребального комплекса

заслуживает отдельной семиотической интерпретации, осуществляемой в широком региональном контексте, выходящем за географические границы Большого Кавказа. Однако специальным объектом предлагаемого исследования являются женские украшения Куланырхвского некрополя, традиционно играющие значимую роль в реконструируемых знаковых системах древних обществ.

В культурном контексте Западного Кавказа позднебронзовой эпохи местная женщина играет особую роль, не сводимую к распространенному образу покорной хранительницы домашнего очага. В предшествующей историографической традиции с избранным периодом связывают не только искусное изготовление колхидских и кобанских металлических топоров, но и последовательное формирование различных сюжетов общекавказского Нартского эпоса, отчетливо иллюстрирующих естественную связь материальной культуры с духовным миром древних людей (Салакая, 1976; Джапуа, 1995; Алексеева, 1949; Алиева, 1969; Аншба, 1971; Гадагатль, 1967; Крупнов, 1960; 1969а; 1969б). Знаменитая мать героических нартов Сатана (в абхазской версии — Сатаней Гуаша) играет значимую роль не только в семейной жизни, но и в общественной деятельности, выступая в качестве мудрой советчицы и неутомимой помощницы многочисленных сыновей. В традиционном обществе отдельные элементы повседневного и праздничного костюма, в том числе и разнообразные украшения, позволяли адекватно отразить социальный статус отдельной личности (Саввинов, 1999). Как представляется, семиотический анализ женских украшений из Куланырхвского некрополя может стать принципиальным фундаментом специального исследования, отражающего особую гендерную роль прекрасной половины местного общества позднебронзовой эпохи.

В рамках рассматриваемого погребального комплекса наиболее массовую часть профильных находок составили бронзовые браслеты, которые М. М. Трапш классифицировал по семи типологическим группам (Трапш, 1970. С. 145–147). Далеко не все представленные металлические изделия могут быть атрибутированы как исключительно женские украшения, соответствующие гендерному признаку по внешним параметрам и целевому назначению. В частности, по справедливому замечанию М. М. Трапша, бронзовые браслеты первой группы могли быть предназначены не только для постоянного исполнения внешних эстетических функций, но и для военного использования в качестве

«оборонительного оружия, служившего для защиты рук от удара боевого топора» (Трапш, 1970. С. 145). Зато рассматриваемые украшения второго и седьмого классификационного ряда обладают «женскими» параметрами внутреннего диаметра, не превышающего 5 см, и внешнего дизайна. Согласно лаконичному описанию абхазского археолога, «ко второму типу принадлежат два широких желобчатых браслета… у обоих браслетов двускатная наружная поверхность… кругло-овальный просвет этих браслетов составляет 4–5 см, что больше соответствует женской руке» (Трапш, 1970. С. 146). Женское украшение седьмой выделенной классификационной общности описывается как «пластинчатый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами», причем реберная часть делит основную часть на два равных продольных желобка (Трапш, 1970. С. 148–149). По мнению исследователя бронзового века Южного Зауралья и Казахстана Е. В. Куприяновой, подобные бронзовые предметы функционально выполняли своеобразную роль нарукавных манжетов, а в семиотическом смысле выступали в качестве профильного оберега, перекрывавшего физический доступ злых духов к материнскому телу (Куприянова, 2007. С. 96). Как представляется, предложенная интерпретация может быть соотнесена с кавказским культурным контекстом, в частности с осетинским мифологическим представлением о так называемых зедах, обладающих вредоносным телесным воздействием на людей и представленных в известном цикле нартовских сказаний о Батрадзе (Дюмезиль, 1991; Дзадзиев, 1994).

Бронзовые и железные фибулы и цепочки, составляющие самостоятельный комплекс металлических украшений из Куланырхвского могильника, не могут быть в соответствии с имеющимися данными атрибутированы как однозначно женские обиходные украшения. Однако следует отметить, что они могли в равной степени использоваться обеими гендерными группами, выполняя не только утилитарную роль, но и знаковую функцию. Металлическая фибула, как и ручной браслет, предотвращает физический доступ злых духов к человеческому телу. Бронзовые и железные цепочки выполняют сходную семиотическую роль в различных культурных традициях, выступая в качестве уменьшенной копии кругового солярного оберега. Определенный интерес представляют также очкообразные привески, размещенные на конечных звеньях одной из бронзовых цепочек (Трапш, 1970. С. 152). Известный отечественный исследователь Б. Н. Граков атрибутировал

подобные изделия на материале гальштатской и лужицкой археологических культур Средней Европы, указывая на возможное орнитоморфное изображение тотемной птицы (в европейской версии — сокола) (Граков, 1977. С. 172). На кавказском материале можно предположить изначальное размещение другого орнитологического прототипа — горного орла, выступающего грозным противником главных героев нартских сказаний (Куек, 2014).

Следует выделить также одиночные находки металлических украшений, имеющих достаточно очевидную «женскую» атрибутацию. К указанной группе следует отнести серебряные серьги, представленные в «виде пары колец из круглого отшлифованного прута с утонченными слегка заходящими друг за друга концами» (Трапш, 1970. С. 154). В семиотическом смысле природное серебро традиционно рассматривалось как лунный металл, а одноименное ночное светило предстает в большинстве зафиксированных версий нартского эпоса как сравнительный эталон женской красоты (Зухба, 2012). Одиночными находками остались также бронзовые крестообразная подвеска и булавка, причем первый предмет является типологически распространенным в колхидо-кобанской среде и встречающимся в широком ареале Северного Причерноморья (Скаков, 2013), а второй памятник материальной культуры имеет уникальный характер и неразрывно связан с Куланырхвским некрополем (Трапш, 1970. С. 154–155). В семиотическом ракурсе сакральный крест традиционно является своеобразным отражением сложной бинарной оппозиции, разделяющим «верхний» и «нижний» мир в религиозном, социальном и широком культурном измерении (Осташова, 2004). Соответствующее разделение присутствует в абхазо-адыгском мифологическом пантеоне и в Нартском эпосе, а потому может быть атрибутировано аналогичным образом и в синкретической культуре Западного Кавказа позднебронзовой эпохи.

По обоснованному мнению М. М. Трапша, наиболее многочисленную инвентарную часть Куланырхвского некрополя составляют различные бусы, изготовленные из металлических заготовок, полудрагоценных камней и обработанного стекла. Подобные украшения традиционно рассматриваются как естественное отражение кругового солярного символа, замкнутого в периферийном пространстве и защищенного повсеместно от потенциального проникновения злых духов (Осташова, 2004. С. 167). Более того, металлические и каменные бусы, замкнутые в классическую цепь скрепляющей нитью, создавали более мощный оберег, удваива-

ющий магический эффект обычного круга. Солярная круговая символика является также важнейшим семиотическим элементом Нартского эпоса, одним из главных персонажей которого является солнечный герой Батрадз, а Бальсагово колесо добивается полной победы над грозным Сосруко. Особого внимания заслуживает единичная находка целой янтарной бусины, имеющей оригинальную форму усеченной четырехгранной пирамиды (Трапш, 1970. С. 156). У многих средиземноморских народов пирамидальная форма являлась латентным символом могущественного огня, который в кавказских условиях естественным образом локализовался в ограниченном пространстве кузнечной мастерской, занимаемой одним из главных нартских героев — мифическим кузнецом Тлепшем (Айнар-Ижий в абхазских сказаниях). Как представляется, пирамидальная бусина являлась уменьшенным отражением огненной стихии, украшая женское ожерелье, принадлежащее, возможно, личной спутнице кузнечного мастера.

В целом необходимо признать, что разнообразный инвентарь Куланырхвского некрополя предоставляет современному исследователю интересный материал для семиотического конструирования, позволяющего более глубоко проникнуть в сложный мир синкретической духовной культуры древнейших жителей Западного Кавказа.

Литература

Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ. Сер.: исторических наук. Археология / отв. ред. М. И. Артамонов. Л., 1949. С. 191–257.

Алиева А. И. Адыгский нартский эпос М. — Нальчик: Эльбрус, 1969. Вып. 13. 168 с.

Аншба А. А. К спорам о происхождении первоначального ядра нартского эпоса // «Мацне». Вестник Отделения общественных наук АН ГССР. Сер.: История, археология, этнография и история искусств. Тбилиси, 1971. № 4. С. 85–92.

Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1967. 422 с.

Граков Б. Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 232 с.

Джапуа З. Д. Нартский эпос абхазов: сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум: Алашара, 1995. 184 с.

Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.

Дубова Н., Куфтерин В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). Сер. «Этническая антропология Средней Азии». Москва: Старый сад, 2015. Вып. 4. 186 с.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Владикавказ: СОИГСИ, 2001. (репринт издания: М. (Исследования по фольклору и мифологии Востока): Главн. редакция вост. лит-ры изд-ва Наука, 1976). 280 с.

Зухба С. Л. Идеал женской красоты в нартском эпосе абхазо-адыгских народов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2. С. 80–83.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа / отв. ред. А. А. Петросян. М.: Наука, 1969. С. 15–29.

Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 1. С. 13–18.

Куек А. С. Бгэжи в нартском эпосе адыгов // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 4. С. 144–149.

Куприянова Е. В. Стиль и проявление тенденций моды в женской одежде эпохи средней бронзы Южного Зауралья и Казахстана // Magistra vitae: Элетронный журнал по историческим наукам и археологии (бывш. Вестник Челябинского гос. ун-та). 2007. № 3 (81). С. 94–102.

Осташова М. В. Символ креста в истории культуры: дисс. канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2004. 175 с.

Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX — начала XX вв.: историко-этнографическое исследование: дисс. канд. ист. наук. Якутск, 1999. 210 с.

Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос // Избранные труды в 3 т. Эпическое творчество абхазов. Сухум, 2008. Т. I. С. 188–374.

Скаков А. Ю. Крестовидные подвески-навершия в кобано-колхидских древностях // Древности Западного Кавказа. / отв. ред. Н. Е. Берлизов. Краснодар, 2013. Вып. 1. С. 29–43.

Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды. Сухуми, 1970. Т. 1. 212 с.

Ф. М. Кобахия
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

Ритуальный сосуд в традиционной религии абхазов

Для цитирования: *Кобахия Ф. М.* Ритуальный сосуд в традиционной религии абхазов // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 235–237.

Farid M. Kobakhiya
Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after DI. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

Ritual vessel in the traditional religion of the Abkhaz

For citation: Kobakhiya F. M., 2022. Ritual'nyy sosud v traditsionnoy religii abkhazov [Ritual vessel in the traditional religion of the Abkhaz]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 235–237.

Ритуальный сосуд — один из важнейших элементов духовной культуры абхазов — еще не являлся предметом специального исследования. Хотя в трудах абхазских этнографов вопросы, затрагивающие данную тему, частично затрагивались, до сих пор остается ряд неосвещенных аспектов. Обряды и обычаи, связанные с религиозным кувшином, рассматривались в работах таких исследователей культуры, как В. Л. Бигуаа (2013), Н. И. Григулевич (2008), Г. Ф. Чурсин (1957; хотя в этой работе интересующая нас тема, а именно обрядовая сторона, слабо освещается), Н. С. Джанашиа (1960).

© Кобахия Ф. М., 2022.

Как известно, сосуд — необходимая часть домашнего обихода. Согласно религиозному мышлению, кувшин являлся символом изобилия, источником блага (Антонова, 1986. С. 35).

Затрагивая вопрос генезиса ранних форм сосудов, исследователь истории культуры Древнего Востока Е. В. Антонова отмечала: «Вероятно, первыми сосудами служили его (первобытного человека. — К. Ф.) сложенные ладони, листья, раковины, куски коры. Выдалбливая куски дерева, камень, кость, он зачастую продолжал дело, начатое природой, подражая пустотелым пням или лункам, проделанным водой в камне. За этим последовали вместилища из шкуры, плетенные из волокон растительного происхождения, деревянная посуда» (Антонова, 1986. С. 36). Аналогичные типы сосудов были широко представлены и на территории Абхазии. Не исключено, что они могли быть прототипами современных ритуально-бытовых кувшинов.

Традиция закапывания кувшина с религиозными намерениями известна абхазам с древнейших времен (Гублиа, 2013. С. 19). Кувшин в культуре абхазов имел самое широкое предназначение. Он применялся как в хозяйственно-бытовой, так и в религиозной жизни общества, это аргументируется на широком археологическом материале. Так, на территории Абхазии было выявлено большое число кувшинных захоронений различного типа, в том числе в сосудах с орнаментом. В этой связи наиболее примечательной является цебельдинская культура, отличающаяся «рядом самобытных черт, не характерных для других районов Абхазии. Главнейшим признаком этой культуры является прежде всего особый тип керамических изделий — сосуды с чашеобразными венчиками, помеченные иногда знаками мастеров или тамгами: крупные и средние двуручные сосуды, средние и мелкие иногда миниатюрные, как видно погребальные, одноручные глиняные кувшины, нередко украшенные орнаментом и налепными головками козлов или баранов на тулове и амфоры с перехватом, также нередко орнаментированные» (Инал-ипа, 2011. С. 417–418). Керамический фигурный сосудик был обнаружен М. М. Трапшем в некрополе Абгыдзраху, где он датируется 1-й пол. IV в. н. э. «На мордочке животного изображены глаза, ноздри, рот. Между рогами имеется отверстие в виде горловины сосуда» (Трапш, 1971. С. 205. Табл. XVIII, *2*). Эта фигурка, как полагает исследователь, несомненно, культового назначения.

В связи с погребальными функциями сосуды широко применялись и в религиозных молениях абхазов. Достаточно упомянуть новогодний сосуд, сосуд у кузни и т.д. Примечательно и то, что в системе религиозных праздников абхазов особое место занимает — Амшапы (соответствующий Пасхе) — святой день (Бигуаа, 2013. С. 252). Праздничный цикл Амшапы предусматривает открытие кувшина с натуральным вином.

В завершение следует отметить, что последние исследования свидетельствуют о том, что роль сосуда не изжита и сохраняется не только в хозяйственно-бытовой, но и в религиозной жизни абхазского этноса.

Литература

Антонова Е. В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / под ред. Б. А. Литвинского. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1986. С. 35–65.

Бигуаа В. Л. Амшапы — «Абхазская пасха» // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. / гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: РУП «Дом печати», 2013. Вып. VIII–IX. С. 244–259.

Григулевич Н. И. Застолье и культура винопития в Абхазии // Этническая экология: народы и их культура / под общ. ред. Н. А. Дубовой, Л. Т. Соловьевой. М.: Старый сад, 2008. С. 164–195.

Гублиа Р. К. К этимологии некоторых социальных терминов в абхазском языке // Абхазоведение. Тр. АбИГИ. Язык. Фольклор. Литература. / Гл. ред. З. Д. Джапуа. Сухум: АбИГИ, 2013. Вып. IV. С. 14–23.

Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухум: Абгосиздат, 1960. 130 с.

Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории Абхазии // Труды в 11 т. Т. III. 2-е изд-е, перераб. и доп. Сухум: Дом печати, 2011. 688 с.

Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей // Труды в 4 т. Тбилиси: Мецниереба, 1971. Т. 3. 312 с.

Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1957. 265 с.

***А. С. Кизилов*[1], *К. А. Глазов*[2], *М. И. Кудин*[3]**

[1] Лаборатория этносоциальных исследований ФИЦ РАН, Сочи, Россия
[2] Сочинское отделение Русского географического общества, секция археологии и охраны историко-культурного наследия, Сочи, Россия
[3] Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Сочи, Россия

Античная строительная и тарная керамика крепости Сочи и ее 3-D реконструкция

Для цитирования: *Кизилов А. С., Глазов К. А., Кудин М. И.* Античная строительная и тарная керамика крепости Сочи и ее 3-D реконструкция // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 238–243.

***Andrey S. Kizilov*[1], *Konstantin A. Glazov*[2], *Mikhail I. Kudin*[3]**

[1] Laboratory for Ethnosocial Research of the Federal Research Center RAS, Sochi, Russia
[2] Sochi branch of the Russian Geographical Society, section of archeology and protection of historical and cultural heritage, Sochi, Russia
[3] Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerashev, Sochi, Russia

Antique building and container ceramics of the Sochi fortress and its 3-D reconstruction

For citation: Kizilov A. S., Glazov K. A., Kudin M.I., 2022. Antichnaya stroitel'naya i tarnaya keramika kreposti Sochi i yeye 3-D rekonstruktsiya [Antique building and container ceramics of the Sochi fortress and its 3-D reconstruction]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 238–243.

© Кизилов А. С., Глазов К. А., Кудин М.И., 2022.

В результате сопоставления археологических, документальных и топографических данных, полученных при исследовании территории древней крепости в историческом центре города Сочи, были определены вероятные границы укрепления на современном плане города (Кизилов, Глазов, 2017. С. 152).

Интенсивная антропогенная деятельность на рассматриваемой территории привела к тому, что на значительных участках был поднят на поверхность древний культурный слой как при сооружении оборонительных рвов и брустверов форта Александрия, так и при прокладке траншей под коммуникации в Новейшее время. В местах пересечения этими траншеями линии древних крепостных стен на поверхности в большом количестве были обнаружены фрагменты кирпичей римского типа, близкая к ним по технологии изготовления и тесту черепица, а также сопутствующая керамика — фрагменты амфор.

Таким образом, на данный момент можно с высокой степенью точности выявить место расположения археологического материала *in situ*, а следовательно, облегчить процесс поиска сохранившихся элементов древней архитектуры при полноценных археологических раскопках.

К настоящему времени на поверхности земли найдено более семи десятков фрагментов римских кирпичей-плинф, на протяжении 150 м от южного угла ресторанного комплекса «Каскад» до остатков сохранившегося угла крепости на ул. Москвина. Размеры кирпичей составляют в ширину 105–115 мм и в толщину 33–38 мм, при этом длина не определяется, так как на сегодняшний момент не обнаружено ни одного полностью сохранившегося экземпляра. Эти размеры не находят аналогов среди кирпичей-плинф памятников Средневековья, расположенных на территории Сочи.

В процессе поиска аналогов подобных кирпичей в соседних регионах внимание привлек кирпич, найденный на территории крепости Себастополис, датируемой I–II в. н.э., который оказался полностью идентичным фрагментам с территории Сочинской крепости (рис. 1, *1*).

Размеры сухумского кирпича составляют 216 х 108 х 36 мм, что соответствует соотношению 6:3:1. Технология изготовления сухумского и сочинских кирпичей также была аналогична: нижняя их сторона имеет оттиск песчаной подстилки, а верхняя — несет следы протяжки доской. Проведенная макросъемка теста сочинских и сухумского кирпичей показала одинаковый состав.

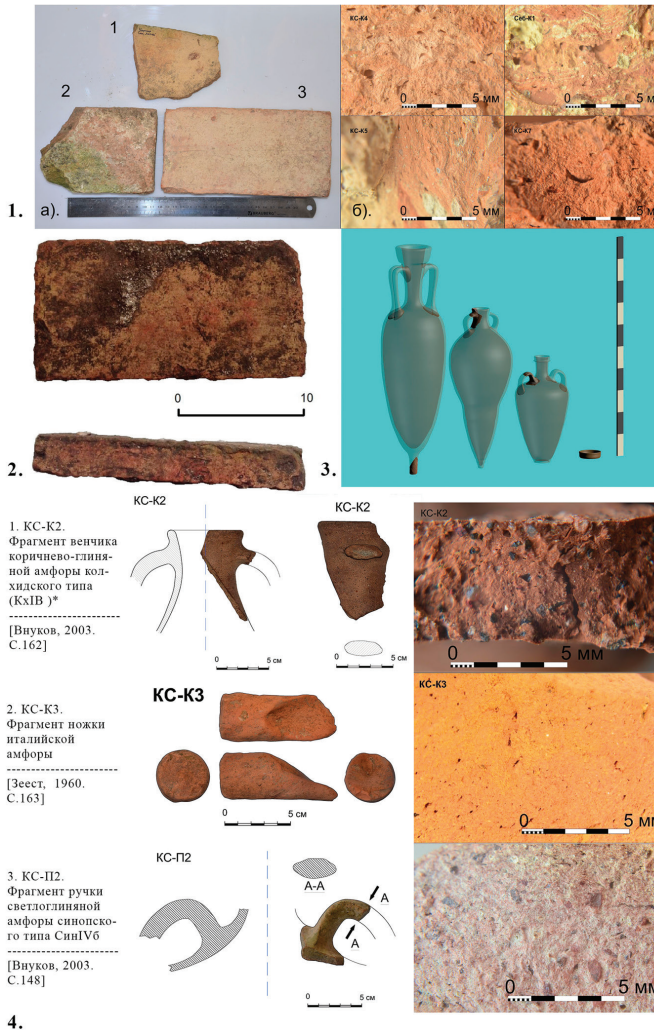

Рис. 1, *1. а.* Строительные элементы крепостей Сочи и Себастополис — фрагмент черепицы (Сочи), *2* — фрагмент кирпича (Сочи), *3* — кирпич с территории крепости Себастополис; б. Макросъемка теста кирпича Сочи (КС-К4), Себастополиса (Себ-К1), фрагментов черепицы из Сочинской крепости (КС-К5, КС-К7)

Рис. 1, 2. Кирпич, найденный в г. Н. Афон

Рис. 1. 3. 3-D реконструкция амфор с «вмороженными» в них фотограмметрическими моделями найденных фрагментов керамики

Рис. 1, 4. Фрагменты и макросъемка теста античной керамики с территории крепости Сочи

Необходимо отметить, что в процессе подготовки этого доклада А. С. Кизиловым в строительных грунтовых отвалах возле генуэзской башни в г. Новый Афон был обнаружен абсолютно аналогичный кирпич (рис. 1, *2*) (сдан в Музей истории Абхазского царства (г. Новый Афон)). Все это еще раз свидетельствует о еще слабо изученных процессах, происходивших на восточном побережье Черного моря в I–II вв. н. э.

Единый размерный ряд кирпичей Сочи, Себастополиса и Нового Афона, нехарактерный для распространенных в более позднее время римских стандартов, указывает на то, что, вероятно, здесь мы имеем дело с местным размером кирпича, принятым в эпоху начала его широкомасштабного применения в строительстве (I–II в. н. э.).

Находки большого количества кирпичей римского типа и черепицы на территории Сочинской крепости однозначно свидетельствуют о наличии здесь долговременного укрепления.

Помимо этого, в полосе расположения кирпичей и черепицы была обнаружена сопутствующая керамика (фрагменты амфор). Экспертное заключение, сделанное специалистами по античной керамике С. Ю. Внуковым и О. В. Шаровым, показало, что краснолаковые фрагменты относятся к типу понтийской сигилляты Хейс-IV и датируются I–II вв. н. э. Амфорная тара относится к типам CIII, CIV позднегераклейского производства и типу Син IVб синопского производства по классификации С. Ю. Внукова. Эти типы амфорной тары датируются I в. до н.э. — I–II вв. н. э. (рис. 1, *4*).

На основании этих экспертных заключений для визуализации первоначального вида керамики нами были сделаны 3-D модели амфор по каталогам керамической тары, встречаемой в Восточном и Северном Причерноморье (Зеест, 1960. С.109, 163; Внуков, 2003. С.147–156, 162), после чего отмасштабированные фотограмметрические модели найденных фрагментов керамики были «вморожены» в базовые модели (рис. 1, *3*).

Таким образом, анализ подъемного материала показывает, что в отношении Сочинской крепости мы имеем дело с довольно узкими временными рамками — I–II вв. н. э.

В этой связи большого внимания заслуживает «Естественная история» («Historia naturalis») Гая Плиния Секунда Старшего. Так, в пятой книге мы встречаем описание пункта к северу от Себастополиса: «V.16. … Город Гераклей отстоит от Диоскуриады на 100 миль, от Себастополя же — на 70 миль. [Далее живут] ахеи, марды, керкеты, за ними сераки, кефалотомы.

Внутри этого пространства богатейший город Питиус был разграблен гениохами…» (Подосинов, Скржинская, 2001. С. 185, 316).

Таким образом, город Гераклей должен быть локализован в 104 км или в 148 км от современного Сухума к северо-западу, т.е. в районе современного Адлера или Сочи. Согласно современным картам, расстояние по морю вдоль берега между портами Сочи и Сухума составляет порядка 140 км, что хорошо согласуется с цифрой в 100 римских миль.

Вторым источником, упоминающим античный город в районе Сочи, является труд Клавдия Птолемея. В описании юга Азиатской Сарматии он пишет о городе Ампсалида с координатами 68°30′–47°15′ (V, 8.8), расположенном, судя по расстояниям и описанию, в том же районе, что и Гераклей Плиния. О том, что и Плиний, и Птолемей, возможно, пишут об одном и том же городе под разными именами, можно судить по другому, близкому по времени источнику, достаточно подробно описывающему район Сочи. Это Перипл Арриана. Следующим к юго-востоку за Ампсалидой пунктом у Птоломея является река Бурка (69°–47°15′), которую комментаторы отождествляют с рекой Боргис Перипла (Латышев, 1948. С. 271). В свою очередь, Арриан, ведущий описание с юга-востока на северо-запад, в шестидесяти стадиях от Боргиса помещает «Несис, где выдается Гераклов мыс» (Латышев, 1948. С. 271). На таком же расстоянии от реки Брухонт (ныне называемой Мизигом) отмечает реку Нисий и Гераклов мыс Псевдо-Арриан (Латышев, 1890. С. 278). Таким образом, приводимое Плинием название расположенного здесь города, по-видимому, связано с именем одноименного мыса. К такому же заключению пришел Д. Гамахария (Гамахария, 2009. С. 84). В. В. Латышев, вслед за К. Мюллером, связывал Ампсалиду с районом Сочи. Правда, эти исследователи считали, что она находилась немного южнее, в устье р. Мацесты (Масаитики Арриана) (Латышев, 1948. С. 271). Н. Ю. Ломоури, вслед за В. Томашеком, помещает Ампсалиду несколько севернее, в устье р. Шахе (Ломоури, 1955. С. 43, 52).

Имя Ампсалида сопоставляется с собственным именем Ομψάλακος (Омпсалак), известным в боспорской эпиграфике (Корпус боспорских надписей: 478; 479; 1260; 1262; 1264; 1282; 1285). Возможно, как римляне назвали Диоскурию Себастополисом, так и здесь, основанную Боспором Ампсалиду римляне назвали (по мысу) Гераклеем.

Находки кирпичей по периметру стен Сочинской крепости, аналогичных кирпичам из стен крепости римского Себастополиса,

построенной в I в. (Шамба, 2005. С. 110; Габелия, 2014. С. 239), черепицы, фрагментов амфор, датируемых I–II вв., очевидно, свидетельствуют о римском военном присутствии здесь в обозначенное время. Еще одним свидетельством этого является найденный в 1977 г. на землях совхоза «Мацестинский» римский бронзовый шлем «имперско-галльского» типа из разрушенного погребения, датируемый сер. — 2-й пол. I в. н. э. Его появление здесь связывается с передислокацией подразделений римской армии из Европейских провинций (Сударев, 1991. С. 144–145).

Литература

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 235 с.

Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. 505 с.

Гамахария Дж. Территория нынешней Абхазии с I в. н. э. до сер. VIII в. // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. Тбилиси: Изд-во ИНТЕЛЕКТИ, 2009. С. 81–129.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 178 с.

Кизилов А. С., Глазов К. А. Древний Сочи как градообразующее ядро современного города. Аналитические результаты археологических, документальных и топографических сопоставлений // Доклады Сочинского отделения Русского географического общества. Сочи, 2017. Вып. 5. С. 152–166.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Греческие писатели. СПб., 1890. Т. I. 946 с.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 1. С. 221–315.

Ломоури Н. Ю. Клавдий Птолемей. «Географическое руководство», известия о Грузии // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 32. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).

Подосинов А. В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2001. 504 с.

Сударев Н. И. Две находки римского времени из Сочи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / отв. ред. А. П. Абрамов, И. О. Гавритухин, Я. М. Паромов, В. Р. Эрлих. М., 1991. С. 143–145.

Шамба Г. К. Древний Сухум (поиски, находки, размышления). Сухум: Алашара, 2005. 208 с.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

***Архимандрит Дорофей (Дбар)*[1, 2]**

[1] Священная митрополия Абхазии, Новый Афон, Абхазия
[2] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

Греческая надпись пицундского собора

Для цитирования: *Архимандрит Дорофей (Дбар).* Греческая надпись Пицундского собора // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 246–264.

***Archimandrite Dorofey (Dbar)*[1, 2]**

[1] Holy Metropolis of Abkhazia, New Athos, Abkhazia
[2] Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

Greek lettering of Pitsunda Cathedral

For citation: Archimandrite Dorofey (Dbar), 2022. Grecheskaya nadpis' pitsundskogo sobora [Greek lettering of Pitsunda Cathedral]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 246–264.

В нартекс (притвор) Пицундского собора (рис. 1) встроена усыпальница, которая представляет собой небольшой храмик (греч. παρεκκλήσιον) зального типа с полукруглой, выступающей снаружи апсидой и коробовым сводом, имеющим слабовыраженную стрельчатость и перекрытым сверху двускатной кровлей (рис. 2, *A*, 2, *B*). Размеры храмика составляют 3,95 м в длину, 3,74 м в ширину и 3,40 м в высоту. Выложен он из кирпича (в кладке видны фрагменты архитектурных деталей, ранее

© Архимандрит Дорофей (Дбар), 2022.

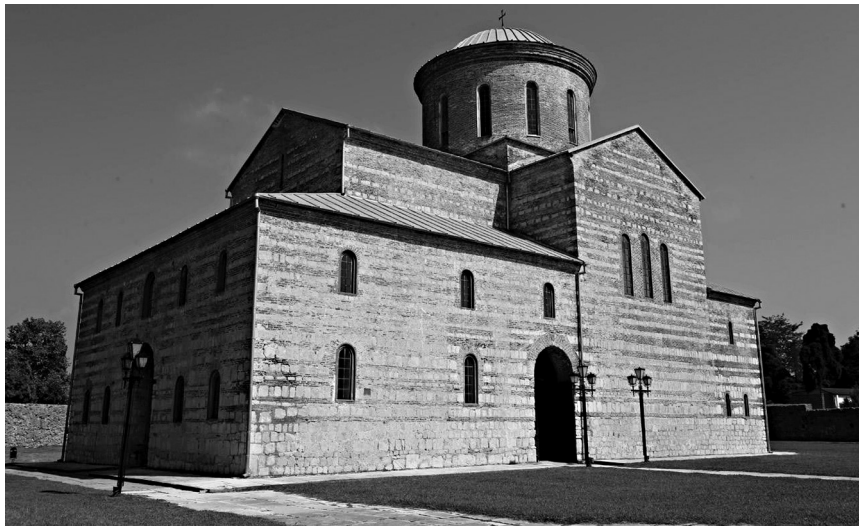

Рис. 1. Пицундский собор св. апостола Андрея Первозванного (X в.)

использовавшихся для других построек) (рис. 3). Южной и западной стенами храмик примыкает к корпусу здания самого собора. Вход расположен в середине северной стены. Стены и свод этого погребального храмика покрыты фресками, сохранившимися до нашего времени достаточно хорошо (рис. 4, *A*, 4, *B*). Во внутренней части небольшой алтарной апсиды этого храмика, над нишей, до 70-х годов XX в. была видна полустертая четырехстрочная греческая надпись, выполненная белилами по общему для всей росписи темному серовато-синему фону (рис. 5)[1].

История изучения

Самое ранее упоминание этой греческой надписи мы находим у Фредерика Дюбуа де Монпере (1798–1850). Этот автор в своем известном труде «Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму» сообщает следующее: «Маленькая часовня (petite chapelle), выстроенная отдельно с края большого притвора, в настоящее время (речь идет о 1833 г. — *Д.Д.*) занятая под пороховой склад, заслуживает особого внимания.

[1] Подробное описание этого погребального храмика и его росписей см.: Шервашидзе, 1971. С. 120–134.

Рис. 2, А. Погребальный храмик (усыпальница) Пицундского собора. Вид снаружи

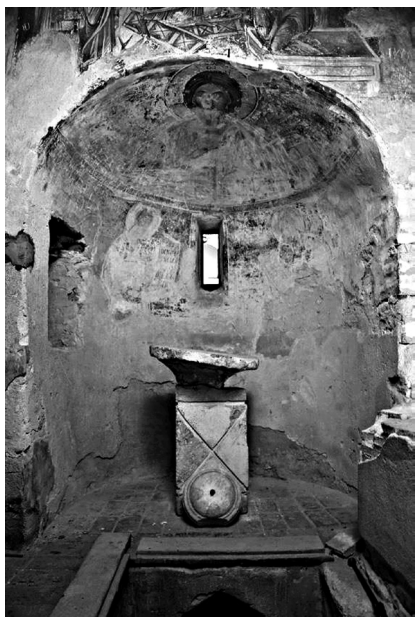

Рис. 2, В. Погребальный храмик (усыпальница) Пицундского собора. Вид изнутри

Рис. 3. Фрагменты архитектурных деталей, ранее использовавшиеся для других построек

Рис. 4, А. Фрески погребального храмика (усыпальницы) Пицундского собора

Рис. 4-В. Фрески погребального храмика (усыпальницы) Пицундского собора

Рис. 5. Фрагмент стены погребального храмика Пицундского собора, где была сделана греческая надпись

Часовня эта со сводами, и ее свод и стены покрыты фресками; они очень хорошо сохранились и представляют сцены страстей Христовых с изображениями святых и надписей на греческом языке. Я переписал самую главную из этих надписей, находящуюся на поле ниши; вот перевод ее, сделанный господином Газе (M. Hase) из Института Франции.

"Помяни, Господи, отца Кира Баурафа, служителя Бога, который соорудил этот храм и купол, и помилуй католикоса во время воскресения его из мертвых вместе со всеми людьми. О, Бог всезнающий, исполни это моление. Лето 7-е (Souvenez-vous, Seigneur, du père Kyr Baouraph, serviteur de Dieu, qui a construit ce temple et la coupole; et lors de sa résurrection avec les autres hommes, ayez pitié du catholicos. O Dieu, vous connaissez toutes choses, accomplissez cela. L'an 7)"[1].

Это надпись замечательная: кажется, мы имеем здесь имя и гробницу католикоса Кира Баурафа,который построил храм и купол. Говорит ли

[1] Профессор Иван Васильевич Помяловский (1845–1906) в работе «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа» (Санкт-Петербург, 1881) вслед за цитированием вышеприведенного отрывка из работы Дюбуа де Монпере предлагает и греческий вариант текста рассматриваемой нами пицундской надписи, сделанный им на основе ее прочтения и перевода на французский язык Газе: «Μνήστητι κε τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ πατρὸς κῦρ Βαουράφου ὃ ἐπίησεν τὸ ὑερὸν καὶ τὸ τούρλεον· ἐνδὲ αναστάσι αὐτοῦ τῆ τῶν ἀνθρόπων καθοληκοῦ ἐλέησον. Κε, γινόσκις ἅπαντα καὶ πλήροσε αὐτά. Ἔ. ζ.» (Помяловский, 1881. С. 37).

эта надпись о большом храме или же об этой маленькой часовне? Что собственно означает слово “турлеон”, которое перевели как “купол”?» (Dubois de Montpéreux, 1839. P. 227–228; Дюбуа де Монпере, 1937. С. 111; Дюбуа де Монпере, 2002. С. 204).

Следующий автор, который упоминает греческую надпись погребального храмика Пицундского собора, — это Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), который во время путешествия в 1846–1847 гг. по Грузии и Армении посетил и Пицундский собор.

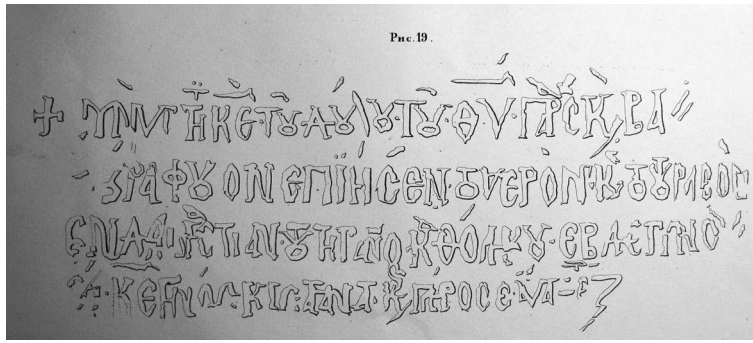
А. Н. Муравьев не приводит самого греческого текста интересующей нас надписи. Он публикует только свой перевод на русский язык: «Помяни, Господи, раба твоего Параскева, живописца, который устроил храм и купол, при владычестве (не разобрано слово) католика Евдемона. Ты вся веси, исполни сие. Год 7-й» (цит. по: Помяловский, 1881. С. 39).

В 1851 г. еще один французский исследователь Марий Броссе (1802–1880) впервые публикует расшифрованный греческий текст со стены погребального храмика Пицундского собора. Этот автор по поручению Петербургской академии наук в 1847–1848 гг. совершил научную экспедицию в Грузию и Армению. Во время этой поездки Броссе посетил и Пицунду. В своих «Рапортах», изданных в трех томах в 1849–1851 гг., Броссе сообщает, что слева от маленького алтаря погребального храмика Пицундского собора читается прекрасная греческая надпись (a gauche d’un petit autel on lit une belle inscription grecque), с которой господин Норов (Norof, имеется в виду Авраам Сергеевич Норов (1795–1869), известный ученый, путешественник и государственный деятель) снял точную копию (рис. 6)[1]. Далее М. Броссе публикует расшифрованный текст этой надписи с комментариями к нему:

«Μνυστητι. κυριε. του δουλου. του. θεου. Παρας και. βα—
ου. ραφου ον επιησεν. το υερον. και το τουρλεον
εν δειναστιαν. του τηρανου καθοληκου. εβδεμνο—
σει. κυριε γηνοσκις. ταπαντα. και πληροσε. αυτά επτ ζ»
(*Brosset*, 1851. III rapp. P. 128; Помяловский, 1881. С. 37).

Дмитрий Бакрадзе (1826–1890) в статье «Кавказ в древних памятниках христианства», опубликованной в 1875 г., относительно греческой надписи Пицундского собора сообщает следующее: «У входа в храм,

[1] Копия греческой надписи погребального храмика (усыпальницы) Пицундского собора, снятая А. С. Норовым, была опубликована и И. В. Помяловским (Помяловский, 1881. Рис. 19).

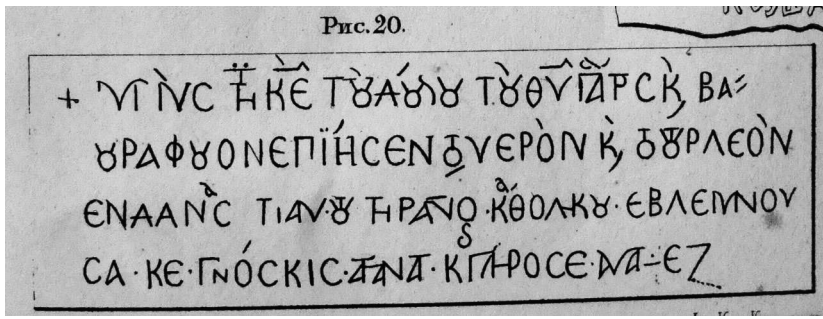

Рис. 6. Копия греческой надписи погребального храмика Пицундского собора, снятая А.С. Норовым и опубликованная в 1851 г. М. Броссе

в западном его притворе, находится особый придел и в нем гробница неизвестного лица с греческою надписью на стене: “Помяни, Господи, служителя Божия Пара и … который основал эту церковь и тот купол в управление господина католикоса Евдемнос. Год короникона 7”» (Бакрадзе, 1875. С. 121).

По словам этого автора, гробница в погребальном храмике Пицундского собора, согласно местному преданию, считалась усыпальницей св. апостола Андрея Первозванного. Правда, другое предание, по словам того же Д. Бакрадзе, называло ее гробницей св. Иоанна Златоуста (Там же. С. 121)[1].

12 января 1873 г. Одесское общество истории и древностей получило высочайшее разрешение на проведение археологических изысканий

[1] Как известно, местом окончательного изгнания св. Иоанна Златоуста была определена Пицунда, хотя Святитель не дошел до нее. Он умер по дороге в Пицунду, в Команах Понтийских (Δωροθέου Dbar,αρχιμανδρίτη, 2016).

на восточном берегу Черного моря. Первое сообщение о начатых этим Обществом работах было написано в сентябре 1875 г. и опубликовано в 1877 г. в десятом томе Записок Императорского Одесского общества истории и древностей. Эта небольшая заметка под авторством действительного члена Одесского общества истории и древностей, известного русского востоковеда, византолога и археолога епископа Чигиринского Порфирия Успенского (1804–1885) была посвящена греческой надписи Пицундского собора (Порфирий, епископ Чигиринский, 1877. С. 177).

По сообщению автора этой заметки, внутри «башни» (погребального храмика, усыпальницы), встроенной в притвор Пицундского собора, над могилой, была видна полустершаяся надпись «вязью» на греческом языке. Надпись, списанная в 1875 г., гласила следующее:

«+ Μνήσθητι Κύριε · τοῦ δούλου τοὺ θεοῦ · Παρσακεβα <…>ουραφου, οἳ ἐποίησεν · τὸ ἱερὸν · καὶ τὸτουρλεὸν᾽Εν δυναστία τοῦ Τηράνου, καὶ Καθολικο ῦ᾽Ευδαίμονος. Συ · Κύριε γεινώσκεις τὰ πάντα · καὶπλήρωσαι · αὐτὰ · τῶ (ἐλέ ει σου)».

Епископ Порфирий дает и перевод данной надписи: «Помяни, Господи, раба Божьего Парсакева <…>урафа, который создал это святилище и этот турлеон (башню львову) во время владычества Тирана и Кафоликоса Евдемона. Ты, Господи, знаешь все и исполни их (т.е. храм и башню) милостью твоею» (Там же. С. 177).

Историк и археолог Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883) в работе «Древнейший Пицундский православный храм на восточном берегу Черного моря», опубликованной в том же издании в 1877 г., относительно интересующей нас надписи сообщает: «В притворе на правой стороне в углу построен в виде круглой башенки (τουρλεὸν) тесный “параклис”, и в нем каменная неглубокая временная могила, “усыпальница”, со стертою живописью масляными красками и поврежденною греческою “вязью” (надпись) XVI в. следующего содержания: «+ Μνήσθητε Κύριε τοῦ δουλοτ του Θοῦ Παρσακεβά<… >γραφου ον εποιησεν το ἱερον. καί το τουρλεόν ἐκ δυναστία. τοῦ τυράνου (?) ὁκαθολικον. Ευδαὶμονος. Συ Κύριε. Γεινώσκεις. τά πάντα. καὶ πλήροσαι. αὐτά. τῶ (ελεεισου)», то есть: «Помяни, Господи, раба Божия Параскева зографа (живописца), который создал это святилище и сей турлеон (башню) во время владычества тирана (?) и кафоликоса Евдемона. Ты, Господи, ведаешь все и исполни их милостью своею» (Мурзакевич, 1877. С. 421; Он же, 1877а. С. 14–15).

Н. Н. Мурзакевич обращает внимание, что прочтение и перевод греческой надписи Пицундского погребального храмика, предложенный «парижским филологом Газе», отличается от других вышеприведенных вариантов ее прочтения (Там же. С. 14–15).

Филолог-классик и археолог Иван Васильевич Помяловский (1845–1906) в работе «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа» (Санкт-Петербург, 1881 г.) приводит выдержку из заметки профессора греческой словесности Петербургского университета Гавриила Спиридоновича Дестуниса (1818–1895), посвященную греческой надписи погребального храмика Пицундского собора. Как отмечает проф. Дестунис, копия этой надписи, сделанная А.С. Норовым и опубликованная Марием Броссе, должна быть вернее копии епископа Порфирия (Успенского). Далее проф. Дестунис дает филологический разбор наиболее сложно читаемых слов Пицундской надписи и предлагает свой вариант ее прочтения и перевода на русский язык:

«+ Μνήσθητι Κύριε τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ Παρασκεβᾶ (ζωγ)ράφου ὧν ἐπ οίησεν τὸ ἱερὸν καὶ τό τούρλεονὲν δυναστεία[ν] τοῦ τηράννου· καθολικοῦ Ε ὐδαίμωνος. Συ Κύριε γινώσκεις τὰ πάντα καὶ πλήροσε αὐτά. ἔ.,ζ. (Помяни, Господи, раба Божия Параскева, живописца, за то, что он устроил храм и купол во владычество тирана кафоликоса Евдемона. Ты, Господи, все знаешь и заплати (воздай) за это. Лето 7000…)» (Помяловский, 1881. С. 39–40).

Сравнительный анализ

При внимательном сравнении всех вышеприведенных вариантов копий и прочтений греческого текста погребального храмика Пицундского собора видно, что копия, снятая Фредериком Дюбуа де Монпере и переведенная на французский язык Газе, сильно отличается от всех остальных. Совершенно очевидно, что вариант прочтения Пицундской надписи, предложенный Газе, неверен. Две конечные буквы в слове «Παρασκεβᾶ» (Параскева) французский переводчик присоединил к последующему слову «ουραφου» и тем самым получил эпитет «Baouraph (Баураф)». Из греческого текста, опубликованного епископом Порфирием (Успенским), видно, что начальные буквы в слове «ουραφου» утеряны. Оставшуюся часть слова «Παρασκεβᾶ», т.е. «Παρασκε», французский переводчик перевел почему-то как «du père Kyr (отца Кира)». Далее

во французском переводе опущена фраза «ἐνδυναστεία τοῦ τυράννου (во время правления тирана)» и имя католикоса «Εὐδαίμονος (Евдемон)», при этом добавлена целая фраза «et lors de sa résurrection avec les autres hommes, ayez pitié du catholicos (помилуй католикоса во время воскресения его из мертвых вместе со всеми людьми)», которой в других копиях Пицундской надписи нет.

В переводе греческой надписи погребального храмика Пицундского собора на русский язык, сделанном А. Н. Муравьевым, после личного имени «Параскева» впервые появляется слово «живописец», т. е. данный автор слово «ραφου» — с утерянными начальными буквами — прочел как «(ζωγ)ράφου», что впоследствии было поддержано и Н. Н. Мурзакевичем и Г. С. Дестунисом. Хотя последний автор допускал, что «ράφου», возможно, является и фамилией (Помяловский, 1881. С. 39).

В копии пицундской надписи, снятой Норовым и расшифрованной Марием Броссе, не поставлены знаки ударения. Кроме того, как верно было замечено проф. Дестунисом, в самом греческом тексе нет ни слова «Пара», ни слова «Баурафа», выдуманных Броссе (Там же. С. 39), т. е. личное имя «Παρασκεβᾶ» (Параскева) и последующее за ним слово «ραφου» с утерянными начальными буквами Броссе прочитал как «Παρας και βαουραφου». Д. Бакрадзе в опубликованном им русском переводе пицундской надписи вслед за Броссе повторяет ту же ошибку. Любопытно, что Бакрадзе слово «τυράννου (тирана)» переводит как «господин(а)».

В варианте прочтения надписи погребального храмика Пицундского собора, предложенном епископом Порфирием (Успенским), мы впервые встречаем одно существенно новое дополнение, вместо хронологического указания «ἔ. ζ′» (год 7) или «ἔ. ,ζ» (год 7000) стоит греческий артикль дательного падежа «τῶ», за которым следует дополненная самим епископом Порфирием фраза «ἐλέεισου (милостью твоею)». Данное дополнение будет повторено и Н.Н. Мурзакевичем.

В варианте прочтения надписи погребального храмика Пицундского собора, предложенном проф. Г. С. Дестунисом, который с точки зрения греческой орфографии наиболее правильный, мы также имеем одно важное уточнение. Вместо «ἔ. ζ′» (год 7) стоит «ἔ. ,ζ» (год 7000). Как отмечает сам автор, «совершенно ясно», что речь идет о дате 7000 лет от сотворения мира, что соответствует 1492 г. от Р. Х. (Там же. С. 39).

Прочтение

С учетом всех вышеприведенных нами пояснений греческий текст погребального храмика Пицундского собора должен, судя по всему, прочитываться следующим образом:

«+ Мνύστητι (Мнήσθητι) Κύριε τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ Παρασκεβᾶ (Παρα σκευᾶ) <…>ουραφου(ζωγράφου), ὅν ἐπ(ο)ίησεν τὸ ἱερὸν καὶ τό τουρλεὸν (τὸν τροῦλλον) ἐν δυναστ(ε)ίαν τοῦ τηράννου(τυράννου)· καθολικοῦ Εβδέμν ο(ς) (Εὐδαίμωνος). Συ Κύριε γηνόσκις (γινώσκεις) τὰ πάντα καὶ πλήροσεαὐτά. ἔ(τει) ,ζ (ζ′) (Помяни, Господи, раба Божьего Параскева <…>урафу (живописца), который устроил святыню (храм) и турлеон (купол) во (время) владычества тирана (правителя, господина, владыки) Католикоса Евдемона. Ты, Господи, знаешь все и воздай (за) это. Год 7000 (год 7-й)».

Содержание

Предположение Фредерика Дюбуа де Монпере о том, что вышеприведенная греческая надпись является свидетельством наличия гробницы католикоса Кира Баурафа в погребальном храмике Пицундского собора и что этот Кир Баураф является строителем самого собора, не соответствует действительности. Другое дело — два последующих вопроса, поставленных названным французским исследователем, которые вполне обоснованны: идет ли в греческой надписи речь о строительстве самого Пицундского собора или же погребального храмика, где была сделана сама надпись? И второй вопрос: что означает слово «турлеон», переведенный словом «la coupole (купол)»?

Судя по всему, во фразе из греческой надписи в погребальном храмике Пицундского собора «устроил святыню (храм) и турлеон (купол)», скорее всего, речь идет о перестройке (о постройке, как мы увидим ниже, речь идти не может) самого Пицундского собора и о постройке погребального храмика (усыпальницы) внутри него с созданием росписей на стенах последнего или же о постройке только погребального храмика и создании росписей на его стенах.

Мы дополнительно указываем и на создание фресок на стенах погребального храмика, поскольку греческая надпись является частью этих фресок. Все эти работы были проведены, очевидно, под руководством мастера (архитектора и живописца) по имени Параскевас. Данное имя греческого происхождения (греч. Παρασκευᾶς) в сочетании с самой над-

писью свидетельствует, что мастер (архитектор и живописец), под руководством которого был перестроен Пицундский собор, был греком. Если предположить, что слово «ράφου» — с утерянными начальными буквами — обозначало не профессию человека по имени Параскевас, т.е. живописец (ζωγράφου), а его фамильную принадлежность, то в этом случае можно допустить, что упомянутый в пицундской надписи Параскевас мог быть и ктитором. Но это маловероятно. Заказчиками и ктиторами перестроек Пицундского собора для рассматриваемого нами времени могли быть, судя по всему, только Абхазские католикосы.

Все вышеуказанные авторы, которые писали о греческой надписи Пицундского собора, за исключением епископа Порфирия (Успенского) и Н. Н. Мурзакевича, термин «τουρλεὸν (турлеон)» переводили как «купол». Епископ Порфирий же, а вслед за ним и Н. Н. Мурзакевич слово «τουρλεὸν (турлеон)» перевели как «башня», имея в виду погребальный храмик (усыпальницу), встроенный в притвор Пицундского собора. Для Мария Броссе и проф. Г. С. Дестуниса термины «τουρλεὸν (турлеон)» и «τροῦλλος» равнозначны (*Brosset*, 1851. P. 128; Помяловский, 1881. С. 38–39).

Заметим, что слово «τουρλεὸν» в греческих словарях не указано. На греческом языке для передачи архитектурного понятия «купол» используется термин «τροῦλλος» (от лат. trulla). В одной поздней греческой рукописи термин «τουρλεὸν» используется в следующем контексте: «τό μέγα τουρλεον του Ζωοδόχου Τάφου (большой купол Живоносного Гроба)» — имеется в виду Иерусалимский храм[1].

Таким образом, остается неясным, что именно имел в виду автор вышеприведенной греческой надписи Пицундского собора: перестройку самого собора и его купола, перестройку собора и постройку внутри него погребального храмика (усыпальницы) или же постройку только погребального храмика?

Далее в надписи сообщается, что постройка «святыни (храм) и турлеона (купол)» была осуществлена во времена правления католикоса Евдемона.

Большинство вышеуказанных авторов, писавших о греческой надписи Пицундского собора, отмечали, что в числе католикосов Абхазских и Имеретинских известны двое с именем Евдемон: Евдемон I (XVI в.)

[1] [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/analektahieroso03papagoog/analektahieroso03papagoog_djvu.txt/ (дата обращения: 20.12.2018).

и Евдемон II (XVII в.). Следовательно, надпись должна датироваться либо XVI в., либо XVII в.

Действительно, в списке известных Абхазских католикосов (*Brosset*, 1844. P. 305–324; Жордания, 1893; Тарнава, 1917; Μαξίμου, Μητροπολίτου Σάρδεων, 1965. σ. 529–548; Дбар, 1997. С. 68–90; Чачхалиа, 1997; Коридзе, Абашидзе, 2000. С. 67–72; Дорофей (Дбар), иеромонах, 2006), кафедра которых до середины XVI в. располагалась в Пицундском соборе, мы встречаем двоих с именем Евдемон: Евдемон I (Чхетидзе) — годы правления 1557–1578 (Коридзе, Чичинадзе, 2008. С. 113–114) и Евдемон II (Сакварелидзе) — годы правления 1666–1673 (об этом католикосе практически нет никаких сведений: Коридзе, 2008. С. 114.). При этом необходимо отметить, что в период между 1390 г., когда на Пицундскую кафедру восходит католикос Арсений, и 1557 г. — избранием Евдемона (Чхетидзе) католикосом Абхазским, нам известны имена лишь нескольких Абхазских католикосов. Вполне можно допустить, что среди не дошедших до нас имен Абхазских католикосов этого времени могли быть и другие католикосы с именем Евдемон.

Т.С. Каухчишвили идентифицирует католикоса Евдемона, упомянутого в греческой надписи погребальной часовни Пицундского собора, с Евдемоном I (Чхетидзе), поскольку при Евдемоне II (фамилия которого данным исследователем указана как Квариани, а годами правления названы 1657–1659) резиденция Абхазских католикосов была уже перенесена из Пицунды в Гелати. Этот же автор на основании палеографии и вышеприведенного пояснения греческую надпись погребального храмика Пицундского собора и, соответственно, роспись, к которой она относится, датирует 2-й пол. XVI в. (Шервашидзе, 1971. С. 120). Этим же веком вышеуказанные фрески датирует и Л. А. Шервашидзе, который в одной из своих работ дает подробнейшее их описание (Там же. С. 121–134)[1].

[1] «Датировка росписи XVI в., — пишет Л. А. Шервашидзе, — предлагаемая главным образом на основании палеографии относящихся к ней надписей и содержания текста одной из них, находит свое оправдание и подтверждение и в стилистическом анализе этого памятника, а ясно выраженная близость этой росписи к росписям Афонской горы и к миниатюрам происходящей оттуда же рукописи позволяет говорить о несомненной и тесной близости этого художественного и культурного центра позднего Средневековья и Пицунды, которая, в свою очередь, являлась одним из значительных центров на территории Абхазии» (Шервашидзе, 1971. С. 124).

Современные исследователи Е.А. Виноградова и А. Ю. Виноградов в статье, посвященной датировке фресок Моквского собора в Абхазии, ошибочно полагают, что погребальный храмик внутри Пицундского собора и является усыпальницей Абхазского католикоса Евдемона I (Чхетидзе) (Виноградова, Виноградов, 2015. С. 54). Между тем известно, что католикос Евдемон I был погребен возле алтаря церкви св. Георгия Победоносца в Гелати и на его могильной плите помещена составленная им же эпитафия: «Христос, упокой душу раба Твоего католикоса Абхазии Евдемона Чхетидзе. Я, похороненный в могиле царей, велел расписать этот храм и украсил икону Пицундской Богородицы во имя поминания души моей, аминь» (Коридзе, Чичинадзе, 2008. С. 114).

Тем не менее вполне допустимо, что погребальный храмик в притворе Пицундского собора мог быть построен по заказу самого Абхазского католикоса Евдемона I (Чхетидзе) в качестве усыпальницы для него самого. Однако ему не суждено было умереть в Пицунде. По данным Б. Р. Ломинадзе, католикос Евдемон I, во время правления которого могли быть проведены все вышеперечисленные перестройки в Пицундском соборе, был тем самым Абхазским католикосом, который перенес свою кафедру из Пицунды (Абхазия) в Гелати (Имерети, Западная Грузия). Это событие произошло между 1557 и 1569 гг. (Ломинадзе, 1966. С. 241)[1]. Там же, в Гелати, католикос Евдемон I окончил свою жизнь, и его тело, как мы уже отметили, было упокоено возле алтаря церкви св. Георгия Победоносца.

Е. А. Виноградова и А. Ю. Виноградов в вышеуказанной статье относительно росписей погребального храмика в Пицундском соборе отмечают, что они были сделаны артелью греческих живописцев и близки к живописи второго слоя в Моквском соборе. «Греческие мастера, — пишут вышеназванные авторы, — украшавшие мавзолей в Пицундском соборе, демонстрируют усредненный, ремесленный уровень мастерства» (Виноградова, Виноградов, 2015. С. 54).

А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий в изданной в 2015 г. фундаментальной работе «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв.» относительно Пицундского собора констатируют, что его здание представляет собой единовременную постройку

[1] Правда, Пицунда и в дальнейшем считалась официальной резиденцией Абхазских католикосов. Святое Миро для всего Абхазского Католикосата и в XVII в. продолжали варить в Пицундском соборе.

без явных следов перестроек, за исключением ремонта в 60-х годах XIX в. и реставрации в 1959 г. (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 240). По мнению вышеназванных авторов, Пицундский собор был построен по заказу абхазского царя Димитрия II в конце 960 годов или абхазского царя Баграта I в 980–990 гг. смешанной артелью византийских (работавших с кирпичом) и таоских (работавших с камнем) мастеров (Там же. С. 253). «Где-то до XVII в., — продолжают А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, — от которого мы имеем первые описания и рисунки собора, он претерпел незначительные изменения: были произведены вычинки и устроена новая преграда, престол, лестница на хоры и фрески — последние, написанные в середине XVI в., — заставляют предположить, что и остальные перечисленные детали относятся к тому же времени» (Там же. С. 254).

Датировка постройки Пицундского собора, предлагаемая А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким, спорная, поскольку у нас нет на то прямых указаний в источниках. Очевидно только одно: Пицундский собор, который является самой крупной средневековой постройкой на территории Абхазии, мог быть создан в эпоху Абхазского царства, т.е. между VIII–X вв., и строительство такого большого храма напрямую связано с возникновением самостоятельной Поместной Православной Церкви на территории Абхазского царства.

И последнее: дата, прочитываемая в конце надписи погребального храмика Пицундского собора. Ее указывают все вышеназванные авторы, которые сообщают нам о греческой надписи Пицундского собора, за исключением, как мы уже об этом говорили, епископа Порфирия (Успенского) и Н. Н. Мурзакевича. Правда, для нас остается неясным, какое прочтение даты пицундской надписи является верным: прочтение Газе, А. Н. Муравьева, А. С. Норова и Д. Бакрадзе, которые указывают просто «год 7 (ἔ.ζ΄)», или же проф. Г. С. Дестуниса — «год 7000 (ἔ.,ζ)»?

Остается неясным и то, какую систему византийского подсчета времени использовал автор пицундской надписи: от сотворения мира или индиктион (Grumel, 1958)?

Как мы помним, проф. Дестунис уточняет, что речь идет о дате 7000 лет от сотворения мира, что соответствует 1492 г. от Р.Х.[1] Однако данная датировка не соотносится со временем правления ни католикоса

[1] Как известно, византийцы вели отсчет времени от сотворения мира. 5508 г. от сотворения мира — это дата рождения Христа. Отсчет времени от Р. Х. вводится только лишь в XVII–XVIII вв.

Евдемона I (1557–1578), ни Евдемона II (1666–1673). Возможно, хотя это и маловероятно, что и в 1492 г. кафедру Абхазских католикосов мог занимать еще один католикос с именем Евдемон. Поскольку из XV в. нам известно имя всего лишь одного Абхазского католикоса — Иоакима (правившего между 1470–1474 гг.).

Заключение

Проанализировав все вышеизложенное, мы вправе полагать, что греческая надпись погребального храмика (пареклисии) Пицундского собора свидетельствует, о том, что во время правления Абхазского католикоса — патриарха Евдемона I, т. е. между 1557–1578 гг. (если быть еще точнее, между 1557–1569 гг., до переезда католикоса Евдемона I в Гелати), Пицундский собор претерпел незначительную перестройку: были произведены вычинки и устроена новая алтарная преграда, Святая Трапеза (престол), лестница на хоры; в нартексе (притворе) встроен погребальный храмик (усыпальница, мавзолей); появились новые фрески, целиком были расписаны стены погребального храмика. Хотя нельзя исключать, что все эти перестройки могли быть осуществлены и ранее. С учетом того, что в XVII в. абхазские католикосы уже не находились в Пицунде, осуществление вышеуказанных работ в Пицундском соборе при католикосе — патриархе Евдемоне II (1666–1673) маловероятно.

Все вышеперечисленные работы были сделаны артелью греческих мастеров (о чем помимо всего остального свидетельствует и рассматриваемая нами надпись на греческом языке). Возможно, они же работали и в других абхазских храмах (например, в Моквском соборе). Работами руководил мастер (архитектор и живописец) — грек по имени Параскевас, оставивший четырехстрочную надпись на греческом языке на стене погребального храмика, содержащую молитвенное призвание к Богу и хронологию проведения работ.

Сохранившиеся фрески погребального храмика Пицундского собора демонстрируют нам и уровень мастерства греческих живописцев. Мы не можем знать, кому принадлежали разработки тем и сюжетов росписей погребального храмика — заказчику или же самим греческим мастерам. Но изображения двух апостолов — Андрея Первозванного и Симона Кананита, — а также св. Иоанна Златоуста среди сюжетов фресок погребального храмика свидетельствуют о том, что заказчик или же сами

мастера были хорошо осведомлены об истории христианства в Абхазии. Им были известны сведения из византийских источников о Благовести святых апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита в Абхазии и о ссылке св. Иоанна Златоуста в Пицунду, хотя Святитель и не дошел до нее.

Кому принадлежала усыпальница, устроенная внутри погребального храмика Пицундского собора, нам неизвестно. Возможно, она создавалась по заказу Абхазского католикоса — патриарха Евдемона I в качестве его собственной усыпальницы. Однако названный католикос, как уже было сказано выше, умер в Гелати и был погребен там же.

Литература

Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства // Записки Общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1875. № 1. С. 19–178.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М.: Индрик, 2015. 372 с.

Виноградова Е. А., Виноградов А. Ю. О дате фресок Моквского собора // Россия — Грузия. Диалог культур: сб. ст. по материалам конференции 2013 г. и научных чтений 2014 г., посвященных памяти Давида Ильича Арсенишвили. // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Музей им. Андрея Рублева, 2015. Том XI. С. 48–56. [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.mail.ru/public/5DHn/GN5sDu3vC/ (дата обращения: 02.02.2019).

Дбар Д. Из истории Абхазского Католикосата // Духовный мир: сб. работ учащихся Московской Духовной Семинарии и Академии. Сергиев Посад, 1997. Вып. 4. С. 68–90.

Дорофей (Дбар), иеромонах. Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Изд. 3-е, испр. и доп. Новый Афон: Стратофил, 2006. 28 с.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. / пер. с франц. Н. А. Данкевич–Пущиной. Сухум: АБГИЗ, 1937. Т. 1. 178 с.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму // Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. / пер. с франц. В. М. Аталикова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. Т. 1. 284 с.

Жордания Ф. Абхазские католикосы: Краткий очерк из истории Абхазской Церкви. Ставрополь, 1893.

Коридзе Т. Евдемон II (Сакварелидзе), Абхазский католикос-патриарх (1666–1669) // Православная Энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 114. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/187051.html/ (дата обращения: 05.02.2019).

Коридзе Т. В., Абашидзе З. Д. Абхазский Католикосат // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 67–72.

Коридзе Т., Чичинадзе Н. Евдемон I (Чхетидзе), Абхазский католикос-патриарх (1557–1578) // Православная Энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 113–114. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/187049.html/ (дата обращения: 05.02.2019).

Ломинадзе Б. Р. Из истории феодальных отношений в Грузии. Сеньории (церковные центры). Т. I. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

Мурзакевич Н. Древнейший Пицундский православный храм на восточном берегу Черного моря // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. Т. 10. [Электронный ресурс]. URL: http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=67&section_code=5/ (дата обращения: 05.12.2018).

Мурзакевич Н. Древнейший Пицундский православный храм на восточном берегу Черного моря. (Из X т. Записок Императорского Одесского общества истории и древностей). Одесса, 1877а. 30 с.

Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881. 96 с.

Порфирий, епископ Чигиринский. Греческая надпись в Пицунде, на восточном берегу Черного моря // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей, Одесса, 1877. Т. 10. С. 177. [Электронный ресурс]. URL: http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=67&section_code=5/ (дата обращения 05.12.2018).

Тарнава М. И. Краткий очерк истории Абхазской Церкви (доклад, прочитанный на съезде духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа). Сухум, 1917. 20 с.

Чачхалиа Д. Абхазская Православная Церковь. Хроника. Прибавления. М., 1997. 116 с.

Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. Тбилиси: Хеловнеба, 1971. 188 с.

Brosset M. Essai chronologique sur la série des Catholicos d'Aphakhazeth // Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences. St. Petersburg — Leipzig, 1844. T. 1, № 20–21. P. 305–324.

Brosset M. F. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. St.Pétersbourg, 1851. Vol. 3.

Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839. T. 1.

Grumel V. La Chronologie. Bibliothèque Byzantine. Traité d'Etudes Byzantines, I. Paris, 1958.

Δωροθέου Dbar,αρχιμανδρίτη. Ο τόπος θανάτου και ενταφιασμού του αγίου Ιωάννου του Χρυσοστόμου. Νέος Άθως: Εκδ. Ι. Μητροπόλεως της Αμπχαζίας, 2016. 539 c.

Μαξίμου, Μητροπολίτου Σάρδεων. Ο Χριστιανισμός εν τη ΔυτικήΓεωργία / Μαξίμου, Μητροπολίτου Σάρδεων, Η Εκκλησία της Γεωργίας (Ιβηρίας) και το Αυτοκέφαλο Αυτής // Θεολογία, 36 (1965), σ. 529–548.

А. Ю. Скаков
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар[1]

Для цитирования: *Скаков А. Ю.* Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 265–274.

Aleksandr Yu. Skakov
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

Once again about the dating and some features of the temple on Mount Lashkendar

For citation: Skakov A.Yu., 2022. Yeshche raz o datirovke i nekotorykh osobennostyakh khrama na gore Lashkendar [Once again about the dating and some features of the temple on Mount Lashkendar]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 265–274.

Проводя с 2006 г. работы на Джантухском могильнике (г. Ткуарчал), мы неоднократно поднимались на гору Лашкендар, к руинам средневекового храма (Саканиа, 2006; Джопуа и др., 2009; Джопуа, Скаков, 2011).

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-012-00319 А («Взаимодействие традиционных и монотеистических религий на Кавказе в памятниках материальной культуры», руководитель проекта Е.Ю. Ендольцева).

© Скаков А. Ю., 2022.

Было отмечено угрожающее состояние руин, впрочем, с того времени, благодаря деятельности кладоискателей, с упорством, достойным лучшего применения, ищущих гробницу царицы Тамары или сокровища Александра Македонского, сохранность остатков храма стала еще хуже. Визуальный осмотр храма позволил легко установить, что утверждение Ю. Н. Воронова о прямоугольных снаружи очертаниях восточной стены храма является ошибочным. А это, напомним, для Ю. Н. Воронова являлось основанием относить монастырский комплекс к рубежу X–XI вв. (Воронов, 1978. С. 127; Он же, 2002. С. 358. Рис. 11, *18*). Восточная стена храма является полукруглой как изнутри, так и снаружи, т.е. опубликованный в 1975 г. план церкви, выполненный М. М. Трапшем, полностью соответствует действительности (Трапш, 1975. С. 184, 186. Рис. 76).

Таким образом, отпал единственный аргумент, позволивший Ю. Н. Воронову предложить для Лашкендарского храма столь позднюю дату. Учитывая стилистику рельефа (см. ниже), имеющиеся аналогии ему, характер изображения мальтийского креста над южным порталом и план храма, мы с А. И. Джопуа достаточно осторожно предположили для храма датировку VII в. (Джопуа и др., 2009. С. 722; Джопуа, Скаков, 2011. С. 363). Е. Ю. Ендольцева недавно отметила, что «на территории Абхазии и соседних регионов Грузии храмы с выступающей на восточной стороне полукруглой апсидой встречаются вплоть до XVI столетия. К тому же самой близкой территориальной и типологической аналогией храму на горе Лашкендар (с точки зрения его плана) можно считать храмы Ачануа (с. Анухва) и Мугудзырхуа, которые датируются X веком» (2018. С. 301). При этом, по неясной причине, Е.Ю. Ендольцева ссылается на таблицу Ю. Н. Воронова не в первоисточнике (Воронов, 2002. Рис. 11), а в репубикации Е. А. Армарчук (2010. Илл. 4).

Следует отметить, что храмы в Ачануа и Мугудзырхуа Ю. Н. Воронов относил к группе, датирующейся в широких рамках VII–X вв. Показательно и то, что наличие у северного придела храма в Ачануа прямоугольной алтарной части с невыраженной апсидой как раз и стало для публикатора памятника А. К. Кация главным основанием отнести его к X в. или X–XI вв. (1967. С. 75). Получается своеобразный замкнутый круг: форма алтарной части то дает основания для той или иной датировки, то не дает их. Л. Г. Хрушкова относит храм в Ачануа к X в., опираясь при этом на выраженную полукруглую апсиду основной части храма (с XI в., по ее мнению, доминируют прямоугольно оформленные

алтарные части) и на характер облицовки стен (2018. С. 176). В других новейших исследованиях авторы принимают датировку А. К. Кация, ссылаясь уже не на план храма, а на технику кладки и черепицу, но с удивлением отмечают не выраженную снаружи апсиду северного придела, предположительно объясняя эту особенность «влиянием закавказского зодчества» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 109). Храм близ Мугудзырхуа не подвергался археологическим исследованиям, а по заключению тех же исследователей «его план находит себе аналогии в Абхазии как в ранневизантийской архитектуре (первый храм Св. Феодора в Анакопии[1]), так и в зодчестве X в. (Ачануа, Монастырь)» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 109–110). Как видим, датировки двух этих храмов достаточно слабо обоснованны, т. е. опираться на эти постройки для каких-либо далеко идущих выводов вряд ли продуктивно.

Вероятно, такого критерия, как выраженная или невыраженная апсида, вообще следует избегать при датировке церковных зданий (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 90–91). Как отмечают эти исследователи, «выраженная снаружи апсида не гарантирует датировки храма временем до 1000 г.: на территории Мегрелии известны многочисленные примеры таких храмов в XI–XVI вв.». С другой стороны, на территории Абхазии они смогли привести единственный пример такого храма: усыпальницу XVI в. внутри Пицундского собора (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 91). С. М. Саканиа также предполагает, что форма алтарной части не может служить аргументом для определения датировки храма (2006. С. 319). Вполне обоснованно, учитывая лашкендарский рельеф с изображением мальтийского креста, С. М. Саканиа, а вслед за ним, пусть и более осторожно, Е. А. Армарчук обращаются к храму в Старой Гагре, датированному V–VII вв. (Саканиа, 2006. С. 319; Армарчук, 2010. С. 191). В этом вопросе, скорее, можно признать правоту А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого: строительная история храма в Старой Гагре непонятна (Хрушкова, 2002. С. 186–189), здание явно разновременно (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 90–91).

Следуя выводам А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, наличие пилястр на боковых стенах Лашкендарского храма, предполагающее сводчатую систему перекрытия (подпружные арки), заставляет датировать его не ранее VIII–IX вв. (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 91). Отказываясь точно

[1] Напомним, что для него была обоснована дата в пределах VI–VII вв. (*А. С.*).

датировать Лашкендарский храм, исследователи приводят ему аналогии (исключительно по кладке), указывающие, скорее, на X в. (Они же. С. 110, 125). В любом случае, как мы видим, на сегодняшний день датировка храма на горе Лашкендар, исходя из его архитектурных или конструктивных особенностей, более чем затруднена.

Как хорошо известно, в архитраве западного портала Лашкендарского храма находится выполненное в технике неглубокого рельефа изображение двух животных в геральдической позе, обращенных мордами друг к другу (рис. 1). Публикуемые ранее рисунки и фотографии с этим изображением (Инал-Ипа, 1965. С. 521; Трапш, 1975. Рис. 77б; Воронов, 1978. С. 126; Хварцкия, 2003. С. 26) являлись не совсем точными, и некоторые детали рельефа ускользали из поля зрения. При этом Ш. Д. Инал-Ипа и М. М. Трапш, следуя за традицией, видели здесь изображения собак (Инал-Ипа, 1965. С. 521; Трапш, 1975. С. 186), а Ю. Н. Воронов — львов или барсов, отмечая «короткие тупые морды, тяжелые туловища, длинные тонкие хвосты, в одном случае закрученные даже в кольцо, толстые лапы, массивные, словно с намеком на гриву шеи» (Воронов, 1978. С. 129). К сожалению, наши с А. И. Джопуа попытки опубликовать выполненную нами прорисовку рельефа не увенчались успехом, в обоих случаях рисунок загадочным образом «выпадал» из сданных в печать статей (Джопуа и др., 2009; Джопуа, Скаков, 2011. С. 362), а в одном случае, видимо, благодаря ответственному редактору сборника, в названии нашей статьи вместо «барсов» появились загадочные «тарсы» (Джопуа, Скаков, 2011. С. 362, 758). В дальнейшем наша прорисовка рельефа, наряду с фотоснимком, была опубликована в одной из статей А. И. Джопуа и В. А. Нюшкова (2018. С. 104. Рис. 4). По нашему мнению, здесь мы видим изображения кошачьих хищников. Аналогичного

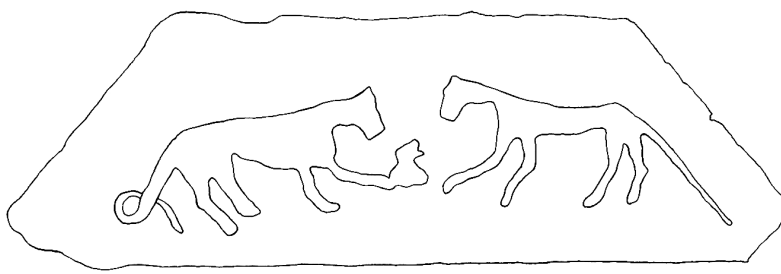

Рис. 1

мнения придерживается С. М. Саканиа (2006. С. 318). Расположенный между ними предмет, который один из зверей как будто бы передает другому, остается непонятым.

Недавно к анализу лашкендарского рельефа обратилась и наша коллега Е. Ю. Ендольцева, сравнившая его с изображениями на еще более известной аланской гробнице с Кяфарского городища (2018. С. 300–303). Исследовательница усомнилась, что на рельефе изображены барсы, так как «кинологи свидетельствуют, что у беспородных собак хвост может загибаться не только в одно, но даже в несколько колец. Таким образом, эта деталь может характеризовать собак не менее, чем барсов» (2018. С. 302). Отметим, что вопреки словам Е. Ю. Ендольцевой (2018. С. 301), мы нигде не утверждали, что именно завивающийся в кольцо хвост является основным признаком, позволяющим опознать здесь изображения кошачьих. Скорее, можно признать справедливость оценки Ю. Н. Воронова, учитывающего все параметры имеющихся изображений.

Тем не менее, учитывая контекст, обусловленный графическим и пластическим искусством Кавказа эпохи раннего железного века и раннего Средневековья, противоречие представляется мнимым. В самом деле, «если над главным входом в Лашкендарский храм действительно изображены собаки, то символическое значение их как стражей, охраняющих границу между двумя мирами, прекрасно объясняет их появление» (Ендольцева, 2018. С. 303). Вряд ли здесь следует усматривать «влияние дохристианских религиозных представлений алан на систему декорации некоторых христианских храмов Абхазии» (Там же). И совершено бесперспективно «более четко определять биологический вид зверей», изображенных в Лашкендаре. Скорее всего, здесь можно видеть единое семантическое поле, общее для образов собаки и кошачьего хищника. С похожей ситуацией мы в свое время столкнулись при анализе изображений на бронзовых гравированных топорах Кавказа кобано-колхидской культурно-исторической общности (Скаков, 1998. С. 19–21). Здесь был выделен синкретический образ «собака-лошадь», сочетающий в себе в гравированных изображениях черты как собаки, так и лошади. Его появление, очевидно, обусловлено наличием соответствующего мифологического образа, который вычленяется при анализе мифологической и фольклорно-эпической традиции Кавказа (Там же). Вполне вероятно, что в более позднее время аналогичный синкретический образ мог сформироваться для собаки и кошачьего хищника.

На это указывает замечание Ш. Д. Инал-Ипа о том, что леопардов, так же, как и абхазское божество собак, называли «Алышкинтрами» (2017. С. 284, 288). Об этом же пишет С. М. Саканиа, ссылаясь на лингвиста А. Д. Хеция: «В абхазском языке слово “Алашкинтыр” (другой вариант “Алыскинтыр”) означает снежный барс или горный лев» (2006. С. 321). Аналогичным образом, кстати, называли абхазские военные суда. То есть кошачьи и собачьи хищники в представлении древнего населения Абхазии занимали равнозначное место.

По мнению Е. Ю. Ендольцевой, «стилистические особенности изображения рельефа со зверями, плоскостно-графическая манера исполнения» сближают его с памятниками XI в. Абхазии, всего Закавказья, Малой Азии (Ендольцева, 2018. С. 301). Вряд ли здесь стоит вдаваться в вопросы полемики между Л. Г. Хрушковой, относящей основную массу рельефов с изображениями животных из Анакопии к VI в. (2-я пол. VI в. — 1-я пол. VII в. до н. э.), и Е. Ю. Ендольцевой, датирующей их XI в. (Хрушкова, 1980. С. 30–31; Искусство Абхазского царства, 2011. С. 118–121). Отметим лишь, что стилистика изображений Анакопии и Лашкендара мне представляется различной, анакопийские рельефы гораздо более графичны и отличаются более детальной проработкой. То же самое, если можно по отношению к этим схематичным изображениям говорить о какой-либо проработке, относится и к рельефам Кяфарской гробницы (Аланская гробница, 1994. Рис. 4–7). Графичные изображения (на этот раз, безусловно, собак) с четко очерченными жесткими контурами стилистически отличны от условно очерченных мягким контуром рельефов Лашкендара. С тем же успехом в качестве аналогий можно приводить рельефы из Кубачей или храма Тхаба-Ерды. Еще одна приводимая аналогия — изображения собак на камнях Кяфарского городища (культовый участок) — также «не работает»: стилистика этих петроглифов абсолютно иная, и их, скорее, следует сопоставить с наскальными изображениями Кавказа эпохи бронзы — раннего железа (Аржанцева, Албегова, 1999. Рис. 6). Впрочем, все эти замечания не исключают возможности комплексного анализа семантического значения закавказских и северокавказских изображений, тем более учитывая расположение животных в геральдических позах.

Тем не менее, у нас есть более близкие аналогии, которые не были оспорены Е. Ю. Ендольцевой. Ближайший стилистический и композиционный аналог рельефу из Лашкендара — изображение двух

оленей у водопоя на тимпане северного портала церкви Сиони в Атени (Восточная Грузия, близ г. Гори), датируемое 1-й пол. VII в. (Аладашвили, 1977. С. 41. Рис. 40; Закарая, 1982. Рис. 69). И в Атени, и в Лашкендаре мы видим свободное расположение фигур, обозначение форм одним контуром, мягкую моделировку, стройные пропорции и гибкие очертания. Отметим также связь Атенского храма с Абхазской династией: его роспись в 904–906 гг. была выполнена именно по заказу абхазского царя (Георгия) (Амиранашвили, 1957. С. 95–98). Несмотря на спорность хронологии большей части рельефов Атенского Сиони, датировка рельефов в тимпане сомнений не вызывает (Аладашвили, 1977. С. 41, 49). Напротив, рельефы также относящегося к VII в. храма в Мартвили заметно отличаются, они более рельефны и либо тщательно проработаны, либо жестко схематичны и графичны, предоставляя нам только лишь четко очерченный контур изображения.

Еще одна аналогия лашкендарскому рельефу, пусть и не абсолютная — рельефные изображения на двухчастной плите из фондов Пятигорского краеведческого музея (Савенко, 2011). Как ранее считалось, она происходит из окрестностей аланского городища Рим-гора (Кузнецов, 2014. С. 89. Рис. 44), но сейчас подтверждена ее принадлежность к комплексу памятников из района Буденновска (Маджар) (Савенко, 2011).

Как мы уже отмечали, если обратиться к другим известным нам в Закавказье рельефам, более поздним, к примеру к изображению льва и быка из храма X в. в с. Касагини в Южной Осетии, мы увидим стилистически иные парные изображения животных над порталами или окнами. Они отличаются более детальной проработкой, отсутствием лаконизма, более глубоким рельефом. Как уже отмечалось, в X–XI вв. характерная для рельефов более раннего времени «плоскостно-графическая система постепенно уступает место трактовке в объемных, скульптурных формах» (Аладашвили, 1978. С. 29).

Изображение над южным порталом Лашкендарского храма мальтийского креста простой формы, вписанного в круг, как признает и Е. Ю. Ендольцева, распространяется с V в., но, к примеру, в памятниках XI в. в Каппадокии рамка медальона у мальтийского креста отсутствует (Искусство Абхазского царства, 2011. С. 125). По мнению С. М. Саканиа, равноконечные кресты мальтийского типа в храмах Абхазии не выходят за рамки V–VII вв. (2006. С. 319). Но конечно, определить узкую дату

этого изображения при слабом уровне разработанности данного материала вряд ли представляется возможным.

Таким образом, мы не можем считать принципиальным вопросом определение вида животного, изображенного в Лашкендаре. Вероятно, мы здесь имеем дело с единым мифологическим образом, сочетающим в себе черты как собачьего, так и кошачьего хищника. Точная датировка храма пока что затруднительна, но основания относить его к VII–VIII вв., по меньшей мере, столь же существенны, как и основания отнести его к X–XI вв.

Литература

Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–XI веков. М.: Искусство, 1977. 276 с.

Аладашвили Н. А. Грузинская фасадная скульптура X–XI вв // Средневековое искусство. Русь. Грузия / ред. колл. Г. В. Алибегашвили, В. В. Беридзе, Т. Б. Князевская, О. И. Подобедова. М.: Наука, 1978. С. 29–44.

Аланская гробница XI века: сборник. (Н. А. Охонько. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища; З. В. Доде. Костюмы персонажей Кяфарской гробницы). Ставрополь: Студия «АРС-дизайн». 1994. 52 с.

Амиранашвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. Тбилиси: Сахелгами, 1957. Т. I. 184 с., 158 л.табл.

Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 183–200.

Армарчук Е. А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: Материалы Международного семинара 17–21 ноября 2009 г. Тр. ГЭ. / Науч. ред. Д. Д. Елшин. СПб.: Изд-во ГЭ, 2010. Т. LIII. С. 180–195.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015. 372 с.

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978. 176 с.

Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (X–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. — Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 334–362.

Джопуа А. И., Скаков А. Ю., Федотова А. В. Разведки на горе Лашкендар // АО 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 721–722.

Джопуа А. И., Скаков А. Ю. К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые Международные Инал-Иповские чтения. Сухум, 9–12 окт. 2007 г. / отв. ред. Т. А. Ачугба. Сухум: РУП «Дом печати», 2011. С. 362–363.

Джопуа А. И., Нюшков В. А. Изучение позднеантичных и средневековых памятников археологии Абхазии с 2000 по 2013 г. // Историко-археологический альманах. / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир — Краснодар — М., 2018. Вып. 14. С. 100–107.

Ендольцева Е. Ю. Храм Лашкендар и абхазо-аланские культурные контакты: перспективы исследования // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 3. С. 298–308.

Закарая П. Памятники Восточной Грузии. М.: Искусство, 1983. 376 с.

Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы // Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е. Сухуми: Алашара, 1965. 696 с.

Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности // Труды в 9 т. Зарубежные абхазы. Ступени к исторической действительности. Сухум: АбИГИ, 2017. Т. IV. 428 с.

Искусство Абхазского царства VIII–XI веков // Христианские памятники Анакопийской крепости / Отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПБ.: Изд-во РХГА, 2011. 272 с.

Кация А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии / ред. М. М. Трапш. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 65–89.

Кузнецов В. А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете аланo-осетинской проблемы. Владикавказ: ООО «Проект-Пресс», 2014. 208 с.

Савенко С. Н. Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова): сб. материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 10–11 мая 2011 г. / отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ, 2011. С. 178–185.

Саканиа С. М. Храмовый комплекс на горе Лашкендар // I Международная абхазская археологическая конференция, посвященная памяти Ю. Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: материалы конференции / отв. ред. В. В. Бжания. Сухум, 2006. С. 318–321.

Скаков А. Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах. / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир — Москва, 1998. Вып. 4. С. 12–23.

Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды в 4-х т. / Сост. и отв. ред. А.Х. Халиков. Сухуми, 1975. Т. IV. 258 с.

Хварцкия И. Абхазия. Святые места. Сочи, 2003. 44 с.

Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 225 с.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 502 с.

Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград — М.: ИД «РОС-ДОАФК», 2018. 480 с.

Шида Картли. Т. III. Архитектурное наследие Джавского района // Материалы экспедиции 1985–1986 гг. / ред. Ц. Дадианидзе. Тбилиси: Фонд Ильи, 2004. 168 с.

А. А. Туаллагов

Центр скифо-аланских исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия

О новой находке из Абхазии

Для цитирования: *Туаллагов А. А.* О новой находке из Абхазии // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 275–279.

Alan A. Tuallagov

Centre for Scytho-Alanic Studies named after V.I. Abaev of Vladikavkaz Scientific Centre RAS, Vladikavkaz, Russia

About a new find from Abkhazia

For citation: Tuallagov A.A., 2022. O novoy nakhodke iz Abkhazii [About a new find from Abkhazia]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 275–279.

Недавно в научный оборот была введена интереснейшая находка из Анакопийской крепости — медная вислая печать с надписью: «Господи, помоги рабу твоему Константину, протопроедру и эксусиакратору всей Алании». Полагают (Аргун, 2016. С. 6–7), что биография правителя ранее могла отразиться в сообщении Иоанна Скилицы о Константине Алане, носившем придворный титул магистра. Он в качестве помощника вестарха Ивирии Михаила Иасита участвовал в неудачном походе 1045 г. против архонта Двина (Тивия) и Персармении Аплисфара (эмир Абу-л-Асвар).

© Туаллагов А.А., 2022.

Полагают (Кузнецов, 1992. С. 236–237), что о пожаловании титула «магистр» Константину Алану сообщил Кедрин. Его деятельность протекала не в Алании, а в Византии. Он мог быть отцом или родственником дочери аланского правителя, находившейся в Константинополе в заложницах. Она была неофициальной супругой Константина Мономаха с титулом севасты.

Присвоение придворного титула «магистр» иноземным правителям указывало на их вассалитет. Полагали, что магистр Константин Алан мог быть эксусиократором Алании, чему не противоречит титулярно-должностная параллель «магистр-эксусиаст». Но, скорее, в нем видят ромеизированного представителя правящей царской фамилии, брата или дядю аланской принцессы (Малахов, 2015. С. 154, 158). Другие исследователи, основываясь на анакопийской находке, логично полагают, что следующим титулом Константина Алана был «протопроедр», указывающий на заслуги его носителя перед империей (Аргун, 2016. С. 4–5).

В нашем распоряжении есть некоторые уточняющие материалы. Константин Алан в ранге проедра значится в надписи на серебряной византийской чаше, обнаруженной в составе драгоценной посуды в районе Татар Пазарчика (Болгария). Палеографические и стилистические особенности надписи («K(YPI)E BOHΘEI KΩNCTANTINΩ ΠPOEΔPΩ TΩ ΑΛΑΝΩ» — «Господи, помоги Константину Алану, проедру») имеют прямые аналогии в надписях конца XI в. и особенно XII в. Моливдовул Константина Алана, но без указания его рангов, представлен в собрании Dumbarton Oaks (DO 58.106.2314), датируясь 2-й пол. XI в. Проедр Алан, без указания имени, известен и по надписи другого моливдовула того же периода (DO 58.106.31930) (Ballian, Drandaki, 2003. P. 65–66. Fig. 22; Алексеенко, Цепков, 2012. С. 9–10).

Учитывая именную гравировку с указанием высокого византийского титула, регулярно встречающегося с сер. XI в. у представителей военной аристократии, весь набор посуды принадлежал Константину Алану. Богатство набора подчеркивает, что его хозяин был высокопоставленным представителем аристократической элиты. По Кекавмену, лишь царственные иноплеменники могли удостаиваться больших титулов и высоких должностей. Ранг Константина Алана вполне отвечал его принадлежности к высшим слоям аланской знати, часть из которой поступила на службу Византии (Ballian, Drandaki, 2003. P. 65; Алексеенко, Цепков, 2012. С. 10–11).

Но нельзя принять отождествление алан с грузинами (Ballian, Drandaki, 2003. P. 65, 76. N. 112), даже с учетом данных некоторых византийских источников, не проводящих четких различий между аланами, иберами, абхазами. Для приводимых надписей этническая идентификация их владельцев была ясной. «Алан» не обязательно было родовым именем, но указывало на этническое происхождение (Ballian, Drandaki, 2003. P. 65, 76. N. 112). Константин, несомненно, был не из «рода Алан» (Алексеенко, Цепков, 2012. С. 10–11), что подтверждает анакопийская находка.

Константин Алан был представителем правящего рода Алании, поступившим на службу к византийскому императору. Изначально он не был аланским правителем, о чем свидетельствуют надписи и письменные источники, в которых он обозначен без ранга или в рангах магистра, проедра и протопроедра. Очередность присвоения титулов, с одной стороны, свидетельствует о его карьерном продвижении на византийской службе, с другой стороны, указывает на отсутствие безусловной связи византийских титулов с определением иноземных правителей. Титул Константина Алана «магистр» подтверждает, что он давался не только правителям, но и их родственникам. Другой алан-магистр (Иоанн?), являвшийся родственником Марии Аланской (Алемань, 2003. С. 280) по материнской линии, был приближенным императора Никифора III Вотаниата (1078–1081).

Карьера Константина Алана не была исключением для аланской знати. По надписям, также обнаруженным на территории современной Болгарии, мы можем проследить карьеру Григория Алана, которая при получении титула протопроедра не завершилась воцарением. Известна его личная печать (Jordanov, 2009. P. 602–603, № 1811), а также два моливдовула 1050–1060-х годов, на которых он назван патрикием и стратигом («Κυριε βοηθει τω σω δουλω Γρηγοριω πατρικιω και στρατηγω τω Αλανω» — «Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, патрикию и стратигу») (Jordanov, 2006. № 21–22. P. 46). В 1060-е годы он представлен в ранге анфипата и катепана («Κυριε βοηθει τω σω δουλω Γρηγοριω ανθυπατω και κατεπανω τω Αλανω — «Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, анфипату и катепану»). Наконец, Григорий Алан выступает в 1070–1080-е годы как протопроедр и дука («Κυριε βοηθει τω σω δουλω Γρηγοριω πρωτωπροεδω και δουκι τω Αλανω» — «Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, протопроедру и дуке»). На частной булле Григория

Алана 2-й пол. XI в. ранги не указаны («Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) τω σω δουλω Γρηγοριω Αλανω» — «Господи, помоги своему рабу Григорию Алану») (Jordanov, 2006. P. 47).

Известны также печати Георгия Алана и протоспафария Сергия Алана 2-й четв. XI в. (Seibt, 2004. P. 55–56, 59). В районе Мекензиевых гор, у г. Симферополь, найден моливдовул вестарха и катепана Херсона и Хазарии Никифора Алана 1060–1080-х гг. («Κ(υρι)ε β(οη)θ(ει) Νικηφορω βεσταρχ (και) κατεπαν(ω) Χερσωνος (και) Χαζαρ(ιας) τω Αλανω — «Богородица, помоги Никифору Алану, вестарху и катепану Херсона и Хазарии») (Алексеенко, Цепков, 2012. С. 7–17; Чхаидзе, 2016. С. 13–14). Полагают, что Константин, Никифор, Григорий, Сергий были представителями одного аланского рода (Алексеенко, Цепков, 2012. С. 12; Чхаидзе, 2016. С. 14), обозначать который «провинциальным» некорректно.

В надписи 965 г. Сентинского храма представлены Давид, эксусиократор Алании, и Мария, эксусиократорисса (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 44). Известны печати правителей Алании: 1) Гавриил, эксусиократор Алании (1030 — начало 1040-х гг.), отождествляемый с овсскими правителями Урдуре или Дургулелем (Дорголель) «Картлис Цховреба»; 2) Росмик, эксусиократор (?) и себаст (нач. XII в.), отождествляемый с эксусиократором Росмиком (Ромиск), который во главе аланского войска в составе византийской армии, согласно Анне Комниной, противостоял в 1108 г. норманнам Боэмунда Тарентского в Эпире; 3) Иоанн Хотеситат, эксусиократор Алании (сер. XII в.), отождествляемый с овсским правителем Худданом «Истории и восхваления венценосцев» (Seibt, 1978. S. 311–312; 2004. P. 53–56; Малахов, 2015. С. 74–79; Белецкий, Виноградов, 2011. С. 54, 59–56).

Видно, что правители Алании не использовали иных титулов, кроме «севаст» и «эксусиократор» (в византийских источниках называются также эксусиастами, василевсами и архонтами), в отличие от Константина Алана. Его надпись отличает и определение πασης Αλανι(ας) — «всей Алании».

При подобных определениях предполагали, что за ними могли стоять не указания на топоним, а указания на этнос, т.е. на правление, в нашем случае — всеми аланами. Но более вероятно, что такие определения были связаны с какими-либо экстраординарными событиями на территориях, требовавшими не только постановки в управление ими энергичных функционеров, но и расширения их полномочий, причем как в бóльшем территориальном охвате, так и в привлечении широких администра-

тивных и военных ресурсов (Чхаидзе, 2016. С. 13–20). Возможно, именно заслуги Константина Алана перед империей в условиях неких сложных обстоятельств в Алании привели к прямой поддержке Византией его прихода к власти у себя на родине. Был ли он узурпатором, представителем побочной линии аланской династии и т.п. (Аргун, 2016. С. 6–8), трудно говорить без дополнительной информации.

Литература

Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Херсонесский сборник. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

Аргун А. В. Вислая печать из привратной башни Анакопийской крепости // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г. Краснодар, 2016. С. 4–10.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е изд., доп. Владикавказ: ИР, 1992. 392 с.

Малахов С. Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и культурных связей. М.: СЕМ, 2015. 372 с.

Чхаидзе В. Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. 44 с.

Ballian A., Drandaki A. A Middle Byzantine silver treasure // ΜΟΥΣΕΙΟ ΜΠΕΝΑΚΗ. 2003. 3.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2: Byzantine Seals with Family Names. Sofia, 2006. 546 P.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. Pt. 2. Text and illustrations. Sofia, 2009. 1274 P.

Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Teil 1. Kaiserhof. Wien, 1978. 349 S. 12 Taf.

Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10-12 Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры: сб. науч. трудов, посвящ. юбилею В. С. Шандровской. СПБ.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 50–59.

Д. Э. Василиненко
НАО «Наследие Кубани», Краснодар, Россия

Строительная керамика церкви у родника Крион Нерон (Адлерский район г. Сочи): некоторые аспекты типологии и хронологии

Для цитирования: *Василиненко Д. Э.* Строительная керамика церкви у родника Крион Нерон (Адлерский район г. Сочи): некоторые аспекты типологии и хронологии // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 280–283.

Dmitriy E. Vasilinenko
NJSC "Heritage of the Kuban", Krasnodar, Russia

Building ceramics of the church near the Krion Nero spring (Adler district of Sochi): some aspects of typology and chronology

For citation: Vasilinenko D.E., 2022. Stroitel'naya keramika tserkvi u rodnika Krion Neron (Adlerskiy rayon g. Sochi): nekotorye aspekty tipologii i khronologii [Building ceramics of the church near the Krion Nero spring (Adler district of Sochi): some aspects of typology and chronology]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyash-chennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 280–283.

За последние десять лет в Северо-Восточном Причерноморье (в административных границах г. Сочи) было исследовано и введено в научный оборот шесть памятников церковной архитектуры. К настоящему времени опубликован ряд работ, посвященных архитектурным особенностям этих храмов, анализу строительных материалов и техники их

© Василиненко Д. Э., 2022.

возведения (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 106–108, 124–126, 139–141, 145–146, 165–167, 181–184).

Одним из перспективных направлений в исследовании архитектуры храмов является изучение их кровельных материалов, что позволяет судить об особенностях перекрытия церквей.

Церковь у родника Крион Нерон — храм типа «свободного креста», время возведение которого предварительно отнесено к 2-й пол. X в. (Василиненко, 2010. С. 77). Как литургическое сооружение храм функционировал до 2-й пол. XIII в. — возможно, до начала XIV в.

В слое разрушения храма было обнаружено 2163 целых формы и фрагментов керамид и 688 фрагментов калиптеров.

Керамиды были разделены на 4 типа, два из которых, в свою очередь, разделены на 2 варианта.

Тип **I.** Керамиды прямоугольной и трапециевидной формы с П-образным бортиком, разомкнутым по центру в верхней части керамиды. Длина керамид этого типа от 42,0 до 45,0 см, ширина лотка 23,0–25,0 см, высота бортика — 4,5–5,5 см, толщина — до 2 см, толщина лотка 2,0–2,5 см (рис. 1, *1*).

Тип **II.** Керамиды трапециевидной формы с вертикальными бортиками и уступами внизу, смоделированными симметричной подрезкой бортиков. Длина 42,5–45,0 см, ширина 21,0–24,5 см, высота бортика — 4,0–4,4 см, толщина лотка 1,8–2,4 см (рис. 1, *2*).

Тип **III.** Керамиды удлиненной трапециевидной формы с вертикальными бортиками. Тип имеет 2 варианта, отличающихся размерами:

Вариант 1. Длина 41,0–42,0 см, ширина лотка 25,0–25,5 см, высота бортика 4,2–4,8 см; толщина 2,4–2,2 см; высота уступа 2,7 см; толщина лотка 2,2–2,4 см (рис. 1, *3*).

Вариант 2. Длина лотка 30,0–30,5 см, ширина лотка в верхней части 14,0–16,0 см, в нижней — 13,0–15,0 см; высота бортика 5,0–3,2 см, толщина лотка 1,2–0,8 см (рис. 1, *4*).

Тип **IV.** Косоугольные керамиды. Указанные изделия отнесены к керамидам, а не к карнизным кирпичам по причине наличия характерного бокового бортика. Целых форм и фрагментов, позволяющих полностью реконструировать эти изделия, не обнаружено. Из немногочисленных фрагментов этого типа также можно выделить два варианта:

Вариант 1. Левосторонние (рис. 1, *5, 6*).

Вариант 2. Правосторонние (рис. 1, *7, 8*).

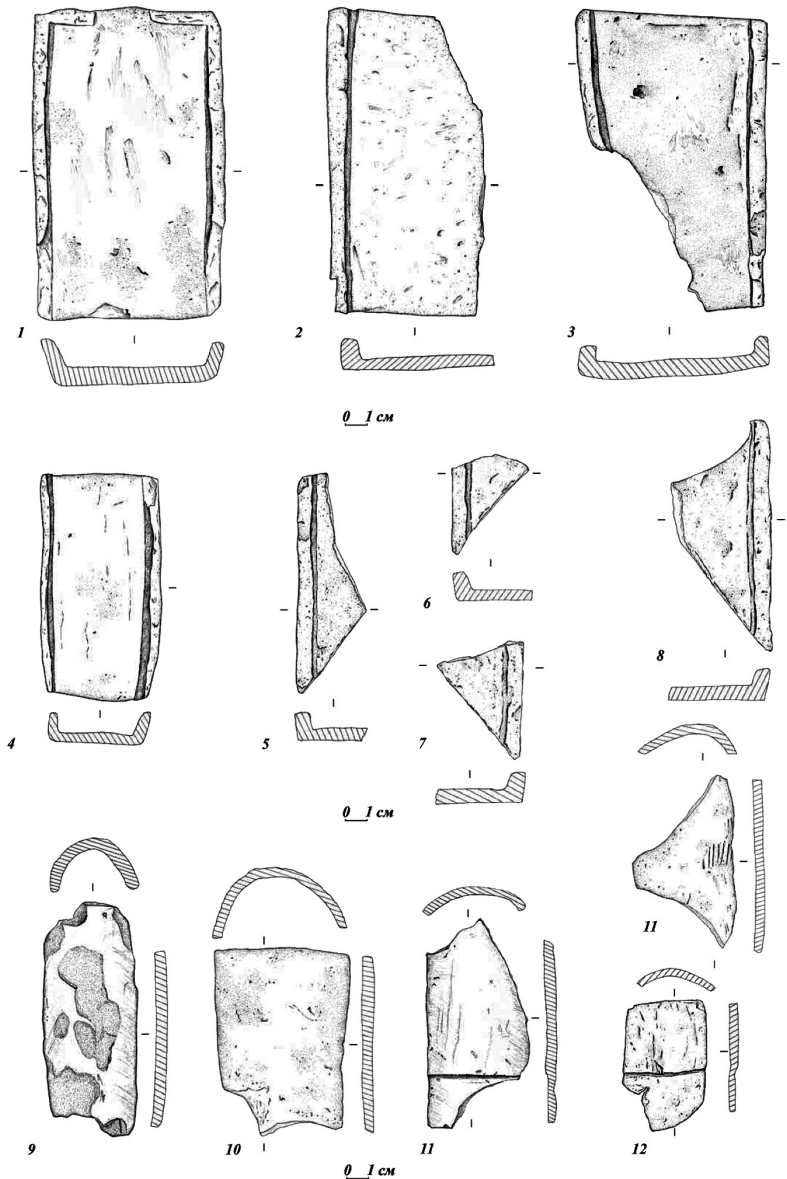

Рис. 1. Керамиды и калиптеры из церкви Крион Нерон. *1–8* — керамиды: *1* — тип I, *2* — тип II, *3* — тип III.1, *4* — тип III.2, *5, 6* — тип IV.1, *7, 8* — тип IV.2; *9–12* — калиптеры: *9–11* — тип I, *12* — тип II, *11* — калиптер со строительной (?) меткой

Поверхности и формовочная масса практически всех керамид красного цвета. Тесто плотное, с включением мелких белых частиц (вариант — мелкие частицы, конкреции коричневого цвета). Значительное количество фрагментов изделий с темно-серым закалом в изломе.

Все калиптеры были обнаружены во фрагментах, что значительно затрудняет их типологизацию. С некоторой долей условности среди них выделено 2 типа.

Тип **I.** Подавляющее количество калиптеров. Они трапециевидные в плане, дуговидные в профиле, с прямоугольным в плане уступом, расположенным в нижней части. В дальнейшем возможно выделение нескольких вариантов по метрическим параметрам (рис. 1, *9, 10*).

Тип **II.** Единственный экземпляр с продольным, горизонтальным выступом в виде округлого язычка (рис. 1, *12*).

На большом количестве фрагментов калиптеров прослежены строительные (?) метки в виде нескольких коротких параллельных линий, прочерченных либо нанесенных гребенчатым штампом (рис. 1, *11*). Формовочная масса калиптеров близка к формовочной массе большинства керамид.

Керамиды типов I, II, III.1 в целом соответствуют аналогичным типам, происходящим из церквей Северо-Восточного Причерноморья.

Керамиды типа I прослежены автором в перекрытии храма в с. Лыхны (Гудаутский район Республики Абхазия), причем часть из них была использована в качестве калиптеров.

Следует обратить внимание на косоугольные кирпичи, из которых выложен карниз этой церкви. Пропорции их соответствуют пропорциям керамид типа IV. Возможно, в возведении перекрытия этого храма и церкви у родника Крион Нерон участвовала одна и та же специализированная артель.

Литература

Василиненко Д. Э. О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский район г. Сочи). К вопросу о генезисе храмов плана «croix libre» на Северном Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 26–30 апр. 2010 г. Магас: ООО «Пилигрим», 2010. С. 76–78.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII в. — X в. М.: Индрик, 2015. 372 с.

А. В. Пьянков
ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция», Краснодар, Россия

Вторая группа средневековых погребений могильника Бжид-1

Для цитирования: Пьянков А. В. Вторая группа средневековых погребений могильника Бжид-1 // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 284–290.

Aleksey V. P'yankov
LLC "West Caucasian Archaeological Expedition", Krasnodar, Russia

The second group of medieval burials at the Bzhid-1 burial ground

For citation: P'yankov A.V., 2022. Vtoraya gruppa srednevekovykh pogrebeniy mogil'nika Bzhid-1 [The second group of medieval burials at the Bzhid-1 burial ground]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 284–290.

Могильник Бжид-1 был открыт в 1982 г., он находится в Туапсинском районе на правом берегу р. Бжид, в 700 м от впадения реки в Черное море, на нижней части склона горы Плоский Бжид. Первоначально могильник занимал поле размерами 235 х 135 м. Его поверхность понижалась с запада на восток, северо-восток и юго-восток. Перепад высот достигал 10 м.

© Пьянков А. В., 2022.

В 1990 и 1992 гг. могильник исследовался Южно-Кубанской археологической экспедицией Краснодарского музея-заповедника, после чего работы были остановлены из-за недостатка финансовых средств. За два сезона было вскрыто около 10 000 кв. м, исследовано 175 погребений, 3 конских захоронения, 6 объектов, относящихся к разному времени и плиточный дольмен. Исследованные погребения и объекты можно разделить на два хронологических блока.

Первый блок количественно преобладал, он включал 148 погребений, 3 захоронения коней и несколько объектов сер. III в. — сер. VII в. н. э. Сведения о памятнике и о погребениях раннего блока уже публиковались (см.: Пьянков, 1998а. С. 48–52; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 189, 190, 193, 194. Табл. 74, 76, 77).

Второй блок погребений объединяет 27 поздних комплексов различного погребального обряда, инвентарь одного разрушенного погребения, один объект и несколько случайных находок, датирующихся в пределах XII–XV вв. Практически все поздние погребения разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, что допускает существование курганных насыпей, разрушенных плантажной вспашкой.

Среди поздних захоронений выделяются два типа погребений: трупосожжения и трупоположения. Первый тип представлен кремациями. 6 сожжений совершены на стороне с погребением в урнах костных остатков вместе с инвентарем и золой. Они уже вводились в научный оборот (Пьянков, 1998б. С. 16–23). Инвентарь мало выразителен: красноглиняные урны: корчаги и пифоидные сосуды с коническим дном (рис. 1, *7, 9*), черешковые ножи, калачевидные кресала (рис. 1, *10*), бронзовые тисненные бубенчики, наконечники стрел и наконечник пики (рис. 1, *8*) и т.д. Калачевидные кресала с выступом на внутренней стороне и без него по древнерусской хронологии датируются в пределах X–XII вв. (Колчин, 1958. С. 99), а на Северном Кавказе такие бытовали и в XIII в. — 1-й пол. XIV вв. (Нагоев, 1987. С. 202, рис. 18, *1, 3*). Остролистный наконечник стрелы по типу 61 по классификации А. Ф. Медведева, был распространен в Восточной Европе и на Северном Кавказе в X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 73. Таб. 21, *12*). Фрагмент донца наконечника ножен датируется XII–XIII вв. (Пьянков, 1993. С. 136). Наконечники пики с пером ромбического сечения встречаются в Убинском могильнике X–XV вв. (Стрельченко, 1960. С. 155.

Рис. 5, г). Датировка этих погребений сегодня может быть уточнена в пределах середины XIII в. — 1-й половины XIV в.

Второй тип представлен ингумациями, которые распадаются на два варианта. Первый вариант образуют ранние погребения в каменных ящиках с СВ и В ориентировками и одно погребение с конем (вероятно, кенотаф). Инвентарь представлен грушевидными по форме изгиба проволочными серьгами (рис. 1, *1*), круглым височным кольцом из полой трубочки (рис. 1, *5*), бусами из глухого стекла, из стенки глазурованного сосуда и створки раковины, пуговками металлическими с петлей и костяной с центральным отверстием, железными ножами, сероглиняным горшочком с рифленым венчиком, красноглиняным узкогорлым кувшином с лощеным орнаментом (рис. 1, *3*), железными пряжками, железными удилами с крупными кольцами и арочными стременами с узкой подножкой с ребром жесткости и щелью в остроконечной дужке (рис. 1, *2*). Дату этой группы определяет ориентировка погребений на СВ и В, а также красноглиняный кувшин с шамотом в тесте, височное кольцо из полых трубочек и конский набор из удил с большими кольцами и стремена. Близкий инвентарь датируется концом XII в. — сер. XIII в. (Пьянков, 2000. С. 16, 18,19. Рис. 4, *3, 14*; Армарчук, 2006. С. 22–36, 46–47; Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 24–26. Рис. 46, *2*; 53, *26*; 61, *2*). Кроме того, красноглиняные сосуды правильной симметричной формы с тестом, содержащим большое количество шамота, изготавливались на Северо-Западном Кавказе в основном в XI в. — 1-й пол. XIII вв.

Второй вариант представлен 17 каменными ящиками, многие из которых повреждены после снесения курганных насыпей из-за неглубокого заглубления в грунт. 8 погребений ограблены, хотя и не до конца. Сохранившиеся костяки лежат на спине, головой на СЗ, З, ЮЗ (рис. 1, *4–12*, *18*). Инвентарь включает узкие сабли (рис. 1, *16*), наконечники стрел различных типов, детали колчанов, керамические кувшины (рис. 1, *11, 17*), боевые ножи, посуду: корчага, стеклянные графинчики с накладной синей нитью (рис. 1, *15*); складные серпы (рис. 1, *13*), тесловидные орудия, пружинные ножницы, ножи, каменные оселки, кресала В-образное и ажурное, костяной кочедык, бурав, бронзовые браслеты, височные дротовые кольца в два оборота, полихромные и монохромные бусы из цветного глухого стекла (рис. 1, *21*) и тисненные бронзовые бубенчики (рис. 1, *6, 20*), литые бронзовые пуговки с петлями и костяные орнаментированные пуговки со сквозным отверстием, железные пряжки

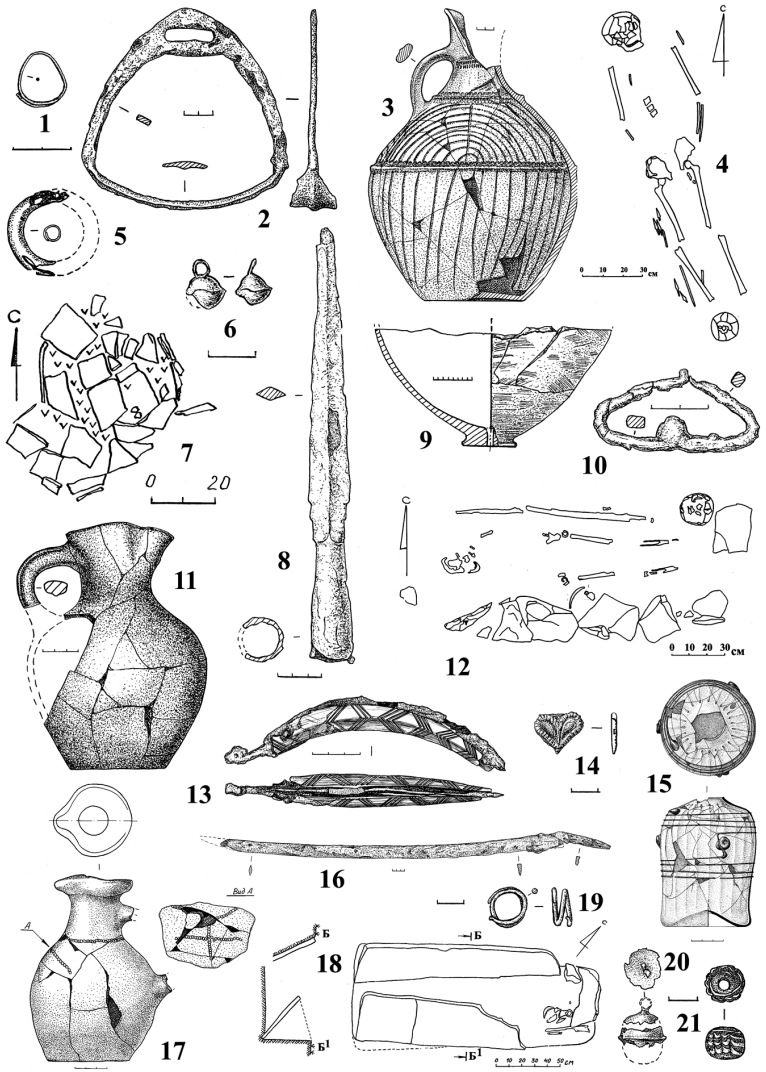

Рис. 1. Могильник Бжид-1, поздний блок: *1* — серьга, п. 52, *2* — стремя, *3* — кувшин, *4* — п. 15, план, *5* — височное кольцо, п. 52, *6* — бубенчик, п. 118, *7* — п. 118, план, *8* — пика, п. 118, *9* — урна, фр-нт, п. 118, *10* — кресало, п. 118, *11* — кувшин, п. 123, *12* — п. 42, план, *13* — складной серп с рукоятью, п. 123, *14* —накладка поясная, п. 120, *15* — графин, п. 120, *16* — сабля, п. 120, *17* — кувшин, п. 140, *18* — п. 140, план, *19* — височное кольцо, п. 140, *20* — бубенчик, п. 134, *21* — бусина, п. 134; *1, 5, 6, 14, 19, 20* — бронза, *2, 8, 10, 16* — железо, *13* — железо, кость, *15, 21* — стекло

и поясные бронзовые тисненные накладки (рис. 1, *14*), портупейные железные кольца.

Погребения этого варианта в каменных ящиках определяют длинные узкие сабли, клинки которых, по классификации Р. Б. Схатума, относятся к типу С, датированному XIV в. — 1-й пол. XV вв. (Схатум, 2012. С. 64, 65. Рис. 2, *1*), а также ножницы с широкой пружиной, бубенчики тисненные с поперечным валиком, которые имеют аналогии среди инвентаря подкурганных ингумаций XIV в. — нач. XV в. могильника в поселке Кабардинка близ Геленджика (Носкова, 2010. С.172, 173, 177, 180, 181. Рис. 9, *13*; 10, *2*; 12, *14*). Серьги дротовые в 1,75 оборота из погребения 140 (рис. 1, *19*) аналогичны серьгам из погребения № 2 Сентинского храма (Марковин, 1996. С. 195. Рис. 17, *1*). Могильник храма автор датирует XI–XIV вв. (там же. С. 200). Учитывая поздний облик сосуда, погребение № 140 можно датировать 2-й пол. XIV в. — 1-й пол. XV в.

Погребения позднего блока погребений оставлены средневековыми адыгами, о чем свидетельствует погребальный обряд и аналогии среди курганных могильников Черноморского побережья Краснодарского края (Алексеева, 1964. С. 146–155, 170–184, 195–212; Стрельченко, 1960. С.140, 141, 155–157; Пьянков, 1997. С. 439; Тешев, 1985. С. 146*; Но*скова, 2010. С. 181).

Литература

Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в Средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института / отв. ред. Э. А. Джанибеков. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964. Вып. IV. С. 146–252.

Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.

Армарчук Е. А., Дмитриев А. В. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.: ИА РАН — СПб.: Нестор-История, 2014. 132 с.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Гл. 8. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII века / отв. ред.: Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М., 2003. С. 186–200.

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92–111.

Марковин В. И. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) / отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир — М.: Армавирский краеведческий музей, 1996. Вып. 2. С. 180–202.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие: (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / САИ. Е1-36. М., 1966. 184 с.

Нагоев А. Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Памятники Средневековья (IV–XVIII вв.) / ред. В. А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. С. 170–241.

Носкова Л. М. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока: сб. ст. / Научн. ред. Л. М. Носкова. М.: Гос. музей Востока, 2010. Вып. 5. С. 167–200.

Пьянков А. В. Средневековый могильник Абинский-4 // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-Кавказские исследования. STUDIA PONTOCAVCASICA. I / ред. колл. А. В. Пьянков, Н. Ф. Шевченко. Подготовка и ред. текста статей Б. А. Раев. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 123–138.

Пьянков А. В. Средневековая археологическая культура адыгов // Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до Октября 1917 года / Автор идеи, словника, сост., науч. ред, рук. авт. коллектива Б.А. Трехбратов. Краснодар, 1997. С. 437–439.

Пьянков А. В. Раскопки могильника Бжид-1 на Черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани. / сост.: А. В. Пьянков, Ю. В. Зеленский, А. П. Винидиктов, Б. Е. Фролов. Краснодар, 1998а. Вып. 8. С. 48–54.

Пьянков А. В. Урновые трупосожжения из могильника Бжид-1 // Древности Кубани. Июль / Сост.: А. В. Пьянков, Ю. В. Зеленский, А. П. Винидиктов, Б. Е. Фролов. Краснодар, 1998б. Вып. 9. С. 16–23.

Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. / под ред. А. В. Пьянкова, И. В. Галкиной, В. П. Пономарева. Абинск, 2000. Вып. 3. С. 12–25. Рис. 1–5.

Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1960. Вып. 1. С. 140–157.

Схатум Р. Б. Предметы вооружения Убинского могильника: общая характеристика и датировка // I «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа.

К 70-летию исследования Убинского могильника: материалы Межрегионального круглого стола. Краснодар, 9 июня 2011 г. / ред. колл. А. Г. Еременко, Т. А. Павленко, Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Вика-Принт, 2012. С. 58–69.

Тешев М. К. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе и на Черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи / отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп, 1985. С. 142–165.

Р. Б. Схатум
Музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, Краснодар, Россия

Средневековое кремационное воинское погребение с территории г. Геленджика

Для цитирования: *Схатум Р. Б.* Средневековое кремационное воинское погребение с территории г. Геленджика // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 291–295.

Ruslan B. Skhatum
Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, Krasnodar, Russia

Medieval cremation military burial from the territory of Gelendzhik

For citation: Skhatum R.B., 2022. Srednevekovoe krematsionnoe voinskoe pogrebenie s territorii g. Gelendzhika [Medieval cremation military burial from the territory of Gelendzhik]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 291–295.

Рассматриваемый в данной публикации комплекс вещей был обнаружен в конце февраля 1955 г. в ходе плантажных работ на территории дома отдыха «Черноморец» в г. Геленджике. На место выехал заведующий археологическими фондами Геленджикского музея Д .Е. Щеглов. Он обнаружил остатки разрушенного погребения, фрагменты урны и часть предметов (шлем, сабля, красноглиняный сосуд), которые были в итоге доставлены в музей г. Геленджика, где хранятся и сейчас. Данные

© Схатум Р. Б., 2022.

вещи не публиковались, однако в 1957 г. они попали в раздел «Хроника» «Советской археологии» в виде краткого сообщения Д. Е. Щеглова: «На северо-восточной окраине Геленджика зарегистрирован курганный могильник. При строительных работах здесь было обнаружено два погребения с трупосожжением. В первом погребении найдены урна, сабля, шлем, копья[1], красноглиняный кувшин. Эти вещи датируются X–XI вв. н. э…» (Археологические работы…, 1957. С. 282). Как видно, в данном сообщении о рассматриваемом трупосожжении дается очень мало информации: она заключается лишь в простом перечислении обнаруженных в нем предметов с указанием их примерной датировки.

Как можно понять из контекста, кремация была подкурганной, что вызывает определенное сомнение. Однако в отчете, составленном Д. Е. Щегловым 25 января 1957 г. (Отчет…, 1957), информации значительно больше. К сожалению, в нем нет ни плана места находки, ни его фотографий, сохранилось только его более подробное описание[2]. Из него следует, что кремация была грунтовой, захоронение произведено в урне на глубине 30–40 см, в ней обнаружены были и кости, что свидетельствует о том, что это был не кенотаф. Среди вещей был также наконечник копья, который был похищен. Сабля и шлем несут на себе явные следы окалины, а это, безусловно, свидетельствует о том, что они происходят из кремационного погребения.

Шлем был сильно деформирован несколькими ударами, предположительно булыжниками разных размеров. Сохранился в двух фрагментах. Первый из них состоит из соединенных между собой *in situ* пластин — лобовой и левой боковой; второй представлен фрагментом заднего и правым боковым сегментами. С последним частично *in situ* соединена фигурная по верхнему краю пластина с прикрепленной к ее нижней части бармицей. Лобовой и затылочный сегменты имеют волнообразные края, образованные пятью выступами, в которых пробивалось по одному отверстию и куда вставлялись заклепки, соединявшие

[1] Множественное число («копья») — вероятно, опечатка. Можно предположить, что изначально было написано «наконечник копья», а, например, при редактуре слово «наконечник» убрали.

[2] Благодарю директора Геленджикского историко-краеведческого музея О. А. Балахонову и его главного хранителя А. Б. Григорьева за оказанную помощь и содействие, а также возможность опубликовать рассматриваемые в статье материалы.

их с боковыми пластинами. На лобовом сегменте внизу прикреплена с помощью заклепок еще одна фигурная пластина в виде «бутонов».

Таким образом, шлем был собран из четырех подтреугольной формы пластин, образующих сфероконическую форму тульи, близкую к конической. Наверху дополнительно крепилось навершие для плюмажа, по бокам, вероятно, — дополнительные пластины подквадратной формы (сохранилось только по одному круглому отверстию), возможно, из иного материала (бронзы?). Снизу, с боков и сзади к шлему крепилась пластина с кольчужной бармицей. Реконструируемая высота последней составляла примерно 19–20 см, т.е. она достигала, по крайней мере, плеч в районе ключиц воина.

Предполагаемый реконструируемый размер шлема: сохранившаяся высота — 19 см, при наличии навершия была не менее 22–24 см, диаметр ≈ 21 х 19 см.

Сабля согнута на огне в трех местах. Ее размеры следующие: длина общая — более 90 см, клинка — 81,5 см. Ширина клинка в основании и по центру — 2,8–3 см. Черен имеет два круглых отверстия для крепления рукояти, а также наклон в сторону лезвия. На основании клинка читается накладная узкая пластина, крепившаяся по кромке основания клинка и на основании его лезвия (узкий «язычок») на высоту более 6 см. Она имеет резной орнамент в виде косых и вертикальных линий. На одной из сторон в основании клинка сохранился знак в виде буквы Y, вероятно являвшийся тамгой владельца сабли.

Сосуд представляет собой красноглиняный одноручный кувшин; тулово по форме близко к биконическому и переходит в сравнительно высокое узкое горло, завершающееся слабо отогнутым наружу небольшим венчиком, который, как и значительная часть горлышка, были отбиты и не сохранились. Ручка в сечении подпрямоугольная, верхний край ее приподнят над венчиком; дно плоское. Верхний прилеп закреплен на горлышке под венчиком, нижний — над линией плечика, над изгибом тулова. Кувшин имеет следующие размеры. Высота, по отчету — 15,6 см, а по моим измерениям: по ручке — 16,5 см, по краю горлышка — 16 см. Диаметр тулова — 10,8 см. Высота ручки — 9,8 см. Внутри стенки сосуда оформлены ребристыми линиями.

Теперь об аналогиях и датировке. Для салтовского времени не характерны подобные шлемы, как неизвестны они и в золотоордынскую эпоху (Схатум, 2011. С. 191). Это позволяет отнести его ко 2-й половине —

концу X в. — началу — 1-й пол. XIII в. Рассматриваемое боевое наголовье находит аналогии в шлемах типа «Черная могила» того же времени. Они известны и за пределами территории Древней Руси: «… (4 — в Польше, 2 — в Самбии, 1 — в Венгрии, 1 — место находки неизвестно). Среди последних имеются образцы, совершенно аналогичные шлему из "Черной могилы", есть несколько отличающиеся от него» (Кирпичников, 1971. С. 26). В общей сложности мне известно более 12 аналогичных или близких рассматриваемому наголовью шлемов. В основном они происходят с территории Восточной Европы. Этот факт, вероятно, свидетельствует о контактах с последней оседлого населения Северо-Западного Кавказа.

В то же время «бутоны» на лобовой пластине рассматриваемого шлема находят определенные аналогии в украшении поверхности боевого наголовья из кремационного погребения 5 (кенотаф) могильника Андреевская щель из-под Анапы. Оно было датировано публикатором 1-й пол. XII в. (см.: Новичихин, 2008. С. 34. Рис. 5, *2*).

С учетом того, что у сабли не сохранилась гарнитура, обнаружить для нее наиболее близкие аналогии представляется затруднительным. Однако ее параметры и наличие накладки на лезвие сближают ее с экземплярами постхазарского времени, например из могильников Колосовка 1, Андреевская щель (Дитлер, 1961. Табл. XVII–XIX; *Он же*, 1985. С. 123, 124. Табл. III, *1–3*; Новичихин, 2008. С. 32. Рис. 5, *1*) и др. Колосовка 1 датируется X–XI вв. (Дитлер, 1961. С. 164, 166; *Он же,* 1985. С. 134), по более уточненным данным — не ранее 2-й пол. X в. — 1-й пол. XI в. (Пьянков, Цокур, 2011. С. 160). В то же время между геленджикской саблей и колосовскими экземплярами наблюдаются и некоторые различия, что предполагает возможную более позднюю датировку первой — не ранее сер. — 2-й пол. XI в. С другой стороны, погребение 5 могильника Андреевская щель автор раскопок датировал 1-й пол. XII в. (Новичихин, 2008. С. 34). Таким образом, аналогии сабле позволяют сузить время захоронения до сер. — 2-й пол. XI в. — 1-й пол. XII в.

Прямых аналогий кувшину найти не удалось. Однако похожие параметры (характерная форма сосуда, его тулова, а также приподнятая над горлышком ручка) известны для керамики с территории Северо-Западного Кавказа в XII в.; вероятно, в большей степени характерны для 1-й пол. этого столетия[1] (Ловпаче, 1982. Табл. 14, *288*).

[1] Судя по расположению кувшина в таблице напротив, 1-й пол. XII в.

Таким образом, рассматриваемое погребение с территории современного Геленджика принадлежало знатному касожскому воину, представителю раннесредневековой знати предков современных адыгов, возможно князю. Наиболее вероятная его датировка — 2-я пол. XI в. — 1-я пол. XII в.

Литература

Археологические работы музеев СССР за 1955–1956 гг. (Заметки с мест) // СА. 1957. № 4. С. 278–298.

Дитлер П. А. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Сер.: Археология / ред. Н. Анфимов. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1961. Т. II. С. 127–187.

Дитлер П. А. Могильник Колосовка 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи / отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп, 1985. С. 114–141.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв // САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 126 с.

Ловпаче Н. Г. Художественная керамика средневековой Адыгеи: автореф дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1982. 30 с.

Новичихин А. М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология: сб. матер. семинара при Государственном историческом музее. / отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. Вып. 1. С. 26–41.

Отчет об исследовании археологических памятников на территории Геленджикского района за период 1955–1956 гг. // Геленджикский районный краеведческий музей. Ф. 2. № 7. Геленджик, 1957.

Пьянков А. В., Цокур И. В. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология: сб. матер. Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее / отв. ред. О. В. Двуреченский. М: Русская панорама, 2011. Вып. 2. С. 153–167.

Схатум Р. Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (2-я пол. XIII в. — XIV в.) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее / отв. ред. О. В. Двуреченский. М: Русская панорама, 2011. Вып. 2. С. 189–201.

О. В. Шаров
Институт археологии РАН, Москва, Россия

В поисках германцев: Чатыр-Даг и Цебельда

Для цитирования: *Шаров О. В.* В поисках германцев: Чатыр-Даг и Цебельда // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 296–300.

Oleg V. Sharov
Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

In search of the Germans: Chatyr-Dag and Tsebelda

For citation: Sharov O.V., 2022. V poiskakh germantsev: Chatyr-Dag i Tsebel'da [In search of the Germans: Chatyr-Dag and Tsebelda]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 296–300.

В начале позднеримской эпохи в Абхазии формируется цебельдинская культура, выделенная первым абхазским археологом М. М. Трапшем (Трапш, 1971, 1975). В культуре прослеживаются отдельные элементы погребальной обрядности (биритуализм: ингумации и кремации, положение оружия в погребения, типы оружия (щиты, топоры, мечи, копья), ритуальная порча оружия, новые детали женского и мужского костюма и т. д.), которые часто связывали с появлением на этих территориях германцев[1]. Следует сразу подчеркнуть, что «германский след» проя-

[1] Этому вопросу посвящена статья М. М. Казанского (Казанский, 2015), где указана вся литература по данному вопросу и дана развернутая критика гипотезы о присутствии германцев в цебельдинской культуре.

© Шаров О. В., 2022.

вился в материалах цебельдинских некрополей позднеримской эпохи, по мнению М. М. Казанского (Казанский, 2015. С. 33–60), лишь в виде отдельных находок типов изделий центральноевропейского / скандинавского / прибалтийского происхождения (копья, мечи, умбоны щитов, грибовидные и ведерковидные подвески). По его мнению, кремация как обряд была известна еще в раннем железном веке для территории Колхиды и Абхазии и вообще не связана исключительно с германским обрядом погребения. При этом приводятся примеры для близлежащих территорий, но все примеры приведены для культур III–V вв. н.э. (Казанский, 2015. С. 33–35), а не для более раннего времени. Следует отметить, что в приведенных примерах нет культур прямо предшествующего времени: либо в очень удаленном времени уже был биритуальный обряд погребения, но еще в раннем железном веке (!?), либо появление кремаций в иных культурах синхронно их появлению в цебельдинской культуре.

Во всех случаях можно видеть, по моему мнению, появление нового обряда, ранее неизвестного у местного населения (апсилы, абасги, протоадыги и т.д.) предшествующего времени I–II вв. н.э. В таком случае, можно говорить о привнесении этого обряда извне — на рубеже II–III вв. н.э. — и вариант с «германцами» в широком смысле слова теоретически нельзя полностью исключать из обсуждения. Именно с германской волной связывают многие исследователи появление обряда кремации в начале позднеримской эпохи для территории Северного Причерноморья (Шаров, 2009; 2010; 2013).

Кремаций в материалах цебельдинских некрополей достаточно много. М. М. Казанский приводит следующую сводку: «В целом на могильнике Шапка такие погребения составляют 18,6% от общего числа захоронений, в том числе на кладбищах Шапка-Ахьяцараху — 29,5%, Шапка-Абгыдзраху — 14,8%, Шапка-Алраху — 16,6%, Шапка-Ауахуамаху — 12,5%, Шапка-Ахаччараху — 13,3%. В Цебельдинском некрополе трупосожжения составляют менее 10%, т.е. 43 на 467 изученных здесь захоронений. Погребения по обряду кремации известны и на других могильниках Абхазии — Атара Армянская, Лата, Мерхеул, Герзеул, Ахыста, Азанта и т.д. Сожжение останков покойного всегда совершалось на стороне, пережженные кости чаще погребались в урне, но известны и безурновые захоронения в ямах» (Казанский, 2015. С. 34). Такой обряд погребения характерен для целого ряда германских культур.

Также многие погребения-кремации, как и ингумации, содержат многочисленные предметы вооружения.

Но биритуальный обряд погребений с оружием, как в цебельдинских некрополях, уже не является характерным признаком для всех культур, которые считаются германскими. Это характерный обряд для пшеворской культуры Центральной Европы, для могильников Скандинавии и для самбийско-натангийской культуры, которая связана с местным автохтонным населением Самбии при сильном германском влиянии. Может быть, правы те исследователи, которые считали, что вклад «германцев» в сложении цебельдинской культуры более значителен, чем принято сейчас думать? Труды М. М. Трапша, посвященные цебельдинской культуре (Трапш, 1971; 1975), а также работы М. М. Казанского и А. В. Мастыковой (Казанский, 2015; Kazanski, Mastykova, 2007; Казанский, Мастыкова, 2011), посвященные изданию материалов Цебельдинского некрополя и хронологии его культуры, говорят нам неопровержимо о том, что речь идет все же о культуре сильно военизированных местных племен — апсилов и абасгов.

М. М. Казанский, как мне кажется, нашел убедительное объяснение всем этим «германизмам» в цебельдинской культуре. Он высказал гипотезу, способную объяснить, на мой взгляд, и биритуализм, и появление оружия и новых деталей варварского костюма, которые можно назвать «германскими».

М. М. Казанский пишет следующее: «В появлении “западных” культурных элементов в Абхазии надо скорее видеть влияние варваризованной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа или воздействие ветеранов римской армии, расселившихся с давних времен на территории Абхазии, которых упоминает Прокопий Кесарийский в “Войне с готами” (IV. 9)» (Казанский, 2015. С. 54). Развивая эту важную гипотезу, можно полагать, что практически все «западные» элементы цебельдинской культуры, начиная со 2-й пол. II в. н. э., объясняются службой мужского населения местных племен апсилов и абасгов в рядах легионов и вспомогательных войск, охранявших Понтийский лимес, начиная с эпохи Адриана (117–138 гг. н.э.) и заканчивая гуннской эпохой (375–450 гг. н.э.). Ветераны из местных племен и ветераны римской армии, расселившиеся на территории Абхазии после окончания службы, могли создать первичное ядро новой цебельдинской культуры позднеримской эпохи на территории

Абхазии. Среди ветеранов-аллохтонов могли быть и германцы, и фракийцы, возможно и сирийцы, т.е. те народы, которые привыкли сражаться в бою с щитами и мечами. Можно вполне допустить, до момента тщательного сравнительного анализа всех типов погребального обряда цебельдинской культуры с культурами Центральной Европы и Скандинавии, что обряд кремации с оружием был связан изначально на первом этапе с ветеранами интернациональной римской армии. Ближайшие аналогии такому типу погребального обряда с наличием многочисленного оружия в погребениях нам дает могильник Чатыр-Даг в Центральном Крыму.

Вот вывод из одной из статей автора этих строк: «В буферной зоне, между владениями Херсонеса и Боспора, закладываются германские могильники, где в полном объеме сохраняется германский обряд погребений. В то же время в этих погребениях есть и детали римской амуниции, которые характерны для снаряжения легионеров и солдат вспомогательных войск: топоры, серпы, копья, щиты, мечи и т.д., что может подтвердить идею о том, что германцы Чатыр-Дага были федератами. Так полагает и норвежский исследователь Ф.А. Стулегар, изучивший эти материалы и приведший данные, собранные Н. Роймансом для пограничных с лимесом территорий европейского Барбарикума (Stulegar, 2010. P. 230–232): «Наличие оружия в могилах представляет собой традицию, которая не практикуется в римской армии: легионеры, погибшие во время действительной службы, были похоронены своими товарищами без снаряжения. Могилы с оружием принадлежали ветеранам вспомогательных войск, которые, по окончании их действительной службы, брали их снаряжение или его части домой. Когда они умирали, их хоронили в соответствии с родовыми традициями» вместе с оружием (Roymans, 1996. P. 35) (Шаров, 2013. С. 178). Исходя из этих параллелей, мне кажется, вполне убедительных, можно предполагать, что представители местных племен Абхазии, отслужившие в римской армии, и могли привнести в свою погребальную обрядность новые элементы, заимствованные в интернациональной, сильно варваризованной, римской армии позднеримской эпохи.

Литература

Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta aniqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. / гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2015. Т. 4. С. 33–60.

Казанский М. М., Мастыкова А. В. Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Международная археологическая конференция, посвященная памяти М. М.Трапша / отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ, 2011. С. 102–116.

Трапш М. М. Труды. В 4-х т. Т. 3. Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 312 с.

Трапш М. М. Труды. В 4 т. Т. 4. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми: Алашара, 1975. 258 с.

Шаров О. В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (сер. II в. — сер. IV в. н. э): дис. … докт. ист. наук. СПб., 2009. 571 с.

Шаров О. В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // STRATUM Plus. 2010. № 4. С. 251–285.

Шаров О. В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. 1 / отв. ред. Н. Е. Берлизов. Краснодар, 2013.

Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium II: La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). L'étude du site. Avec la collaboration de Ilya Akhmedov. Jean-Claude Cheynet, Krzystof Domzalski, Vladimir Malashev, Jean-Pierre Sodini et Vanessa Soupault. Oxf., 2007 (British Archaeological Reports. International Series; 1721). 164 p.

Roymans N. The sword or the plough. Regional dynamics in the romanisation of Belgic Gaul and the Rhineland area // From the Sword to the Plough: Three Stidies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul / ed. N. Roymans. Amsterdam Archaeological Studies I. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. P. 9–126.

Stulegar F. A. Weapon graves in Roman and Migration Period Norway (ad 1–550) // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand — Simferopol, Dolya Publishing House, 2011. P. 217–235.

Д. Э. Василиненко[1], *Д. С. Кравченко*[2]

[1] НАО «Наследие Кубани», Краснодар, Россия
[2] Институт археологии РАН, Москва, Россия

К вопросу о возможности программного моделирования зрительных взаимосвязей памятников района Псеашхинского перевального пути[1]

Для цитирования: *Василиненко Д. Э., Кравченко Д. С.* К вопросу о возможности программного моделирования зрительных взаимосвязей памятников района Псеашхинского перевального пути // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 301–306.

Dmitriy E. Vasilinenko[1], *Dmitriy S. Kravchenko*[2]

[1] NJSC "Heritage of the Kuban", Krasnodar, Russia
[2] Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

On the issue of the possibility of software modeling of visual relationships of monuments in the area of the Pseashkhinsky Passage Route

For citation: Vasilinenko D.E., Kravchenko D.S., 2022. K voprosu o vozmozhnosti programmnogo modelirovaniya zritel'nykh vzaimosvyazey pamyatnikov rayona Pseashkhinskogo pereval'nogo puti [On the issue of the possibility of software modeling of visual relationships of monuments in the area of the Pseashkhinsky Passage Route]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring*

[1] Статья была опубликована в сборнике XXX Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа «Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье». Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2018. С. 407–410.

© Василиненко Д. Э., Кравченко Д. С., 2022.

territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]. Moscow — Sukhum. P. 301–306.

Псеашхинский перевальный путь — один из основных транскавказских торговых и скотопрогонных путей, действовавших в Средние века, был выделен Ю. Н. Вороновым.

Согласно его выводам, путь начинался в районе современной Хосты, затем шел вблизи Воронцовской пещеры, откуда, обойдя с запада теснину Ахцу, спускался в Красную Поляну, достигал Псуха и оттуда поднимался к перевалу. Фортификационные сооружения, расположенные вблизи пути, были объединены им в единую серию по характерным строительным приемам и сопровождающему археологическому материалу. Время функционирования всей системы было определено Ю.Н. Вороновым в пределах 2-й пол.VI в. — VIII в., с возможным продлением этой даты до IX–X вв. (Воронов, 2006. С. 189).

За последнее десятилетие были уточнены данные о количестве и мощности крепостей, фланкирующих этот путь, и о времени их функционирования (Василиненко, 2016. С. 16–17).

С целью выявления наличия единой сигнальной системы оповещения и контроля над территорией в районе Псеашхинского перевального пути нами было произведено компьютерное моделирование зон видимости памятниками археологии в районе его прохождения.

Для моделирования было выбрано 22 объекта, на 10 из которых ранее были проведены полномасштабные археологические исследования. Территориально объекты расположены в 6 микрозонах (табл. 1).

Моделирование зон видимости осуществлялось с помощью стандартных инструментов геоинформационной программы Global Mapper 17-й версии. Общий анализ расположения памятников и их зон видимости производился в открытой ГИС QGIS. Модуль анализа видимости с заданной точки использует трехмерную матрицу высот, полученную из проекта ASTER GDEM.

Результаты моделирования приводятся в соответствующей таблице зон видимости и взаимной видимости (табл. 1). Расстояния даны в километрах. Для визуализации таблицы построено два графа (рис. 1, *1, 2*). Максимальный радиус видимости ограничен 10 км. Подобный предел дальности имеет экспериментальное подтверждение (Коробов, 2006).

		Название памятника																					
		Археологический комплекс «Каштаны 1»	Башня у с. Каштаны	Остатки Леснянской крепости	Церковь у родника Крион Нерон	Леснянская I базилика	Леснянская II базилика	Крепость в тисо-самшитовой роще	Остатки христианского храма на г. Большой Ахун	Руины храма «Сахарная головка»	Наблюдательный пункт на г. Кепша	Остатки одноапсидного храма, Галицыно	Храм-крепость у с. Монастырь	Остатки Псхухской крепости	Остатки Ачипсинской крепости	Остатки Аибгинской крепости»	Крепость Аибга-2	Остатки крепости «Бешенка-1»	Остатки крепости «Куницино-1»	Остатки крепости «Куницино-2»	Остатки крепости «Куницино-3»	Остатки крепости «Монашка-1»	Остатки крепости «Монашка-2»
№ п.п.	**Название памятника**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**	**20**	**21**	**22**
1	Археологический комплекс «Каштаны 1»			6			7,8																
2	Башня у с. Каштаны			5,8			7,9																
3	Остатки Леснянской крепости	6	5,8				2,2			5													
4	Церковь у родника Крион Нерон									6													
5	Леснянская I базилика									4,3													
6	Леснянская II базилика	7,8																					
7	Крепость в тисо-самшитовой роще																						
8	Остатки христианского храма на г. Большой Ахун																						
9	Руины храма «Сахарная головка»		4,6	5	6	4,3	8,2				10,1		7,8										
10	Наблюдательный пункт на г. Кепша					6,6				10,1		7,3	2,5										
11	Остатки одноапсидного храма, Галицыно										7,3		4,8										
12	Храм-крепость у с. Монастырь									7,8	2,5	4,8											
13	Остатки Псхухской крепости																						
14	Остатки Ачипсинской крепости																						
15	Остатки Аибгинской крепости																0,9	3	1,5	2	3	1,7	2,7
16	Крепость Аибга-2															0,9		4	2,3	2,6	3,4	2,7	3
17	Остатки крепости «Бешенка-1»														6,7	3	4		2,5	3	4	1,3	1,2
18	Остатки крепости «Куницино-1»														9	1,5	2,3	2,5		0,5			1,4
19	Остатки крепости «Куницино-2»														9,6	2	2,6	3	0,5			2	1,8
20	Остатки крепости «Куницино-3»															3	3,4						
21	Остатки крепости Монашка-1														7,5	1,7	2,7	1,3	1,5	2			0,5
22	Остатки крепости Монашка 2														7,7	2	3	1,2	1,4	1,8			

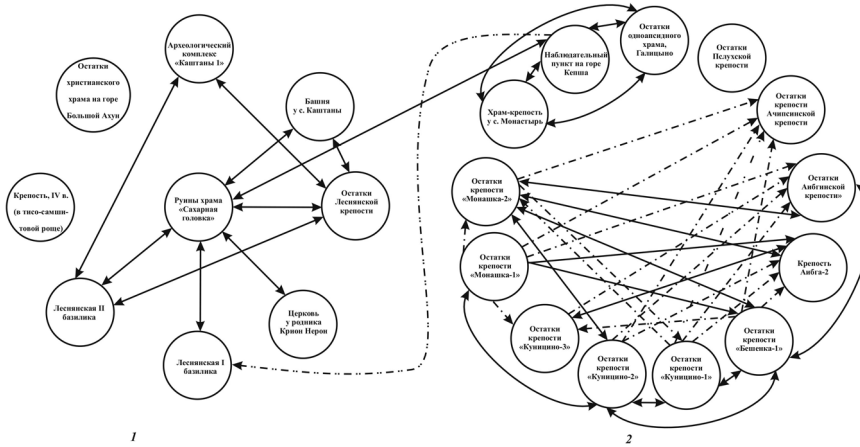

Рис. 1. Графы зон видимости и взаимной видимости памятников района Псеашхинского перевального пути
1 — памятники междуречья Агуа и Хосты, Хосты и Кудепсты;
2 — памятники долины Мзымты

Выводы, сообщаемые далее, носят предварительный характер.

Памятники междуречья рек Хосты и Агуа (табл. 1, 7, 8), крепость в тисо-самшитовой роще и остатки христианского храма на горе Большой Ахун, не имеющие четко установленных датировок (Хабибуллин, 2010. С. 44; Виноградов, Белецкий, 2016. С. 94–95), не имеют зрительных связей ни друг с другом, ни с памятниками междуречья Хосты и Кудепсты.

Все памятники междуречья Хосты и Кудепсты (табл. 1, 1–6, 9), кроме археологического комплекса «Каштаны-1», датирующего в широком хронологическом диапазоне II–XII вв., имеют взаимную видимость с руинами храма на горе Сахарная головка — наиболее высокой точки превышения (603 м) над долиной. Археологический комплекс «Каштаны-1» находится в зрительных взаимосвязях с Леснянской II базиликой, возведение которой отнесено ко 2-й пол. VI в. (Виноградов, Белецкий, 2016. С. 146), и остатками Леснянской крепости, время возведения и функционирования которой в настоящее время не установлено. Возможно, это свидетельствует в пользу достаточно ранней датировки данного памятника.

Памятники долины Мзымты (от Дзыхринского прижима до теснины Ахцу) (табл. 1, *10–12*) — храм-крепость у с. Монастырь и остатки одноапсидного храма в Галицино — находятся в зрительных взаимосвязях.

Необходимость дублирования их с помощью наблюдательного пункта на горе Кепша, расположенного на самой высокой точке правого борта ущелья Ахцу (920 м), непонятна. Этот наблюдательный пункт на гране видимости находится также в зрительной взаимосвязи (10,1 км) с руинами храма на горе Сахарная головка. Небезынтересна односторонняя зрительная связь пункта с Леснянской I базиликой.

Памятники правого борта ущелья Ахцу (южного склона хребта Ахцу) (табл. 1, *18–22*) — остатки крепостей Куницыно 1, 2, 3 и Монашки 1, 2 — находятся в прямых и опосредованных зрительных связях и взаимосвязях друг с другом. Также они имеют зрительные связи и взаимосвязи с крепостями Краснополянской котловины. Взаимосвязи прослежены только с Аибгенскими крепостями и остатками крепости «Бешенка-1». С наиболее крупной крепостью этого микрорегиона — Ачипсинской — они находятся в односторонней зрительной связи. Крепости ущелья Ахцу не находятся в зрительных связях с наблюдательным пунктом на горе Кепша.

Памятники Краснополянской котловины (табл. 1, *14–16*) и Аибгенские крепости не имеют зрительных взаимосвязей с Ачипсинской.

Единственный фортификационный памятник, обнаруженный при слиянии рек Пслух и Мзымта, Пслухская крепость (табл. 1, *13*), не имеет зрительной связи с Ачипсинской крепостью. Возможно существование опосредованной зрительной связи через крепость в котловине Роза Хутор. Однако в настоящее время существование этой крепости оспорено (Диденко, 2006. С. 396).

Таким образом, можно констатировать, что памятники определенных микрозон либо не находятся в видимости и взаимной видимости с памятниками других микрозон, либо эти связи весьма слабы.

Наиболее сильные связи обнаруживают крепости правого борта ущелья Ахцу и памятники южной части Краснополянской котловины.

Однако небольшие территории микрозон, на которых расположены памятники, свидетельствует, скорее, о том, что в Средние века эти сооружения являлись сигнально-сторожевыми постами, служащими для оповещения местного населения о возможной опасности.

Литература

Василиненко Д. Э. Памятники археологии эпохи Средневековья на территории г. Сочи (Краснодарский край): накопление материалов, введение в оборот новых сведений, изменение представлений об их хронологии и интерпретации //

Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Д. С. Коробов. М: ИА РАН, 2016. С. 16–18.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М.: Индрик, 2016. 372 с.

Воронов Ю. Н. Колхида в железном веке // Ю. Н. Воронов. Научные труды. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований, 2006. Т. I. 456 с.

Диденко Н. Пслухская крепость // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: I Международная абхазская археологическая конференция, посвященная памяти Ю. Н. Воронова. / отв. ред. В. В. Бжания. Сухум, 2006. С. 394–399.

Коробов Д. С. Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. Вып. 3. [Электронный ресурс]. М., 2006. CD-ROM.

Хабибуллин А. Н. Хостинская крепость // Вопросы истории фортификации. Научный рецензируемый альманах / Гл. науч. ред. К. С. Носов. СПб.: Изд-во Гангут, 2010. № 1 С. 44–52.

А. А. Егорейченко
Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия

О происхождении антских двуспиральных подвесок

Для цитирования: *Егорейченко А.А. О* происхождении антских двуспиральных подвесок // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 307–310.

Aleksandr A. Egoreychenko
Belorussian State University, Minsk, Belorussia

About the origin of the Ant double-coil pendants

For citation: Egoreychenko A.A., 2022. O proiskhozhdenii antskikh dvuspiral'nykh podvesok [About the origin of the Ant double-coil pendants]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 307–310.

Двуспиральные или очковидные подвески представляют собой один из древнейших видов металлических украшений. В Европе они появляются уже в IV тыс. до н.э. (лендзельская культура) и продолжают существовать вплоть до начала II тыс. н.э. (Егорейченко, 1991). В различные периоды этот вид украшений встречается в широтном направлении от Пиренеев на западе до Урала на востоке. По мнению В. Хенселя, очковидные подвески были связаны с культом плодородия, чем и объясняется их широкая популярность (Hensel, 1960).

© Егорейченко А. А., 2022.

Во 2-й пол. I тыс. н. э. подобного рода украшения были широко известны в пеньковской культуре, которую связывают с антами. Они, в частности, являются составной частью ряда кладов, в том числе таких, как Суджанский, Колосковский, Новоодесский, Мартыновский, Петровский (Рыбаков, 1953. С. 66, 67. Рис. 11–13; Седов, 1982. Табл. VI). Их высота достигает 3 см, количество спиралей — 6–7. В том, что эти подвески имеют местное происхождение, не возникает сомнений по той причине, что все они изготовлены из серебряной проволоки, которая нигде больше для этих целей не употреблялась.

Сложность состоит в другом — в поиске прототипов антских подвесок. На первый взгляд, их нужно искать в культурах предшествующего времени на территории, где была распространена пеньковская культура. Действительно, такие украшения были характерны для носителей киевской культуры, которые приняли участие в формировании антов. Однако есть обстоятельства, ставящие под сомнение это предположение. Во-первых, между очковидными украшениями, которые относятся к этим культурам, существует хронологический разрыв, и, во-вторых, они по некоторым признакам имеют различия. В частности, антские подвески, в отличие от киевских, имеют большее количество завитков в спиралях (рис. 1), с одной стороны, а с другой — они больше по размерам.

Мне представляется более обоснованной связь антских биспиральных украшений с подвесками цебельдинской культуры. Последняя существовала во II–VII вв. н.э. на части территории современной Абхазии. В ряде ее могильников (Шапкинский, Цибилиумский, Апуштинский и др.) в погребальном инвентаре женских захоронений присутствуют очковидные подвески (Воронов, Юшин, 1979. Рис. 2, *8, 36*. Рис. 5*, 8, 9*. Рис. 6, *22, 39*. Рис. 7, *5*. Рис. 8, *11, 14*. Рис. 9, *14*; Воронов, Юшин, 1973. Рис. 1, *5, 13*; Шамба, 1967. С. 92. Табл. 1, *6*; Трапш, 1971. Табл. XII, *8*. Табл. XVII, *10*; Гунба, 1978. Табл. XXXII, *6, 9*. Табл. XXXVI, *2, 31*). Многочисленность этой категории украшений свидетельствует об их популярности в среде апсилов, оставивших древности цебельдинской культуры, и о несомненном местном производстве подвесок. По мнению исследователей цебельдинских древностей, со временем происходит увеличение размеров этих украшений. В частности, они приходят к такому выводу, сравнив биспиральные подвески II и III этапов раннего горизонта (III и IV вв. н. э.) (Воронов, Юшин, 1979. С. 197). Однако на протяжении

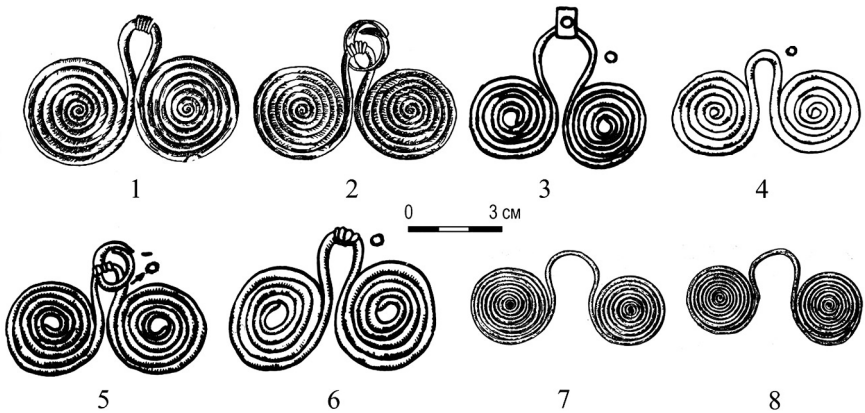

Рис. 1. Очковидные подвески пеньковской и цебельдинской культуры:
***1–2* — Шапкинский могильник; *3* — Суджа; *4* — Апушта; *5–6* — Цебельда; *7–8* —Мартыновский клад**

столетия прирост в высоте составил в среднем небольшую величину — 0,4 см. Гораздо целесообразнее рассмотреть полярные по времени экземпляры. В этом случае разница в размерах достигает ощутимой величины. Так, например, если средняя высота подвесок III в. составляет 2,5 см, то в V в. — 1-й пол. VI в. они «подрастают» более чем на 1,5 см, приближаясь по этому показателю к антским.

Обращают на себя внимание и спирали. По сравнению с подвесками предшествующего времени на территории Восточной Европы количество витков в спиралях цебельдинских украшений увеличивается, достигая 4–5 в III–IV вв. и 6–7 в V–VI вв., что соответствует антским подвескам. Таким образом, цебельдинские и антские биспиральные украшения близки как по размерам, так и по количеству витков в спиралях. Один из важнейших признаков, связывающих эти подвески, заключается в том, что финальные погребения цебельдинской культуры, содержащие очковидные украшения, имеют хронологический стык с антскими древностями. О тесных связях антских племен с Югом, в том числе и с Кавказом, может свидетельствовать тот факт, что в составе ряда кладов присутствуют артефакты, имеющие аналогии на Северном Кавказе, в частности поясные наборы, антропоморфные фигурки, близкие экземплярам из могильника в Чми и т.п. (Рыбаков, 1953. С. 78; Рыбаков, 1949. С. 85).

Литература

Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 180 с.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. № 1. С. 171–191.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II–IV вв. н.э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1. С. 181–198.

Егорейченко А. А. Очковидные подвески на территории СССР // СА. 1991. № 2. С. 171–181.

Рыбаков Б. А. Новый суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 75–90.

Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. 1953. № XVII. С. 23–104.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

Трапш М. М. Труды. В 4 т. Т. 3. Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 312 с.

Шамба Г. К. Фибулы из некрополя Ахачархва // Материалы по археологии Абхазии / ред. М. М. Трапш. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 91–97.

***М. Ю. Меньшиков*[1, 2]**

[1] ООО «Столичное археологическое бюро», Москва, Россия
[2] Институт Археологии РАН, Москва, Россия

Святилища и сакральные места в окрестностях пос. Красная поляна Адлерского района. По результатам археологических исследований 2010–2011 гг.

Для цитирования: *Меньшиков М. Ю.* Святилища и сакральные места в окрестностях пос. Красная поляна Адлерского района. По результатам археологических исследований 2010–2011 гг. // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 311–315.

***Maksim Yu. Men'shikov*[1, 2]**

[1] LLC "Capital Archaeological Bureau", Moscow, Russia
[2] Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

Sanctuaries and sacred places in the vicinity of the village Krasnaya Polyana, Adler District. Based on the results of archaeological research in 2010–2011

For citation: Men'shikov M.Yu., 2022. Svyatilishcha i sakral'nyye mesta v okrestnostyakh pos. Krasnaya polyana Adlerskogo rayona. Po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 2010–2011 [Sanctuaries and sacred places in the vicinity of the village Krasnaya Polyana, Adler District. Based on the results of archaeological research in 2010–2011]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 311–315.

© Меньшиков М. Ю., 2022.

В ходе археологических полевых работ 2010–2011 гг. в зоне горного кластера Олимпиады Сочи-2014 было выявлено и исследовано 6 комплексов, которые могут быть интерпретированы как объекты, связанные с сакральной и обрядовой сферами в жизни местных племен. Относятся они к разным хронологическим периодам и, вероятно, оставлены несколькими этническими группами, заселявшими исследованную территорию. Все обнаруженные комплексы расположены на северном склоне хребта Аибга, на левом берегу р. Мзымта на участке склона между ГЛК Роза Хутор и пос. Красная поляна (Меньшиков, 2015а; 2015б).

Во время разведок 2011 г. среди группы памятников в районе руч. Садовый было обнаружено святилище, получившее наименование Садовый 3. Святилище занимало скальный останец на отроге северного склона хребта Аибга. Высота останца до 7 м над участком узкого отрога. Сам отрог вытянут в направлении север–юг, имеет обрывистые склоны с запада и востока. Наиболее удобный подход к останцу с юга, там же начинается заросшая, но очень удобная тропа, которая огибает останец с востока над обрывом, а затем с севера приводит на горизонтальную площадку на вершине останца. В восточной части площадки и на участках тропы под ней было обнаружено 4 креста кавказско-византийского типа и 5 наконечников стрел. Очевидно, что все предметы изначально были расположены в восточной части площадки, со временем часть предметов оказалась на ее поверхности, а часть — упала на тропу к востоку от площадки. Помимо указанных предметов на тропе были найдены мелкие фрагменты расслоившегося лепного сосуда, форму которого реконструировать не удалось.

На расстоянии 220 м к юго-западу от святилища Садовый 3 расположен мыс, вытянутый в направлении запад–восток. Южный, западный и северный склоны мыса достаточно круты и сложны для подъема на площадку. С восточной стороны площадка мыса заперта пирамидообразной скалой, высотой около 10 м. Попадание на площадку возможно лишь по узкой тропе над обрывистым склоном вплотную к скале. На площадке мыса были обнаружены фрагменты разбитого средневекового зеркала, наконечник стрелы, нож. А на вершине пирамидообразной скалы в небольшом углублении найдена нестрелянная свинцовая шарообразная пуля. Данный памятник получил наименование Садовый 5.

В ходе археологических работ в районе финишной зоны слаломного спуска ГЛК Роза Хутор был исследован интересный и объемный комплекс

археологических объектов, среди которых можно выделить несколько сооружений, явно имеющих сакральные признаки. На верхней площадке расположено центральное святилище, которое, вероятно, воздвигнуто не ранее середины I тыс. до н.э. и, по всей видимости, было разрушено до сер. I тыс. н. э. в результате сейсмических процессов. Святилище представляет собой комплекс площадью около 24 кв. м, который состоит из центральной горизонтальной плиты размером около 200 х 220 см, положенной на погребенную почву. Вокруг плиты располагались 3 менгира длинной 160–190 см. Основание менгиров было вкопано и забутовано. К югу от менгиров выявлены 3 вертикально поставленных на равном удалении друг от друга камня высотой до 20 см, которые были обложены по периметру более мелкими камнями. Рядом с ними располагался одиночный валун, верхняя площадка которого несла следы многочисленных сколов. Представляется, что она могла быть сильно разрушена направленными многочисленными ударами. Подобная поверхность не характерна для сколов местных камней. К сожалению, трасологический анализ не был проведен. В юго-восточной части всего комплекса исследован участок, по периметру обложеннный небольшими плоскими камнями размером до 40 см, поставленными вертикально «на ребро». Внутри конструкции из камней поверхность грунта была ровной и вычищенной. Камни огораживали подокруглое пространство диаметром около 120 см. Признаков наличия очага внутри круга из камней выявлено не было.

Опираясь на данные, полученные в ходе раскопок на соседних участках, а также на данные археосейсмологии (Овсюченко и др., 2016), можно предположить, что в 1-й пол. — сер. I тыс. н. э. святилище было разрушено в результате серии землетрясений. Наиболее ярким подтверждением данного факта является то, что один из менгиров разорван пополам: верхняя часть менгира единовременно отлетела на два метра к югу, а корень менгира остался вертикально стоять на месте. Два других менгира завалились в центр, на горизонтальную плиту, при этом северо-западный менгир частично разрушился, раскололся и в процессе падения вывернул забутовку, которая фиксировала его корень в грунте. Также произошла деформация структуры с одним из небольших вертикальных камней в обкладке. Вероятно, после того, как святилище оказалось разрушено, оно было засыпано — «похоронено» — либо теми, кому оно служило, либо людьми, пришедшими на это место позднее. Вокруг святилища была сооружена ограда из вертикально поставленных камней

и, возможно, дерева. К западу и северу от этой ограды в Средневековье функционировал воинский некрополь.

К югу от описанной выше ограды древнего разрушенного святилища в Средние века было сооружено новое святилище. Первоначально внимание привлекла необычно ровная площадка в южной части комплекса. Открытое ровное место представляется аномалией на фоне остальной территории, где каждый просторный свободный от камня участок поверхности использовался под сооружение погребальной наземной конструкции. Исследование данной местности показало антропогенный характер нивелировки поверхности в древности. Фрагменты скально-обломочной массы были убраны с территории, поверхность выровнена с помощью принесенной снаружи чистой серой глины, на которой до нашего времени шел процесс почвообразования. В слое почвы обнаружены кованые гвозди в количестве значительно большем, нежели на всей остальной территории памятника. В ходе раскопок в слое глины выявлены остатки каменного ленточного фундамента, сложенного достаточно аккуратно. Вероятные размеры срубной конструкции, которую можно было бы расположить на данном фундаменте, около 9 х 9 м. Признаков очага в пределах конструкции не выявлено. На верхней площадке, на участках, примыкающих к территории, на которой был выявлен фундамент, обнаружено большое количество наконечников стрел, кресал, пуль и других предметов, которые традиционно связываются с набором для подношения на святилища. Правда, наличие рядом некоторого количества воинских погребений не позволяет уверенно связать все находки оружия именно с комплексом святилища. Также следует отметить найденные в этой части памятника фрагменты чугунных котлов. Возможно, к этому же комплексу относится выявленная неподалеку площадка подокруглой формы диаметром около 6–7 м. Территория площадки расчищена, камни, которые, возможно, были собраны с ее поверхности, сложены по периметру. Верхний слой так же, как и на участке со срубом, подсыпан принесенным грунтом. Находок на площадке выявлено не было.

К почитаемому в Средневековье месту можно также отнести и каменный валун, расположенный на нижней площадке на территории средневекового могильника. На участках, примыкающих к валуну, было обнаружено большое количество предметов, традиционно связываемых с подношениями на женские святилища: булавки, иглы, подвеска из металлического зеркальца, наперстки, перстень.

Одним из наиболее ярких комплексов является природное каменное образование, напоминающее своей формой лежащего волка. Крупный скальный обломок длиной около 12 м, шириной 1,4 м и высотой до 3,8 м вытянут строго по оси север–юг, «мордой» на юг. Мимо данного образования в древности была в каменном завале расчищена тропа, которая являлась единственным удобным проходом на расположенную на мысе крепость Роза Хутор. Позади каменного «волка» к северу от него на расстоянии около 5 м, в расщелине, были найдены медный котел со следами многократного ремонта и железной дужкой, а также медная чаша.

Обнаруженные в окрестностях пос. Красная поляна комплексы святилищ преимущественно связаны со средневековым населением региона. Лишь одно святилище можно отнести к периоду начала нашей эры. Несмотря на разнообразие форм данных сооружений, все они имеют близкие аналогии в других регионах Кавказа, причем как в плане археологии, так и в плане этнографии.

Литература

Меньшиков М. Ю. Отчет о выполнении охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый 1», «Поселение Садовый 2», «Святилище Садовый 3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН. 2015а.

Меньшиков М. Ю. Отчет о проведении археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Селище Роза 1», «Могильник Роза 1», расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. 2015б.

Овсюченко А. Н., Меньшиков М. Ю., Рогожин Е. А., Корженков А. М. Циклы сейсмической активности во 2-й половине голоцена на Западном Кавказе и их связь с этапами цивилизационного развития (на примере верховьев р. Мзымта) // Геофизические процессы и биосфера, 2016. Т. 15, № 2. С. 5–38.

А. С. Кизилов
Лаборатория этносоциальных исследований ФИЦ РАН, Сочи, Россия

Неучтенные средневековые археологические памятники центральной части Сочи периода расцвета Абхазского царства

Для цитирования: *Кизилов А. С.* Неучтенные средневековые археологические памятники центральной части г. Сочи периода расцвета Абхазского царства // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 316–320.

Andrey S. Kizilov
Laboratory for Ethnosocial Research of the Federal Research Center RAS, Sochi, Russia

Unaccounted medieval archaeological sites in the central part of Sochi during the heyday of the Abkhazian kingdom

For citation: Kizilov A.S., 2022. Neuchtennyye srednevekovye arkheologicheskie pamyatniki tsentral'noy chasti Sochi perioda rastsveta Abkhazskogo tsarstva [Unaccounted medieval archaeological sites in the central part of Sochi during the heyday of the Abkhazian kingdom]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 316–320.

Последние десятилетия исследований эпохи Средневековья в районе Большого Сочи выявили новые археологические памятники — поселения, храмы и крепости, которые не были учтены в работе Ю. Н. Воронова «Древности Сочи и его окрестностей». Еще более расширили этот список

© Кизилов А. С., 2022.

археологические разведки и открытия предолимпийского периода. Однако следует вспомнить и фразу того же Ю. Н. Воронова, которая актуальна и по сей день: «К сожалению, различные обстоятельства не позволили завершить успешно начатый поиск в других пунктах района, которые остаются пока в археологическом отношении совершенной целиной». Такой целиной в археологическом смысле, но не в сфере урбанизации, являются густозаселенные районы города Сочи (Воронов, 1979. С. 117).

До недавнего времени именно центральная городская часть Сочи являлась сплошным белым пятном на археологической карте. Но ведь именно наиболее важные в стратегическом смысле участки и застраивались городскими кварталами в первую очередь, начиная с XIX в. Однако, несмотря на, казалось бы, безысходное положение, за период с 2013 г. в городской черте Сочи автором статьи были обнаружены объекты средневековой архитектуры. Так, при осмотре траншеи теплотрассы по ул. Орджоникидзе 2 апреля 2013 г. были зафиксированы на глубине около полутора метров остатки стены из булыжника и колотого камня, связанного раствором на известковой основе, толщиной около 90 см. Двумя неделями позже с северо-западной стороны сохранившейся стены форта Александрия, в 25 м ниже него, по адресу ул. Москвина 7, был обнаружен прекрасно сохранившийся и обнажившийся при оседании грунта угловой фрагмент стены квадрической кладки. Пробы известковых растворов из этих стен были отправлены в Институт археологии РАН. Исследование состава представленных образцов, проведенное 22.04.2014 г. д.т.н., к.х.н, г.н.с. ИМЕТ РАН Г. Ю. Юрковым и к.и.н, н.с. ИА РАН Г. В. Требелевой, показало идентичность раствора в найденных фрагментах стен, а также подтвердило факт их древности. Найденный фрагмент древней крепостной стены, очевидно, является остатком средневековой крепости в самом сердце города Сочи. Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края оформлена учетная карта археологического объекта с присвоением регистрационного номера 23144070003.

В декабре 2016 г. под основанием ограды сочинского собора Михаила Архангела, в обрывной осыпи со стороны киноконцертного зала «Фестивальный», был обнаружен открытый участок обнаженного оползнем культурного слоя, предположительно эпохи Средневековья. Слой находится на глубине около 60 см от нынешнего уровня почвы на территории храма. Также было обнаружено немало фрагментов керамики эпохи средневековья и с противоположной стороны возвышенности

на оползневом участке ул. Москвина (рис. 1, *1–11*). Там же найдены железные заготовки кузнечного ремесла. Согласно последним исследованиям, совершенно очевидно, что территория Сочинской крепости была занята поселением (Кизилов, Глазов, 2017. С. 152–166).

В апреле 2014 г. были обнаружены очевидные свидетельства прибрежной инфраструктуры средневековой пристани. Осмотр обрывистого морского берега в районе впадения р. Мацеста и прилежащей к нему полосы прибоя выявил остатки каменной стены сухой кладки и культурного слоя из раскрошившейся обожженной глины, а также десятки фрагментов различных крупногабаритных пифосов с фигурными налепами, конские удила, свинцовое пряслице (Кизилов, 2014. С. 114–116).

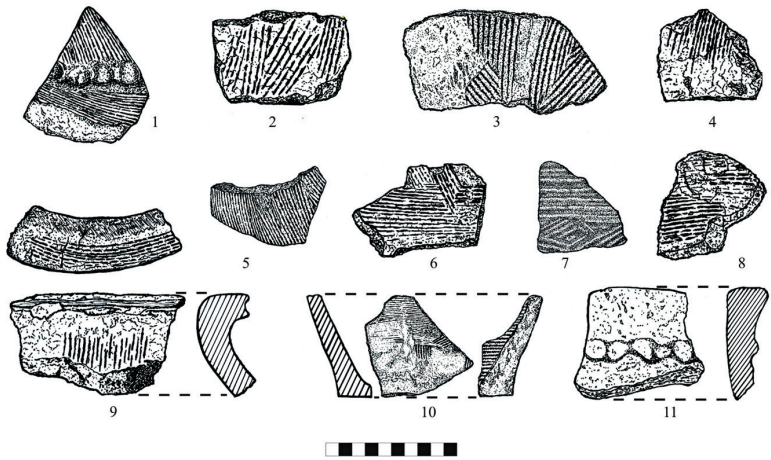
Дальнейшее исследование выявленного памятника на склоне горы Бытха вблизи устья р. Мацеста выявило факт наличия выше по склону поселения с остатками каменной архитектуры предположительно культового христианского назначения (храм). Были также обнаружены явные свидетельства развитого металлургического производства — сыродутное железо и заготовки кузнечного ремесла различных форм.

При осмотре прилежащих к описанному месту склонов горы Бытха была выявлена группа из десятка курганов, в районе так называемого «Сырного камня», а также множество фрагментов средневековой керамики. Такая же керамика (десятки фрагментов) найдена на участке, протяженностью более чем в 300 м, на территории находящегося неподалеку санатория «Правда».

Поездка в село Абазинка в июне 2014 г. по факту поступившей информации от местных жителей выявила наличие сохранившегося археологического памятника — предполагаемой башни или храма. Собранная жителями в огородах и на развалинах многочисленная керамика также оказалась характерной для периода Средневековья. Взятые для анализа фрагменты известкового строительного раствора также подтвердили их средневековое происхождение (Кизилов, Глазов, 2016. С. 110–114).

В 2017 г. из-за большого количества попадающихся фрагментов средневековой керамики в сквере, протянувшемся вдоль трассы по ул. Виноградная напротив автобусной остановки «Санаторий Красмашевский», был начат поиск и, как результат, обнаружены остатки каменной стены на известковом растворе — предположительно сторожевой башни. Перечисленные выше археологические объекты отмечены на карте на рис. 1, *12* — это, соответственно, крепость Сочи (1), поселение Бытха-Мацеста (2), Абазинка (3), Виноградная (4) (рис.1, *12*).

Аналоги фрагментов керамики, обнаруженной на перечисленных памятниках, известны в отчете Н. В. Анфимова (Анфимов, 1956. С. 62–65. Рис. 59–64), в книге Ю. Н. Воронова «Древности Сочи и его окрестностей» (Воронов, 1979. С. 97–98. Рис. 53). В работе Д. Э. Василиненко «Средневековый курганный могильник “Медовеевка-1” в долине реки

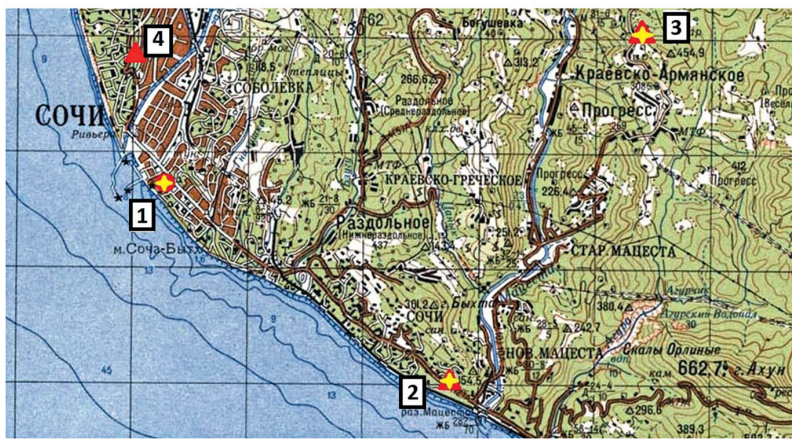

Рис. 1. Фрагменты средневековых керамических сосудов из исторического центра г. Сочи и расположение неучтенных средневековых памятников центральной части Сочи: *2–8, 11* — осыпь склона в районе ограды собора Михаила Архангела; *1, 9, 10* — осыпь склона в районе бывшей поликлиники на ул. Москвина; *12* — археологические объекты по порядку номеров — крепость Сочи, поселение Бытха-Мацеста, Абазинка, Виноградная

Мзымта (г. Сочи)» (Василиненко, 2008. С. 266, 267. Рис. 4.) также приведены очевидные аналоги найденной керамики.

Бурная урбанизация Сочинского побережья, плотное расположение закрытых зон санаторно-курортных комплексов и частного сектора затрудняют поисковую работу по выявлению археологических памятников. Бытует мнение об отсутствии древних сооружений в населенных пунктах Центрального и Лазаревского районов города Сочи, но наличие исторических документов, свидетельствующих о былом их наличии, вселяет уверенность в перспективах уточнения археологической карты нашего побережья.

Литература

Анфимов Н. В. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. 1. № 1385 на 85 л.л.

Василиненко Д. Э. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани: Сб. науч. ст. / под ред. Е. И. Нарожного и И. В. Цокур. Краснодар. ОАО «Наследие Кубани», 2008. Вып. I. С. 258–279.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979. 128 с.

Кизилов А. С. Материальные свидетельства средневековых морских торговых причалов в городе Сочи // Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и Средневековье. IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа: Материалы Международной археологической конференции. Краснодар, 28–30 мая 2014 г. / ред. колл. Т. А. Павленко, Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 114–116.

Кизилов А. С., Глазов К. А. Памятник средневековой архитектуры в селе Абазинка: 3-D моделирование конструкции с целью выявления особенностей сооружения // Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и Средневековье. VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа: Материалы Международной археологической конференции. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г. / ред. колл. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: ИП Смородин, 2016. С. 110–114.

Кизилов А. С., Глазов К. А. Древний Сочи как градообразующее ядро современного города. Аналитические результаты археологических, документальных и топографических сопоставлений // Доклады Сочинского отделения Русского географического общества. Вып. 5. Сочи, 2017. С. 152–166.

***Е. Ю. Ендольцева*[1], *Г. А. Сангулия*[2, 3]**

[1] Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия
[2] Заместитель министра, начальник управления охраны историко-культурного наследия, Сухум, Абхазия
[3] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

Об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия: проблемы датировки и типологии[1]

Для цитирования: *Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А.* Об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия: проблемы датировки и типологии // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 321–328.

***Ekaterina Yu. Endol'tseva*[1], *Garik A. Sanguliya*[2, 3]**

[1] Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
[2] Deputy Minister, Head of the Department for the Protection of Historical and Cultural Heritage, Sukhum, Abkhazia
[3] Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

On one relief from the repository of the former state administration for the protection of the historical and cultural heritage of the Republic of Abkhazia: problems of dating and typology

For citation: Endol'tseva E.Yu., Sanguliya G.A., 2022. Ob odnom rel'yefe iz khranilishcha byvshego gosudarstvennogo upravleniya okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya Respubliki Abkhaziya: problemy datirovki i tipologii [On one relief from the repository of the former state administration for the protection of the historical and

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-24-12001.

© Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А., 2022.

cultural heritage of the Republic of Abkhazia: problems of dating and typology]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 321–328.

По решению руководства Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия (которое впоследствии, в 2014 г., вошло в состав Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия в качестве отдела) мы приступили к планомерному исследованию средневековых рельефов Абхазии, как поступивших из различных уголков республики, так и артефактов, оставшихся на местах (Ендольцева, Сангулия, 2016. С. 139–156). После реконструкции Абхазского государственного музея (2010–2012 гг.) в Республиканское хранилище Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия попала часть экспонатов из его фондов. Темой данного сообщения станет известняковый рельеф, происходящий из поселка Мрамба (неподалеку от Цебельды) (рис. 1). Он вырезан на плите, которая в своем нынешнем состоянии имеет трапециевидную форму, ее размеры — 75 х 47 х 17 см. В центре композиции представлен равноконечный крест с расширяющимися к концам перекладинами, углы которых украшены орнаментальными кружками. Часть поверхности плиты повреждена. В центре рукавов креста частично сохранились, а частично реконструируются многолепестковые розетки. По обе стороны креста — изображение виноградной лозы с гроздьями, одну из которых клюет птица. Ее крылья показаны короткими косыми насечками. Плита была расколота, вторая часть сейчас утеряна. На прорисовках, опубликованных Л. Г. Хрушковой (Хрушкова, 1980. Табл. XIX, *1*) и Ю. Н. Вороновым (Воронов, 2010. С. 103. Рис. 40), по бокам от креста, со стороны виноградных лоз, были видны две вихревые розетки (сейчас прослеживается только одна из них).

История и происхождение

Эта плита, вместе с несколькими другими с изображениями креста в круге похожей формы (Хрушкова, 1980. Табл. XIX, *3*), исполненной

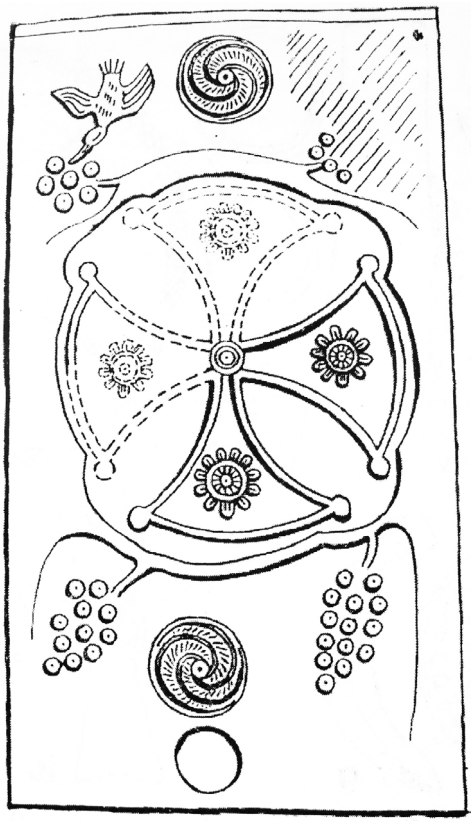

Рис. 1. Прорисовка плиты из собрания хранилища бывшего Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия (Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. III. Тайна Цебельдинской долины. Древняя Апсилия. Сухум: АбИГИ, 2010. Рис. 40. С. 103)

штрихами четырехлепестковой розетки в прямоугольном обрамлении в той же технике (Хрушкова, 1980. Табл. XXII, *1*), птиц (Хрушкова, 1977. Рис. 1. С. 76) была найдена в ходе археологических разведок 1960–1971 гг. Ю. Н. Вороновым, В. С. Орелкиным, А. А. Салтыковым и др. на месте полуразрушенного и восстановленного храма в поселке Мрамба (Воронов, 2010. С. 431). Эта церковь впервые упоминается в научной литературе в 1923 г., когда здесь «были найдены местным крестьянином несколько могильных плит при «чудесных обстоятельствах» (Стражев, 1925. С. 161). В той же публикации В.И. Стражев упоминает о том, что церковь в Мрамбе была восстановлена (Стражев, 1925. С. 161) в 20-х годах руками греков-переселенцев (Воронов, 2010. С. 431). В ходе этих восстановительных работ вышеназванные рельефы были вторично использованы,

поэтому установить их связь со слоем определенной эпохи не представляется возможным. В 1981–1982 гг. раскопки Цебельдинской экспедиции выявили на этом месте остатки раннехристианской базилики, которая была восстановлена из руин в промежутке между XI и XIV вв. (Воронов, 2010. С. 431). В ходе этих работ был обнаружен рельеф с изображением рыб, оконное навершие и антефикс с изображением креста (Воронов, Бгажба, 1985. С. 33. Табл. XXVI. *3*).

Стилистические и иконографические параллели

Несмотря на предположение Л. Г. Хрушковой о том, что орнаментальные плиты и фрагменты, найденные в церкви поселка Мрамба, происходят из двух-трех различных храмов (Хрушкова, 1980. С. 32), изображения на них явно демонстрируют определенную стилистическую близость. Действительно, крест на плите с виноградной лозой, птицей и вихревыми розетками по форме напоминает крест в круге на другой плите. Манера исполнения птиц на плите из Абхазского государственного музея идентична тому, как представлена птица, клюющая виноград, на плите из хранилища (короткие диагональные насечки, простой графический стиль). Четырехлепестковая розетка и ее прямоугольное обрамление выполнены так же, как круг, внутри которого находится крест, идентичный кресту на плите из хранилища (плоский рельеф, короткие диагональные насечки, рисунок типа «витой жгут»).

Кроме того, и это также отмечала Л. Г. Хрушкова (Хрушкова, 1980. С. 32), рельефы этой группы явно напоминают по стилю группу анакопийских рельефов. Так, изображение рыбы на плите из Анакопии (Искусство…, 2011. С. 119. Илл. 3) напоминает рыбу на плите из Мрамбы (Ендольцева, 2011. С. 170–178). Крест на плите из хранилища напоминает крест на плите с быком и львом из Анакопии (Искусство…, 2011. С. 115. Илл. 1), а вихревые розетки на плите со львом из Анакопии (Искусство…, 2011. С. 117. Илл. 2) напоминают те, что показаны на плите из хранилища. К этим двум группам памятников примыкает и рельеф с изображением креста с быком и львом с Сухумской горы (Хрушкова, 1980. Табл. XVIII, *2*). Определенное стилистическое и иконографическое сходство с вышеозначенными рельефами показывают также изображения на капители, найденной А.А. Миллером в алтаре небольшой поздней церкви на территории крепости Цабал (Миллер, 1909. Рис. 6. С. 78, 81; Хрушкова,

1980. Табл. XXIII, *1*). В этом контексте следует отметить форму равноконечного креста в круге, а также букранию, которые встречаются в средневековой храмовой пластике (Ендольцева, 2016. С. 63–64). В целом перед нами не только достаточно распространенные образы и орнаментально-декоративные мотивы, но и весьма характерные для Абхазии устоявшиеся мотивы определенного периода местной церковной истории. Это положение, а также позиция исследуемых артефактов в типологическом ряду сходных элементов, рассмотренных нами ниже, многое определяет и уточняет.

Датировка

Одну из версий относительно датировки этих стилистически близких памятников сформулировала в ряде своих работ Л. Г. Хрушкова. В самой ранней из них, посвященной рельефу с изображениями птиц (Хрушкова, 1977), автор резонно отмечает, что мотив двух павлинов у источника встречается как в раннехристианском искусстве, так и в средневековом. Однако Л. Г. Хрушкова не считает вышеприведенные плиты происходящими из одной церкви и даже близкими по стилю и технике исполнения. Относительно рельефа с птицами исследовательница склоняется в пользу VII–IX вв., ссылаясь на «семантику изображений, особенности исполнения и приведенные аналогии» (Хрушкова, 1977. С. 82). В более поздних работах автор предлагает раннюю датировку для этого рельефа, VI–VII вв., хотя и оговаривается, что «грубость исполнения… затрудняет определение даты» (Хрушкова, 1980. С. 35). В той же работе Л. Г. Хрушкова отмечает, что мотив птиц был широко распространен на протяжении всего Средневековья, а в фольклорном искусстве и вплоть до наших дней. Для плит с крестами эта исследовательница предлагает VI в., ссылаясь на иконографические аналогии раннехристианского времени (Хрушкова, 1980. С. 33). Правда, исследовательница выражает удивление по поводу присутствия на «раннехристианских изображениях» вихревых розеток, которые появляются в христианской пластике лишь с VIII в. (Хрушкова, 1977. С. 81). В последней по времени работе исследовательница, опуская отмеченные выше противоречия, датирует всю группу рельефов из Мрамбы VI в., называя их работой местных мастеров (Khroushkova, 2006. P. 86).

Резная капитель была найдена неподалеку от Мрамбы, в средневековой церкви крепости Цабал. Л. Г. Хрушкова в ходе раскопок 1977 г. обнаружила под ней более раннюю постройку и на этом основании отнесла артефакт к VI в. (Хрушкова, 1980. С. 37), что, как кажется, не является достаточно убедительным аргументом. Ю. Н. Воронов в ходе раскопок 1981–1982 гг. также обнаружил на месте церкви в Мрамбе раннехристианскую постройку предположительно VI в., которая была восстановлена между XI и XIV вв. С ней Ю. Н. Воронов и увязывает рельефы с «раннехристианской символикой» (Воронов, 2010. С. 431).

Заявленные противоречия снимаются, если обратить внимание на то, что ни один из рассматриваемых мотивов (равноконечные кресты, птицы, рыба, букрания, виноградная лоза) не является сугубо раннехристианским. Каждый из них был распространен в христианском искусстве как в эпоху раннего Средневековья (Искусство…, 2011. С. 101–121, 121–142), так и в более позднее время. Второе существенное наблюдение касается стилистической близости рельефов из Мрамбы и некоторых из Анакопийских рельефов (в первую очередь с рыбой, со львом, со львом и быком у креста). Интересно также сходство условий, в которых были обнаружены те и другие артефакты (отсутствие четкого археологического контекста: обе группы рельефов собраны на месте древних церквей в конце XIX — начале XX в.). Недавние исследования Анакопийских рельефов (иконографический и стилистический анализ, исторический и палеографический контекст) показали, что поскольку надпись на рельефе с быком и львом у креста выполнена одновременно с изображением, а не, как это предполагалось (Хрушкова, 1980. С. 26–32), в разное время, то они могут считаться произведениями средневековых мастеров XI в. (Искусство…, 2011. С. 87–209). Эта же датировка кажется наиболее вероятной и для рельефов из Мрамбы. Данной версии не противоречит ни один из ранее приводившихся аргументов. Ведь, как уже отмечалось, примеры подобных изображений встречаются и в более позднее время, а факт наличия на том же месте раннехристианской постройки не является доказательством того, что рассматриваемые рельефы происходят именно из нее. Изготовление этих рельефов можно равным образом связать и с археологически зафиксированным периодом перестройки церкви в XI–XIV вв. Вполне вероятно, что именно в таком обновленном виде христианский храм мог вновь появиться как воплощение опыта высокого искусства Абхазского царства этапа завершения раннего Средневековья.

Строгая расстановка элементов композиции, как и сохранение строгости формы, особая манера и характер проработки каждого элемента помещают в целом данный рельеф в этап X–XI вв., с возможными поправками в раннюю или позднюю фазу. В это время исчез ранний схематизм и графическая напряженность, появились экспрессия и уверенность мастеров-резчиков, приведшая к пиковому моменту развития абхазского дворцового стиля, совершенно не свойственная ранним группам рельефов VI–VII вв. И к группе развитого Средневековья они не относятся; там другой стиль и другая ситуация, где присутствует даже некоторая вольность, которая в этой серии отсутствует. Этими фактами, вероятно, истолковано наличие самой серии однотипных изобразительно-декоративных элементов, характерных для столичного дворцового стиля (Анакопия), а также для важнейших церквей региона (Цабал), где мастера абхазской школы продолжали находить заказы на избранные священные мотивы, соответствуя стилистическим предпочтениям высоких христианских вельмож и простолюдин.

Литература

Воронов Ю. Н. Научные Труды. Тайна Цебельдинской долины. Древняя Апсилия. Сухум: АбИГИ, 2010. Т. III. 468 с.

Воронов Ю. Н., Бгажба О.Х. Исследования средневековых памятников в Цебельде // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии. АН ГССР, АИЯЛИ / отв. ред. Г. К. Шамба. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 27–34.

Ендольцева Е. Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова): сб. материалов Международной научной конференции, посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 10–11 мая 2011 г. / отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум, 2011. С. 170–177.

Ендольцева Е. Ю. Синкретические образы в архитектурной пластике Южного Кавказа в период Средневековья: Бычья голова // Актуальные проблемы теории и истории искусства: VII Международная конференция: тезисы докладов. Санкт-Петербург, 11–15 окт. 2016 г. / отв. ред. С. В. Мальцева. Е. Ю. Станюкович-Денисова, А. В. Захарова. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2016. С. 63–64.

Ендольцева Е. Ю., Сангулия Г. А. Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия (Абхазия): проблемы датировки и типологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. М. — Магнитогорск — Новосибирск. № 4. С. 139–156.

Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 272 с.

Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 33. С. 71–102.

Стражев В. И. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1925. Вып. 1. С. 131–169.

Хрушкова Л. Г. Рельефная плита с изображением птиц из Цебельды // СА. 1977. № 1. С. 75–82.

Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 225 с.

Khroushkova L. Les monuments chretiens de la cote orientale de la Mer Noire. Abkhazie IV–XIV siecles. Turnhout, 2006. 340 p.

З. В. Доде
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

К проблеме культурно-хронологической атрибуции скальных могильников Северного Кавказа

Для цитирования: *Доде З. В.* К проблеме культурно-хронологической атрибуции скальных могильников Северного Кавказа // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 329–336.

Zvezdana V. Dode
Federal Research Center the Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia

On the problem of cultural and chronological attribution of rock burial grounds in the North Caucasus

For citation: Dode Z.V., 2022. K probleme kul'turno-khronologicheskoy atributsii skal'nykh mogil'nikov Severnogo Kavkaza [On the problem of cultural and chronological attribution of rock burial grounds in the North Caucasus]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 329–336.

Скальные могильники, появившиеся и функционировавшие в горных ущельях Северного Кавказа в период Средневековья, известны в науке с конца XIX в. Среди них Хасаут, Мощевая Балка, Эшкакон, Улу-кол, Подорванная Балка, Амгата и др. Их особенностью являются погребальный инвентарь (включающий импортные шелковые ткани, стекло, ювелирные изделия) и новый обряд захоронения, не имеющие традиций

© Доде З. В., 2022.

в предшествующий период на этой территории, но находящие аналогии далеко на Востоке — в Китае и в центральноазиатских государствах. В советской исторической науке предметы импорта в погребениях упомянутых могильников рассматривались как свидетельства прохождения ветви Великого шелкового пути через горные перевалы Кавказа и расценивались как результат транзитной международной торговли[1]. Новые возможности и направления исследования позволяют уйти от этой укоренившейся упрощенной схемы и вновь поставить вопрос о культурно-этнической принадлежности носителей и времени функционирования скальных могильников.

Этнокультурная атрибуция памятников

Исследователи отдельных памятников по-разному определяли их этнокультурную принадлежность и время бытования. В начале 70-х годов XX в. Т. М. Минаева обобщила известные к этому времени сведения о скальных могильниках Северного Кавказа. Опираясь на характер погребальной конструкции и погребального инвентаря, она пришла к заключению о весьма длительном периоде их функционирования, от VI до XIII в., и о принадлежности этих памятников северокавказским аланам (Минаева, 1971. С. 157, 137). Исследовательница объясняла переход к скальному обряду погребения целями экономии земли (Минаева, 1971. С. 141). Однако такое объяснение плохо согласуется с предложенной датировкой скальных могильников, которые в таком случае должны были сосуществовать на Северном Каказе с грунтовыми и подкурганными катакомбами.

Этнохронологическая атрибуция могильника Мощевая Балка, предложенная А. А. Иерусалимской, основывается на установлении параллелей артефактам из этого памятника исключительно в поздних археологических материалах, а также в этнографии осетин и адыгов. На этом

[1] В то же время явно привозные продукты априори объявлялись местными, поскольку растительные остатки, обнаруженные в Мощевой Балке, практически не изучались специалистами. Например, мелкие сухие «горошины» черного цвета были объявлены ягодами дикой черники (Иерусалимская, 2012. С. 62), в то время как химико-биологический анализ показал, что они являются зернами черного перца, вне всякого сомнения являвшегося на Северном Кавказе в Средние века импортным продуктом.

основании А. А. Иерусалимская приписывает могильник Мощевая Балка «алано-адыгам» (Иерусалимская, 2012. С. 29).

Однако поздние параллели указывают на длительность традиции, но не определяют ее происхождение. Истоки того или иного элемента культуры следует искать в культуре предшествующего времени и необходимо выстраивать линию преемственного развития, учитывая влияние внешних факторов.

К дискуссионным вопросам этнокультурной атрибуции скальных могильников в начале нового тысячелетия вернулся Д. С. Коробов, завершив свое исследование словами А. П. Рунича о том, что ««вопрос об этнической принадлежности скальных захоронений остается пока неясным и требует уточнения» (Рунич, 1971. С. 177)» (Коробов, 2004. С. 92). Это замечание, спустя почти полтора столетия после открытия скальных могильников Северного Кавказа, все еще остается актуальным. Сегодня проблема заключается не столько в получении нового материала, сколько в осмыслении имеющегося объема данных на новом уровне развития археологической науки. Другими словами, атрибуция скальных могильников Северного Кавказа требует смены парадигмы исследования.

В свое время И. Л. Кызласов пришел к заключению об «общекультурном» характере скальных захоронений, которые он выделил в особую категорию погребальных памятников, выходящих за пределы как определенных археологических культур, так и конкретных хронологических этапов (Кызласов, 1999. С. 195). В этой связи представляется, что поиски аналогий северокавказским скальным захоронениям только на основе выявления аналогичного обряда на широком евразийском пространстве в различные периоды будут мало продуктивны.

С целью установления нового вектора изучения скальных могильников необходимо обратить внимание на очевидное сходство, если не сказать тождество, между отдельными элементами культуры, прослеживаемыми в северокавказских и в центральноазиатских археологических памятниках. Речь не идет о формальном совпадении, объяснимом тем, что материалы часто определяют форму. При обращении к северокавказским и центральноазиатским находкам мы видим большое количество параллелей, которые связаны определенным культурно-историческим контекстом, но выяснить его еще предстоит. Прослеживаемое сходство выходит за рамки торговых контактов и подводит к необходимости

детального изучения этнокультурной принадлежности населения, оставившего северокавказские скальные могильники, основанного на антропологическом и генетическом исследовании погребенных.

Центральноазиатские параллели

Прежде всего следует сказать о форме мужских кафтанов и всего комплекса мужского костюма в целом. Сегодня очевидно, что эти кафтаны, которые долгое время неправомерно связывали с иранской традицией, имеют прямые аналогии в одежде центральноазиатских кочевников (Доде, 2013. С. 643–644). Распашной, двубортный приталенный кафтан с длинными узкими рукавами, пришитыми к стану при помощи ластовицы, с отворотами-лацканами или без них, является характерной деталью тюркского костюма (Кубарев, 2005. С. 33). В кафтаны, чулки и головные уборы, подобные находкам в скальных могильниках, одеты персонажи, изображенные на терракотовых статуэтках эпохи Тан, датируемых специалистами VII в. (Metropolitan Museum, 1997. 442.5.1; 1997. 442.5.2), а шлемообразные головные уборы, подобные находке в Мощевой Балке, прослеживаются в более раннем материале — на статуэтках V–VI вв., относимых к эпохе Шести династий (Metropolitan Museum. 20.39.2, 20.39.3).

Очень близкие параллели устанавливаются между другими артефактами, известными и в скальных захоронениях Северного Кавказа, и в археологических памятниках Синьцзяна.

Особенно это относится к находкам миниатюрной одежды в скальных могильниках Северного Кавказа и в погребениях в окрестностях древнего города Инпань (IV в. — нач. V в.), где миниатюрные одежды зафиксированы *in situ* (Wan Fang, 2007. P. 106–110; The Ancient Corpses…, 2001. P. 150, 160; Recent Excavations…, 2002. Kat. 24, 25). Миниатюрные штаны из узорного шелка также были обнаружены в памятнике более раннего времени (III–IV вв. н.э.) в окрестностях города Ния, в Синьцзяне (The Ancient Corpses…, 2001. P. 139). Эти параллели не являются простым совпадением и заслуживают пристального внимания. Миниатюрные одежды, найденные в Мощевой Балке, были определены А. А. Иерусалимской как одежда для кукол (Иерусалимская, 2012. С. 48, 343), вопреки справедливому замечанию доктора Э. Кнауер о том, что в Мощевой Балке не было обнаружено никаких реальных кукол. При полном отсутствии находок кукол в Мощевой Балке миниатюрные кафтанчики и платья можно рас-

сматривать как имитирующие сменную одежду погребенных, чему имеются аналогии в центральноазиатском материале (Knauer, 2001. P. 143–144).

В культуре ираноязычных осетин прочно утвердились деревянные столики фынг и пеналы бинат-и-хицау, которые считаются для них традиционными. Однако археологические параллели этим предметам имеют место у народов, в различные периоды населявших Синьцзян. Так, один из столиков там датирован 770–221 гг. до н.э; пеналы — 206–220 гг. н.э. и VIII в. н.э. (Ursprünge der Seidenstraβe…, 2007. S. 220. Kat.124. S. 192. Kat. 91. S. 194. Kat. 92).

Есть очевидное сходство между формами и технологиями изготовления деревянных и плетеных шкатулок, хотя северокавказские находки значительно моложе их синьцзянских аналогий. Деревянная шкатулка из города Инпань относится к IV в. — началу V в. н. э, а плетеная, обнаруженная в захоронениях города Ния, — к III–IV вв. н.э. (The Ancient Corpses…, 2001. P. 162, 142).

Возможно, что использование пучков сухих растений в обряде скальных погребений северокавказских могильников в будущем получит объяснение через сопоставление с аналогичными находками из женского захоронения на р. Теван в юго-восточной части Таримской равнины в Синьцзяне (The Ancient Corpses…, 2001. P. 48).

Безусловный интерес представляет так называемый «жреческий пояс», обнаруженный Максимом Ковалевским во время исследования могильника Хасаут в 1885–1886 гг. К нему относится несколько разнородных предметов, среди которых рог животного, кусок кожи с бронзовой подвеской в виде гантели, бронзовая фигурка лошади, стеклянная бусина, кожаный мешочек, кисточка из щетины с матерчатой ручкой. Они были подвешены на тонких кожаных шнурах к двум другим тонким кожаным ремешкам. Поскольку назначение комплекса осталось неясным, он был отнесен к категории «культово-магических» предметов (Кузнецов, 1992. С. 296. С. 297. Рис. 67).

Однако в данном случае интересно обратиться к центральноазиатским этнографическим материалам и рассмотреть северокавказскую находку в контексте сходного набора с подвешенными на шнурах вотивными предметами из музея Урумчи; в нем содержится информация о семейной истории. Каждый объект в этом наборе сообщает о важных событиях в семье: о свадьбе, рождении ребенка, возрастных инициациях и др. Существует ли связь между северокавказской археологической

находкой и центральноазиатским этнографическим объектом? С полной уверенностью на этот вопрос пока ответить нельзя. Но, если рассматривать скальные могильники сквозь призму центральноазиатских параллелей, многие вещи могут получить объяснение, в то время как определение этнокультурной принадлежности северокавказских скальных могильников только в рамках кавказской этнографии неизбежно приводит к тупиковой ситуации.

Хронология памятников

Длительный период бытования скальных могильников (VI–XIII вв.), предложенный Т.М. Минаевой, основан на уподоблении населения, оставившего эти памятники, носителям культуры грунтовых и подкурганных катакомб, которых исследовательница считала северокавказскими аланами. Однако установление периода бытования скальных захоронений на основании отождествления носителей различного погребального обряда представляется спорным.

Как наиболее существенные для хронологии могильника Мощевая Балка и датировки тканей из других памятников А. А. Иерусалимская рассматривает северокавказские текстильные находки. Основной пласт тканей из скальных могильников она датирует 2-й пол. VII в. — IX в. (Иерусалимская, 2012. С. 96–97, 100). В основе этой датировки лежит миф о так называемых «шелках занданечи», созданный в середине XX в. американской исследовательницей Дороти Шеперд и поддержанный А.А. Иерусалимской, в работах которой он получил дальнейшее развитие. Этот миф базируется на ошибочном переводе надписи на средневековой шелковой завесе из собора в бельгийском городе Юи и предвзятой интерпретации письменных источников (Sims-Williams, Khan, 2012. P. 207–213; *Dode*, 2016. P.213–222). Сегодня доказано, что средневековые ткани занданечи — это тип хлопкового текстиля, известного с X в., производившегося в регионе Бухары, в то время как «шелка занданечи» VII в. — это дефиниция, искусственно созданная в результате ошибочных и тенденциозных методов исследования, которая не может рассматриваться как основание для датировки северокавказских скальных могильников.

Таким образом, очевидно, что этнокультурная атрибуция скальных могильников Северного Кавказа, так же как и их хронология, требуют пересмотра.

Заключение

В сложившейся ситуации очевидно, что назрела необходимость измененить направление научных исследований скальных могильников Северного Кавказа. Этой цели посвящен международный проект по изучению скального могильника Хасаут с участием российских и китайских ученых.

В результате полевых работ в 2015 г. получено большое количество новых находок, среди которых: деревянные предметы (ложки, фрагменты раскрашенных шкатулок, древки стрел); стеклянные бусины с золотой и серебряной фольгой; бусы из сердолика; фрагменты стеклянных сосудов; большое количество холщовых тканей из льна и хлопка; шерстяные ткани, окрашенные различными красителями; шелковые ткани с основой разного цвета и шелковые узорные ткани, вытканные в технике самит; фрагменты холщовой одежды, украшенной вышивкой и кожаной позолоченной аппликацией; различные формы пуговиц.

В лаборатории Пекинского университета был выполнен радиоуглеродный анализ текстиля из погребения № 3, который показал довольно близкие даты шелковых и льняных тканей — 982 г. и 991 г. Учитывая долгий срок использования шелковых тканей, исследованное погребение, скорее всего, было совершено в последнем десятилетии X в.

Одним из новых направлений исследования является изучение полученного антропологического материала методами ДНК-диагностики. Специалистами Цзилиньского университета Китайской Народной Республики под руководством профессора Ш. Чжанга выделена D-гаплогруппа, ареал которой приходится на Северо-Восточную Азию, включая Сибирь, и аборигенное население Северной Америки и Центральной Азии, с низкой встречаемостью в Восточной Европе и в Юго-Западной Азии.

Таким образом, средневековое население Северного Кавказа не ограничивалось контекстом местных традиций, а развивалось в широком диапазоне взаимодействия с другими территориями Востока и Запада, впитывая новые культурные и этнические компоненты. Новые возможности исследования полученных материалов показывают правильность выбранного вектора и перспективы изучения культурно-хронологической принадлежности скальных могильников Северного Кавказа.

Литература

Доде З. В. «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя» // РАЕ. 2013. № 3. С. 642–653.

Иерусалимская А. А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Гос. эрмитаж, 2012. 384 с.

Коробов Д. С. К вопросу о скальных захоронениях Кисловодской котловины // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа / ред. совет Р. М. Мунчаев, С. Н. Кореневский. М.: ИА РАН, 2004. С. 83–99.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е изд. допол. Владикавказ: Ир., 1992. 392 с.

Кызласов И. Л. Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: сб. ст. / отв. ред. В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М.: Восточная литература, 1999. С. 169–199.

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1971. 248 с.

Рунич А. П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.

Dode Z. "Zandaniji Silks": The Story of a Myth // The Silk Road. 2016. Vol. 14. P. 213–222.

Knauer E. A. A Man's caftan and leggings from the North Caucasus of the eight to tenth century: A genealogical study // Metropolitan Museum Journal 36. 2001.

Recent Excavations of Textiles in China / ed. Zhao Feng // ISAT. Costume Squad LTD (Hong Kong), 2002.

Sims-Williams N., Khan G. Zandanījī Misidantified // Bulletin of the Asia Institute Nev. 2012. Ser. 22. P. 207–213.

The Ancient Corpses of Xinjang: the Peoples of Ancient Xinjang and there cvlture [i.e. culture] / Xinjang gu shi: gu dai Xinjang ju min ji qi wen hua. Wulumuqi shi: Xinjang ren 1992, 1996 min chu ban she, 2001.

Ursprünge der Seidenstraβe: Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China / Begleitbuch zur Ausstellung Gebundene Ausgabe 11. Oktober 2007. Von Alfried Wieczorek (Herausgeber), Christoph Lind (Herausgeber). 320 s.

Wan Fang. Miniature of Costumes for Burial in Yingpan (Han — Jin. D. — 400 A.D) / Huán tǎkèlāmǎgàn shāmò sīchóu zhī lù fúshì wénhuà kǎochá bàogào jí / DongHua DaXue ChuBanShe, 2007.

Д. Н. Марков
Сочинский национальный парк, Сочи, Россия

Оборонительные укрепления на перевальном пути из Красной поляны в Абхазию

Для цитирования: *Марков Д. Н.* Оборонительные укрепления на перевальном пути из Красной Поляны в Абхазию // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 337–342.

Dmitriy N. Markov
Sochi National Park, Sochi, Russia

Defensive fortifications on the pass route from Krasnaya Polyana to Abkhazia

For citation: Markov D.N., 2022. Oboronitel'nyye ukrepleniya na pereval'nom puti iz Krasnoy polyany v Abkhaziyu [Defensive fortifications on the pass route from Krasnaya Polyana to Abkhazia]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 337–342

В раннем Средневековье развитие Сочинского Причерноморья шло в тесной связи с Византией и Абхазским царством. Большим узлом караванных путей, идущих по Псеашхинскому ответвлению Великого шелкового пути на Северный Кавказ и по Аибгинскому хребту в Абхазию, стал район современной Красной Поляны.

© Марков Д. Н., 2022.

Здесь появилось свыше 10 укреплений, причем в основном на правом берегу реки Мзымта, по маршруту Великого шелкового пути. Гораздо меньше их было на левом берегу, где начиналась дорога в Абхазию.

Оборонительные сооружения не являются однотипными. Самые ранние крепости — Ачипсинская и Пслухская — имели все атрибуты обороны: стены, ворота, башни, контрфорсы, рвы и валы. Они строились на известковом растворе, могли выдерживать осаду и служили укрытием для населения прилегающей территории.

Остальные входили в категорию вспомогательных крепостей — форпостов, возводимых на стратегических возвышенностях. К ним относятся крепости Бешенка 1, Монашка 1 и 2, а также Аибгинская.

Их планировка тесно связана с условиями местности. Внешний контур имел форму прямоугольника с длиною до 60 м и шириною до 30 м. Главными элементами обороны выступали крутые склоны обрывов и естественные скальные преграды, дополнявшиеся стенами или «воротными» башнями на «сухой» кладке, что характерно для устройства фортификационных сооружений Центральной Абхазии (Ворошилов, 2006. С. 33).

В отличие от крепостей правобережья р. Мзымты, Аибгинское укрепление расположено на левом берегу и маркировало перевальный путь через альпийские луга и далее в Абхазию.

По мнению писателя и географа Ю. К. Ефремова, автора книги «Над Красной Поляной», в ее функции входила и защита населения, жившего в поселениях по берегу реки. Об этом говорит более высокая степень защиты по сравнению с другими объектами обороны. Здесь кроме скальной гряды был выстроен контрфорс на известковом растворе. С его применением выложена также часть стен и на высоком скальном уступе (Ефремов, 2013. С. 146).

Общая протяженность стен крепости составляла около 180 м, она обладала двумя линиями обороны. В средней части, где проходила вторая линия, прослеживаются остатки стены длиной 11 м, сложенной на растворе. Вероятно, для таких целей и строились печи для обжига извести, которые найдены недалеко от этого объекта (Воронов, 1979. С. 99–100).

Если правобережье р. Мзымты, где находилось большинство крепостей, исследовано достаточно полно, в том числе и таким авторитетным ученым-кавказоведом, как Ю. Н. Воронов, то склон по левому берегу

изучался сравнительно мало. Существуют материалы по Аибгинскому укреплению, а также отчет Л. Н. Ситниковой об археологической разведке крепости «Котел» (Ситникова, 1971. С. 8).

В городском реестре указаны сведения об остатках крепости «Аибгинская-2» с местонахождением: Адлерский район, в 6 км к югу от юго-западной окраины поселка Красная Поляна и в 1 км от левого берега р. Мзымта (Каталог…, 1997. С. 63). Правда, каких-либо других данных о ней не имеется.

В 2017 г. специалисты по историко-культурному наследию Сочинского национального парка Н. И. Марков и Д. Н. Марков, совместно с сотрудником егерской службы Д. А. Ступицким, осуществили поиск объекта, давший положительный результат.

На втором отроге склона, на высоте 748 м над уровнем моря, был обнаружен участок с развалами каменных сооружений, фрагментами керамики и другим подъемным материалом. Он точно соответствует расстоянию в 1 км от левого берега реки, указанному в сведениях о местонахождении.

Уже сами подходы к этому месту говорили о его оборонительных возможностях. Склон состоит из нескольких уступов, затрудняющих подъем на верхнюю, достаточно ровную, часть гребня с выровненной площадкой.

С продольной северной стороны подступиться к ней было невозможно из-за глубокого и отвесного обрыва, уходящего вниз на несколько десятков метров (рис. 1, *1*). С южной стороны возвышается скальная гряда, служащая естественной защитой (рис. 1, *2*). Существующие здесь сквозные проходы не позволяли полностью перекрыть доступ во внутреннее пространство. Частично эту проблему решали куполообразные выступы, позволявшие вести обстрел в случае нападения.

Рукотворные сооружения, ограждающие площадку размерами 55 х 20 м и представлявшие собой собственно укрепление, возводились на поперечных сторонах (рис. 1, *3*).

Идущая с запада тропа упиралась в возвышенность, перегороженную в прошлом стеной, длиною около 8 м. Она была сложена насухо из белого известняка (рис. 1, *4*). Подтверждением служат многочисленные булыжники средней величины, в большом количестве лежащие на склоне и на подступах к нему. Стену укладывали на скальную основу, края которой хорошо просматриваются до настоящего времени.

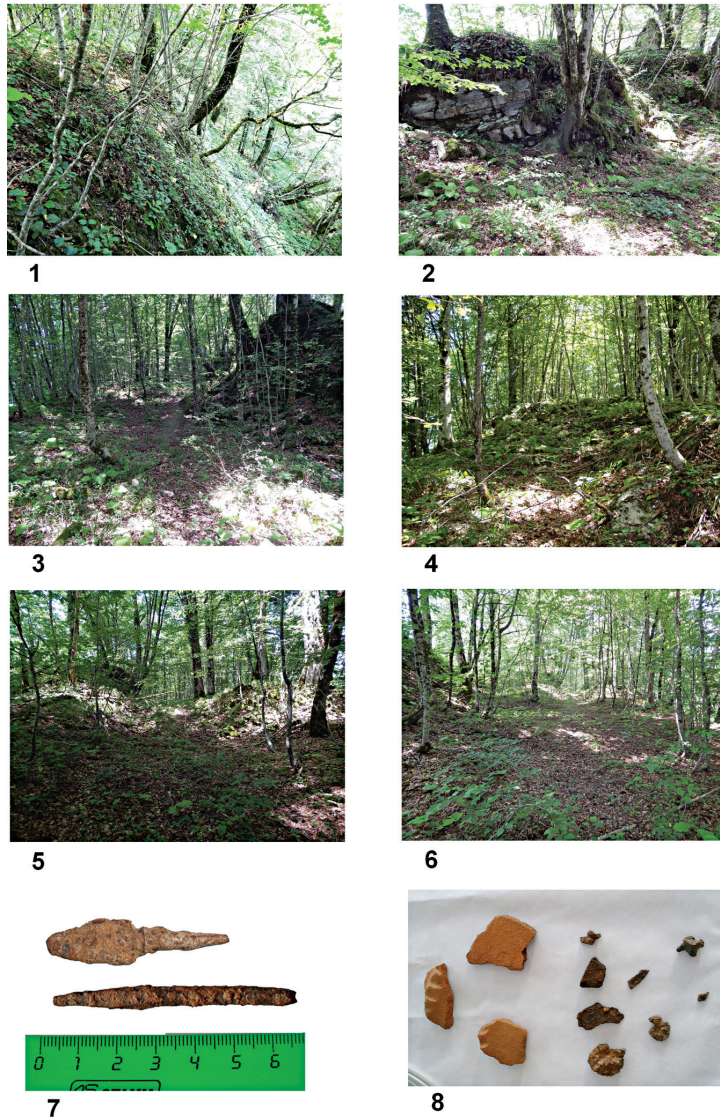

Рис. 1. 1 — Крутой обрывистый северный склон; 2 — Скальная гряда на южной стороне укрепления; 3 — Внутренняя часть крепости; 4 — Западная сторона с остатками стены; 5 — Восточная сторона с воротной частью; 6 — Внешняя часть укрепления; 7 — Два наконечника стрелы, найденные возле входной башни; 8 — Кусочки металла и крицы, а также венчики пифосов

Наибольший интерес вызывает восточная сторона с предполагаемым входом (рис. 1, *5*). Основным элементом обороны здесь выступала башня на сухой кладке, с примерными размерами 3 х 3 м. От нее остался холм такой же высоты из крупных и средних блоков. Вторая часть состояла из окончания скальной гряды и надстроенного на ней какого-то каменного сооружения.

Найденные в развалах башни два наконечника стрел указывают на вероятность нападения именно в этом месте (рис. 1, *7*).

По всей вероятности, это был укрепленный пункт для жителей расположенных ниже по склону поселений, где сейчас находятся многочисленные курганы.

Их обслуживала небольшая кузница, о чем говорят обнаруженные кусочки металла и крицы, а также небольшие предметы мелкого хозяйственного назначения. На площадке найдены венчики пифосов для хранения воды (рис. 1, *8*).

Точно установить предназначение второй площадки, более широкой и открытой и отгороженной с юга скальным массивом средней высоты, весьма затруднительно. Возможно, она имела двойное назначение (рис. 1, *6*). Летом здесь могли останавливаться путники со своими лошадьми, проезжавшие по обоим направлениям, а зимой, с учетом исключительного значения скотоводства в жизни населения горных долин, сюда сгонялся домашний скот с альпийских лугов.

Такое мнение подкрепляется существованием большого загона для скота, пристроенного к южной стене крепости «Котел». Это укрепление располагается на соседнем отроге и было исследовано Л. Н. Ситниковой в начале 70-х годов прошлого века.

Обнаруженный ею подъемный материал у родника в районе крепости представлен такой же скотоводческой керамикой, и прежде всего, толстостенными пифосами с массивными утолщенными кверху венчиками, изготовленными из красной глины с примесью сланцевого песка. Вся посуда имеет, как и в нашем случае, наружное и внутреннее рифление.

С учетом данных факторов можно однозначно говорить о том, что памятник археологии — остатки крепости «Аибгинская-2» — представляет собой укрепление населения горных долин, занимавшегося скотоводством. Она не была в полном смысле крепостью, но содержала практически все оборонительные элементы, позволявшие обеспечивать защиту в случае нападения.

Литература

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979. 128 с.

Ворошилов В. И. История убыхов. Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века. Майкоп: ОАО Афиша, 2006. 372 с.

Ефремов Ю. К. Над Красной Поляной. Изд. 3-е, доп. и испр. Краснодар: Платонов, 2013. 416 с.

Каталог историко-культурного наследия Сочи Управления культуры Администрации г. Сочи / ред. Ю. А. Парень. Краснодар: Издат. дом «Краснодарские известия», 1997.

Ситникова Л. Н. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях г. Сочи в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4531.

Г. А. Сангулия[1, 2], *Т. М. Кармов*[3, 4]

[1] Заместитель министра, начальник управления охраны историко-культурного наследия, Сухум, Абхазия
[2] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия
[3] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
[4] Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург, Россия

Типология и периодизация раннесредневековых памятников с. Хашпса Гагрского района

Для цитирования: *Сангулия Г. А., Кармов Т. М.* Типология и периодизация раннесредневековых памятников с. Хашпса Гагрского района // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 343–348.

Garik A. Sanguliya[1, 2], *Timur M. Karmov*[3, 4]

[1] Deputy Minister, Head of the Department for the Protection of Historical and Cultural Heritage, Sukhum, Abkhazia
[2] Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Abkhazian Academy of Science, Sukhum, Abkhazia
[3] St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia
[4] Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, St. Petersburg, Russia

Typology and periodization of early medieval monuments in the village of Khashpsa Gagra district

For citation: Sanguliya G.A., Karmov T.M., 2022. Tipologiya i periodizatsiya rannesrednevekovykh pamyatnikov s. Khashpsa Gagrskogo rayona [Typology and periodization of early medieval monuments in the village of Khashpsa Gagra district]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring*

© © Сангулия Г. А., Кармов Т. М., 2022.

territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]. Moscow — Sukhum. P. 343–348.

Ввиду особой ситуации в данном регионе распространения археологических памятников, по решению Археологической комиссии АНА наши работы в Очамчырском районе, в том числе вновь начатые раскопки на Тамышском поселении, временно были приостановлены, и наши усилия были сосредоточены на доследовании уничтожаемых «черными археологами» памятников Хашпсинского ущелья Гагрского района. Первые работы, в 2012–2013 гг., по предложению наших руководителей (В. В. Бжания, А. С. Агумаа) были рассчитаны на фиксацию и упорядочение материала с нарушенным стратиграфическим положением, оценку общей неординарной ситуации и постепенное возобновление постоянных археологических исследований. Совместная российско-абхазская экспедиция продолжает свои исследования и уже в течение пяти полевых сезонов выполняет все надлежащие действия, предоставляя отчетную документацию, доклады и публикации о проделанных работах.

Исследуемый нами объект, крепость Хашпсы-Абаа, расположен в нагорной части Саныгской (Садзской) Абхазии, занимающей северо-западную часть нашей страны. Издавна этот район управлялся представителями правящей княжеской фамилии Ачба, которым и принадлежали земли села Хашпсы и его окрестностей. Родовое имение находилось в местности Хышха. В последнее время и сюда зачастили различного рода «посетители», в связи с чем нам срочно пришлось провести неотложные работы по доследованию культурного слоя, поврежденного ими.

Занимая важное звено в системе связи с Абазгией, сектор Цандрыпша знаменит такими важными находками, как плита с надписью «Абасгиас» (Л. Г. Хрушкова) и ряд раннехристианских погребений. Известно, что здесь же в генуэзскую эпоху находилась торговая фактория Абкасия или Абкация, упомянутая Кафинским префектом Эмилио Дартели. Итальянский путешественник Эмилио де Асколи (1634 г.) на этом месте указывает торговый порт Абаза.

Как показывают наши полевые исследования, важной задачей как оборонительной системы Хашпсинской крепости, так и всего данного участка, являлся контроль над путями, идущими в Абазгию, а также из

Абазгии. Данные наблюдения указывают на глубоко зашедший процесс племенной консолидации и на уже состоявшийся ее первый этап, что, очевидно, предшествовало дальнейшему продвижению контроля центральной власти. Эта важная черта типологической характеристики данного укрепленного места требует дальнейшего уточнения механизмов его функционирования методами полевых исследований. Как видно из визуального (зрительного) анализа открывающейся из крепости панорамы, обращенной к морскому побережью Абхазии, строители оценили значение трех близлежащих дорог: 1) по ущелью реки, 2) по наклонному противоположному хребту и 3) по примыкающему приморскому гребню, связанному с центром в Цандрыпше. Очевидная постоянная связь между регионами Абхазии, Абазгии и Санигии (особенно в эпоху Абхазского царства) здесь прослеживается археологически, и это подтверждается накопленными в районе артефактами.

За время нашей работы проведена разборка остатков разрушений «черными копателями», отобран и накоплен материал, который подвергнут камеральным исследованиям (Л. П. Головина), проведены дальнейшие полевые исследования «по свежим следам», а также сделано все для предупреждения подобных случаев в будущем. В этом отношении имеют большой интерес результаты наших работ, связанные с материалами по периодизации и типологии памятников. Речь идет об истории исследуемой фортификационной системы, составе ее узловых памятников, элементах самого исследуемого городища, материальной культуре его жителей. Сама крепость-городище Хашпсы-Абаа представляет собой важный объект, воздвигнутый на высокой горе Хашпсы-ащха по весьма продуманному строительному проекту. Проект предполагал активное использование возможностей, предоставляемых данным местоположением объекта для контроля над всем пересечением важнейших путей коммуникаций в самой Абхазии и с сопредельными регионами. Зафиксированные в целом ряде случаев достройки, непосредственное использование рельефа скалы, примыкание стен к ней с использованием крепкого известкового раствора тому доказательство. Охват максимальной площади контроля округи, при нарождающемся феодальном классе раннесредневековой Абхазии, документируется материалами специфической местной материальной традиции. Равномерное распределение типов местной бытовой материальной культуры с импортными находками, их сочетание в различных участках, зафиксированное нами,

характеризуют максимальный уровень консолидации населения данного объекта. Эти данные подтверждаются новыми находками из местности Хышха, где, ввиду разрушения хозяйственными работами верхнего горизонта могильника прихрамового типа, были проведены спасательные работы, которые дали синхронный и типологически сходный материал. Типичные находки относятся к железоделательному и керамическому производству, реже — стеклоделательному, что важно для строительного и фортификационного дела как основных производственных направлений, обеспечивавших стабильное жизнеобеспечение в исследуемом регионе.

Находки, судя по проведенным работам, имеют нижнюю дату в пределах VI–VII вв. н. э., хронологическая и типологическая атрибуция подтверждается техникой кладки ровными плитняковыми блоками с четкой перевязью на превалирующем в растворе известковом компоненте. На основе анализа материалов промежуточных горизонтов и изучения отдельных участков можно говорить о непрерывности жизнедеятельности и военной активности местного населения вплоть до конца XIV в. н.э. Об этом говорят находки глазурованной керамики зеленого, белого и синего полива, а также хронологическая дифференциация бытовой, тарной и строительной керамики. В ранних слоях доминирует красноглиняная звонкая керамика, за которой следует керамика коричневых тонов на стадии завершения раннего Средневековья, и к завершающему этапу относится темно-коричневая керамика развитого Средневековья. Находки последующего времени слабо представлены и с трудом выделяются.

Нашими работами установлена теснейшая преемственность в производстве строительной черепицы, солен и калиптеров, проявившаяся в формовке, нюансах их отделки путем дополнительной обработки плоскостей и углов с помощью шпателя, в цвете обжига, изменившегося от красного до коричневого и темно-коричневого (в поздних слоях). Представляет интерес и то, что керамическая посуда, в частности пифосы, крупные тазы со сливами, широкогорлые корчаги и горшки, а также их орнаментация находят многочисленные аналогии в материалах столичного городища Анакопия (где в настоящее время возобновились археологические исследования). Все это ставит новые задачи как для полевых исследований, так и для камеральной обработки, реконструкции исходной ситуации и выработки исторических выводов.

Отметим, что при изучении стратиграфии «привратного» сооружения, разрушенного почти до основания углового башенного строения, нами прослежены изменения форм черепицы. В частности, нижние пласты, лежащие у основания строения, дают исходные формы лотковых черепиц, отличающихся строгостью форм, угловатостью и геометризмом своего облика, а средние и вышележащие в стратиграфических горизонтах формы уже несколько другие. Здесь бортики высокие, формы полукруглые, сужены в верхних краях, которые тщательно заделаны шпателем, закруглены, иногда отделана только одна сторона (сторона соприкосновения с полукруглой). Зафиксирована и граница двух этапов развития. Благодаря вскрытию двух строительных горизонтов, смыкающихся выше основания здания (пола), на стороне, обращенной к обрыву, нами прослежена незначительная переделка стен (возможно, в ходе достройки сооружения). Расположение каменных плит на полу показывает также наличие наслоений и смены высоты залегания пола, что требует специального изучения. Очевидно, по неизвестным нам причинам, после воздвижения частей мощного сооружения его отдельные участки, такие как изучаемая нами угловая башня, возможно, были перестроены с целью улучшения боевых качеств. Дальнейшие исследования и разбор более глубоких пластов, возможно, окончательно прояснят действительную ситуацию.

В ходе работ была изучена узкая (1 м) каменная лестница, сооруженная из толстых известняковых плит с напусками, ведущая в цитадель. У примыкания со стеной цитадели обнаружен сохранившийся в нетронутом положении приступ проема калитки. И в технике сооружения, и в обработке целых плит они сходны с остальными объектами и, очевидно, синхронны с ними.

Представляет интерес подковообразное сооружение у узловой части цитадели, по плану и пропорциям схожее с ранним храмом подобного плана с полукруглой абсидой, очевидно также датируемое не позже VI в. н.э.

В ходе работ нами были обнаружены характерные для ряда памятников (Анакопия) фрагменты расписной керамики, квалифицированной как материальная традиция «дворцового стиля» (Л. П. Головина). Представляют интерес находки специфически местной керамической посуды с манжетовидным свисающим венчиком в различных вариациях, фрагменты горшков черного цвета с низкой шейкой, представленные

в материалах обоих памятников. Аналогии известны также из Цебельды, Атары и др. Представляют интерес находки красноглиняной керамики, один из фрагментов имеет изображение звезды, что находит аналогии на цебельдинской посуде. В целом полученные нами данные демонстрируют явные связи с центральными регионами Абхазии.

В связи с участившимися случаями повреждений культурного слоя памятника экспедиция предприняла меры по срочному спасению близлежащего объекта Хышха. На участках, отведенных под огороды, были известны случаи обнаружения фрагментов керамики и других находок, что приводило к несанкционированным раскопкам отдельными «посетителями». Нами был заложен шурф, а после обнаружения костей и ряда находок он был расширен. Обнаружены погребения, нарушенные и невредимые, вместе с сопровождающим инвентарем. В ходе работ нами был зафиксирован правильно обработанный каменный блок, связанный с вторичным перемещением строительных элементов. В нескольких метрах от него мы обнаружили некоторые остатки сооружения, очень похожие на строительные детали христианского храма, к сожалению разрушенного до основания. Здесь ясно определяются строительные блоки, имеющие скошенный торец для раствора, а также фрагмент с остатком паза для оконного или дверного проема. Это позволило нам предварительно рассматривать находки на данном участке как инвентарь захоронений прихрамового могильника.

В целом наши исследования данных памятников пока позволяют датировать их в рамках раннего, развитого, и частично позднего Средневековья, более ранних слоев и отдельных находок не обнаружено. Но необходимо учитывать, что в данном регионе известны находки и объекты каменного, бронзового и железного веков, да и в целом можно говорить о недостаточном уровне его исследования, несмотря на очевидную здесь в настоящее время активную и бурную жизнедеятельность.

***Г. В. Требелева*[1], *И. И. Цвинария*[2], *С. М. Сакания*[2],**
***З. Г. Хондзия*[2], *Г. Ю. Юрков*[3], *Т. Ю. Шведчикова*[1]**

[1] Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия
[3] Институт общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова РАН, Москва, Россия

Исследования на некрополе Маркульского храма (2015–2017 гг.)

Для цитирования: *Требелева Г. В., Цвинария И. И., Сакания С. М., Хондзия З. Г., Юрков Г. Ю., Шведчикова Т. Ю.* Исследования на некрополе Маркульского храма (2015–2017 гг.) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 349–353.

***Galina V. Trebeleva*[1], *Igor' I. Tsvinariya*[2], *Suram M. Sakaniya*[2],**
***Zurab G. Khondziya*[2], *Gleb Yu. Yurkov*[3], *Tat'yana Yu. Shvedchikova*[1]**

[1] Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia
[2] Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Abkhazian Academy of Sciences, Sukhum, Abkhazia
[3] Institute of General and Inorganic Chemistry named after N.S. Kurnakov, Moscow, Russia

Research on the necropolis of the Markul temple (2015–2017)

For citation: Trebeleva G.V., Tsvinariya I.I., Sakaniya S.M., Khondziya Z.G., Yurkov G.Yu., Shvedchikova T.Yu., 2022. Issledovaniya na nekropole Markul'skogo khrama (2015–2017 gg.) [Research on the necropolis of the Markul temple (2015–2017)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 349–353.

© Требелева Г. В., Цвинария И. И., Сакания С. М., Хондзия З. Г., Юрков Г. Ю., Шведчикова Т. Ю., 2022.

Маркульское городище обнаружено в 2013 г., в 2014 г. были проведены раскопки на территории храма и заложены разведывательные шурфы на памятнике (Требелева и др., 2015. С. 292–301). В 2015 г. раскопки были продолжены на территории вокруг храма: вскрыт участок между храмом и оградовой стеной с юга (квадраты 1/15–4/15). В ходе раскопок вскрыт культурный слой общей глубиной 0,5 метра ±0,1 см. В квадрате 3 было найдено целое безинвентарное погребение, заглубленное в материк. Погребенный, мужчина 20–24 лет, лежал в вытянутом на спине положении, со скрещенными на груди руками, ориентирован ногами на восток. Голова приподнята и прижата подбородком к груди, уложена на уплотненном, как камень, глинисто-песчаном грунте — «подушке», возможно, естественного происхождения. Сохранность скелета: череп во фрагментах, разрушенная нижняя челюсть, фрагмент правой лопатки, парные ключицы (левая без стернального окончания), парные плечевые (левая с разрушениями в районе нижнего эпифиза), парные лучевые, локтевые (правая без нижнего окончания) с посмертными переломами, правая бедренная с посмертным переломом в середине диафиза, левая бедренная без нижнего эпифиза, парные большеберцовые (левая без верхнего эпифиза), нижний эпифиз левой малоберцовой, кости стоп и кистей рук, парные тазовые и крестец во фрагментах, 7 шейных, 10 грудных, часть из которых находилась во фрагментах, 5 поясничных позвонков. Отмечены следы прижизненной билатеральной утраты третьих моляров на верхней челюсти, отсутствие третьего моляра с левой нижней стороны, наличие зубного камня на нижних и верхних резцах. Расширение суставных площадок головок бедренных костей, а также фиксация набора признаков, характерных для так называемого «комплекса всадника», свидетельствуют о том факте, что погребенный был всадником. На шейных позвонках фиксируются признаки остеохондроза. Длина бедренной кости составила 454 мм., большеберцовой — 370 мм, реконструированная длина тела составила 168,7 см по Ролле (Пашкова, 1963).

Многочисленные разрозненные фрагменты скелетов еще 8 индивидов были обнаружены в квадратах 1, 2, 3 (выше погребенного) и 4.

В 2016 г. была вскрыта территория между квадратом 1А у западной стены храма и храмовой оградой. Вскрыт квадрат до материка, в котором и были пробиты могильные ямы. В них обнаружено коллективное захоронение, отмеченное плохой сохранностью костной ткани и переотложенным характером захоронения. Всего определено 9 индивидов.

Таблица 1

Половозрастные показатели погребенных Маркульского храма раскопок 2015– 2017 гг

№	Год раскопок	Локализация	Пол	Возраст
1	2015	Кв. 2/15	мужчина	30–35
2	2015	Кв. 2/15	мужчина	40–45
3	2015	Кв. 2/15	женщина	adultus
4	2015	Кв. 2/15	подросток	juvenilis
5	2015	Кв. 3/15	мужчина	senilis
6	2015	Кв. 3/15	ребенок	infantilis
7	2015	Кв.4/15	мужчина	adultus
8	2015	Кв.4/15	женщина	adultus
9	2016	Кв. 5/16	женщина	maturus
10	2016	Кв. 5/16	мужчина	maturus 1–2
11	2016	Кв. 5/16	женщина	adultus 2 — matures
12	2016	Кв. 5/16	мужчина	35–39
13	2016	Кв. 5/16	мужчина	adultus 2 — maturus 1
14	2016	Кв. 5/16	мужчина	adultus 1–2
15	2016	Кв. 5/16	мужчина	25–29
16	2016	Кв. 5/16	подросток	19–20
17	2016	Кв. 5/16	ребенок	12–15
18	2017	Кв. 5/17	ребенок	infantilis 1
19	2017	Кв. 5/17	мужчина	adultus 2
20	2017	Кв. 5/17	женщина	30–35
21	2017	Кв. 5/17	мужчина	40–45
22	2017	Кв. 5/17	мужчина	35–39
23	2017	Кв. 5/17	женщина	maturus 1–2
24	2017	Кв. 6/17	ребенок	infantilis 1 (0.5–1)
25	2017	Кв. 6/17	женщина	adultus 2 —matures 1
26	2017	Кв. 6/17	женщина	maturus 2 — senilis
27	2017	Кв. 6/17	женщина	adultus 2 — maturus
28	2017	Кв. 6/17	мужчина	maturus 2 — senilis
29	2017	Кв. 6/17	мужчина	35–39
30	2017	Кв. 6/17	мужчина	40–45
31	2017	Кв. 6/17	мужчина	30–35
32	2017	Кв. 6/17	мужчина	Juvenilis 17–19

Кроме этих 9 человек были обнаружены следы других захоронений. Одно частично вскрыто в 2016 г., но не вынималось, а было законсервировано. При его доследовании в 2017 г. была сделана прирезка к квадрату с западной стороны вплоть до обрыва плато, при этом обнаружены останки еще 6 человек. Причем одно из погребений было с инвентарем. Мощность культурного слоя составила от 0,6 до 1 м.

Также в 2017 г. была вскрыта территория к северу от храма. Раскоп включал территорию до оградовой стены и снаружи нее. Внутри оградовой стены погребений не было, зато снаружи стены обнаружено коллективное захоронение. Останки лежали беспорядочно, такое ощущение, что они были сброшены друг на друга. Всего было захоронено 9 индивидуумов.

Общими задачами антропологического исследования стали: оценка сохранности костного материала, половозрастная идентификация, оценка встречаемости патологических признаков, определение минимального количества индивидов в коллективных захоронениях, а также изучение степени мобильности группы при помощи изотопного анализа зубной ткани. Исследование проводилось с использованием различных методов визуальной диагностики. Пол и возраст определялись по совокупности признаков посткраниального и краниального скелетов, по стандартной антропологической методике (McKern&Stewart, 1957; Ubelaker, 1989; Алексеев, Дебец, 1964).

С целью определения происхождения (вероятно, местного?) погребенной группы, был проведен анализ содержания изотопов стронция в зубной и костной тканях захороненных. Изучение соотношения изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ — это активно использующийся в современных палеоантропологических исследованиях инструмент для оценки степени мобильности древних людей.

Изотопные сигналы стронция в исследованной серии колеблются от 0.708527 до 0.710201. Выделяется группа индивидов со значениями порядка 0.7091. Это оказываются более поздние и глубокие по уровню залегания индивиды. В процессе их захоронения как раз и были разрушены верхние захоронения. Выделение этой группы из общего контекста может быть объяснено их неместным происхождением. Группу местных представителей составляют инд. 2 из коллективного захоронения, инд. 4, которые были схожи и морфологически, отличаясь массивностью скелета и выраженностью мускульного рельефа. Схожие по

значениям показатели характерны и для материалов погребенных из склепа у с. Веселое (район Адлера) IX–XI вв., краниологически определенных как представители местного населения и одонтологически являющихся предками современного абхазского населения. Таким образом, в качестве предварительных выводов следует считать массивность, как характерную особенность местного населения на ранних этапах бытования комплекса, а также то, что в более поздний период времени среди элиты, удостаивающейся захоронения на территории храма, были представители неместного происхождения.

Исследования городища планируется продолжать.

Литература

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.

Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю. Маркульский археологический комплекс // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 292–301.

McKern T. W, Stewart T. D. Skeletal Age Changes in Young American Males. Natick, MA.: Quartermaster Research and Development Command Technical Report EP-45. 1957.

Ubelaker D. H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Aldine, 1989.

С. М. Сакания
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Сухум, Абхазия

Две церкви одной формы (из истории архитектуры Абхазии)

Для цитирования: *Сакания С. М.* Две церкви одной формы (из истории архитектуры Абхазии) // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 354–358.

Suram M. Sakaniya
Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

Two churches of the same form (from the history of architecture of Abkhazia)

For citation: Sakaniya S.M., 2022. Dve tserkvi odnoy formy (iz istorii arkhitektury Abkhazii) [Two churches of the same form (from the history of architecture of Abkhazia)]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 354–358.

На территории Абхазии много интересных, разнообразных по типу, форме и конструкции христианских памятников, но, к сожалению, они мало изучены. Среди множества неизученных памятников встречаются зальные, или однонефные, но небольшие по объему церкви, которые иногда можно назвать часовнями. Но эти малые по своим формам церкви были не просто приходскими, выполняя религиозную функцию, но одновременно

© Сакания С. М., 2022.

являлись своеобразными центрами-школами духовного просвещения. Во всех селах Абхазии известно по несколько каменных церквей, большинство из них сильно руинировано. Многие из них по своим формам близки друг другу. Близость или идентичность форм нами рассматривается предположительно как свидетельство о работе одной строительной артели или как принадлежность к одной строительной школе.

В 2013–2014 гг. на одном из пяти руинированных средневековых памятников, выявленных в селе Кутол, была проведена археологическая расчистка. Памятник оказался церковным комплексом, который, в свою очередь, был окружен каменной оградой, ныне сильно разрушенной. В процессе работы выяснилось, что ядром комплекса являлась небольшая зальная церковь и пристроенные к ней с севера и юга дополнительные помещения. Зальная церковь в этом комплексе по времени возведения была более древней и отличалась от других пристроек техникой кладки, формой, конструкцией, строительным материалом. К этой церкви с северной и южной сторон позже были пристроены различные по форме сооружения. Северная пристройка к главной церкви, как выяснилось в процессе археологических расчисток, тоже являлась зальной церковью со своим алтарным полукружием, и она сообщалась дверным проемом с центральной церковью. Южная пристройка имела прямоугольную форму и могла служить для литургических действий. Северная и южная пристройки могли быть возведены в одно время. В этих пристройках в кладке стен применены блоки известняка, обработанные технологически одинаковым способом, а также известковый раствор одинаковой фактуры.

В архитектурном комплексе доминирующее место занимает центральная зальная церковь. Она представляет собой прямоугольное сооружение с полукруглой апсидой, вписанной в общий прямоугольник абриса храма на востоке, и с тремя дверными проемами, расположенными на западной и продольных ее стенах. В церкви сохранилась алтарная часть с престолом. По сторонам алтарного полукружия расположено по одной нише в плане полукруглой формы. В строительстве церкви применена смешанная техника. С наружной стороны в кладке церкви использованы хорошо обработанные блоки ноздреватого туфа или местного травертина. Горизонтальные ряды кладок в сохранившихся местах четко читаются. Внутри церкви этот же материал применен в угловых и в других узловых местах, в дверных проемах и в углах ниш. В других

местах, как в продольных стенах, так и в алтарном полукружии, в кладке использованы речные окатанные, предположительно диоритовые, булыжники. Эти камни не обработаны, но при этом каждый из них имеет щеки, с достаточно ровной поверхностью. Из-за руинированности церкви трудно представить, как выглядело ее перекрытие. Но в процессе расчистки обнаружены фрагменты каменных блоков изогнутой формы, которые дают возможность предположить наличие свода из туфа. В процессе расчистки не была обнаружена черепица, и поэтому это позволяет предположить, что церковь была покрыта дранкой. Церковь изначально была оштукатурена изнутри и снаружи, а также была расписана. Об этом говорят найденные во время расчистки завала многочисленные фрагменты штукатурки с росписями в виде орнаментов геометрических форм. На западной стене южной стороны церкви в нижних рядах блоков сохранились остатки штукатурки со следами краски красного цвета. Главный дверной проем располагался с западной стороны, два других — использовались на южной и северной сторонах и для литургических служб. Позже, когда к церкви с обеих сторон пристроили помещения, дверные проемы на продольных стенах превратились в объединяющий элемент всего внутреннего пространства церковного комплекса. Наружные размеры всего комплекса: длина — запад–восток — 5,20 м, ширина — 9,60 м. Наружные размеры основной церкви: длина — 5,20 м, ширина — 3,80 м, толщина стен — 60 см, ширина западного дверного проема — 86 см, северного — 95 см, южного — не поддается фиксации.

После долгих попыток обнаружить и зафиксировать широко известный христианский памятник в Абхазии — церковь Пскал — это предприятие наконец-то увенчалось успехом в 2014 г. Церковь визуально обследовалась группой исследователей. В эту группу входили: Г. А. Сангулия, уроженец села Джгиарда — научный сотрудник АбИГИ, З. Г. Хондзия — научный сотрудник АбИГИ, Г. В. Требелева — научный сотрудник ИА РАН. Пскалский храм небольшой по своим размерам, но по форме и конструкции, а также по пропорциям он напоминает вышерассмотренную Кутолскую центральную церковь № 1. Он также окружен каменной оградой, но в отличие от Кутолской напоминает маленькую крепость. Главный вход в ограду расположен на южной стороне. Эта сторона ограды сильно руинирована. Многие исследователи (Воронов, 1978. С. 111–114) идентифицировали это место и это сооружение с всемирно известной Мисимианской крепостью, времен Юстиниана Великого.

Однако считать эту церковную ограду серьезной крепостью только лишь из-за крутизны подъема к ней, думается, ошибочно, тем более что склон действительно крутой, но не до такой степени, чтобы сложно было по нему подняться. Более того, эта ограда-крепость не представляется такой уж грозной и неприступной, как об этом писал Агафий Миринейский, тем более что для датировки ни крепость, ни церковь археологически не исследовались специалистами. Однако рука «черных копателей» уже достигла и этого памятника, расположенного в предгорной части Абхазии. Он находится на холме высотой чуть более 500 м над уровнем моря. «Черными копателями» была вскрыта площадь внутри юго-восточной части ограды. Там открылась часть апсидного полукружия более древней церкви, которая может относиться ко времени войны Византии и Мисимиании, относящейся к середине VI в.

Та средневековая церковь, которая нас интересует, более поздняя, но и там «черные копатели» разворошили всю внутреннюю часть храма. Но несмотря на это, сохранность Пскалской церкви позволяет вести ее дальнейшее изучение и заняться фиксацией всех ее основных параметров и форм. Несмотря на малые размеры, церковь в разные времена не раз перестраивалась. Видно, как первоначальное алтарное окно зауживали, как дверной проем на южной стене закладывали. В Пскалской церкви апсидное полукружие вписано в общий абрис прямоугольника, как и в Кутолском, но апсида чуть вытянута. По сторонам апсидного полукружия в обеих церквях расположены полукруглые по форме ниши, что делает эти церкви совершенно однотипными в плане. Такие строительные особенности, как применение ноздреватого туфа, как в Кутолской, так и в Пскалской церквях позволяют считать, что строители обоих храмов происходили из одной артели и представляли одну архитектурную школу. В Пскалской церкви в строительстве применен не только туф, но и известковые тесаные блоки, а в Кутолском — речные булыжники. Дверные проемы в Пскалах расположены на западной и южной сторонах. Пскалская церковь по своим размерам чуть больше Кутолской. Наружные размеры Пскалской церкви: длина — 6,45 м, ширина — 4,40 м, толщина стен — 0,85–0,88 м, ширина дверного проема — 0,80 м.

Вопрос датировки рассмотренных памятников все еще остается открытым, но полученные в Кутолской церкви археологические материалы позволяют сузить дату в пределах IX–X вв., а пристройки к ней — датировать XI в.

Считаем необходимым отметить, что храмы таких типов, как Кутолский и Пскалский, на территории Абхазии встречаются довольно часто. Это, в частности, Мармалский храм в селе Адзюбжа, зафиксированный нами храм в селе Иаштхуа и др. Все названные и подобные памятники, как мы считаем, относятся к одной эпохе.

В Кутолской церкви во время археологических расчисток, на слое разрушений южной стены южной пристройки, был обнаружен обломок круглого медальона двуцветной сланцевой пластины, на котором дается поясное изображение архангела Михаила в рельефе. Архангел одет в царское Лоратное одеяние, на правой руке у него известное в римских легионах воинское знамя Лабарум. Прямых аналогов этого медальона в музеях Кавказа, Стамбула, Анкары и Антальи на этот период нами не обнаружено. Поэтому думается, что Кутолский медальон — это оригинальное изделие, возможно, единственное в своем роде. Высокое мастерство и художественная пластика, применяемая мастером-исполнителем, дает основание предполагать, что медальон, возможно, выполнен, в переходное время между позднеантичным и раннесредневековым временем, т.е. в промежутке между V–VII вв. Но, однако, нужно отметить, что такая форма одеяния архангела Михаила довольно часто встречается в изобразительном искусстве Византийской империи и на ее периферии. На территории Абхазского царства и в его южных регионах особенно много работал художник и ювелир Бека Опизари, создававший большое количество чеканных икон. На одной из икон авторства этого мастера одеяния архангела Михаила почти повторяют одеяния архангела Михаила Кутолского, и поэтому найденный нами медальон из Кутола можно датировать временем деятельности вышеназванного художника. Изображение архангелов в христианском искусстве встречается на всем протяжении византийского периода, но классическая манера исполнения не характерна для зрелого и позднего Средневековья. Однако наша находка может слегка скорректировать существующие представления в области истории христианского изобразительного искусства.

Литература

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978. 176 с.

А. В. Аргун

Национальный Новоафонский историко-культурный заповедник «Анакопия», Новый Афон, Абхазия

О сложении Абхазского царства и престолонаследии на раннем этапе его истории

Для цитирования: *Аргун А. В.* О сложении Абхазского царства и престолонаследии на раннем этапе его истории // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 359–371.

Alkhas V. Argun

National New Athos Historical and Cultural Reserve "Anakopia", New Athos, Abkhazia

About the addition of the Abkhazian kingdom and succession to the throne at an early stage of its history

For citation: Argun A.V., 2022. O slozhenii Abkhazskogo tsarstva i prestolonasledii na rannem etape ego istorii [About the addition of the Abkhazian kingdom and succession to the throne at an early stage of its history]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 359–371.

Антропонимия абхазских царей, зафиксированная в историческом документе «Диван Абхазских царей» (Амичба, 1988. С. 22–24), являет собой ряд ромейских имен, созвучных именам самодержцев Империи. Данное совпадение, на наш взгляд, не случайно.

После ликвидации власти абхазских царей в середине VI в. при Юстиниане I и включения Абазгии в провинциальную территори-

© Аргун А. В., 2022.

альную систему Империи, спустя несколько десятилетий происходит возрождение местной царской власти. Сравнительная антропонимия абхазских царей и византийских императоров на основе исторических сведений помогает определить взаимосвязи правящих династий, подчерпнуть косвенные данные, говорящие о периодах сближения или отдаления двух государств. К примеру, согласно «Дивану абхазских царей», третьим царем абхазов был Юстин. Следует полагать, что он правил синхронно Юстину II либо родился при его правлении, либо при вступлении в должность был назван вторым именем византийского патрона и, конечно же, признавал сюзеренитет Империи. Скорее всего, уже Юстин был носителем титула Архонта, которым традиционно номинировались правители народов, входивших в орбиту византийского влияния.

Насильственная смена династий при византийском дворе, надо полагать, освобождала царей абхазов от клятвенного договора — присяги на верность императорскому дому. К таким последствиям можно отнести периоды отпадения — самоудаления Абазгии на определенные отрезки времени. К примеру, после смещения династии Юстиниана, времени дворцовых переворотов конца VI в. — нач. VII в., упоминание Абазгии выпадает из византийских хроник.

Насильственное смещение и убийство лиц, венчаных на трон, очевидно, в местной среде воспринималось как богопротивный акт, что создавало в представлении правящих династий легитимный повод для отпадения. Внук абхазского царя Юстина — Барнук — отказывается от ромейского имени и, скорее всего, отпадает от Империи.

Лишь в 20-х годах VII в. летописи упоминают об участии авасгов, лазов, иберов в войне императора Ираклия против персов. В одном эпизоде летописец сообщает, что союзные войска покинули императора и вернулись домой. Из этого следует, что участие в военной компании императора носило скорее добровольный, нежели обязательный характер.

Впоследствии император Ираклий, после убедительной победы над персами, дипломатическим инструментарием подчиняет себе абазгов, назначив им архонта, по-видимому предварительно истребовав от кандидата клятвенной присяги на верность. Власть царей Лазики упраздняется вовсе. Это образование инкорпорируется в Империю.

С 1-й пол. VII в. в Абазгии правили, согласно византийской номенклатуре, архонты, а, по сути, владетели, передававшие власть по наслед-

ству, правда, не всегда. Для раннего Средневековья типично восприятие правителя народа в качестве вождя: первого из лучших, чьи качества должны были стать оберегом для подчиненного большинства в осуществлении их определенных надежд. Характерной чертой для раннего Средневековья остается достаточно высокая роль общины (дружины), непосредственно либо опосредованно, принимавшей участие в государственных вопросах. Наряду с устремлением военной элиты максимально узурпировать власть в своих руках характер взаимоотношений первых лиц страны и остальных общинников носит отчасти черты патронажного, что подразумевает их добровольно-принудительный характер. Приобщение Абазгии к христианской религии и византийской культуре привносит свой неизгладимый отпечаток в динамику этих отношений. Институт венчания на трон способствует большей централизации власти. Поэтому абазгская элита была заинтересована в проникновении христианской доктрины в массы свободного населения страны. Уже в VII в. Абазгия характеризуется как страна процветающего христианства, по отношению к жителям страны используется эпитет «христолюбивые авасги» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 19). На раннем этапе становления абазгской государственности нам не известен обычай венчания на трон. Скорее всего, это было невозможно, так как Константинопольский патриарх, которому подчинялись епископы Авасгии, не санкционировал бы подобный шаг. Возможно, владетельные грамоты из Константинополя от венчанного на трон императора «всех христиан» дополняли легитимности царю абазгов в глазах подданных. В то же время зависимость номенклатуры Абазгии от решений императора делала необязательной передачу власти в Абазгии по наследству. Для предупреждения кризиса власти у народов ойкумены при византийском дворе процветал институт приемных отпрысков династов, которые впоследствии претендовали на власть в собственных доменах. Они получали образование и военное воспитание, приобщались к ромейской культуре, часто женились на дочерях византийских чиновников, получали титулы, что в дальнейшем должно было обеспечить их лояльность по отношению к воспитателю-сюзерену.

Однако насильственная смена императоров в Византии ничего хорошего не обещала для местной властной элиты. Надо полагать, что после такой смены власти в Константинополе новый император предпочитал иметь в подчинении лицо, не присягавшее ранее на верность

своему смещенному предшественнику. Отсюда следует, что первые лица Абазгии, рассчитывавшие на незыблемость своих прав, не были заинтересованы в смене правящих домов Империи, если только императоры не отличались богопротивными качествами, угрожавшими стабильности в целом. В данном факте скрыта одна из причин, по которой владетели Абазгии, получив инсигнии власти из Константинополя, затем стремились к обособлению.

Уже к 660 г. церковная организация Абазгии была представлена «Архиепископией Авасгии с центром в Севастополе Великом» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 19). Данное событие не могло состояться без усилий правящего клана Абазгии. Мы не имеем прямых сведений о том, насколько прочными были связи архиепископов Абазгии и Константинополя. Допустимо, что первоиерарха Абазгии избирали на Поместном соборе, возможно, затем его утверждал Константинопольский патриарх и, согласно византийскому обычаю, правитель Абазгии. Надо полагать, что кандидатура архиепископа проходила согласование по всем вышеперечисленным позициям, что давало дополнительную возможность царям Абазгии легитимизировать свою власть с точки зрения канона.

Из досье Максима Исповедника известно, что сосланным в Лазику из Константинополя священникам симпатизировали в Абазгии. Уже сам факт того, что ссыльных перемещали по крепостям на территории Лазики и Апсилии, но не Абазгии, подтверждает более независимый характер архиепископии Абазгии, нежели митрополии Лазики с центром в Фазисе.

Также для раннего Средневековья было типично восприятие Империи в качестве вотчины царя-самодержца земель и народов. Поэтому при смене императора традиционно подтверждались международные договоры. В противном случае стороны действовали по своему усмотрению.

Династия императора Ираклия правила до 711 г. и закончилась свержением и казнью Юстиниана II. Однако еще ранее, в 695 г., произошло первое свержение Юстиниана II. Синхронно этому событию происходит отпадение армян, лазов и абасгов от Империи, о котором поведал Феофан Хронограф (Феофан Исповедник, 1884. С. 286)[1]. В 705 г. Юстиниан воз-

[1] Автору статьи было бы логичнее ссылаться на новое издание данного источника: *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980. 216 с. *(от ответственного редактора).*

вращает трон, а вскоре и свое влияние в Абазгии. Историки считают, что миссия Льва Исавра к аланам образумила отпавших абазгов. Не исключено, что описанные со слов спафария Льва события «по принуждению авасгов к подчинению» на самом деле носили постановочный характер. (Речь идет об опустошении аланами ущелий Авазгии только по просьбе Льва и т.д.) Угрозы, безусловно, имели место, но немаловажным было письменное обращение Юстиниана к «авасгам». Какие их «прегрешения» готов был простить Юстиниан, в источнике не сказано. Однако уже в этом сообщении Феофана об обращении «к авасгам» можно углядеть возросшее значение окружения местного царя. Если бы речь шла об установлении связей с арабами, прямыми врагами Империи, надо полагать, императорская канцелярия подобрала бы более жесткую форму реагирования. Напрашивается вывод о том, что главным прегрешением авасгов являлось непризнание над собой власти солдатских императоров, с завидной частотой и жестокостью сменявших друг друга в Константинополе. Отсутствие в письме Юстиниана прямого адресата — имени правящего лица в соответствующей титулатуре — намекает на негласные правила византийской дипломатии не называть правителей других народов царями. А византийским титулом, судя по всему, Феодосий Авасгский не обладал.

Но и после примирения с вернувшим трон Юстинианом II, похоже, правящий дом Абазгии сохранил больше независимости, чем ранее, о чем может свидетельствовать печать Константина Авасгского, сына и приемника Феодосия, без указания статуса в византийском табели о рангах. Данная печать, несмотря на свой характер подражания византийским печатям, не является таковой. На реверсе печати, над литерой А в слове «Авасгиас», выбита корона из трех лепестков, которая является христианским символом, знаком царской власти, намекающим на обряд венчания. Нельзя исключать, что Константин Авасгский вступил на трон позже, при императоре Льве III, когда сплочение и спасение христианского мира от арабской угрозы оказались задачами первостепенной важности. Возможно, что уже Константин Авасгский был венчан на трон архиепископом Авасгии, который, в свою очередь, не принял иконоборческую политику Константинопольского патриархата, в связи с чем мог вступить в канонический разрыв с матерью-церковью.

Чехарда с императорами в Константинополе, продолжавшаяся до 717 г., заморозила статус-кво на Западном Закавказье. В Лазике, Иберии

и Армении господствовали арабы. Абазгия и Апсилия остались под влиянием Византии.

Появление нового имени в антропонимии абхазских царей, а именно — Леона, следует связывать с восшествием на императорский престол Льва Исавра (717–741 гг.), который хорошо был знаком абазгам, исходя из событий 708–710 гг. Следует полагать, что абхазский царь Феодосий в знак примирения (подчинения) назвал младшего сына Леоном в честь императора Льва III, тем самым подтверждая его сюзеренитет.

Следующим важным эпизодом международного значения явился союз Византии и Хазарии с участием Абазгии. Крайне ослабленная войной с арабами Византия искала союзников у своих северных границ. Единственной реальной силой, способной остановить экспансию арабов, являлась Хазария, которая активно защищала свои интересы и в Закавказье. Византия вынуждена была пойти на серьезные уступки, предоставив Хазарии закавказский театр военных действий. При этом Абазгия занимала важное стратегическое значение, являясь тылом и мостом для обеих держав.

Еще ранее, в 654 г., абасги, а возможно, и апсилы, вместе с аланами и хазарами упоминаются как союзники византийского стратига Мавриана в неудачной войне в Армении (Анчабадзе, 2010. С. 322). Возможно, что и в последующие десятилетия у абазгов был опыт совместных военных действий как с византийцами, так и с хазарами.

Война против арабов 731–732 гг. происходила в сложной обстановке. «Шли переговоры между хазарами и Византией, которые в 732–733 гг. завершились хазаро-византийским союзом, скрепленным женитьбой сына императора Льва Константина на дочери хакана, которая после крещения приняла имя Ирины» (Новосельцев, 1990. С. 182). Следует полагать, что в переговорах двух сторон принимал активное участие Константин Авасгский. Мы его видим именно в качестве царя, обладающего правом престолонаследия, иначе хакан не выдал бы свою дочь за человека низшего ранга. Таким образом, будущий император Константин *V* и Константин Авасгский становятся свояками. Их сыновья получают одинаковые имена: Лев IV Исавр (Хазар) (775–780 гг.) и Леон, являются сверстниками и двоюродными братьями. Данное событие выпало из византийских хроник.

Военная роль Хазарии в закавказских событиях, вооруженные экспедиции против арабов на территориях Картли, Армении, Азербайджана

неизменно приводили к обострению взаимоотношений местных элит и арабских наместников, изматывали население этих территорий, обескровливали их человеческий и хозяйственный потенциал. В итоге после ухода хазар в свои земли местные элиты, претендовавшие на некую самостоятельность, оказывались один на один с арабами. Далее следовали карательные экспедиции арабов. В течение 732–737 гг. арабы под командованием Масламы, а затем Мервана ибн-Мухаммеда проводили ряд успешных экспедиций против аланов, лезгин и картлийцев, полностью подчинив их своей власти. Следует полагать, что народы, оказавшиеся между молотом и наковальней, весьма «прохладно» относились как к арабам, так и к хазарам, которые также были захватчиками.

Причиной арабского похода на Картли послужило восстание эрисмтавара Картли Стефаноса, согласованное с хазарами, которые в 730 г. прибыли и убили арабского наместника Джарраха. В 732–733 гг. арабы предприняли под руководством Масламы ответный военный поход против Хазарии как главного врага Халифата на севере.

Прежде всего ими был взят Дербент. После этого Маслама отбыл в Дамаск, назначив Мервана ибн Мухаммеда «управлять общиной мусульман в городе ал-Бабе» (Новосельцев, 1990. С. 182).

Было бы абсурдным предположение, что после убийства арабского наместника эрисмтавары находились бы в Картли. Картлийские правители, скорее всего, бежали и укрылись в Цихе-Годжи, главной крепости Лазики. Данное событие, безусловно, было санкционировано императором Львом Исавром, передавшим крепости Лазики картлийским владетелям за их антиарабскую акцию. Как это событие было воспринято местной знатью, мы доподлинно не знаем. Вполне возможно, что враждебных ромейским властям сил в Лазике-Эгриси было немало. Напомним, что еще в 696–697 г. патрикий Сергий отложился от ромеев и пригласил в Лазику арабов. Во время осады Археополя спафарием Львом там, судя по всему, располагался отряд арабов или их союзников-лазов. При каких обстоятельствах Археополис был возвращен ромеями, остается загадкой. Однако, исходя из контекста дальнейших событий, можно полагать, что Археополис был возвращен при участии эрисмтаваров Картли, благодаря чему последние расширили свои земли за Лихский хребет. Не исключено, что в освобождении Археополиса от арабов принимали участие абазги, что может объяснить причину территориальных претензий абхазских царей (архонтов) на Лазику. Эти события могли

произойти в 730 г., когда в Картли прибыли хазары, или немногим ранее, однако сведений о них не сохранилось.

Скорее всего, к 734–735 гг. относятся события, описанные грузинской летописью, которая называет Мервана «кру». По «Картлис цховреба», Мерван обошел все земли Кавказа, разорил Картли и Эгриси, преследуя грузинских царей, которые бежали в Абхазию (Абхазия и абхазы…, 1988. С. 48–50). Бежали правители Картли не в Византию и не в Хазарию, а именно в Абхазию, что еще раз подтверждает существование антиарабской коалиции. Во время экспедиции отрядов наместника Арминии Мурвана были разорены крепости Лазики, Апсилии, осаждена Анакопия.

В это время Леон Абхазский с вооруженным отрядом держит оборону в крепости «Собги», на границе с аланами. Возможна локализация крепости Собги в районе Сидирона, который не раз упоминался в контексте арабских походов. Исходя из сообщений Феофана, еще в 710 г. Лев Исавр при помощи апсилийского войска и разрозненных византийских отрядов захватил крепость Сидирон, которая, вполне возможно, до 738 г. контролировалась союзниками. В то время, когда большой отряд арабов осаждает главную крепость Абазгии, часть абхазского войска держит оборону у перевального пути на Северный Кавказ. Это вполне согласуется с характером войны, необходимостью укрепления антиарабской коалиции. Арабские источники молчат о событиях этого похода. Видимо, отчаявшись взять неприступную горную крепость Собги, прикрывавшую путь в Аланию и Хазарию, они обрушиваются на Анакопию. Но и тут удача им не сопутствовала. Анакопийская крепость не была взята. Археологически зафиксированы незначительные разрушения объектов второй линии обороны и их достройка, что может свидетельствовать о применении метательных машин в осаде крепости. Однако оба направления арабского удара не достигли результата. Возможно, это и стало причиной временного смещения наместника Арминии — Мурвана.

В событиях вокруг Анакопии роль Леона не получила достаточного освещения. Он был юношей 20 лет или менее того. И конечно же, не был единоличным правителем. Более того, он отсутствовал в Анакопии во время осады, и надо полагать, что абхазским царем в этот период был его старший брат Константин II, за которого хазарский царь Хакасра выдал одну из своих дочерей. Примечательно, что в сохранившихся летописях не упоминается Константин Авасгский, также не отмечена его

роль в борьбе с арабами. Он должен был присутствовать в Анакопии при арабской осаде, предварительно приняв и укрыв бежавших из Картли эрисмтаваров. В этой связи уместно еще раз вспомнить о хазаро-византийско-авасгском договоре.

Вскоре Халиф Хишам опять назначает правителем Мервана, приказав ему начать войну с хазарами. Война началась в 737 г. действиями на византийской границе, но главная роль отводилась хазарскому фронту. Экспедиция арабов завершилась полным разгромом хазар. А затем началась его длительная, растянувшаяся на семь лет война с «владыками гор» (Новосельцев, 1990. С. 187). Поход (738–739 гг.) совпал с военными действиями против Византии, что являлось обычным тактическим приемом. На этот раз войско Сулеймана ибн-Хишама захватило крепость Сидирон (Касландзия, 2017. С. 81), однако его успехи этим и ограничились. Похоже, что арабы не сумели воспользоваться стратегическим положением крепости, разрушили ее стены и вернулись в ставку, потому что более в источниках эта крепость не упоминается. С тех пор мы не знаем об экспедиционных походах арабов за Лихский хребет. Однако в Абхазию довольно часто бегут правители закавказских земель, скрываясь от арабов. Арабо-хазарские войны еще долгое время потрясали Южный и Северный Кавказ, окрестности Дербента, степи Предкавказья.

Ситуация в Западном Закавказье в это время стабилизировалась, что могло быть связано с дипломатическим соглашением между Империей и Халифатом, отказавшемся от притязаний на этом направлении.

Из грузинских источников известно об участии Византийской империи в политическом устройстве Лазики и Абхазии. Лев Исавр присылает грамоты и два венца. Примечательно, что инсигнии власти (наследственное архонство) на Абхазию получает не Константин Абхазский, а Леон — его младший брат. Мы не знаем ничего о времени кончины Константина II, а также о причинах его отстранения от власти, в случае, если Константин был еще жив. Прямой наследник Константина — его сын Леон II, внук хазарского царя — также не упоминается. Или он еще не родился, или император, опасаясь усиления хазарского влияния через родственные отношения, решает передать власть молодому Леону I, связав его обязательствами с эрисмтаварами Картли. Джуаншер устами Леона сообщает: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно благодаря вашим усилиям. Отныне она является моим наследственным владением от Клисуры до реки Большой Хазарии, куда достигает хребет Кавказа»

(Абхазия и абхазы…, 1988. С. 53). Из текста понятно, что Леон I получает власть благодаря ходатайствам эрисмтавара Картли перед императором. Налицо опасения Византии и картлийских правителей из-за усиления влияния Абхазии, которая могла использовать силу Хазарского каганата. Из письма Льва Исавра с предостережением Леону не покушаться на границы восточных соседей можно сделать вывод о притязаниях абхазского правящего дома на Эгриси. В данном сообщении содержится указание на восточные рубежи Абазгии — это Клисура, упоминаемая Прокопием Кесарийским в связи с персидскими войнами и послевоенной строительной деятельностью императора Юстиниана. Прокопием Клисура локализуется в среднем течении Фазиса, это цепь крепостей, укрепленных стенами, протянувшаяся вдоль пути из Картли через Лихский перевал к крепости Петра. В грамоте Льва Исавра также учитывались интересы Хазарии, в ней отражаются рубежи, установленные антиарабским договором. Поэтому западная граница Абхазии устанавливается по реке Малой Хазарии, западнее которой распространялась власть кагана.

Согласно грузинскому источнику, Арчил также передает корону Мира Леону, что подразумевает и передачу его земель, а также женится на его дочери. Мы считаем, что передача короны и династический брак между Леоном I и семьей мтавара Картли состоялись одновременно с заключением соглашения, согласно которому Леон Абхазский вступал в наследственные права на все земли Эгриси, от Клисур до Лихи, а передача короны Мира в какой-то степени делала его власть легитимной для ближайших кавказских соседей и для населения собственной страны. С одной стороны, император Лев наделяет Леона наследственными правами на территорию Зихии, Абхазии, Апсилии и западной части Эгриси, а с другой стороны, соглашение с увядающей династией картлийских правителей открывает возможности для законного расширения границ царства на всю территорию Эгриси, делая Абхазию легитимным государством для различных политических образований, подчиненных как арабам, так и византийцам. Леон I де-факто становится царем, получив корону из рук Арчила. В то же время он не отказывается от титула архонта и от византийского участия в абхазских делах, понимая, что поддержки лишь картлийского царя, который является подданным халифата, ему будет недостаточно.

Логично, что эти политические процессы в Западном Закавказье проходили без участия Хазарского каганата, поскольку после тяжелого

поражения 737–738 гг. от арабов положение этого государства оставалось весьма шатким. Соответственно международной обстановке этого времени, и политические силы Абазгии, делавшие ставку на влияние Хазарии в регионе, оказались обессиленными. В 40-х годах VIII в. внук кагана Леон был еще маленьким ребенком, а Хазария не успела окрепнуть и вернуть былое влияние.

Мы согласны с М. М. Гунба (Гунба, 1989. С. 340), который полное объединение Абхазии и Эгриси и установление новых границ будущего Абхазского царства относит к 40-м годам VIII в. То, от чего предостерегал Леона I византийский император Лев Исавр, а именно, покушение на территории восточнеее Клисуры, было совершено без военного насилия, благодаря дипломатическим шагам (давлению) абхазского династа, получившего корону Мира, его дочь, земли до Лихи. Налицо факт того, что картлийские правители, получившие титул царей от Льва Исавра, предпочли добровольно уступить земли западнее Лихи взамен на гарантии неприкосновенности своих старых границ и поддержку абхазов против врагов Картли. Но и в своем доме они не могли себя чувствовать в безопасности.

С точки зрения международного права передача наследственной «вотчины» от одного вассала (империи) к другому должно было получить одобрение сюзерена. Скорее всего, данное событие имело место после смерти Льва Исавра в 741 г., когда три года шли смуты в Константинополе, вследствие чего участие империи в закавказских делах было затруднительным. Утвердившийся на троне Константин V продолжил иконоборческую политику отца, что также приводило к многочисленным потрясениям. На наш взгляд, эти обстоятельства привели Леона I к поиску путей легитимации положения автокефальной Абазгской архиепископии. Скорее всего, не получив одобрения на представленную кандидатуру архиепископа Абазгии от Константинопольского архиепископа, он отправляет делегацию к Антиохийскому патриарху, поддерживавшему иконопочитателей. Не удивительно, что выбор пал на Антиохию, так как Мцхетский первоиерарх, окормлявший территорию Картли, имел прочные связи с антиохийским патриархом. Напомним, что Леон I был зятем и союзником царя Картли, которая входила в провинцию Арминийя Арабского Халифата. Официальным поводом для поиска путей создания независимой Абхазской церкви мог стать глубокий раскол в Константинопольской церкви, насильственные смещения

иерархов, начавшиеся с времен Льва Исавра и продолжавшиеся при его приемнике. Другой же причиной, на наш взгляд, явилось желание Леона I получить легитимное утверждение своих царских прав — обряд венчания на трон. Не позже 750 г. на соборе Антиохийской церкви был утвержден первый Абхазский патриарх и епископ, абхазская церковь выходит из подчинения Константинопольской церкви без ее канонического одобрения. В исторических хрониках мы не имеем данных о первых шагах независимой Абхазской церкви. Был ли Леон I венчан на царском троне либо какие-то события помешали его планам, мы достоверно не знаем. Однако догадываемся, что веской причиной, возможно сорвавшей утверждение церковью его прав, могла стать активизация группировки, поддерживавшей сына Константина Авасгского как законного наследника. Воцарение Леона I, скорее всего, воспринималось согражданами как стремление к узурпации власти.

Уже к сер. VIII в. Хазария оправилась и активно включилась в борьбу за Закавказье. В 754 г. арабами был казнен Арчил, брат тестя Леона I, с которым был заключен союзный договор. Власть Картлийских правителей сильно пошатнулась. Оформление Абхазской автокефальной церкви, симпатизирующей иконопочитателям, не получило одобрения Всеправославного Собора. Также действия Леона I противоречили интересам императоров Исаврийской династии. По этим причинам, скорее всего, Леон I не стал царем абазгов, хотя территориально Абхазское царство оформилось еще при нем, в 40-е годы.

Антиарабский союз не означал, что взаимоотношения Византии и Хазарии оставались безоблачными. Присутствие Хазарии в Закавказье было сильнее византийского. Уже в 760-х годах интересы Хазарии в Картли столкнулись с интересами Византии, стремившейся доминировать в христианских государственных образованиях Закавказья. Карательный поход воеводы Блучана, имевший место в 764 г. против правителя Картли Джуаншера, привел к захвату и разрушению Тбилиси, полону Джуаншера и его дочери.

Осложнение отношений с Византией, открытая вражда кагана с правителями Картли, на наш взгляд, могли стать благодатным поводом для появления политической фигуры Леона II, так как Леон I, будучи связанным с правящим домом Картли родственными узами, с одной стороны, и присягой верности императору — с другой, должен был проявить себя союзником картлийцев. Характер его участия в этих событиях

мог дать повод оппозиционным силам сместить Леона I и его потомков, отдав трон Леону II, при патронаже царя Севера.

По этим причинам первым Абхазским царем становится Леон II, который действовал более решительно, полагаясь на могущество Хазарии и на собственное право престолонаследия. И хотя грузинский источник называет Леона II захватчиком, наше рассуждение доказывает обратное.

Исходя из событий 787 г., а именно ликвидации центра Лазикской митрополии в Фазисе (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 41–44), можно сделать вывод, что церковная организация Абхазии, созданная в 50-х годах при поддержке Антиохийского архиепископа, продолжала расширятся вне желания Константинопольского патриархата и, скорее всего, уже на раннем этапе получила признание со стороны независимых от Константинополя церковных организаций. Эти события происходили уже при Леоне II, который был венчан на царство.

Литература

Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников / пер. груз. текстов на русс. яз., предисл. и примеч. Г. А. Амичба. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 180 с.

Анчабадзе З. В. Избранные труды. История и культура древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухум, 2010. Т. I. 554 с.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М.: Индрик, 2015. 372 с.

Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н.э.: Социально-экономические и политические отношения. Сухуми: Алашара, 1989. 254 с.

Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум: АБИГИ, АГУ Алашарбага, 2017. 284 с.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / В пер. с греч. яз. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, предисл. О. М. Бодянского. М., 1884. 370 с.

Р. Х. Гаглойти

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. В. Ванеева, Цхинвал, Южная Осетия

Сармато-аланы и Центральный Кавказ

Для цитирования: *Гаглойти Р. Х.* Сармато-аланы и Центральный Кавказ // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 372–381.

Robert Kh. Gagloyti

South Ossetian Research Institute named after Z.V. Vaneev, Tskhinval, Souyh Ossetia

Sarmat-Alans and the Central Caucasus

For citation: Gagloyti R.Kh., 2022. Sarmato-alany i Tsentral'nyy Kavkaz [Sarmat-Alans and the Central Caucasus]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyash-chennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 372–381.

Интерес к историческому прошлому своего народа, его языку, культуре является одним из основополагающих факторов национального самосознания. Это естественно, так как не может быть народа без языка, культуры и истории.

Этническая история, история культуры осетинского народа, динамика этой культуры, которая стала частью мировой цивилизации, хорошо известна и уважаема. Разумеется, она обрела научное осмысление в исторической ретроспективе. Общеизвестно, что этногенез осетин органически связан с древнеиранским миром. Имеется многочисленная

© Гаглойти Р. Х., 2022.

литература, источники по этому вопросу, но вопрос о происхождении древнего населения южных склонов Главного Кавказского хребта заставляет ученых вновь анализировать имеющийся массив информации.

В последние века до н.э. появляются первые достоверные известия письменных источников о предках осетин южнее Главного Кавказского хребта. Речь идет о периоде политического и военного преобладания сарматских племен в нынешних южнорусских степях и на Северном Кавказе. Какая-то часть сарматских племен фиксируется и на южных склонах Центрального Кавказа, т. е. в том числе и на территории, где расселены современные осетины. Об этом ясно свидетельствуют не только данные Страбона, одного из наиболее информированных античных авторов по Кавказу, писавшего на рубеже н.э. (64 г. до н. э. — 24 г. н. э.). О том, что в последних веках до н.э. и на рубеже н.э сарматы составляли основное население Центрального Кавказа, включая его южные склоны, свидетельствуют также данные других античных источников и древнегрузинских хроник. Страбон, характеризуя население Центрального и Западного Кавказа, пишет, что большая часть этого населения «принадлежит сарматскому племени и все они называются кавказцами» (XI, II, 16).

В своем «Описании Иберии», античного государства, существовавшего на территории современной Восточной Грузии и части Южной Осетии, в обозначенный выше период Страбон четко проводит грань по этническому принципу между населением равнины, жители которой более склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, и обитателями горной зоны Иберии, которую занимает «воинственное большинство населения, в образе жизни и по обычаям сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве, впрочем они занимаются и земледелием и, в случае какой-нибудь тревоги, набирают много тысяч воинов как из своей среды, так и из числа тех народов» (XI, III, 3). Как считает Ю. С. Гаглойти, речь может идти только о соплеменниках, живущих на севере, т. е. в Предкавказье, что подтверждается текстом Страбона, у которого термин «кавказцы» носит четко выраженный этнографический характер, причем основными носителями этого названия могли быть только сарматы Центрального Кавказа. Интересно, что Клавдий Птолемей (II в. н. э.) в своем «Описании Азиатской Сарматии» проводит ее южную границу по южным склонам от Абхазии до Каспийского моря, причем подчеркивает факт расселения какой-то части сарматских племен к югу от Кавказского хребта.

Интерес вызывают работы А. А. Туаллагова, собравшего ряд сведений, касающихся двалов. Так, им подчеркивается, что палы (двалы. — *Р. Г.*) отмечаются в высокогорье Центрального Кавказа и, видимо, с большим основанием, на его южных склонах (Туаллагов, 2006. С. 284). Ю. С. Гаглойти считает, что названное Плинием племя талов представляет собой несколько видоизмененное название туалов, одного из древнейших этногеографических подразделений осетин Центрального Кавказа, имя которых и поныне сохраняется в осетинской этнонимике. Симптоматичны в этом отношении как раз известная в Осетии фамилия Туаллаговых и Туальское ущелье. По мнению А. А. Туаллагова, все исследователи обоснованно сопоставляют валов, отмечающихся в высокогорье на южном склоне Главного Кавказского хребта, с Певтингеровой картой, где надпись Divali располагается над изображением гор, с которых течет р. Кир (Кура. — *Р. Г.*), с средневековыми двалами, участвовавшими в этногенезе современных осетин, живущих на южных склонах Центрального Кавказа.

Вышесказанное подкрепляется опять-**т**аки и данными археологии, причем материалами из могильников и поселений как горной, так и предгорной, а отчасти и равнинной зон Южной Осетии. Красноречиво об этом говорят материалы из сел Едыс (Дзаттиаты, 1986. С. 198–209; Техов, 2006. С. 481, 482), Стырфаз (Гаглоев, 1984), Монастер (Гаглоев, 2011), Морго, Дзрия, Паткнет, Сохта (Сланов, 1988), Дыргъджын, Аркнет (Сланов, 1980), Велур, Алеу, Ход, Горет, Рук, Тигва, Ожора, Джер, Ортеу, Члиан, Гром, Гагаджын.

Как считает Б. В. Техов, столицей средневековой Верхней Двалетии, в которой проживали аланы, было Едысское городище. Археологические исследования подтверждают, что аланские племена с начала I тыс. н.э. прочно обосновались в горной зоне Южной Осетии и постепенно расселились в предгорья и в низменные районы, а с VI–IX вв. н. э. происходит наиболее интенсивное продвижение алан на территорию Центрального Закавказья (Техов, 2006).

Грузинский ученый С.Н Джанашиа отмечал, что, анализируя сведения Страбона, можно прийти к выводу о том, что население горной части Южной Осетии было представлено аланами-овсами, продолжателями обычаев и традиций своих предков — сарматов и скифов (Джанашиа, 1950), оставившими свои бытовые и погребальные памятники не только на интересующей нас территории, но и в других районах Закавказья

(Техов, 2006. С. 482). Об этом свидетельствуют и материалы из Восточной Грузии (Мцхета, Гори, Агаяни, Жинвали, Клдеети и т.д.).

Наиболее интересными свидетельствами пребывания сарматов и алан на территории Южной Осетии являются Монастерский (Гаглоев, 2011) и Стырвазский могильники, в Цхинвальском и Джавском районах Южной Осетии. Среди погребений Монастерского могильника, датируемых III–II вв. до н.э. — I–IV в.н.э., наиболее значительным оказалось погребение № 6, веерообразно окруженное 7 погребениями.

В грунтовом погребении была захоронена женщина, в полускорченном положении. Среди сопровождающего погребального инвентаря — бронзовые пронизи (более 600 штук), нашитые на платье (кожаное), бронзовые серьги, монета (подражание статерам Александра Македонского из электра), ажурная поясная пряжка, 6 перстней с геммами, фибула «AVCISA» (Капуя-Италия), раковины cyrgaea moneta (каури) и сургаеа tigris, стеклянные и гагатовые (гишер) бусы, браслеты и др. В погребении присутствовали кусочки охры и подсыпка из какого-то белого вещества, схожего с известью.

Значительный интерес вызывает то обстоятельство, что женщине был принесен в жертву конь с железными удилами с колесовидными псалиями так называемого «строгого» образца. Здесь же были обнаружены череп и кости передних конечностей крупного рогатого животного, а у изголовья — целый костяк мелкого рогатого скота (барашка).

По всей вероятности, данное погребение (II–I вв. до н. э.) принадлежало представительнице сарматской знати, вполне возможно, жрице (Гаглоев, 2011. С. 88–90).

Присутствие сармато-алан в первых веках нашей эры в Центральном Закавказье подтверждается и письменными источниками. В античных источниках III в. до н.э. — IV в. н.э. одновременно упоминаются «сарматы» и «сармато-аланы», которые с конца I тыс. до н.э. были больше известны под именем «сарматы», а с I в. н.э. — под именем «аланы» (Чибиров, 2012. С. 234).

Утверждения о том, что в «109 году (II в. н.э.) римские войска продвинулись далеко на восток, вдоль южных склонов (подчеркнуто нами. — *Р. Г.*) Кавказского хребта, заставив вождей колхов, царей иберов и сарматов (подчеркнуто нами. — *Р. Г.*), признать верховное господство Рима» (Бокщанин, 1966. С. 234–235), красноречиво подтверждают вышесказанное. Особый интерес представляет анонимное сочинение «Армянская

география» (VII в. н.э.), созданное на основе «Географического руководства» Клавдия Птоломея. Как считает Ю.С. Гаглойти, автор «Географии» локализует часть алан и на южных склонах Центрального Кавказа. Это в первую очередь овсуры (овсы), двалы (туалы), кудеты (кударцы) и др.

Немаловажно и то, что анонимный автор «Географии» отмечает южную границу раннесредневековой Алании — «река Дракон (Ю. С. Гаглойти считает, что это современный Ингур. — *Р. Г.*), отделяющая Абхазию от страны Эгер (Ю. С. Гаглойти сопоставляет ее с грузинской Эгреси, современная Мингрелия), вытекает из Алании» (подчеркнуто нами. — *Р. Г.*).

Интересно, что и некоторые грузинские авторы локализуют р. Риони с ее притоками в Осетии на южных склонах Главного Кавказского хребта, отмечая, что «река Рион протекает из Осетии внутрь Имерети... Река Квирила также идет из Осетии....» (Цагарели, 1891. С. 235–235). Эти данные подтверждаются и современными исследованиями гидрогеологов, подтверждающими факт нахождения истоков р. Квирила, впадающей в Риони у с. Цъон, ***у*** одноименного горного озера Цъон Южной Осетии.

Таким образом, учитывая данные античных, древнеармянских, древнегрузинских и других источников, а также археологические материалы, можно констатировать, что, по крайней мере, с последних веков до н. э. и с первых веков н.э. южные отроги Центрального Кавказа, в частности территорию горной и предгорной зоны нынешней Южной Осетии, населяли племена сармато-аланского круга.

Более того, о пребывании алан уже на территории самой древней Иберии (Грузии) в раннем Средневековье свидетельствуют материалы археологических раскопок (Мирианашвили, 1983. С. 87–89), а также обнаружение катакомбных погребений в Жинвали (Рамишвили, 1982) и в окрестностях древней столицы Иберии — Мцхеты, где наряду с артефактами, характеризующими сарматскую и аланскую культуры, найден целый ряд черепов с искусственной деформацией, в том числе на территории исследования погребений питиахшей в Армазис-хеви.

Интересно мнение известного грузинского социолога и картвелолога М. Церетели, который занимался и вопросами происхождения грузинского этноса: «…трудно судить о времени проникновения грузин на Кавказ... Раньше грузин жила другая раса — длинноголовые (подчеркнуто нами. — *Р. Г.*)» (Церетели, 1910).

В связи с этим немаловажное значение имеет мнение ряда ученых о том, что искусственная деформация черепа, встречающаяся на Кавказе в первых веках нашей эры, является этническим признаком сарматов и алан. Вызывает определенный интерес и заключение французского ученого Я. Лебединского о том, что «деформация черепа» существовала в различных цивилизациях, например в Древнем Египте и доколумбовой Америке, а на Евразийский континент она была привнесена сармато-аланами в II–IV вв., причем он предполагает, что эта практика была распространена из Средней Азии. Вопрос этот, конечно же, дискуссионный[1].

Следует отметить, что памятники сарматского периода Центрального Закавказья ориентированы на этнокультурные связи с кобано-тлийским населением[2]. Прослеживаются параллели в обряде и погребальном инвентаре и с материалами захоронений некоторых районов Восточной Грузии позднеантичного-раннесредневекового периода.

Сармато-аланские древности сер. I — нач. II вв. н. э. (в том числе и в зоне Центрального Закавказья) отличает сравнительное обилие античного импорта. В Южной Осетии этот импортный материал представлен в последних веках до н. э. и в первых веках н. э. различного типа украшениями, предметами утилитарно-ритуального назначения (бусами, ожерельями из металла, стекла, фаянса, янтаря, фибулами, стеклянными чашами, бальзамариями).

Вряд ли можно согласиться с мнением некоторых археологов о том, что, например, предметы италийского производства можно рассматривать как «подарки» Рима для нейтрализации сармато-аланской знати (Копылов и др., 1990. С. 27–29). Те сравнительно многочисленные предметы импортного характера, находимые в погребениях сармато-аланского периода на территории Южной Осетии (серьги с напускными бусинами, браслет сложной конструкции, в том числе и с так называемым

[1] Я. Лебединский предлагает выражение «деформация» заменить термином «удлинение», «моделирование» или «формирование», что было бы более подходяще.

[2] Термин «кобано-тлийская культура», предложенный публикатором Тлийского могильника Б. В. Теховым, не используется в мировой науке и употребляется исключительно несколькими северо- и югоосетинскими исследователями. По мнению, разделяемому целым рядом ведущих археологов-кавказоведов, следует говорить о кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой можно выделять, среди прочих, югоосетинскую (или тлийскую, если угодно) кобанскую культуру *(от ответственного редактора).*

«узлом Геракла», различного типа римские фибулы и броши, в том числе италийские фибулы из Капуи с надписью «AVCISSA» (которые некоторые итальянские ученые почему-то считают изготовленными для местного рынка, но ведь территория Южной Осетии никогда не являлась провинцией Рима), бусы из стекла, египетского фаянса, янтаря и других материалов, стеклянные чаши, бокалы и бальзамарии из Северного Причерноморья, монеты с именами императоров Октавиана Августа, Марка Аврелия, Антония Пия, Тиберия, парфянские монеты-драхмы с именами Готарза, Митридата, Орода, Фраата IV), говорят о том, что речь может идти не о так называемых «подарках», а о массовых сармато-аланских миграциях как на Запад, так и в Предкавказье и в Закавказье.

В материалах сармато-аланского времени, обнаруженных в Южной Осетии, особого внимания заслуживают квадратно-прямоугольные бронзовые ажурные поясные пряжки. Они были распространены в сармато-аланское время, почти по всей территории Южной Осетии.

Вряд ли можно согласиться с мнением тех исследователей, которые в ажурных квадратных поясных пряжках видят поздние реплики их предшественников, которые имели хождение в эпоху бронзы, тем более что характер изображений на тех и других в корне различен — и по иконографии, и по стилистике, и по семантике. Другое дело, что они тесно связаны по некоторым элементам — шнуровой орнамент, сюжеты с изображениями животных и птиц, взятые как из реального мира, так и ***в*** определенной степени раскрывающие мифологию древних обитателей Центрального Кавказа, с прикладным искусством кобанской культуры.

Это, в свою очередь, вызывает ряд вопросов: почему ажурные квадратные поясные пряжки становятся модными именно на рубеже эр, почему их нет уже в IV в. н. э. и в последующих веках?

По археологическим материалам ясно прослеживается, что хронологический диапазон, соответствующий бытованию этих пряжек, укладывается в 4–5 веков.

Фактор наличия феномена ажурных квадратных поясных пряжек, конечно же, ставит перед нами ряд важных вопросов, касающихся не только прикладного искусства сарматов и аланов, но и проблемы их пребывания в центральных районах Главного Кавказского хребта. Любопытно, что появление таких пряжек совпадает с периодом резкого повышения политической активности сармато-алан не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. Исчезновение же этого типа пряжек

также связано с политическими явлениями, с борьбой Рима и Парфии за территорию Закавказья, в которой активное участие, несомненно, принимали сармато-аланы.

Вопрос о появлении интересующих нас пряжек нельзя считать раскрытым без тщательного, скрупулезного семантического анализа с использованием данных как письменных источников, так и металлургии, искусства, и, конечно же, при учитывании этнической составляющей, тем более что очень сходные элементы формы и изображений прослежены еще у скифов (золотые квадратные пластины, фигурки оленей и т.д.), что вряд ли может подтвердить утверждения некоторых грузинских авторов, относящих эти пряжки к грузинскому религиозному пантеону (М. Ш. Хидашели, Нина Урушадзе, Г. Ф. Гобеджишвили). То, что данные пряжки раскрывают древнюю мифологию сармато-аланских племен, предполагает и Б. В. Техов, который эти ажурные пряжки считает местной (центральнокавказской) (подчеркнуто нами. — *Р. Г.*) продукцией, изготовленной в традициях скифо-сарматского искусства.

И. И. Мещанинов, один из первых исследователей описываемых пряжек, отмечал, что «олень» (основная фигура на пряжках) с закинутой на спину мордой и ветвистыми рогами хорошо знаком скифским мастерам-ремесленникам и лингвистически связывается с саками-скифами (Мещанинов, 1927).

Т. Ивановская, также изучавшая эти пряжки, связывает их с культурами, известными на территории Осетии. Она пишет: «Таким образом, можно установить, что все изучаемые нами пряжки (количество которых намного увеличилось за последние десятилетия XX в. — *Р. Г.*), место находок которых с большей или меньшей достоверностью устанавливается, происходят с Кавказа, а именно из северной и центральной его части (конечно же, Т. Ивановская в последнем случае имеет в виду Закавказье. — *Р. Г.*). По некоторым стилистическим и формальным особенностям эти пряжки можно связать из известных нам культур с культурами Камунты, Кумбулты и Нижней Рутхи (Осетии. — *Р. Г.*)» (Ивановская, 1928).

Интересно одно замечание Б. А. Куфтина, который, опираясь на сопоставления А. М. Тальгрена, связывает интересующие нас пряжки через восточноскифскую и сарматскую среду с изделиями Южного Приуралья III–II вв. до н. э. (Куфтин, 1949). Как отмечено выше, эти пряжки исчезают с конца III в. — нач. IV вв. н. э.

Сейчас мы не будем останавливаться на анализе предметов сарматской и аланской культур из Южной Осетии, но подчеркнем еще раз, что сарматы в конце I тыс. до н.э. и аланы с начала I тыс. н.э. обосновались в горной зоне Южной Осетии и постепенно расселялись **в** предгорья и низменные зоны (районы) Центрального Кавказа. Хочется еще раз привести слова С.Н. Джанашия о том, что в означенное время население горной зоны Южной Осетии состояло из аланов-овсов, продолжателей обычаев и традиций своих предков — скифов и сарматов (Джанашиа, 1950). Как отмечал и другой грузинский ученый, Н. Кигурадзе: «...в VI–IX веках происходит наиболее интенсивное продвижение алан в горы, предгорья (и частично на равнину. — *Р. Г.*) Центрального Кавказа» (Кигурадзе, 1976), причем, как показывает анализ материалов из памятников позднесарматского и аланского периодов, население Южной Осетии в 1-й пол. I тыс. н. э. продолжало придерживаться выработанных еще в конце II и I тыс. до н.э. культурных традиций. Хотя, конечно, посредством сарматов и алан, их экспансии, *в* корне могли изменяться веками складывающиеся культурные традиции носителей разных племенных образований, и в то же время, происходило взаимопроникновение и тех и других этнических групп.

Думается, что последующие научные изыскания позволят нам более конкретно раскрыть вопросы, связанные не только с этногенезом осетинского народа, но и других народов Кавказа, что послужит дополнительным основанием для достойного отпора тем тенденциозным деятелям от науки, «изыскания» которых наносят только вред межнациональным отношениям, поставляя на передний план тезисы, связанные с понятием, кто раньше, а кто позже пришел на Кавказ, кто абориген, а кто гость, чьими предками являются аланы, к кому относятся скифская, сарматская и аланская культура. Думаю, что не надо искусственно раздувать ажиотаж вокруг всех этих вопросов и идти на поводу у т.н. «горе-патриотов».

Литература

Бокщанин А. Г. Парфия и Рим // Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. Часть II. 303 с.

Гаглоев Р. Х. Стырфазский могильник (I–V вв. н.э.). Цхинвали: Ирыстон, 1984. 99 с.

Гаглойти Р. Х. Монастерский могильник (I–IV вв. н. э.). Цхинвал: Дом печати, 2011. 248 с.

Джанашиа С. Н. Труды. Т. I. Тбилиси, 1949.

Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в сел. Едыс // СА. М., 1986. № 3. С. 198–209.

Ивановская Т. Кавказские бронзовые пряжки. Харьков, 1928.

Копылов В. Д., Янгулов С. Ю., Кузнецов В. Л. Новые данные о связях племен Нижнего Подонья в I в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Тезисы докладов V областного семинара / отв. ред. В. П. Копылов. Старочеркасская — Ростов н/Д., 1990. С. 27–29.

Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. 230 с.

Мещанинов И. И. Закавказские поясные бляхи (Опыт яфетидологического подхода к анализу памятников материальной культуры) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махач-Кала, 1927. Вып. 45. С. 195–232.

Мирианашвили Н. Г. Материальная культура Шида Картли (Археологические памятники с. Агаиани). Тбилиси: Мецниереба, 1983. 120 с.

Рамишвили Р. М. Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976–1979 гг. // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982.

Сланов А. Х. Некоторые итоги археологического исследования Аркнетского могильника // Известия ЮОНИИ. Тбилиси: Мецниереба, 1980. Вып. XXIV. С. 14–20.

Сланов А. Х. Сохтинский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 100 с.

Техов Б. В. Археология Южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

Туаллагов А. А. Сарматы Северного Кавказа // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы Международной научной конференции. Владикавказ, 13–14 окт. 2005 г. / сост. В. Д. Дзидзоев, отв. ред. А. Г. Кучиев. Владикавказ, 2006. С. 267–292.

Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т. I. 518 с.

Церетели М. Г. Нация и человечество. Тбилиси, 1910.

Чибиров Л. А. Еще раз об истоках этнической истории осетин // Л. А. Чибиров. По тропам времени (Некоторые вопросы истории и культуры осетин). Владикавказ: Ир, 2012. С. 232–237.

А. Р. Бозиев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия

История исследования аланской культуры на Северном Кавказе

Для цитирования: *Бозиев А. Р.* История исследования аланской культуры на Северном Кавказе // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 382–386.

Alan R. Boziev
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia

History of the study of Alan culture in the North Caucasus

For citation: Boziev A.R., 2022. Istoriya issledovaniya alanskoy kul'tury na Severnom Kavkaze [History of the study of Alan culture in the North Caucasus]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 388–392.

Аланские племена Северного Кавказа, занимавшие его центральную часть, их история и культура представляют большой интерес для современных исследователей средневековой истории этого региона. Аланы и аланская культура сыграли важную роль в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Можно без преувеличения сказать, что все современные народы Северного Кавказа в той или иной степени испытали на себе влияние аланской культуры и необходимость всесторон-

© Бозиев А. Р., 2022.

него изучения аланской культуры на всех этапах ее развития является очевидной.

Первые наблюдения над раннесредневековыми памятниками Северного Кавказа были произведены в 1770–1773 гг. российским академиком И. А. Гильденштедтом, путешествовавшим с научными целями по Кавказу. Работы И. А. Гильденштедта положили начало археологическому изучению Северного Кавказа. Результаты многих археологических исследований публиковались в «Отчетах Археологической комиссии», «Материалах по археологии Кавказа» и в «Древностях». Можно без преувеличения сказать, что в дореволюционный период был заложен прочный фундамент для дальнейшего научного изучения алан Северного Кавказа. Однако существовал полный отрыв археологических исследований от истории, вследствие чего изучаемые памятники с аланами не связывались. В свою очередь, историки не пытались привлечь к своим исследованиям археологические материалы.

Коренной перелом в истории отечественной археологии, и в частности в археологии Кавказа, произошел после Великой Октябрьской социалистической революции. На смену Императорской археологической комиссии и Московскому археологическому обществу пришли организованная по ленинскому декрету Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) и большое число исследовательских институтов и музеев на местах, опиравшихся на широкое краеведческое движение среди интеллигенции, служащих, рабочих и крестьян. Археология перестала быть замкнутой, кастовой наукой.

Все сказанное полностью относится и к Северному Кавказу. В 20–30-х годах XX в. продолжается дальнейшее накопление археологических материалов по аланской культуре. Основную работу в этом направлении вела Северокавказская экспедиция ГАИМК, возглавляемая А.А. Миллером. В ГАИМК и Северокавказской экспедиции выросли такие видные археологи-кавказоведы, как Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский. Впервые в истории изучения алан начались раскопки аланских городищ, проводимые Б. Е. Деген-Ковалевским и А. А. Иессеном в Кабардино-Балкарии (Деген-Ковалевский, 1935. С. 11–36; Иессен, 1941. С. 228–236), стали применяться современные научная методика и фиксация раскопок.

В 1947–1948 гг. экспедиция, руководимая Е. И. Крупновым, произвела обследование аланских городищ Кабардино-Балкарии. Вскоре

возобновились археологические исследования в верховьях Кубани, где Т.М. Минаева начала раскопки на катакомбном могильнике Байтал-Чапкан (Минаева, 1950. С. 205–240). Но особенно интенсивное изучение аланской культуры развернулось в 50-х годах Т. М. Минаева продолжает систематические исследования могильников и городищ в верхнем течении Кубани. Особенно важны ее раскопки городища Адиюх в Карачаево-Черкесской АО (Минаева, 1955. С. 110–119.). Е. П. Алексеева исследует поселение и могильник у аула Жако, расположенные на р. Малый Зеленчук (Алексеева, 1955. С. 73–79). В 1952–1953 гг. археологическая экспедиция Пятигорского педагогического института производит разведку памятников раннего Средневековья в Зеленчукском районе Ставропольского края (Кузнецов, 1954. С. 345–351).

В 1953 г. начались охранные раскопки Северо-Осетинского научно-исследовательского института и музея на Змейском катакомбном могильнике в Северной Осетии, который относится к числу важнейших источников по позднеаланской культуре. С 1957 г. исследование Змейского могильника продолжила объединенная археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института под руководством Е. И. Крупнова. В результате этих работ на Змейском могильнике вскрыто более ста аланских катакомб и добыт огромный археологический материал. Одновременно производились раскопки Змейского поселения VIII–XII вв. и аланского городища Верхний Джулат. «Вскрытые за три года раскопок 88 катакомб дали большой археологический материал, в корне меняющий старые представления о позднеаланской культуре. Вплоть до самого последнего времени существовало мнение, что аланская культура в X–XII вв. беднеет и “затухает” после расцвета в V–IX вв.» (Семенов, 1957). Материалы Змейского катакомбного могильника опровергают это мнение. Сотни найденных предметов, состоящих прежде всего из многочисленных предметов вооружения и богатых конских уборов, рисуют яркую картину дальнейшего развития и процветания аланской культуры в X–XII вв.

Однако археологические исследования показывают, что уже в XIII в. аланские племена покидают свои укрепленные поселения. Население переходит от оседлости к кочевому образу жизни. При этом археологический материал свидетельствует о внезапном и почти одновременном прекращении жизни на всех городищах. Вероятно, гибель укрепленных

поселений в XIII в. связана с нашествием татаро-монголов, которые опустошали Аланию. Но сводить проблему только к этому с уверенностью пока нет возможности, так как на аланских поселениях обнаружено лишь незначительное количество керамики и других предметов «монгольского» типа. Несомненно одно: в XIII в. большая часть аланских племен переходит к кочевому образу жизни и к оседлости больше не возвращается.

Остатки аланских племен региона, основой экономики которых уже являлось кочевое скотоводство, растворились среди кабардинских племен, продвигавшихся с западных районов Северного Кавказа с XIII–XIV вв. При этом нельзя сказать, что аланская культура не нашла отражения в культуре, языке и быте кабардинцев.

В проблеме изучения аланского периода в истории Северного Кавказа встречаются еще определенные трудности. Одна из них связана с малой изученностью аланских поселений, в том числе рядовых. Из памятников, относящихся к данной эпохе, в большей степени подвергались исследованиям могильники, давшие представления об идеологии, политическом строе и основных направлениях культурных и торговых связей аланских племен с внешним миром.

Подводя итог, следует отметить, что в результате длительного и кропотливого труда десятков ученых разных поколений и национальностей изучение сложной аланской проблемы оказалось продвинуто далеко вперед. Выяснены или уточнены вопросы происхождения алан и их расселения, политической истории алан и их международных связей. Исследованные археологами памятники материальной культуры алан дают объективное представление о характере и особенностях аланской культуры, об ее хронологии и уровне развития на разных этапах. Аланская культура занимала значительную часть Северного Кавказа, от Кубани до Дагестана. Исходя из одного только этого факта, можно сказать, что с аланами генетически связаны очень многие северокавказские народы.

Литература

Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 73–79.

Деген-Ковалевский Б. Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы на новостройках в 1932–1933 гг. Известия ГАИМК. М. — Л., 1935. Вып. 110, ч. II. С. 11–39.

Иессен А. А. Река Баксан, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / под ред. В. В. Гольмстен, отв. ред. М. И. Артамонов. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 220–236.

Кузнецов В. А. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1954. Вып. 6. С. 345–351.

Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1950. Вып. 2–3. С. 205–240.

Минаева Т. М. Городище Адиюх в Черкесии // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 110–119.

Семенов Л. П. Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос: Материалы совещания, 19–20 окт. 1956 г. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжн. изд-во, 1957.

М. Е. Колесникова[1], Л. П. Ермоленко[2]

[1, 2] Северо-кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Развитие краеведческой археологии на Северном Кавказе в 1920-х гг.

Для цитирования: *Колесникова М. Е., Ермоленко Л. П.* Развитие краеведческой археологии на Северном Кавказе в 1920-х гг. // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 387–392.

Marina E. Kolesnikova[1], Lyudmila P. Ermolenko[2]

[1, 2] North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

The development of local history archeology in the North Caucasus in the 1920s

For citation: Kolesnikova M. E., Ermolenko L. P., 2022. Razvitiye krayevedcheskoy arkheologii na Severnom Kavkaze v 1920-kh gg. [The development of local history archeology in the North Caucasus in the 1920s]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh]*. Moscow — Sukhum. P. 387–392.

В советской историографии сложилось мнение, что становление исторической науки на Северном Кавказе в 1920-е годы происходило «с нуля». При этом практически полностью исключался дореволюционный опыт: не только устойчивый интерес ученых Российской империи к Кавказу, но и то обстоятельство, что после «вхождения» Северо-кавказского региона

© Колесникова М. Е., Ермоленко Л. П., 2022.

в состав России интерес к кавказоведению приобретал академический характер.

Однако не учитывать влияние на процесс становления исторического знания кардинальных изменений, произошедших в первые послереволюционные годы, нельзя. На смену отдельным энтузиастам, ведущим исследования по археологии северокавказских народов, пришла целенаправленная работа по созданию научных обществ, музеев, региональных научно-исследовательских учреждений, происходило интенсивное накопление источников, развивалась исследовательская проблематика. Несмотря на объективные трудности, 1920-е годы в развитии краеведения стали «золотым веком». Деятельность отечественной интеллигенции в развитии «краеведной» археологии имеет непреходящую ценность, играет важную культурно-преобразующую роль и является вкладом в отечественную и мировую культуру. Краеведческое движение в этот период действительно представляло собой «…беззаветное общее движение провинциальной интеллигенции спасать от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры…» (Шмидт, 1990. С. 18).

Краеведческая работа в Северо-кавказском регионе, объединявшая различные круги населения, представляла собой непрерывный процесс воспитания молодых людей культурой и историей, приобщением к традициям. «Краеведное движение» 1920-х годов было далеко от политической борьбы. Виднейшие деятели отечественного краеведения, археологи были увлечены экскурсионной работой, говорили с энтузиазмом о своих работах на научном поприще, в музейном и школьном деле. Научные исследования этого периода характеризовались как самодеятельное творчество ученых, продолжавших научные традиции дореволюционного времени. По мере стабилизации военно-политической обстановки в стране возобновили работу экспедиции Российской академии наук, Российской академии истории материальной культуры по изучению древностей Кавказа и других регионов страны. Ими было продолжено археологическое изучение Северного Кавказа, давшее, как отмечалось в отчетах, «чрезвычайно ценный материал» (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 47. Л. 111.). Благодаря этим экспедициям удалось спасти от полного уничтожения многие исторические памятники, похищенные и разрушенные в годы Гражданской войны, провести их учет и научное описание. В этот процесс энергично включались местные краеведы, взявшие на себя функции археологического обследования региона, охраны памятников

материальной культуры и распространения археологических знаний. Одной количественной стороной своих исследований они способствовали пополнению источниковой базы. По их инициативе возрождались и создавались новые научные общества и организации, музеи.

В эпоху НЭПа на Северном Кавказе создаются этнолого-археологические комиссии, в задачи которых входили археологические исследования, проводившиеся в регионе, выявление, фиксация и постановка на учет памятников старины, разрушающихся в ходе строительства, а также составление археологических карт (ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 9. Л. 7. Д. 7. Л. 4–8; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95, 1921. Л. 3, 6. Д. 74, 1921. Л. 31, 46–49). Наиболее известными были Ставропольская этнолого-археологическая комиссия (Колесникова, 2001. С. 208–220), Пятигорское (Прикумское) отделение Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии (ГАСК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 9. Л. 52; Коваленко, 2015. С. 18, 23).

В 1920-е годы в Северо-Кавказском регионе центрами научных археологических исследований и охраны памятников стали и музеи: Терский областной музей в г. Владикавказе (основан в 1897 г.), Музей Северного Кавказа (основан в г. Ставрополе, в 1905 г.), Нальчикский областной музей (основан в 1921 г.), Дагестанский краеведческий музей (открыт в 1925 г.) и др. Сотрудники музеев обследовали десятки памятников и собрали многочисленные археологические материалы (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192. Л. 2, 5об., 22.; Оп. 10. Д. 132. Ч. 3. Л. 7-10; Д. 133. Л. 191; Д. 257. Л. 2, 4; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132, 1923).

С середины 20-х годов XX столетия краеведческая археология в регионе связана не только с музейными учреждениями, но и с научно-исследовательскими институтами краеведения, работа которых до 1927 г. в национальных областях Северного Кавказа была самостоятельна и относительно слабо контролировалась со стороны государства. Согласно Положению о научно-исследовательских институтах краеведения, они создавались для «изучения естественно-производительных сил автономных образований, этнических национальных культур горских народов Северного Кавказа, изучения с научной точки зрения вопросов, вызываемых государственными потребностями; подготовки научно-практических работников; содействия культурному развитию трудящегося населения путем популяризации научных знаний» (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 15. Л. 16; Ф. А-2307. Оп. 105. Д. 258 Л. 22; Ф. А-2307. Оп. 17. Д. 98. Л. 41; Ф. А-2307. Оп. 13. Д. 43. Л. 5).

Общим направлением организации научных институтов был их краеведческий характер, связанный с деятельностью одноименных обществ. В своей деятельности северокавказские научные учреждения охватывали широкий спектр проблем, связанных с изучением материальной и духовной культур местных народов, вопросами экономического и социального развития своих республик. Установившаяся власть рассматривала краеведение как новую науку, противостоящую «старым» дореволюционным отраслям науки и методам исследования, обладавшую при этом признаками научного, учебного, просветительского учреждения. В 1-й пол. 1920-х годов научные исследования сотрудников институтов касались вопросов этнографии, истории, культур и были слабо связаны с производственно-хозяйственной деятельностью края. В эпоху НЭПа на Северном Кавказе существовало более десятка научно-исследовательских институтов краеведения и научных обществ, объединенных в ассоциации, развернувших свою активную собирательскую и исследовательскую работу на базе краеведческих музеев (Лунин, 1926). Это такие, как Кабардино-Балкарское научно-краеведческое общество, Общество изучения Адыгейской автономной области, Осетинское историко-филологическое общество, Северо-Кавказский горский институт краеведения, Осетинский НИИ краеведения, Ингушский институт краеведения, Кабардино-Балкарский НИИ краеведения и др. (Платонова, 2010. С. 252–253). Их члены принимали активное участие в археологических экспедициях.

Координационным северокавказским научным центром стал открытый в мае 1920 г. в г. Владикавказе Северо-Кавказский институт краеведения, направленность исследовательской работы которого согласовывалась с ведущими научными центрами страны, имевшими отношение к изучению Кавказа (Шеуджен, 2007. С. 83–85). Несмотря на немногочисленный штат сотрудников, трудности финансирования, отсутствие четких перспектив, ежегодно организовывались археологические экспедиции в отдаленные районы Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана. Именно этот институт сыграл исключительную роль в становлении научно-исследовательской работы в регионе и в пропаганде краеведческих знаний, им было начато издание научного журнала «Краеведение на Кавказе» (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 223. Л. 42).

В 1920-е годы достаточно широко дебатировался вопрос о том, какими должны быть археологические экспедиции. Проявилось стремление к организации различного рода смешанных экспедиций. Перед ними

во все большом объеме ставились задачи не только проведения полевых работ, но и обязательной научной обработки полученных данных, их соответствующей публикации. Была сформулирована и начала реализовываться мысль о необходимости сосредоточения полученных экспедициями материалов не только в центральных, но и в местных хранилищах.

В первые годы советской власти археологические исследования были затруднены условиями экономического и политического характера. Однако после выработки в 1920 г. общегосударственного плана археологических изысканий и несмотря на тяжелое материальное положение, в стране с целью выявления археологических памятников, их учета и составления археологических карт организовывались и проводились первые экспедиции. Охватывая все новые районы, они не только вели к значительным научным открытиям, но и способствовали общему поднятию уровня археологических работ в различных регионах страны. На Кавказе в 1920-е годы археологические раскопки были проведены в Дагестане (ГИМ и Дагестанский музей), в Терской (М. И. Ермоленко) и Кубанской (Г. И. Боровко и экспедиция РАИМК под руководством А. А. Миллера) областях, в Осетии и Горной Осетии (Е. Г. Пчелина и Л. П. Семенов), в Кубано-Черноморской губернии (Б. В. Лунин и А. В. Таланов), в Ставропольском округе (Г. Н. Прозрителев), в Донской и Кубано-Черноморской областях, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии (А. А. Миллер), в Крыму, Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (А.С. Башкиров), верховья Кубани обследовались сотрудниками Северокавказского Горского научно-исследовательского института краеведения (Ростов) и др. (Ермоленко, 2007. С. 49–58; Ермоленко, 2017. С. 58–65).

Однако, несмотря на отсутствие материальной базы, недостаточное финансирование и немногочисленные кадры, Северный Кавказ в 1920-е годы вошел в число немногих регионов, где краеведческая археология была наиболее четко организованной и результативной. Получившие автономию, а вместе с ней и право на развитие собственной национальной культуры, народы Кавказа стали проявлять повышенный интерес к прошлому родного края, в ряде городов возникли научные общества, музеи, научно-исследовательские институты краеведения, приступившие к плановому изучению национальных областей и республик. Краеведческая археология заложила основы системы охраны памятников на Северном Кавказе, а также способствовала возник-

новению целого ряда новых центров археологических исследований в регионе. В работу по историко-археологическому изучению региона также активно включались центральные научные учреждения и организации. Их экспедиционная деятельность проводилась в тесном и плодотворном контакте с местной научной общественностью. Все это дало толчок развитию и распространению научных знаний среди населения. Археология превратилась в хорошо известную широким кругам общественности научную дисциплину.

Литература

Ермоленко Л. П. Археологическая наука в Северо-Кавказском регионе в первое десятилетие советской власти // Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2008. Вып. 8. С. 49–58.

Ермоленко Л. П. Развитие региональной археологической науки во второй половине XIX — первой четверти XX столетия (по материалам Северного Кавказа) // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2017. № 1. С. 58–64.

Коваленко А. Н. Дмитрий Михайлович Павлов: жизнь и деятельность // Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов / ред. С. Н. Савенко. Пятигорск, 2015. С. 8–29.

Колесникова М. Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921–1933 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология / гл. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 208–220.

Лунин Б. В. Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (1922–1926 гг.). Очерк работы за 4-летний период. Отд. оттиск из журнала «Северо-Кавказский край». Ростов на/Д., 1926. № 1–2. 7 с.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Шеуджен Э. А. Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 83–90.

Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 11–27.

Т. А. Ачугба
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия АНА, Сухум, Абхазия

«Научные директивы» И. В. Сталина об этнической структуре древнего Кавказа и Малой Азии в контексте политических интересов советской Грузии

Для цитирования: *Ачугба Т. А.* «Научные директивы» И. В. Сталина об этнической структуре древнего Кавказа и Малой Азии в контексте политических интересов Советской Грузии // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С. 393–404.

Teymuraz A. Achugba
Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

I.V. Stalin's "Scientific directives" on the ethnic structure of the ancient Caucasus and Asia Minor in the context of the political interests of Soviet Georgia

For citation: Achugba T. A., 2022. «Nauchnyye direktivy» I.V. Stalina ob etnicheskoy strukture drevnego Kavkaza i Maloy Azii v kontekste politicheskikh interesov sovetskoy Gruzii [I.V. Stalin's "Scientific directives" on the ethnic structure of the ancient Caucasus and Asia Minor in the context of the political interests of Soviet Georgia]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 393–404.

© Ачугба Т.А., 2022.

В официальных высказываниях И. В. Сталин, в качестве лидера Союза ССР, не позволял себе лишних слов о своих особых отношениях к грузинскому народу и его государственности, и это естественно, ибо в противном случае он мог бы потерять лицо вождя мирового пролетариата и «Отца всех народов». Под его строгим контролем Коммунистическая партия на словах большое внимание уделяла национальному вопросу. Более того, официально провозглашалось право народа на самоопределение вплоть до создания собственного государства. Однако далеко не все шло так гладко, как это представлялось официально: говорилось о возрождении и процветании всех народов, а на деле создавались искусственные условия для поглощения малочисленных народов более многочисленными. Что касается грузинского народа, то И.В. Сталин не упускал ни одного подходящего случая, чтобы повысить престиж грузин, усилить экономическую мощь грузинского государственного образования, расширить этнические и политические границы Грузинской ССР, названной позже академиком А. Д. Сахаровым «малой империей»[1].

В этом отношении весьма любопытная информация представлена в книге бывшего первого секретаря ЦК КП (б) Грузии К. Чарквиани «Пережитое и осмысленное», вышедшей в Тбилиси в 2004 г. (на груз. яз.). Он, проработав на этом высоком посту с августа 1938 г. по декабрь 1951 г., имел возможность часто встречаться с первым лицом СССР.

Подробное ознакомление с содержанием книги дает нам полное основание говорить об особой заботе лидера Советского Союза о своей «малой родине». На первый взгляд по-человечески это можно считать естественным явлением, но когда умножение блага своего народа происходит за счет ущерба и колоссальных потерь для других народов, то такие поступки ставят Сталина в крайне некрасивое положение. Волей или неволей, первый секретарь грузинской парторганизации разоблачил своего прямого шефа и представил его носителем и конструктором имперских планов радикального крыла грузинской общественности. Тот факт, что И. Сталин действительно являлся приверженцем, по сути, имперских идей части грузинской дореволюционной и советской интеллигенции, призывавшей к грузинизации родственных и неродственных народов Кавказа и к передаче грузинскому государ-

[1] См.: Огонек, 1989. № 31. С. 27.

ству территории депортированных в XIX в. в Османскую империю кавказских народов — абхазов, убыхов, адыгов и др., — хорошо известен в историографии (Этническая революция…, 1995)[1].

Характерно, что И. Сталин, главный «теоретик» и «практик» большевиков по национальному вопросу, еще в начале XX в. «предугадал» «бесперспективность» самостоятельного этнокультурного развития абхазов и многих других народов Кавказа: «Как быть с мингрельцами, абхазами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести?» — вопрошал он в своей статье «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.) и сам же отвечал: «Национальный вопрос на Кавказе может быть решен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры» (Сталин, 1946. С. 350–351).

Научному сообществу хорошо известен личный вклад Сталина как в «вовлечении запоздалых» абхазского и южноосетинского народов (не говоря о сванах, мегрелах, лазах и других самостоятельных этнических единицах) в новую советскую грузинскую нацию, имеющую «высшую культуру», так и в присоединение к Грузинской ССР ряда территорий соседних народов.

В частности, по указанию И. Сталина, в ноябре 1943 г. были депортированы карачаевцы (около 70 тыс.). Большая часть территории упраздненной автономной области под названием Клухорский район[2] была включена в состав Грузинской ССР и туда же в срочном порядке были переселены сваны, лечхумцы и рачинцы из Западной Грузии (Кацадзе, 1977. С. 51–53; Дзидзоев, 2002. С. 91–92).

Грузинской ССР были переданы и другие территории на Северном Кавказе. В феврале 1944 г. были высланы чеченцы и ингуши. Территория ликвидированной Чечено-Ингушской АССР была разделена между Ставропольским краем, Дагестаном, Северной Осетией и Грузией. В частности, Грузии были переданы Итум-Калинский район, западная часть Шароевского района, южная часть Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов, а также юго-восточная часть Гизильдонского

[1] См.: Кавказ. 1870. № 94; Дроеба, 1873. № 399; 1879. № 36.

[2] Первоначально переданные Грузинской ССР территории были объединены в Тебердинской район ГССР с центром в городе Микоян-Шахаре (см.: *Бугай Н. Ф.* Проблема территорий в условиях принудительных переселений XX века. Теория, практика. М.: Наука, 2018. С. 157–158). *(от ответственного редактора).*

района Северо-Осетинской АССР (села Ларс, Чми, Саниба) (Дзидзоев, 2002. С. 85).

В марте 1944 г. были депортированы балкарцы, а Кабардино-Балкарская АССР преобразована в Кабардинскую АССР. Горные районы бывшей Кабардино-Балкарской АССР, примыкающие к Грузии, были переданы Грузинской ССР (Верхне-Сванетскому району) и заселены жителями из Западной Грузии (Дзидзоев, 2002. С. 86). Часть районов и отдельных сел была переименована на грузинский лад.

Небезынтересно проследить за процессом роста территории Грузинской ССР за счет чужих земель. В 1922 г. Грузии была передана Юго-Осетинская АО, площадь которой равна 3,9 тыс. кв. км, в 1931 г. — ССР Абхазия (ставшая АССР) — 8,6 тыс. кв. км, в 40-е годы — еще 6,7 тыс. кв. км территории, населенной ранее карачаевцами, балкарцами, чеченцами и ингушами. Таким образом, площадь Грузинской ССР за какие-то 25 лет, по воле Сталина, выросла на 19,2 тыс. кв. км, т.е. от 57,2 до 76,4 тыс. кв. км[1].

Как сообщает К. Чарквиани, И. Сталин, с удовольствием говоря о присоединении земель высланных северокавказских народов к Грузии, не скрывал желания расширить политические границы Грузии за счет приграничной с ней области Азербайджанской ССР — Саингило (Белоканский, Закатальский и Кахский районы). «…На мою неоднократную просьбу — рассмотреть в Центральном Комитете вопрос о передаче Саингило Грузии, — пишет Чарквиани, — Сталин по разным мотивам давал отрицательный ответ. Главным аргументом отказа был тот факт, что пересмотр границ между Азербайджаном и Грузией может стать нежелательным прецедентом, и поэтому невозможно было этого допустить. Однако после того, как в 1945 г. нам передали часть территории выселенных из Северного Кавказа народов, стало ясно, что, при желании Сталина, аргумент о неприкосновенности республиканских границ не будет иметь большую силу. Я тоже этим воспользовался, и во время одной из наших бесед поднял вопрос о Саингило. Именно в то время в Иранском Азербайджане активизировалось движение за его присоединение к Советскому Азербайджану.

— Посмотрим, как закончится дело, — сказал Сталин. — Если Южный Азербайджан присоединиться к нам, то вопрос о вашем Саингило тоже решится положительно.

[1] См.: БСЭ. Изд. 2. М., 1952. Т. 13. С. 32; БСЭ. Изд. 3. М., 1972. Т. 7. С. 360; СЭС. Изд. 3. М., 1985. С. 11, 344, 1557.

Южный Азербайджан не был присоединен к нам, и судьба Саингило также осталась без изменения», — с сожалением отмечает автор книги (Чарквиани, 2004. С. 500).

Какие еще «советские» территории Сталин планировал присоединить к Грузии, лидер грузинских коммунистов не сообщает. Мы только можем лишь предполагать, что «новыми» территориями Грузии могли бы стать Сочинский и Туапсинский регионы, что уже было испробовано грузинскими меньшевиками в 1918 г. О «принадлежности» этих земель грузинскому народу часто «напоминали» грузинские историки. Тем более что эти территории в 40-е годы, наподобие Абхазии, были «очищены» от греков, турок, лазов и других «вредных» для советского строя этнических групп. Также не исключено, что «грузинскими» территориями могли бы стать земли «родственных грузинам» абазин, адыгейцев, черкесов и кабардинцев, которых, как и абхазов, можно было попытаться ассимилировать и влить в состав грузинской нации. Нет сомнения, что в тот период для всемогущего И. Сталина, расправившегося с внутренними «врагами» и победившего во Второй мировой войне, было под силу без особого труда проводить эти чудовищные политические и этнические эксперименты.

Однако если сведения К. Чарквиани об этих намерениях И. Сталина по расширению границ Грузии на Кавказе все же выглядят скудными, то намерению «Вождя» увеличить территорию Грузинской ССР за счет Турецкой Республики автор книги уделил особое внимание.

По сообщению лидера грузинских коммунистов, в октябре 1945 г. Сталин в течение целой недели на государственной даче в Сочи, вместе с ведущими историками Грузии С. Н. Джанашия и Н. А. Бердзенишвили, при участии К. Чиковани, подробно обсуждал все периоды истории Грузии и, недовольный содержанием учебника для средних школ, вышедшего в 1943 г., давал рекомендации по составлению нового издания. К. Чиковани отмечает, что основные замечания касались этнокультурной истории Закавказья и Малой Азии в древности. Обсуждая проблемы, связанные с древнейшей историей, И. Сталин «определил» этническую структуру не только Грузии и Закавказья, но и Малой Азии и даже Южной Европы. На самом деле И. Сталин давал советским историкам не советы, а «научные директивы». В любом случае, какими бы ни были эти наставления Сталина с точки зрения научной истины, они требовали беспрекословного исполнения. Следует отметить, что у грузинских историков

сталинские научные «открытия» не только не вызывали никаких возражений (если вообще можно было возразить Сталину), но и совпадали с мнениями самих ученых по всем вопросам. Более того, временами они сами приводили конкретные факты и отдельные свои и некоторых других грузинских коллег наработки, подтверждающие верность этнической картины древности, изложенной Сталиным. В книге приводится статья того же профессора С. Н. Джанашия, напечатанная в газете «Заря Востока» в декабре 1936 г., в которой историк древних жителей Малой Азии называл прямыми предками грузин. Создается впечатление, что хозяин Кремля и раньше, до этой встречи, не только следил за достижениями грузинской историографии в этой области, но и курировал, и даже направлял, местных ученых, подсказывая им, каким образом удревнить этническую историю и самобытную культуру грузинских (точнее, картвельских) племен и расширить территорию их первоначального обитания. Свидетельством тому упомянутая при беседе статья А. Сванидзе «К вопросу о хеттах и их родстве с картвельскими племенами», подготовленная под диктовку лично Сталина и напечатанная в газете «Известия» в феврале 1937 г.

Как нам сообщает К. Чарквиани, И. Сталин утверждал, что с древнейших времен на Кавказе, в Малой Азии, а позже и на юге Западной Европы доминирующее положение занимали далекие предки современных грузин. В частности, в книге читаем: «Сталин строго отстаивал мнение о том, что грузинские племена образовались из хеттов и субаров — родственных им народов, которые еще в третьем тысячелетии до н. э. создали в Малой Азии мощные государства и высокую культуру». Однако, по утверждению Сталина, в результате натиска со стороны врагов «во второй половине второго тысячелетии до н. э. государства хеттов распались» (Чарквиани, 2004. С. 383). Далее Сталин рассказывал своим сочинским гостям, что хетты — этот многочисленный и могучий народ — не могли бы так бесследно исчезнуть. Он считал, что одна часть племен хеттов и субаров, занимавшая побережье Черного моря и будучи хорошими мореходами, ушла на Запад, а другая часть, проживавшая в горных регионах Малой Азии, Западного и Восточного Закавказья, осталась на месте. Последние, по твердому убеждению вождя, «скоро вновь заняли Черноморское побережье до реки Галидзга, а может и западнее от нее», образовали «сильные политические образования, в том числе государство Урарту, потомками которых являются картвельские племена — иберы, колхи и другие» (там же).

Не менее романтичной выглядит судьба «эмигрировавших» на Запад «предков грузин», которым очень легко удалось завоевать территории аборигенов Балканского, Аппенинского и Пиренейского полуостровов, стоящих тогда на низком уровне культурного развития, и которые задолго до прихода туда греков и римлян создали арийскую цивилизацию. По наставлению Сталина веским подтверждением сказанного могут служить фактологические материалы картвельских языков, применение которых позволит ученым «раскрыть загадки о пеласгах и этрусках, чья культура стала основой греческой и римской цивилизации». По его утверждению, с помощью картвельских языков «ученые давно могли бы расшифровать эпиграфику этрусков. То же самое можно сказать и о хеттских иероглифах и клинописных надписях, которые почти прочитаны, но еще содержат много неясностей» (Чарквиани, 2004. С. 383, 385). Кроме того, по мнению Сталина, для раскрытия многих тайн древней истории следует опираться на географические названия. По утверждению К. Чарквиани, Сталин говорил: «И сегодня есть очень много фактов, свидетельствующих о проживании в раннюю эпоху предков грузин и других картвельских племен на территории Передней Азии. Если хотите, например, возьмем топонимику. Топонимика очень устойчива. Народы приходят и уходят, а названия многих местностей, гор, рек остаются». Продолжая эту же мысль, Сталин приводит конкретные примеры из географических названий современной Грузии и Турции, где находит много общего. Он не упустил возможности затронуть топонимику Абхазии, в частности топоним Гал. По его словам, «таких явлений очень много, например в Малой Азии. Разве Галис — прежнее название р. Кызыл-Ирмак не картвельского происхождения? Если не ошибаюсь, Гали, по-мегрельски, означает: ущелье, долина, река» (Чарквиани, 2004. С. 383, 385). Произвольной интерпретацией данного абхазского топонима Сталин лишний раз напомнил партийному руководителю Грузии и грузинским историкам об «исконности» расселения картвелов на территории Абхазии и о принадлежности Абхазии Грузии.

В целом представленная в книге К. Чарквиани информация о сталинских «директивах» о древнейшем расселении картвельских племен свидетельствует о том, что на самом высшем уровне руководства СССР была сформирована теоретическая и идеологическая база для утверждений о «законных правах» грузинского народа присвоить земли других народов и государств. Грузинам, как прямым потомкам создателей

древнейших государств и культур хеттов, урартов, пеласгов, этрусков, арийцев и др., обязаны были не только народы Кавказа и Малой Азии, но и Западной Европы и всего мира.

«Теория без практики мертва», — учил И. Сталин. О его масштабных намерениях осуществить на практике свои теоретические положения в области древней истории стало известно по публикации упомянутых грузинских ученых-историков С. Н. Джанашия и Н. А. Бердзенишвили. Они в течение каких-то полутора месяцев после сочинских встреч, в декабре 1945 г., сначала в республиканской газете «Комунисти», а чуть позже — в газете «Правда» опубликовали статью под претенциозным названием «О наших законных требованиях к Турции» (Джанашиа, Бердзенишвили, 1945).

В этой публикации историки, по сути, ставили перед мировым сообществом вопрос об отторжении от Турецкой Республики и передаче Грузинской ССР «исконных грузинских территорий»: Ардаган, Артвин, Олты, Туртумо, Исгир, Байбурт, Гумушхан и регионы Восточного Лазистана, включая районы Трабзона и Гиресуна. Данная статья дает основание говорить о серьезных намерениях И. Сталина не только дипломатическим, но и военным путем расширить границы Грузинской ССР. Публикация подобного содержания могла появиться только лишь по санкции лично И. Сталина. Согласно распространявшейся тогда устной информации, на территории, отобранной у Турции, если бы такое свершилось, намечалось создание Лазистанской АССР в составе Грузинской ССР. В качестве руководителя этой будущей республики, точнее, первого секретаря обкома партии, Кремль, на всякий случай, подобрал кандидатуру Мухаммеда Ванлиши — этнического лаза, опытного партийного и государственного деятеля Аджарии и Грузии. Однако в последний момент, по неизвестным широкой общественности причинам, Москва отказалась от войны против Турции и от превращения Грузии из «Малой» в «Большую империю»[1].

[1] Отказ Москвы от территориальных претенций к Турции был обусловлен углубляющимися противоречиями между СССР и Западом, а Турция, как известно, в 1951 г. стала членом НАТО (создано в 1949 г.). В этих условиях агрессия СССР против Турции привела бы к началу Третьей Мировой войны. Тематика территориальных претензий СССР к Турции подробно рассмотрена в книге: Дж. П. Гасанлы. СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр Пропаганды, 2008. 664 с. *(от ответственного редактора).*

Как показывает книга К. Чарквиани, И. Сталин неустанно продолжал заботиться о судьбе грузин и их государства. Не случайно, что для подкрепления своих исторических теорий о первостепенной роли грузинского народа в мировой цивилизации Сталину пришлось вносить коррективы и в область общего языкознания. К. Чарквиани в своей книге отдельную главу посвятил описанию того, какие практические шаги были предприняты Сталиным, чтобы совместно с грузинским языковедом А. Чикобава организовать хорошо известную научному миру дискуссию по общему языкознанию. «Дискуссия» всесоюзного масштаба была направлена против стадиальной теории академика Н. Я. Марра, который, кстати, при освещении проблемы генезиса и развития мировых языков абхазо-адыгским, вайнахским и другим кавказским языкам отводил более почетное место, нежели «окаменевшему» и «лишенному развития» грузинскому языку. Данная теория, как пишет автор книги, оскорбляла «грузинскую советскую культуру», унижала роль картвельских языков, равно как и их носителей, в истории народов мира (Чарквиани, 2004. С. 400).

Нет сомнения, что предки грузин и в целом картвелов действительно занимали достойное место в истории региона, однако их чрезмерное восхваление и придание им исключительной роли в мировой цивилизации стали «медвежьей услугой» для многих поколений грузинской общественности. Некоторые грузинские ученые, по следам «сталинских директив», стали искажать, а то и вовсе переписывать историю и грузинского, и многих других народов Кавказа. На нашем примере можно констатировать, что уже в действующей программе грузинизации абхазов, помимо понижения политического статуса Абхазии, репрессий против политического руководства и национальной интеллигенции, массового переселения грузин в Абхазию, закрытия абхазских школ, введения делопроизводства на грузинском языке, переименования географических названий и т.д., особое место занимала фальсификация истории Абхазии (см.: Анчабадзе, 1976; Лакоба, 1990; Абхазия: документы свидетельствуют, 1992). Как известно, лишение народа исторической памяти напрямую угрожает национальному самосознанию его представителей. Как говорят, «народ, потерявший историю, теряет будущее». Именно со 2-й пол. 1940-х годов грузинскими историками и филологами была развернута невиданная доселе активная работа по лишению абхазов собственной истории. Нет сомнения, что сталинские «научные советы» по истории приносили свои всходы. Выводы фальсификаторов истории

абхазского народа вполне соответствовали «научным директивам» И. Сталина об этнической номенклатуре древнего Закавказья, где не «нашлось» места проживания предкам абхазо-адыгских народов.

В частности, утверждение о том, что после ухода во 2-й пол. II тыс. до н. э. на Запад части предков грузин, проживавших в горных регионах Малой Азии, Западного и Восточного Закавказья, грузинские племена вновь заняли побережье Черного моря «до реки Галидзга, а может, и западнее от нее», стало последним достижением исторической науки. Как видим, И. Сталиным было дано указание, в прямом смысле этого слова, советским ученым, что этническую границу между мегрелами и абхазами необходимо проводить по р. Галидза, и это положение некоторыми историками разделяется и до последнего времени. А радикальные националисты такую границу проводят у устья р. Кубань, следуя словам вождя: «…а может и западнее от нее». Например, грузинский историк литературы А. Г. Барамидзе в 1945 г. стал «доказывать», что абхазы никогда не имели собственной истории и «абхаз» в историческом прошлом был такой же грузин, как и представитель любой из этнографических групп грузин, а Абхазия являлась частью Грузии (Барамидзе, 1945. С. 103). Развивая мнение своего коллеги, небезызвестный апологет грузинской миниимперии П. Е. Ингороква, считая все средневековые абхазские племена «грузинами», выдвинул теорию о том, что якобы во 2-й пол. XVII в. грузинские племена «абхазов» были оттеснены так называемыми северокавказскими «апсуйцами» («апсуа» — этноним абхазов). Заняв «грузинские» земли на Черноморском побережье Кавказа до р. Шапсухо (в районе современного г. Туапсе), пришлые «апсуйцы» назвали себя «абхазами» — именем этнически грузинского племени (Ингороква, 1954. С. 130–132). Таким образом, грузинский автор попытался лишить абхазский народ не только исторического прошлого, связанного с этнонимом «абхаз» и могущественным государством Кавказа — Абхазским царством, но и статуса автохтонного народа Абхазии и превратить предков нынешних абхазов в «оккупантов» грузинских земель и «поработителей» грузинского народа. Тем самим была заложена новая мина для разжигания грузино-абхазского противостояния.

Несмотря на абсурдность этих «изысканий», теория о «пришлости» абхазов на «грузинской земле» была поддержана большей частью грузинской научной интеллигенции (см., к примеру: Каухчишвили, 1956–1957; Ахвледиани, 1957; Кобидзе, 1957). Однако и после критики теории

П. Ингороква со стороны абхазских и некоторых грузинских ученых (Анчабадзе, 1956; Ломтатидзе, 1956; Бгажба, 1956; Соселия, 1955) немалая часть грузинской научной общественности надеялась на реанимацию теории о пришлости абхазов в Абхазии в позднем Средневековье. Благоприятный момент для них настал в процессе распада СССР, когда данная теория стала чуть ли не основной идеологической базой в разжигании агрессии Грузии против Абхазии и геноцида абхазов в 1992–1993 гг. К сожалению, она и по сегодняшний день иной раз служит подспорьем для реваншистских планов по восстановлению пресловутой «территориальной целостности» Грузии. Распалась «Малая грузинская империя», однако идея ее реанимации продолжает жить в умах определенной части грузинского общества.

Литература

Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953: сборник материалов / сост.: Б. Е. Сагария (редактор), Т. А. Ачугба, В. М. Пачулия. Сухум: Алашара, 1992. 566 с.

Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле — грузинский писатель X века» // Труды АбИЯЛИ. 1956. Т. XXVII. С. 261–278.

Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми: Алашара, 1976. 167 с.

Ахвледиани Г. К некоторым вопросам исторической топонимики Абхазии // Мнатоби. 1957, № 2. С. 107–114 (на груз. яз.).

Барамидзе А. Г. Очерки из истории грузинской литературы. Тбилиси, 1945 (на груз. яз.).

Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии // Труды АбИЯЛИ. 1956. Т. XXVII. С. 279–303.

Джанашия С. Н., Бердзенишвили Н. А. О наших законных требованиях к Турции // Комунисти. 14.12.1945 г. (на груз. яз.); Правда. 20.12.1945.

Дзидзоев В. Д. Национальная политика: уроки опыта. Изд. 3. Владикавказ: Иристон, 2002. 256 с.

Ингороква П. Георгий Мерчуле — грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).

Каухчишвили С. Г. По поводу Георгия Мерчуле // Журнал «Мнатоби». 1956, № 10. С. 109–119; 1957, № 2. С. 115–125 (на груз. яз.).

Кацадзе А. Современная миграция горного населения Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1977 (на груз. яз.).

Кобидзе Д. Значение термина «абхаз» по данным персидских источников // Мнатоби. 1957. № 2. С. 126–128 (на груз. яз.).

Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990. 155 с.

Ломтатидзе К. В. Некоторые вопросы принадлежности и расселения абхазов // Мнатоби. 1956. № 12. С. 132–139 (на груз. яз.).

Соселия Г. Вопросы исторической правды // Советская Абхазия» 18.12.1955.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946.

Чарквиани К. Пережитое и осмысленное. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).

Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.) / сост. и отв. ред. Т. А. Ачугба. Сухум: Алашара, 1995. 100 с.

И. А. Джопуа

Отдел охраны историко-культурного наследия Министерства культуры РА, Сухум, Абхазия

Религиозно–познавательный туризм как фактор сохранения объектов историко-культурного наследия

Для цитирования: Джопуа И. А. Религиозно–познавательный туризм как фактор сохранения объектов историко-культурного наследия // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М. — Сухум, 2022. С.405–409.

Inal A. Dzhopua

Department for the Protection of Historical and Cultural Heritage of the Ministry of Culture of the Republic of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

Religious and educational tourism as a factor in the preservation of objects of historical and cultural heritage

For citation: Dzhopua I. A., 2022. Religiozno–poznavatel'nyy turizm kak faktor sokhraneniya ob"yektov istoriko-kul'turnogo naslediya [Religious and educational tourism as a factor in the preservation of objects of historical and cultural heritage]. *Periodizatsiya i tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov drevney i srednevekovoy Abkhazii i sopredel'nykh territoriy: Materialy Pyatoy Mezhdunarodnoy abkhazskoy arkheologicheskoy kon-ferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa-kavkazoveda Mikhaila Mametovicha Trapsha [Periodization and typology of archaeological sites of ancient and medieval Abkhazia and neighboring territories: Materials of the Fifth International Abkhaz archaeological conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding archaeologist-Caucasian specialist Mikhail Mametovich Trapsh].* Moscow — Sukhum. P. 405–409.

Тенденции современного глобализирующегося мира нередко губительно влияют на сохранение объектов историко-культурного наследия. Большое количество сосредоточенных в Абхазии уникальных памят-

© Джопуа И. А., 2022.

ников религии, истории и культуры делает эту страну зоной, благоприятной для развития такого направления, как религиозно-познавательный туризм. У населения растет потребность в духовных ценностях, усиливается интерес к памятникам религиозной культуры.

Памятники религии, истории и культуры составляют существенную мотивацию для посещения того или иного региона. Многие религиозные памятники являются объектами туристского показа. Объектами привлечения религиозных туристов являются святые места и религиозные центры.

Актуальность и практическая значимость мотивационных аспектов в религиозно-познавательном туризме очевидны. Понимание, знание и использование туристских мотивов в путешествии с религиозными целями могут стать залогом успешного продвижения и популяризации данного туристского направления. На наш взгляд, религиозно-познавательные путешествия могут представлять собой не только паломничество в религиозные объекты, но и посещение, при должном контроле, многочисленных археологических и архитектурных памятников древности.

Основу историко-культурного потенциала Абхазии составляют в том числе такие религиозные центры, с комплексом объектов истории и культуры на близлежащих территориях, как Пицундский собор. Там помимо собора X в., недалеко от него, распложено и Пицундское городище, где первые христианские храмы Абхазии строились еще в начале IV в. у стен римско-византийских укреплений. В конце V в. — нач. VI в. пол одного их этих храмов был украшен богатейшей мозаикой, состоявшей из геометрических орнаментов и сюжетных композиций. Фрагменты этой мозаики представлены в экспозициях Пицундского музея, на территории, примыкающей к собору.

В следующий маршрут можно включить древнейшие архитектурные памятники Гагры IV–VI вв. н.э. Здесь, на самом берегу моря, у подножия горы находится укрепление, расположенное у устья р. Жоэквара. Особый интерес представляет Гагрский храм, расположенный в центре крепости. В эту группу объектов посещения целесообразно включить Цандрипшскую базилику VI в. В 7 км от побережья находятся руины одной из крупнейших крепостей раннесредневековой Абхазии. Это Хашупсинская крепость. Как известно, на территории этой нагорной крепости расположена небольшая церковь.

Основным пунктом следующего направления является Лыхненский Успенский собор вместе с руинами дворца абхазских владетелей X в. Храм полускрыт за древней булыжниковой оградой. Исключительно богаты росписи Лыхненского храма, преимущественно XIV в. Древнейшие росписи представлены в диаконнике — это элементы геометрического линейного орнамента, возможно относящегося к VIII–IX вв., и изображение головы старца. Но при этом необходимо провести срочные реставрационные работы на соборе и на его фресках.

Ряд культовых объектов можно включить в основу маршрута «Ново-Афонский монастырь и храм Симона Кананита». Ново-Афонский монастырь был основан в 1875 г. монахами со Святой горы Афон. Собор — крупнейшее культовое сооружение Абхазии. В нем может одновременно поместиться более трех тысяч человек. Монастырские корпуса с церквями строились в 1883–1896 гг. В центре западного корпуса возвышается 50-метровая колокольня с часами. Под колокольней расположена бывшая монастырская трапезная, стены которой, как и в других церквях ансамбля, расписаны фресками, выполненными известными «волжскими богомазами» — братьями Оловянниковыми. Безусловно, в это направление входит наиболее значительный памятник оборонительного зодчества не только Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа — Анакопийская крепость с храмом в цитадели.

Для показа памятников культовой архитектуры Сухума необходимо объединить в одну группу ряд объектов. Памятники Сухума и его ближайших окрестностей разбросаны друг от друга на большом расстоянии, и потому осмотр каждого из них представляет маленькое самостоятельное путешествие. Среди них Замок Баграта XI–XII вв., Сухумская крепость, Каманский храм.

Для посещения памятников историко-культурного наследия Восточной Абхазии необходимо ориентироваться на соответствующие центры, расположенные в границах государственных историко-культурных заповедников республики. При условии проведения реставрационных работ на этих объектах возможна организация регулируемого посещения туристами.

В первую очередь это Драндский собор на северной окраине с. Дранда, расположенный на возвышенном плато. Памятник этот относится к крестовокупольным четырехстолпным храмам, имевшим наибольшее распространение в Византии в VI–VII вв. В 1881 г. на развалинах храма

был учрежден Успенско-Драндский монастырь с комплексом строений, которые сейчас нуждаются в реставрационных работах.

В числе объектов посещения выделяется Илорский храм. Он отличается среди зальных церквей Абхазии не только своими значительными размерами и продуманностью своих архитектурных форм, но и художественными и конструктивными приемами, утверждающимися на этой территории в 1-й пол. XI в.

Среди государственных историко-культурных заповедников в особой поддержке нуждается «Бедийский храм». В границы этого заповедника входит ряд других комплексов, относящихся к наследию Абхазии. В самом Бедиа на плато, окруженном скалами и стенами, сохранились большой собор, епископский дворец, часть колокольни и другие руины.

В вышеперечисленных объектах и в прилегающих к ним местностях сконцентрированы историко-культурные и природные достопримечательности, сохраняются традиции, имеются наиболее благоприятные организационно-управленческие и иные предпосылки для развития и регулируемого туристского использования объектов наследия, успешного внедрения современных регулируемых туристских технологий и, как следствие, для придания им нового импульса, в том числе развития религиозно-познавательного туризма. Социально-экономическое развитие этих территорий должно иметь в виду непременную цель последующей реставрационной и иной деятельности для сохранения объектов старины.

Примечательно, что практически во всех вышеперечисленных крупных центрах сформированы системы государственных историко-культурных заповедников, к которым относятся культовые, архитектурные, археологические, исторические объекты. Религиозному (паломническому) туризму близок научный туризм религиозной тематики. Такие поездки немногочисленны, но они расширяют географию и характер туристских поездок. Ученых интересует религиозное наследие — различные культовые предметы, найденные в том числе благодаря археологическим раскопкам, архитектурные формы как сохранившихся практически в непотревоженном виде, так и руинированных, порой до основания, церквей.

Идея развития религиозного туризма с культурно-познавательными целями в комплексе с посещением объектов историко-культурного наследия на близлежащих территориях связана с принципиально новым

тезисом: комплекс историко-культурного и природного наследия — это специфический и очень важный ресурс региона, и он может стать одним из перспективных направлений реализации социальной политики, одним из факторов духовной жизни.

Литература

Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1958. 154 с.

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978. 176 с.

Памятники культуры Абхазской АССР / сост. и комм. В. Пачулия. Сухуми: Абгосиздат, 1961. 56 с.

Пачулия В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968. 168 с.

Contents

M.M. TRAPSH: SCIENTIST, ARCHEOLOGIST

Igor' I. Tsvinaria, Arkadiy I. Dzhopua.
In memory of M.M. Trapsh 12

Oleg Kh. Bgazhba. M.M. Trapsh and antiquities
of Tsebelda (Tsabal) 20

Arkadiy I. Dzhopua, *Valentin A. Nyushkov.*
M. M. Trapsh and his contribution to the study of archaeological sites
in northwestern Abkhazia 25

Garik A. Sanguliya. Treasures of bronze production in the system
of periodization and typology of monuments in Abkhazia
by M. M. Trapsh 33

Nikolay A. Trapsh. Historical research by M. M. Trapsh
in the methodological dimension: an experience of complex interpretation 43

THE STONE AGE AND THE AGE OF BRONZE

Sergey A. Kulakov, Arkadiy I. Dzhopua, Marianna A. Kul'kova,
Tat'yana V. Sapelko. New biostratigraphic data on the Machagua cave stand
(Gudouta region of Abkhazia) 48

Aleksandr Yu. Skakov. Studying the archeology of the Caucasus
at the Bronze Age Department of the Institute of Archeology RAS / USSR
Academy of Sciences 55

Arsen L. Budaychiev. Typology of ceramics of the settlement
of the Early Bronze Age Sugut (South Dagestan) 67

Galina N. Poplevko. Driving technique in the manufacture of round-bottomed ceramics 72

Gamzat D. Ataev. Settlements of the mountain-valley type of Dagestan of the Middle Bronze Age 80

Vera A. Larenok, Pavel A. Larenok, Oksana P. Larenok. Elite female burial of the transitional period from the Middle to Late Bronze from the burial ground "Burgusta-1" of the Krasnosulinsky district of the Rostov region 85

Mikhail I. Kudin, Konstantin A. Glazov. Features of the spatial orientation of the dolmens of Big Sochi 92

Aleksey D. Rezepkin, Marianna A. Kul'kova. Micromorphological studies of ceramics from the settlements of the Maikop culture 98

Mikhail I. Kudin. False Entrance Dolmens Typology 106

Vladimir R. Erlikh. Final Late Bronze Burial with Partial Cremation in the Northwest Caucasus 113

Vladimir R. Erlikh, Georgiy L. Godizov. Archaeological complex Shushuk in the foothills of the Western Caucasus. New materials 118

Galina N. Vol'naya. Centrally symmetrical compositions in the art of the central version of the Koban culture 124

EARLY IRON AGE, ANTIQUE

Andrey B. Belinskiy, Anatoliy R. Kantorovich, Vladimir E. Maslov, Sabina Reinhold. Excavation of the Ullu burial ground 132

Aleksey V. Ivanov. Necropolis "Vyshka-1": new information about the population of the northwestern Caucasus in the 5th century BC (preliminary message) 147

Alik N. Gabeliya. Amphorae from the Sukhum fortress 151

Aleksandr Yu. Skakov. On the history of the study
of the Escher inscription 158

Natal'ya Yu. Limberis1, Ivan I. Marchenko. Typology and chronology
of Meotian swords from the Prikubansky burial ground 165

Zurab G. Khondziya. Early antique burial ground
in the village of Tasrakua 170

Aleksandr N. Kovalenko. Problems of typology and periodization
of settlements of the Scythian time on the territory of the mouth area
of the Don River 175

Anatoliy A. Gorbenko, *Viktoriya M. Kosyanenko.*
New discoveries on the territory of the fortress settlement (Azov) 181

Anatoliy R. Kantorovich, Vladimir E. Maslov.
Excavations of the Scythian burial mound Novozavedennoe-III
in the Stavropol Territory in 2017 187

Andrey V. Kopylov, Viktor P. Kopylov, *Nadezhda V. Andrianova.*
Some results of new studies of the Elizavetovsky settlement
and its mound necropolis 195

Andrey V. Bezrukov, Vladislav V. Ulitin. Categories of antique ceramics
in the Kuban region and in the interfluve of the Volga and
the Urals: problems of studying its functional use and role
in barbarian culture 202

Sergey I. Luk'yashko. Scythian portrait 209

Denis A. Topal. Between the Caucasus and the Balkans.
Genesis of Scythian bladed weapons in Transylvania
and the Southern Carpathians 216

Mikhail Yu. Rusakov, Anastasiya A. Rusakova (Marchenko).
Chronology and typology of bone fasteners of the Early Scythian time
of the steppe zone of the northern Black Sea region 222

Ol'ga I. Shafranova. Women's jewelry from the Kulanyrkhva necropolis
in a semiotic interpretation 228

Farid M. Kobakhiya. Ritual vessel in the traditional religion
of the Abkhaz 235

Andrey S. Kizilov, Konstantin A. Glazov, Mikhail I. Kudin.
Antique building and container ceramics of the Sochi fortress
and its 3-D reconstruction 238

MIDDLE AGES. PROTECTION OF MONUMENTS

Archimandrite Dorofey (Dbar). Greek lettering of Pitsunda Cathedral 246

Aleksandr Yu. Skakov1. Once again about the dating and some features
of the temple on Mount Lashkendar 265

Alan A. Tuallagov. About a new find from Abkhazia 275

Dmitriy E. Vasilinenko. Building ceramics of the church near
the Krion Nero spring (Adler district of Sochi): some aspects
of typology and chronology 280

Aleksey V. P'yankov. The second group of medieval burials
at the Bzhid-1 burial ground 284

Ruslan B. Skhatum. Medieval cremation military burial from
the territory of Gelendzhik 291

Oleg V. Sharov. In search of the Germans: Chatyr-Dag and Tsebelda 296

Dmitriy E. Vasilinenko, Dmitriy S. Kravchenko.
On the issue of the possibility of software modeling of visual relationships
of monuments in the area of the Pseashkhinsky Passage Route 301

Aleksandr A. Egoreychenko. About the origin of the Ant
double-coil pendants 307

Maksim Yu. Men'shikov. Sanctuaries and sacred places
in the vicinity of the village Krasnaya Polyana, Adler District.
Based on the results of archaeological research in 2010–2011 311

Andrey S. Kizilov. Unaccounted medieval archaeological sites
in the central part of Sochi during the heyday
of the Abkhazian kingdom 316

Ekaterina Yu. Endol'tseva, Garik A. Sanguliya. On one relief from
the repository of the former state administration for the protection
of the historical and cultural heritage of the Republic of Abkhazia:
problems of dating and typology 321

Zvezdana V. Dode. On the problem of cultural and chronological
attribution of rock burial grounds in the North Caucasus 329

Dmitriy N. Markov. Defensive fortifications on the pass route
from Krasnaya Polyana to Abkhazia 337

Garik A. Sanguliya, Timur M. Karmov. Typology and periodization
of early medieval monuments in the village of Khashpsa Gagra district 343

Galina V. Trebeleva1, Igor' I. Tsvinariya, Suram M. Sakaniya,
Zurab G. Khondziya, Gleb Yu. Yurkov, Tat'yana Yu. Shvedchikova.
Research on the necropolis of the Markul temple (2015–2017) 349

Suram M. Sakaniya. Two churches of the same form (from the history
of architecture of Abkhazia) 354

Alkhas V. Argun. About the addition of the Abkhazian kingdom
and succession to the throne at an early stage of its history 359

Robert Kh. Gagloyti. Sarmat-Alans and the Central Caucasus 372

Alan R. Boziev. History of the study of Alan culture in the North Caucasus 382

Marina E. Kolesnikova, Lyudmila P. Ermolenko. The development of local history archeology in the North Caucasus in the 1920s 387

Teymuraz A. Achugba. I.V. Stalin's "Scientific directives" on the ethnic structure of the ancient Caucasus and Asia Minor in the context of the political interests of Soviet Georgia 393

Inal A. Dzhopua. Religious and educational tourism as a factor in the preservation of objects of historical and cultural heritage 405

Научное издание

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ АБХАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ АРХЕОЛОГА-КАВКАЗОВЕДА МИХАИЛА МАМЕТОВИЧА ТРАПША

Сборник статей

Корректор *М. Я. Колесник*
Технический редактор *И. Н. Козарезова*
Верстальщик *А. Б. Дунаева*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 30.11.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 500 экз. Зак. № 3515.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru

КНИГИ BOOKS IOS RAS ИВ РАН

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru